

ИМПЕРИАЛИЗМ

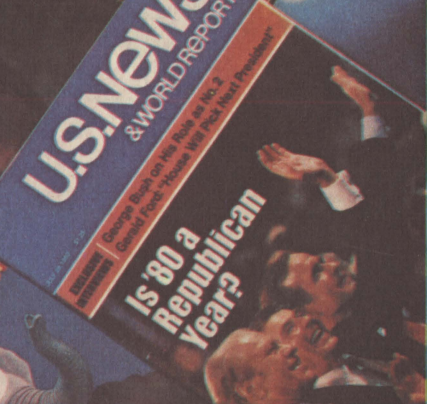
ИМПЕРИАЛИЗМ:

События
Факты
Документы

Заатлантические мифы и реальность

Политика и культура:
свидетельства очевидцев

Заатлантические
мифы и реальность

ИМПЕРИАЛИЗМ

ИМПЕРИАЛИЗМ:

События

Факты

Документы

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1984

Заатлантические мифы и реальность

**Политика и культура:
свидетельства очевидцев**

МОСКВА

♦ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА♦

1984

ББК 83.37США

З-12

Составители

Н. Н. Сибиряков и Н. Е. Покровский

Оформление художника

А. Пчелкина

Оформление серии художника

А. Боброва

З-12 Заатлантические мифы и реальность. Политика и культура: свидетельства очевидцев.— М.: Худож. лит., 1984.— 512 с. (Серия: Империализм: События. Факты. Документы).

В сборник включены статьи советских и зарубежных писателей, публицистов, исследователей американской литературы и искусства. На большом фактическом материале прослеживается, как на протяжении последних лет решались в Соединенных Штатах Америки важнейшие проблемы в области политики и культуры и как воспринимался курс вашигтонской администрации различными слоями американского общества, в том числе деятелями литературы и искусства.

Настоящее издание рассчитано на широкие круги читателей.

З 4503020000-393 196-84
028(01)-84

ББК 83.37США
8И(Амер)

© Составление, оформление, а также статьи, отмеченные в содержании*. Издательство «Художественная литература», 1984 г.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Соединенные Штаты Америки 70-х — начала 80-х... Что нового принесли с собой эти годы? Каковы перспективы на ближайшее будущее? С тревогой и озабоченностью, прекрасно понимая, что развитие событий в любой, даже самой отдаленной точке планеты способно в наши дни повлечь за собой тяжелейшие последствия для всего человечества, обращают многие миллионы людей в разных странах свои взоры к самой мощной стране капиталистического мира.

Включенные в сборник публицистические и литературно-критические статьи советских и зарубежных авторов призваны дать представление о важнейших проблемах в области политики и культуры, стоящих перед Соединенными Штатами, о том, как решаются эти проблемы правительством Рейгана, и об отношении к ним различных слоев американского общества, в том числе деятелей литературы и искусства.

Сборник состоит из трех разделов. В первом собраны очерки писателей и журналистов, имевших возможность своими глазами наблюдать жизнь США в самых различных ее аспектах. Разоблачению тщетных попыток американских «советологов» представить в ложном свете не только важнейшие политические инициативы правительства СССР, но и морально-политическое единство нашего народа, состояние советской литературы и искусства посвящены материалы второго раздела. Мыслями о путях развития современной американской литературы и культуры в целом, о положении дел в киноискусстве и в живописи делятся авторы статей, вошедших в третий раздел; открывают его работы советских авторов, затем следуют статьи видных зарубежных деятелей культуры и, наконец, подборка материалов, увидевших свет в течение 1983 года на страницах газеты «Дейли уорлд».

Разумеется, публикуемые в сборнике статьи не претендуют — даже в своей совокупности — на то, чтобы представить исчерпывающую картину сегодняшней жизни США. Вместе с тем читатель отчетливо ощутит тревогу писателей, публицистов, литературных критиков за развитие событий как в США, так и в мире в целом. Почувствует он и то, что, несмотря на резкий поворот в сторону нагнетания напряженности и усиления гонки вооружений, осуществленный администрацией Рейгана на рубеже 80-х годов, несмотря на ужесточение борьбы против национально-освободительных движений, конфронтацию со странами социалистического содружества, в США существуют и другие, прогрессивные, демократические силы, которые ясно отдают себе отчет в смертельной опасности подобного курса.

Широкий отклик в сердцах миллионов людей нашей планеты, в том числе в США, нашли слова, прозвучавшие в Заявлении Ю. В. Андропова от 24 ноября 1983 года:

«Советское руководство обращается с призывом к руководителям США и государств Западной Европы еще раз взвесить все последствия, которыми грозит их собственным народам, всему человечеству реализация планов развертывания новых американских ракет в Европе.

Мы уже и сейчас живем в слишком хрупком мире. Ответственные государственные деятели должны поэтому оценить происходящее и принять рациональное решение. Уберечь человечество от грозной опасности может и должен только человеческий разум. Мы призываем тех, кто толкает мир по пути все более опасной гонки вооружений, отказаться от несбыточных расчетов достичь таким путем военного превосходства, чтобы диктовать свою волю другим народам и государствам»¹.

С большим вниманием, как еще одно свидетельство последовательности, преемственности внешней политики советского руководства, восприняли во всем мире ответы Генерального секретаря ЦК КПСС

¹ Правда, 1983, 25 ноября.

товарища К. У. Черненко на вопросы газеты «Правда».

«Мы и сегодня,— подчеркнул К. У. Черненко,— за то, чтобы иметь нормальные, стабильные отношения с Соединенными Штатами, отношения, основывающиеся на равенстве, одинаковой безопасности и невмешательстве во внутренние дела друг друга...

Прежде всего надо, чтобы политика государств, особенно государств, обладающих ядерным оружием, была сориентирована на устранение военной опасности, на укрепление мира.

Первоочередные усилия должны быть направлены на то, чтобы остановить и повернуть вспять гонку вооружений. От общих рассуждений о пользе переговоров пора перейти к устранению тех серьезных препятствий, которые были созданы на пути ограничения и сокращения вооружений, развития доверия, налаживания взаимовыгодного сотрудничества»¹.

Сегодня, как никогда, ясно: историческое противоборство между капитализмом и социализмом не может быть решено средствами, угрожающими самому существованию человечества. Между тем, если внешнеполитический курс СССР, как и прежде, состоит в сохранении и упрочении мира, в борьбе за разрядку напряженности, то этого никак нельзя сказать, наблюдая стремление правящих кругов Соединенных Штатов Америки к решению любых спорных вопросов с позиции силы. И то обстоятельство, что на мирные инициативы Советского руководства администрация Рейгана и выступившие с ней заодно руководители ряда европейских стран НАТО ответили размещением новых американских ракет в Европе, не может не вызывать справедливого негодования советских людей, всех честных людей планеты.

Свой вклад в борьбу за сотрудничество между государствами и народами стремятся внести и советские писатели, публицисты, наша литературно-художественная критика, прогрессивные художники других стран. Свидетельством тому является, в частности, предлагаемый вниманию читателей сбор-

¹ Правда, 1984, 9 апреля.

ник, составленный из статей как уже известных по публикациям в периодике последних лет (в этом случае указывается газетный либо журнальный источник), так и написанных специально для настоящего издания.

Все статьи сборника сопровождаются — под общей сквозной рубрикой «События. Факты. Суждения» — высказываниями известных зарубежных политических и общественных деятелей, а также мастеров литературы и искусства и цифровыми данными. За помощь в подготовке этой имеющей самое непосредственное отношение к теме сборника и существенно дополняющей материал статей рубрики издательство считает своим долгом выразить признательность доктору филологических наук профессору Б. А. Гиленсону. В художественном оформлении сборника использован фотоматериал ряда зарубежных периодических изданий.

Репортаж из зоны
«американизма»

АМЕРИКАНСКИЙ «РАЙ», ОБОРАЧИВАЮЩИЙСЯ «ПРЕИСПОДНЕЙ»

Когда-то «благословенная» нация перестала быть таковой, считает публицист и телекомментатор К. Филлипс. Тридцать миллионов человек, в числе которых половина американской молодежи, лишены работы. Нагнетание международной напряженности — таков курс внешней политики США.

Немногим более полувека назад «неистовый репортер» и талантливый немецкий публицист Эгон Эрвин Киш написал одну из своих лучших книг, которая в те годы обошла весь мир: «Эгон Эрвин Киш имеет честь представить вам американский рай». Пятьдесят лет — немалая дистанция, тем более в наше стремительное время. И сегодня книга Киша воспринимается прежде всего как документальное свидетельство, запечатлевшее любопытные, но уже далекие от нас приметы ушедших дней.

Однако постойте. Разве, скажем, не приходится советскому человеку, оказавшемуся в Нью-Йорке, и сегодня попадать в район ночлежек на Бауэри-стрит, по сравнению с обитателями которого герои горьковского «Дна» жили, как принято говорить, комфортно и даже имели определенные духовные запросы? Что же изменилось на Бауэри за полвека? Да поистине ничего. Только, быть может, раздвинулись границы квартала ночлежек, намного возрос его контингент и стали его старожилы еще изворотливей и настырней в посягательствах на карман забредшего сюда туриста (коренного жителя Нью-Йорка вы там не встретите).

Или описание Кишем потогонной системы на фордовских конвейерах. Стала она еще изощреннее и злее... Или длинные очереди безработных у бирж труда — кто не видел их в сегодняшней Америке? И совсем уж в духе нынешних заокеанских шовинистов, аплодирующих американскому вторжению

на Гренаду, звучит реплика одного из американских собеседников автора:

— Оккупация американскими войсками Никарагуа? Но это было необходимо, чтобы наконец восстановить там порядок, и так же следовало бы поступить со всеми средне- и южноамериканскими государствами! А пацифистов надо просто за решетку!

Нет, далеко не во всем устарели впечатления коммуниста-очеркиста Эгона Киша. И отнюдь не анахронизмом звучит его раздраженное замечание в адрес американского обывателя: «...крестьянская баба на Балканах мыслит более самостоятельно, эскимос питает больше интереса к различным жизненным проблемам, чем американец». Такая уж она была и во многом осталась — эта Америка сытых и равнодушных.

Не о всей, конечно, Америке идет речь, не о всех обитателях Соединенных Штатов. Есть и подлинно трудовая Америка, знающая цену рабочим мозолям, неистребимо верующая в интернациональную солидарность трудящихся. Есть мыслящая Америка честных людей, что не боится взглянуть в лицо сложнейшим и тревожнейшим проблемам современности, есть Америка боевой молодежи, которая в 60-х годах безоглядно кинулась в «студенческую революцию», против жизненных ценностей своих состоятельных отцов, обожглась в схватках с тупой полицейской силой, разочаровалась в подброшенных ей искушенными демагогами «идеалах», но, как показывает жизнь, продолжает поиск настоящих жизненных истин. Нет, речь идет об Америке так называемого «молчаливого большинства» — опоре власть имущих кругов, об обывательском большинстве американской глубинки, не желающем видеть дальше своих палисадников и, кстати, не таком молчаливом, как только дело касается ее центов и долларов.

— Давно пора перестать содержать лентяев и тунеядцев, получающих всякие пособия от правительства, а в конечном счете — из наших карманов. Если кому-то не повезло, не выбился в люди, так никчемному и повезти не может, его место там, где он оказался. И пусть никто не пугает нас ядерной

войной — войны были и будут впредь, так мир устроен. Мы-то уж найдем, как уберечься, а все эти черномазые, чиканос и «белая шваль» вместе с ними ничего иного не заслуживают. Слишком много их расплодилось, пора бы почистить от них нашу прекрасную страну.

Так или примерно так настроено воспринимать реальности нашей эпохи то самое «молчаливое большинство», которое голосует на выборах за представителей реакционных кругов, не испытывая и тени сомнения, что действует в соответствии с предначертаниями самой судьбы, сделавшей Америку своей избранницей.

Все-таки есть, при всей разнице, немало общего между «американским раем» начала 30-х годов и наших дней. Эгон Киш прибыл за океан перед великим кризисом, до основания потрясшим не только Соединенные Штаты, но и весь капиталистический мир. Страна еще нежилась в пуховиках «вечного процветания», провозглашенного ее правителями, но на горизонте уже сверкали зарницы надвигающегося урагана. Сегодня, после десятилетий нового «процветания», породивших легенду о некоем «посткапиталистическом обществе», которое, покончив — теперь навсегда! — с кризисами, безработицами и прочими бедствиями, вступает в нескончаемое лучезарное завтра, — сегодня в Америке вновь бушуют кризисные тайфуны.

Черные тучи кризисов одна за другой проносятся над просторами страны. Города, а то и целые поселки стали похожими на памятные по литературе «города-призраки» американских золотоискателей прошлого века. Более четырех миллионов американцев, по данным статистики, снялись с места с начала 80-х годов и пустились в нескончаемую дорогу в поисках места под солнцем. «Кочующие безработные» — всего лишь одно из подразделений 30-миллионной армии людей, полностью или частично выключенных из производственного механизма страны. Половина всей молодежи, в том числе три четверти молодых афроамериканцев, юношей и девушек мексиканского происхождения и пуэрториканцев, живут в мире, пестрящем объявлениями:

«Рабочие не требуются», «Заявления о вспомоществовании не принимаются».

На языке буржуазных исследователей сложившееся положение элегантно именуется «нисходящей социальной мобильностью населения». На деле за этим стоит сползание громадной массы людей по наклонной плоскости жизненного статуса — от заработной платы к пособию по безработице, затем — к мизерным пособиям для неимущих и далее — к благотворительной тарелке бесплатного супа. Страх потерять работу у тех, у кого она есть, резкое снижение жизненного уровня подавляющего большинства трудящихся, банкротства и продажа имущества с молотка, конфискация приобретенного в кредит, отсутствие крова над головой и голодные, холодные ночи, — таков широкий и многоохватный спектр человеческих страданий.

Американский публицист и телевизионный комментатор Кевин Филлипс замечает: американский народ пришел к мнению, что некогда «благословенная» нация почему-то перестала быть таковой. Миллионы людей пребывают в шоковом состоянии — они никак не могут поверить, что лишаются всего, столь долго представлявшегося чем-то само собой разумеющимся. Но многие успели перешаг-

СОБЫТИЯ ФАКТЫ СУЖДЕНИЯ

«Американский образ жизни потерпел неудачу — и в попытках сделать людей счастливее, и в попытках сделать самих людей лучше... Мы оказались во власти очень жесткого противоречия между тем, чем мы хотели быть, и тем, что мы собою представляем в действительности. И даже думать нечего, что мы сумеем стать такими, какими хотим стать, пока не испытаем потребности понять, почему жизнь, которой мы здесь живем, по большей части оказывается такой пустой, бескрылой и безобразной».

Джеймс Болдуин, американский писатель

нуть через первое потрясение, страх и ужас сменяются гневом и разочарованием, за которыми возникает стремление что-то делать, готовность бороться. Впрочем, опять же для многих гнев и особенно массовый протест — нечто совершенно новое в жизни, к чему еще надо привыкнуть. К тому же сохраняется вера в щедрые обещания экономического подъема, который где-то здесь, за углом.

В 1983 году экономика страны как будто пошла на поправку. Кое-где вновь задымили фабричные трубы, возрос объем промышленного производства. Президент Рейган, приписывая себе все заслуги, поспешил возвестить окончание «дней невзгод» и вступление в «новую эру процветания». Но странное на первый взгляд положение — число людей, оказавшихся за прошедшие годы не у дел, сокращается мизерными темпами, ибо многие рабочие места «съели» автоматы. В стране по-прежнему бездействует почти треть существующих производственных мощностей, и хозяева не торопятся вкладывать капиталы в их обновление. А маститые профессора, покачивая головами, рассуждают о возможности нового спада через год-полтора.

Итак, подъем или короткая передышка? Время покажет. Но надежда на лучшие времена остается господствующим настроением. Социальные иллюзии, посеянные многолетней пропагандой, судя по всему, пустили глубокие корни, и эрозия еще не достигла их окончаний. Обещал же в конце концов такой авторитет, как доктор Гэлбрейт, что «общество изобилия» — это навсегда, а нищета отныне и во веки веков всего лишь «случайное» или «островное» явление. И даже если не сбываются пока пророчества насчет эпохи научно-технической революции и социально-экономических реформ, отменяющей действие прежних закономерностей, то ведь и в прошлом кризисы, как известно, не только приходили, но и уходили, сменяясь новым процветанием. Может быть, и на этот раз все в этом привычном мире ограничится временными неудобствами? Так рассуждают еще миллионы американцев. «Наша система, — подбадривает их президент Рейган, — все еще способна функционировать, если энергичные

люди общими усилиями заставят ее функционировать».

Беда, однако, в том, что нынешний кризис отнюдь не повторяет знакомого прошлого. «Наиболее важная особенность положения вещей сегодня,— говорит Генеральный секретарь Компартии США Гэс Холл,— заключается в том, что наша страна оказалась в тисках самого далеко идущего экономического кризиса в нашей истории. Этот кризис имеет много неповторимых особенностей... Мы наблюдаем ряд перекрещивающихся, срастающихся, взаимосвязанных кризисов. Каждый из них вносит свой вклад в общие экономические трудности, и в этом процессе каждый из отдельных кризисов усиливается и становится более глубоким. Все они по-своему увязаны с новым этапом основного общего кризиса капиталистической системы, отражают его обострение и фактически порождаются им».

Не будем вдаваться в проблемы экономической теории, отметим главное: человечество вступило в период нового развития производительных сил, которое не может не сказываться на состоянии производственных отношений. Что происходит с рабочей силой в частнособственническом мире на фоне роботизации и компьютеризации производственных процессов, в обстановке торжества электроники и химии? Прежде всего, резко сокращается потребность в рабочих руках. Появляется не просто временный избыток людей, не имеющих возможности приложить свои силы и умение,— одна за другой становятся ненужными целые массовые профессии. Безработица из циклической превращается в структурную, то есть долговременную и охватывающую все новые категории трудящихся. Таковы основные источники затяжной болезни, поразившей американское общество.

Далее, там, где господствуют счетные машины и роботы-автоматы, труд подавляющего большинства сам по себе становится все менее квалифицированным и содержательным, оплачиваемым по более низким расценкам. Одновременно ужесточаются условия труда и административного контроля. Соединенные Штаты, считают в академических кругах страны, идут к такой структуре занятости, где

будут преобладать низкооплачиваемые, бесперспективные и непроизводительные профессии. Рассеиваются как дым иллюзии, насаждавшиеся певцами «посткапитализма», будто все потребности американского общества или, во всяком случае, их большая часть будут за невысокую цену удовлетворяться развивающимися странами, а большинство американцев станет работать в информационных центрах, техноемких отраслях производства или в секторе обслуживания.

Действительность оказывается куда как суровее. Возрастает нажим предпринимателей на трудящихся по линии снижения заработной платы, усиливается наступление на позиции профсоюзов. В Нью-Йорке и Чикаго, Лос-Анджелесе и других крупных центрах вновь появляются «потогонные мастерские», где рабочим приходится трудиться во вредных для здоровья условиях, достойных прошлого века. За каторжный труд они получают мизерную оплату, как в те дни, когда еще не было профсоюзов, ибо членство в профсоюзах категорически запрещается нанимателями. В конечном итоге рабочий, будь у него сдельная или почасовая оплата, получает половину, а то и треть установленных по профсоюзным ставкам тарифов. Он не пользуется никакими социальными льготами, на него не распространяются правила техники безопасности, противопожарной охраны или медико-санитарного контроля. Идет не просто наступление на социальные завоевания трудящихся послевоенных десятилетий — имеет место невиданный в истории Америки социальный регресс, облегчаемый для хозяев широко распространившимся в среде трудящихся страхом за завтрашний день, готовностью трудиться на любых условиях.

Кризисные периоды особенно остро обнажают всю несостоятельность рассуждений о «гармонии интересов» различных классов и слоев в американском обществе, которая вот уже скоро как полтора столетия восхваляется заокеанскими буржуазными социологами. Именно в такие периоды отчетливо и наглядно выявляется, в какой степени монополистический капитал контролирует всю жизнь страны, используя ее людской и материальный потенциал

в целях корыстного обогащения. Падение жизненного уровня широких масс населения США — это не только результат увеличения безработицы и сокращения зарплаток десятков миллионов людей. Это также следствие непрекращающегося роста стоимости жизни — вздорожания жилищ, электроэнергии, транспорта, средств связи, а прежде всего — продуктов питания и других предметов первой необходимости. В конечном счете это — фактическое использование представителями монополий в правительстве миллионеров командных государственных постов в интересах своего класса.

Денежные средства оседают в сейфах корпораций, которые в атмосфере экономической нестабильности не торопятся пускать их в оборот. А тем временем, лишенная средств, приходит во все больший упадок материальная инфраструктура общества. Четвертая часть национальной системы автомобильных дорог, свидетельствует журнал «Ньюсуик», разбита и требует нового покрытия. Половина рельсового пути и насыпей на железных дорогах точно так же требует срочного ремонта. Половина всех населенных пунктов достигла пределов своего расширения или приближается к ним, поскольку системы их водоснабжения не обладают большей пропускной способностью. Каждый пятый мост в стране находится в аварийном состоянии. Однако администрация, предоставившая частному капиталу громадные налоговые льготы, сокращает ассигнования и на эти нужды общества. По сути дела, почти полностью свернутыми оказались все государственные программы защиты окружающей среды от индустриального загрязнения. В той мере, в какой они зависят от государственных или коммунальных дотаций, разрушаются системы просвещения и медицинского обслуживания. Во всех сферах общественной жизни торжествуют принципы чистогана и частной прибыли.

Отцы основатели Республики когда-то провозглашали в Декларации независимости: «Мы считаем самоочевидными следующие истины: все люди сотворены равными и все наделены создателем определенными неотчуждаемыми правами, к которым принадлежат жизнь, свобода и стремление к

счастью». На этом фундаменте формального равенства всех и каждого за два столетия существования «американского рая» были воздвигнуты грандиозные замки-легенды о предназначенной Америке миссии вести весь мир к моральному совершенству, о дарованном ей всевышним превосходстве над остальными народами, об «американской мечте», которая, как известно, позволяет каждому маленькому чистильщику обуви надеяться стать президентом.

Все эти мифы, обросшие притчами и душеспасительными сентенциями, положенные на музыку религиозных и ультрапатриотических песнопений, воплощенные в образы чуть ли не фольклорного звучания, сегодня оказываются поставленными под сомнение. Вернее, они напоминают театральную бутафорию, назначение которой — служить правдоподобным оформлением волшебной сказки. Но вдруг вода отступает и взорам открываются рваные трансмиссии и скрипучие, ржавые шестеренки, приводящие в движение банальный, изношенный временем реквизит феерии, именуемой «американским образом жизни».

Что же остается на поверку? Институт частной собственности как главная ценность, защите и оправданию которой подчинена вся идеологическая и политическая деятельность власть имущих и их окружения. Формальное равенство, не мешающее и по сей день выделять на одном полюсе аристократию денежного мешка и ее духовную элиту, предпочтительно с белым цветом кожи, протестантского вероисповедания, англосаксонскую по происхождению, а на другом — массу вчерашних чернокожих рабов, остающихся на положении париев.

Расизм глубоко врос корнями в капиталистическую систему Соединенных Штатов. Он пронизывает все сферы ее общественных отношений — экономику, школу, органы управления, расистскими воззрениями пропитана вся буржуазная идеология, политическая и культурная жизнь страны. Напрасно Рейган утверждает, что расистам-де нет места в его окружении, что возглавляемая им республиканская партия свободна от расизма. Подобные утверждения так же далеки от истины, как и весь набор оптимистических банальностей и вводящих в за-

блуждение постулатов, которыми проникнута американская официальная пропаганда наших дней.

Именно в эру общего упадка капитализма и проявляются зримо все его наиболее реакционные черты. Общественный климат в Соединенных Штатах, потрясаемых экономическим и социальным кризисом, носит ярко выраженную расистскую окраску. И дело здесь не только в бросающейся в глаза активизации издавна и откровенно расистских организаций типа ку-клукс-клана. Оголтелыми расистами, действующими все более нагло, являются в массе своей все те, кто голосует за политику «чистого капитализма», по праву ассоциируемую с политическим курсом нынешнего руководства республиканцев. «Рейгановцы,— говорит Гэс Холл,— официально субсидировали и активно санкционировали расистские институты и реакционные силы нашей страны. Они дали зеленый свет всем расистским и фанатичным организациям на нашей земле».

Что еще остается от стертых клише пропаганды частнособственнического благоденствия? Набившие оскомину утверждения большого бизнеса, что боссы и рабочие — это одна большая семья. Классическая по лицемерию формула — то, что хорошо для «Дженерал моторс», то хорошо для Америки. Старая погудка о будущем, принадлежащем американской молодежи. Евангельское увещевание — «кроткие унаследуют землю» или — «все хорошее приходит к тем, кто ждет». Старое успокоительное лекарство: «В пироге определенное число кусков, и каждый должен получить свою долю». Или такая бодряческая песенка: «Есть у тучи светлая изнанка».

Но люди все чаще начинают задумываться над подлинным смыслом этих утверждений. Почему, например, доля миллионов людей в национальном «пироге» уменьшается на глазах, а поистине львиную долю поглощают монополии? И что, если туча окажется ядерной, а ее изнанка — радиоактивной?

Истина состоит в том, что капитализм болен и умирает. Как бы ни взбадривали его милитаристскими инъекциями, к каким бы оптимистическим прогнозам ни прибегали его лекари, время потрепало и износило эту общественную систему. Она

изнурена и выдохлась, однако упорно отказывается признать свой смертельный недуг.

Начало 80-х годов не случайно характеризуется в Соединенных Штатах как годы «консервативной контрреволюции». Контрреволюции, которой на самом деле не предшествовала никакая революция. Правда, в нелегкой борьбе рабочему движению, различным прогрессивным организациям удалось за предшествующие десятилетия завоевать для себя некоторые права, добиться определенных социальных гарантий. На некоторые добровольные уступки и реформы пошли монополии и правящие верхи, которым в годы процветания было нетрудно выделить кое-что от щедрот своих. Ни то, ни другое по своим масштабам или глубине несравнимо с послевоенными социальными завоеваниями западноевропейского пролетариата, имеющего иной уровень классового сознания и длительные боевые традиции. Но и это в штаб-квартирах монополистического капитала Америки было сочтено чрезмерным, когда наступили кризисные времена. И на правом фланге американского политического фронта решили перейти в контрнаступление.

Так была начата война крупного капитала против широких народных масс, которая продолжается на всех фронтах с нарастающим ожесточением. Ее девиз — «всякие социальные перемены должны и могут быть предотвращены». Ее основная цель — назад, ко временам абсолютного и бесконтрольного всевластия монополий образца 20-х годов нашего века.

«По самой своей природе капитализм бесчеловечен, — говорят американские коммунисты. — Капитализм Рейгана бесчеловечен своей рассчитанной садистской жестокостью, равной которой не было в истории американских правительств». Консервативная контрреволюция — это политика социального реванша, проводимая наиболее авантюристической и хищнической фракцией американского правящего класса. Она уже вынесла на поверхность политической жизни в Соединенных Штатах деятелей иного склада, нежели их предшественники. Они типичны, эти деятели, для американской провинции, но до сих пор они редко вращались в столичных кругах,

не говоря уже о наличии у них какого-либо международного лоска. Они лишены изворотливости и утонченности, присущих тем, кто многие годы варился в котле национальной политики, научился соразмерять свои замыслы и подходы с жизненными реалиями, рассчитывать силу воздействия различных компонентов в игре, именуемой политикой. Эти нахрапистые, без тормозов дельцы из глубинки не привыкли лавировать или чего-то выжидать. Весь мир представляется им всего лишь увеличенной копией какого-нибудь Канзас-Сити либо гигантских размеров ранчо, где применимы все те приемы и ухватки, с помощью которых они утверждали себя и пробивались наверх в родных им условиях.

Впрочем, не будем преувеличивать личного аспекта. Каковы бы ни были повороты в линии тех или иных американских политиков последнего времени, какие бы формы ни приобретала их деятельность, в конечном итоге политический курс Соединенных Штатов — это детище решений, принимаемых верхушкой финансовой олигархии страны. Она и контролирует ее самым непосредственным образом и в полном объеме. А это означает, что в области внутренней политики правящая Америкой в последнее время рейгановская команда является пусть взбалмошной, но тем не менее послушной исполнительницей воли монополистического капитала США, его общих установок на преодоление последствий экономического кризиса с помощью самых жестоких средств.

Будут ли они преодолеваться исключительно в интересах денежного мешка, чьи хозяева слепы ко

СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ

«Американцы превратили насилие в одно из самых прибыльных дел. Насилие — хлеб насущный всех средств массовой информации, столь же ядовитый, как секс, если не больше. Секс и насилие выступают в тесном единстве в кино, на телевидении, в музыке, всюду».

Б. Уилсон, американский публицист

всему на свете, кроме нормы прибыли, зависит, однако, не только от выкладок и расчетов, разрабатываемых в Вашингтоне. Несмотря на наигранный оптимизм регулярных заявлений Белого дома по экономическим вопросам, правительство не может подкрепить его сколько-нибудь достоверными прогнозами, и ничто не свидетельствует о том, что из социально-экономического тупика, в котором оказались Соединенные Штаты, может быть найден какой-нибудь долгосрочный выход. Несомненно, какие-то отдельные проблемы время от времени будут решаться, какие-то меры по замазыванию слишком уж зияющих дыр предприниматься. Однако в основе своей этот тупик будет сохраняться и, следовательно, распространяться на широкие области политической жизни.

Уже и сейчас, когда, как уже говорилось, чрезвычайный — и долгосрочный — характер сложившегося экономического положения осознается еще далеко не всеми, а иллюзии насчет правительственной политики по-прежнему широко распространены, в стране ощутимо нарастает сопротивление курсу администрации в области экономики. Оно в основном еще носит подспудный, глубинный характер и не часто прорывается наружу в массовых выступлениях. Но в социальной атмосфере страны чувствуется напряженность. Все более широкое распространение получают спонтанные выступления трудящихся, вызываемые конкретными конфликтами с администрацией предприятий. Находящийся пока в основном в обороне, организованный рабочий класс то на одном, то на другом участке пытается переходить к наступательным действиям. И что примечательно — все более широким кругам становится очевидным угнетающее воздействие на экономику гигантских военных расходов правительства, связь между агрессивной политикой империализма и лишениями, выпадающими на долю трудящихся масс. Не требует, например, комментариев факт появления общественного движения под лозунгом «Работа и мир». Его участники связывают воедино борьбу против гонки вооружений с борьбой против безработицы и сокращения социальных программ, против снижения уровня жизни и экономического застоя.

В какой-то мере сужается база поддержки рейгановской экономической политики и в других слоях населения, в том числе в сфере большого бизнеса, а именно в тех его кругах, где умеют мыслить шире и глубже, нежели в рейгановском окружении, где понимают, что гигантские барыши, получаемые военно-промышленным комплексом, — это хищническая растрата национального достояния, а дефицитное бюджетное финансирование — прямой путь к подрыву конкурентоспособности американской экономики на мировых рынках, где хотели бы, чтобы управление делами американского капитала в целом велось не столь бесшабашно. Не только академические круги, но многие общественные деятели, представители либеральных кругов политического мира присоединяют свои голоса к кампании критики в адрес действий правительства в экономической области.

На другом, ультрареакционном фланге политической жизни приход к власти представителей правого крыла республиканской партии во главе с Рональдом Рейганом был встречен с нескрываемым ликованием, настолько он соответствовал давно лелеемым надеждам на возврат «добрых дней» маккартизма с их гонениями на все, мало-мальски свидетельствующее о стремлении интеллектуальной Америки идти в ногу с духом времени.

Вспоминается пресс-конференция, устроенная лидерами так называемых «новых правых» в вашингтонском Национальном клубе печати через несколько дней после выборов, предоставивших Рейгану ключи от Белого дома. Устроители пресс-конференции были проникнуты буквально трепетным вдохновением. Отныне, было как бы написано на их лицах, наступает наш час, и да возрадуется с нами вся честная, богобоязненная Америка трудолюбивых хозяев. Смутьянов — раз и навсегда поставить на место. Социальные пособия «тунеядцам» — урезать под корень. Обязательные молитвы господу богу во всех государственных школах — восстановить. Аборты — запретить повсеместно как богопротивную выдумку. Аминь! И пусть никто в мире не усомнится, что именно Америке предначертано вести человечество к граду обетованному,

куда указывает перст господень. Все американское — освящено его благодатью: разве не вычеканили наши отцы и деды на каждом долларе надпись «В бога мы верим»? Коммунистам и их присным, всяческим атеистам и прочим служителям князя тьмы, смущающим людей рассказами о рае на земле, — священная война.

В таком духе рассуждали «новые правые», забывая, что живут не в XVII, а в конце XX века. Даже их политическим покровителям порою становилось не по себе — эка куда хватили. Аборты так и остались незапрещенными, обязательные повсеместные молитвы в школах не восстановлены. Но в остальном... Почему бы, решили в окружении Рейгана, и не объявить во всеуслышанье «крестовый поход» против коммунизма, если в штаб-квартирах корпораций, в кабинетах банковских директоров не первый год мечтательно задумываются над планами сокрушения Советского Союза и приведения к послушанию всех непокорных воле американских монополий? Вот он где, выражаясь языком теологов, генезис призыва к «крестовому походу за свободу» под белым знаменем неискупленной мечты об установлении на всех континентах «мира по-американски».

«Новые правые» не дремлют. Они поспешно сколачивают массовую армию, готовя ее к решительным действиям. Разношерстные толпы фанатиков сплываются в движение «морального большинства», которое разворачивает шумные кампании по разного рода «социальным проблемам». Деньги в их сейфы текут рекой. С ними засдно те, кого именуют «эскадронами самоубийц», — идейные служители культа гонки вооружений, ставящей под угрозу само существование человечества. Им на помощь торопятся агенты учреждений, призванных гарантировать всевластие капитала в стране (например, Федеральное бюро расследований) и расширение с помощью методов «плаща и кинжала» его владений в остальном мире (Центральное разведывательное управление). За спиной «новых правых» — богатейшие люди, которым администрация Рейгана предоставила самую щедрую в американской истории программу «помощи». Школьникам

отказывают в бесплатных завтраках, которые они имели при предшествующих президентах, зато в не облагаемые налогами расходы власть имущих теперь официально включаются званые обеды, спектакли, клубы, увеселительные поездки, прогулочные суда и частные самолеты — все это за счет рядовых американцев.

Казалось бы, все «о'кэй». Но «новых правых» уже порой не устраивает и сам Рейган — слишком-де он медлителен и нерешителен. И вот уже журнал «Консерватив дайджест» — один из рупоров ультраправых — публикует серию статей, в которой сетует по поводу «оппортунизма» Рейгана, грозит своему кумиру отказом в поддержке. Появляются планы создания массовой организации — «Новой политической коалиции», которая, по замыслам, должна стать опорой политической борьбы за «американскую мечту» в чистом, так сказать, виде. Чем не аналогия с первыми шагами германского фашизма в далекие 20-е годы?

Кризис, переживаемый американским обществом, многогранен. Экономические неурядицы, из которых не видно выхода, ведут к обострению социальных противоречий, проявляющихся в самых разных формах. Тяготы материальные влекут за собой духовную депрессию, распространяющуюся на все более широкие круги населения. Демонстрируемая жизнью неустойчивость в политической области (характерный пример: за последнюю четверть века лишь один президент Соединенных Штатов избирался на свой пост дважды, а каждая смена президента влечет за собой не только радикальные перестановки

СОБЫТИЯ ФАКТЫ СУЖДЕНИЯ

Почти сорок миллионов человек живут сегодня в Соединенных Штатах ниже официально установленной «черты бедности», а число голодающих американцев за годы президентства Рейгана увеличилось, согласно исследованию агентства ЮПИ, в три раза.

Из американской печати.

в кругу тех, кто вершит государственными делами, но и смены политических лозунгов и доктрин, изменения в законодательстве, в системе налогообложения и так далее и так далее) ведет к возрастающему недоверию к самой системе политических институтов. Ощущение, что страна все дальше заходит в лабиринт, из которого не видно никакого выхода, сказывается на всей интеллектуальной жизни общества.

Нет, Америка, конечно, не растеряла свой духовный потенциал, не лишилась своей культурной элиты. Но последняя все чаще ощущает себя в вакууме, чувствует свою возрастающую ненужность для широкого круга людей, погруженных в практические заботы. В результате у деятелей культуры то здесь, то там все чаще разрушается система ценностной ориентации, происходят сдвиги в оценках общественного значения своей деятельности.

Коммерциализация — это старая болезнь культуры в Соединенных Штатах, как и во всем капиталистическом мире. Но сегодня она приобретает поистине всеохватывающий характер и самые уродливые формы. Культ насилия и порнография, то маскируемые псевдосоциальными мотивировками, а то нагло откровенные, бравирующие своим духовным нигилизмом, завладели авансценой в литературе, театре и кино, других видах искусства. Наряду с так называемыми романами и фильмами ужасов они не только вытесняют серьезные произведения искусства из сферы духовного потребления, но все более пропитывают такие произведения, лишая их извечной воспитательной значимости. Беспредельная распущенность, аморальность, цинизм все чаще выдаются за суть человеческой природы, а их смакование преподносится как венец свободы художественного творчества.

Все это устраивает правящие верхи современного империалистического строя, для которых культура не имеет иной ценности, кроме как прикладной, — обслуживать их интересы, их культ денежного мешка. Долг литературы и искусства, вернее их служебную задачу, они видят в проповеди ненависти ко всему, что препятствует всевластию монополистического капитала. На проповеди ненависти

строится убеждение в якобы спасительной миссии средств уничтожения людей, будь то при сведении личных счетов или межнациональных, межрасовых, межгосударственных противоречий. И все это в конечном итоге основывается на пропаганде иррационализма, отказа от познаваемости сути вещей и явлений, а следовательно, и существа господствующей социальной системы, ее политического строя. Разум фактически подменяется теми или иными разновидностями мистицизма. Мистические умонастроения, твердят их апологеты, выражают-де глубинные потребности людей, их сокровенные увлечения и высокие помыслы. Так замыкается меловой круг, в котором оказывается современная культура Америки.

Кризис экономический, обостряющийся кризис во внутренней жизни сотнями зримых и незримых нитей переплетаются и с проблемами внешней политики, вступают с ними в неразрывную взаимосвязь. Война крупного капитала против народа перекидывается за рубежи Америки, становясь фактором общечеловеческого значения. Автоматные очереди у подножий вулканов Сальвадора перекликаются с хлопками слезоточивых гранат в негритянских гетто Соединенных Штатов. Вторгшиеся на Гренаду американские солдаты, не задавая лишних вопросов, защелкивают наручники на руках сотен жителей этого крошечного государства, провинившихся лишь в том, что они хотели по своему усмотрению распоряжаться в собственном доме, подобно тому как полицейские в американских городах пускают в ход наручники, арестовывая участников антивоенных демонстраций или руководителей забастовочных пикетов. Тысячами смертей патриотов, кровью и слезами женщин, детей, стариков расплачиваются арабские народы за поддержание уровня прибылей американских нефтяных королей. Названия «трайидент», «першинг», «эм-экс» и им подобные, ассоциируемые в правлениях американских военных корпораций с гарантированными правительством многомиллионными прибылями, вошли во всемирный разговорный лексикон, став на десятках языков синонимами понятий «смерть», «разрушение», «вселенская катастрофа». Таков

результат опаснейшего для будущего всех народов, для самой жизни на земле виража, совершенного в последний период внешней политикой США.

Этот вираж обусловлен сложной совокупностью обстоятельств международного плана, с которыми никак не желают примириться в цитаделях американского монополистического капитала. К такого рода «нежелательным» обстоятельствам относятся прежде всего изменение соотношения сил на мировой арене в пользу прогресса, социализма, достижение военно-стратегического равновесия в противоборстве государств двух социальных систем современности, усиливающееся воздействие реального социализма на ход исторического развития, возрастание роли национально-освободительного движения в мировых делах. Что же касается самих Соединенных Штатов, то, по мнению некоронованных королей Америки, именно сокращение былой мощи американского капитала в глобальном масштабе объясняет тенденции к учащению кризисов перепроизводства, к нарушению структурного хозяйственного равновесия, к долгосрочному застою в экономике.

Освободительные процессы в развивающихся странах неизбежно ведут к сужению сферы капиталовложений американских корпораций, лишают их монопольного владения рынками сырья и сбыта, снижают возможности их политико-идеологического влияния. Не только ради извлечения сверхприбылей, но и во имя обеспечения прочности капиталистической экономики, жизнеспособности частнособственнической общественной системы политический аппарат империализма США добивается получения надежных гарантий доступа к сырьевым источникам и рынкам сбыта на всех континентах, а в нынешние, беспокойные для империализма времена это требует, как считают власть имущие за океаном, всенно-политического давления с использованием арсенала современных средств уничтожения. Более того, это, по их мнению, просто невозможно, если не пресечь зловредной социалистической «ереси», если не сокрушить — или в крайнем случае до смерти не запугать — государства и народы, избравшие социалистический путь

Grenada
Vietnam
Lebanon
Palestine

развития и осмелившиеся покуситься на всевластие капитала. И, конечно же, ничтоже сумняшеся полагают нынешние хозяева Белого дома, Пентагона и военно-промышленных концернов, если не добраться до самого «средоточия зла» в лице Советского Союза и других стран реального социализма. В то же время, поскольку и в западном мире соотношение экономических возможностей складывается не в пользу Соединенных Штатов, их ведущая роль, по мнению заокеанских политических штабов, может теперь находить обоснование только в военно-технической области.

Таким образом, в соответствии с немудрящей логикой американских политических стратегов, кратчайший путь не просто к обеспечению Соединенным Штатам роли ведущей великой державы, но к завоеванию ими роли гегемона во всех мировых делах лежит через возведение военной силы в главный фактор международных отношений.

Характеризуя внешнюю политику американского империализма за последние десятилетия, Коммунистическая партия США констатировала: «Роль Соединенных Штатов как правителя и диктатора капиталистического мира канула в прошлое. США не в состоянии сколько-нибудь последовательно приспособиться к новой действительности в мире. В итоге их политика представляет собой смесь отстугления, маневрирования, манипулирования, агрессивности и противоборства, чередующихся с попытками начать переговоры о вооружениях, с увиливанием, переходом к обороне и с провозглашением на словах политики мира. Американская политика, пытающаяся приспособиться к новой мировой действительности и к подлинному соотношению сил в мире, выглядит хаотично, непоследовательно, она одновременно оборонительная и агрессивная».

На сегодняшний день в американской внешней политике взяло верх оголтело агрессивное начало. Корни нынешнего приступа милитаристского безумия, охватившего Вашингтон, не только в страхах и опасениях американской монополистической верхушки по поводу ее собственного завтрашнего дня, но и в экспансивности, традиционно присущей

внешней политике заокеанского хищника, к тому же опоздавшего к разделу мировой империалистической добычи на рубеже XX века. Так было всегда: безжалостное истребление коренного населения прерий в безостановочном процессе колонизации новых земель вплоть до Тихого океана; регулярные ссоры с южными соседями, неизменно заканчивавшиеся приращением территорий; выход на океанские просторы и захват островных владений; утверждение великодержавного патронажа над всей Латинской Америкой. За расхожей фразой — «предначертание судьбы», все объяснявшей обывателю и все прощавшей сильным мира сего, всегда скрывались, как и поныне скрываются, агрессивные устремления.

Американскую внешнюю политику сегодня характеризуют имперские амбиции глобальных масштабов, расчет на использование силы или угрозы ее применения в международных отношениях, воинственный антикоммунизм и антисоветизм, ориентация на гонку вооружений и конфронтацию с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Гигантских масштабов достиг военный бюджет США. Запускаются в ход новые и новые программы производства оружия, призванные обеспечить военное превосходство и возможность диктовать угодное американскому капиталу развитие мировых событий. Стремления подчинить своим целям остальной капиталистический мир и «измотать» советскую экономику в ходе гонки вооружений сочетаются со ставкой на войну, в том числе ядерную, в которой Америка, ведя ее предпочтительно на чужих территориях, якобы выстоит и продиктует свои условия побежденным. А тем временем разжигаются очаги конфликтов и напряженности повсюду в мире, оказывается прямая, включая и военную, помощь контрреволюционным силам в различных странах и реакционно-диктаторским режимам, осуществляется открытое военное вмешательство собственными силами в дела других государств, как это уже имело место в регионе Центральной Америки и Карибского бассейна, а также на Ближнем Востоке.

Не правда ли, не очень привлекательный облик

для политики одной из крупнейших мировых держав? Но так оно есть на самом деле, здесь, как говорится, ничего не убавить и прибавлять, пожалуй, нечего.

Апофеоз своих имперских устремлений, своего пренебрежения к нормам международного права и обычаям поведения, принятым мировым сообществом государств, расчета в своей внешней политике на грубую силу, подкрепляемую угрозами пустить в ход, так сказать, последний аргумент в виде ядерного оружия нынешние правители Соединенных Штатов продемонстрировали в последние месяцы 1983 года. Наглая провокация с нарушением советского воздушного пространства южнокорейским пассажирским самолетом, организованная американскими спецслужбами, вооруженное вторжение в крошечное островное государство Гренаду с целью навязать его народу угодные Вашингтону порядки, начало размещения на западноевропейской земле новых ядерных ракет, нацеленных на объекты в Советском Союзе и других социалистических странах и предназначенных для нанесения первого удара,— подобной серии агрессивных милитаристских акций, накаляющих всю международную обстановку, мир давно уже не видел. Что же еще можно ожидать от американского империализма в ближайшем будущем?

Курсу на нагнетание международной напряженности стводится немаловажная роль и во внутриамериканских делах. С помощью трескотни о «внешней опасности», об угрозе, якобы нависающей над дорогими для Америки идеалами, пытаются отвлечь внимание значительных слоев населения от домашних невзгод и неурядиц. Сызмала каждому американцу, будь то в школе или на работе, в церковной проповеди или с телевизионного экрана, внушают, что его республика со времен отцов основателей воплощает надежды всего человечества. И следовательно, любое ее деяние, в том числе и нынешняя гонка вооружений, наглые вооруженные вторжения в пределы других государств, морально оправданы, имеют нравственную ценность.

Для возбуждения воинственного пыла в обывательской среде используется и широко распространявшаяся в стране при активном содействии массовых средств пропаганды оценка прошедшего десятилетия как периода «ослабления» и «отступления» Америки. Указывают прежде всего на неизжитый болезненный опыт вьетнамской войны. Уклоняясь от извлечения из этой империалистической авантюры правильных выводов, ее изображают как пример «нерешительности», принесшей Америке немалые жертвы и имевшей-де губительные последствия для ее морального духа. Потери позиций американских монополий в Азии, Африке, Латинской Америке заносятся в скорбный список утрат, которых могло бы не быть, если бы... если бы Соединенные Штаты проявили необходимую волю и продемонстрировали свою силу. Отсюда — шовинистические призывы к возрождению американской мощи, отсюда — заверения, что все станет на свое место, когда Америка сможет опять стучать кулаком по столу, да так, чтобы сразу замолкали все прочие.

Находящийся в историческом отступлении империализм все больше теряет чувство реальности и демонстрирует готовность пойти на любые авантюры ради своего спасения, возврата ко временам былого могущества. Именно в такой угарной атмосфере и рождаются представления о возможности вести ядерные войны и даже выигрывать их. Пусть в остальном мире считают, что война с применением ядерного оружия, стерев с лица земли целые народы, стала бы невиданной катастрофой для всего человечества, пусть ведущие ученые доказывают, что она закончилась бы гибелью цивилизации на земле — в Пентагоне и Белом доме думают иначе. Манипулируя цифрами и сомнительными доводами, здесь, подобно зарвавшимся игрокам, надеются сорвать банк, поставив на карту все человеческое будущее.

Америке, замечает американский публицист Джонатан Шелл, имея в виду широкое общественное мнение, «пока не удалось выработать или открыть в себе эмоциональную, интеллектуальную или политическую реакцию на ядерное оружие». Когда слу-

шаешь рассуждения иных специалистов, продолжает он, складывается впечатление, что ядерные удары чуть ли не выгодны человечеству. С точки зрения многих американцев, как отмечают наблюдатели американской общественной сцены, ядерная катастрофа — это нечто такое, что Соединенные Штаты в состоянии вызвать, но что они не могут вполне постичь; отсюда решимость, сознательная или подсознательная, не думать о ее возможности. «Общество, — писал американский журнал «Нью-Йоркер», — которое систематически закрывает глаза на реальную опасность, создаваемую его физическому существованию, и не принимает никаких мер, чтобы спасти себя, нельзя назвать психически здоровым».

Опасность, порождаемая внешнеполитическим курсом Вашингтона, действительно велика. Неадекватность реакции на эту опасность миллионов далеких от политики американцев действительно не может не внушать серьезной тревоги во всем мире.

Что же дальше? Чем грозит миру подобная авантюристическая игра самим будущим человечества — уже ясно: последствия могут быть самые катастрофические. Но есть ли возможности положить предел этой преступной игре, обуздать развязываемые терпящим историческое крушение строем разрушительные силы?

Нельзя сказать, что в Соединенных Штатах никто и ничто не противостоит курсу в мировых делах, на который вступили нынешние вашингтонские правители. Соппротивление зреет, но пока еще оно не обладает достаточными возможностями, чтобы предотвратить сползание к пропасти, куда тянут сегодня мир Рейган и его окружение, стоящий за ними американский военно-промышленный комплекс. Глубоко укоренившиеся в сознании миллионов людей антисоветские, антикоммунистические стереотипы мышления, воспринятые, можно сказать, с молоком матери представления об американской исключительности, о великом «предназначении», начертанном Америке провидением, а если говорить о конкретных фактах, волна шовинизма, поднятая в стране в связи с «благородной» акцией по «спасению» Гренады, — все это говорит о том, что про-

буждение от нынешнего угарного сна не будет ни легким, ни быстрым.

А время не ждет — каждая новая ядерная ракета, сходящая с конвейеров американских военных заводов, каждый новый самолет-ракетоносец, взмывающий в небо с запасом ядерных ракет, каждая новая атомная подводная лодка со смертоносным грузом на борту усугубляют чувство острой тревоги в остальном мире. И если, как свидетельствуют события, у нынешних руководителей США начисто отсутствуют добрая воля, стремление решать международные дела на основе честных и равноправных переговоров, то тем, на кого нацеливается оружие, не остается ничего иного, кроме как противопоставить проискам американского империализма высокую бдительность, укрепление собственной обороноспособности.

Опыт истории напоминает: добиться сохранения и упрочения мира в обстановке, подобной нынешней, можно, если объединить усилия всех миролю-

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

«В мире сейчас возникла как никогда сложная и критическая ситуация... Главная причина такого развития событий, на мой взгляд, заключается в изменении военной стратегии США, которые стремятся обеспечить себе господствующие позиции, добиться превосходства и играть роль «мирового жандарма»... Нынешняя вашингтонская администрация проявляет сейчас гораздо больше готовности к риску и военным авантюрам, чем раньше. Тем самым Белый дом стремится отвлечь внимание собственного народа от внутривнутриполитических и внутривнутриэкономических трудностей и попытаться решить их за счет усиления внешней экспансии».

Герд Бастион — бывший генерал бундесвера, депутат бундестага ФРГ от партии «зеленых», 1983

бивых сил планеты, всех миролюбивых правительств, политических партий, организаций и движений,— всех, кому дорого будущее человечества.

Советский Союз делает все от него зависящее, чтобы в международных делах восторжествовал разум. Возможности остановить опасное развитие событий, повернуть их в здоровое русло еще не утрачены. И какой бы поворот ни принимали мировые события по вине тех, кто сегодня оказался у руля правления в Соединенных Штатах, дело мира может быть обеспечено.

Американский народ оказался на сложном историческом перепутье. Американский «рай» поистине способен обернуться «преисподней» не только для него самого, но и для остальных народов планеты. Но найти выход из тупика, в который его завели империалистические правители, может только сам американский народ, его разум, его практический подход к делу, которым он всегда славился.

В ЗЕРКАЛЕ ОДНОЙ МАЛОЙ ВОЙНЫ

Жестокие уроки войны во Вьетнаме: более пятидесяти девяти тысяч американцев отдали свою жизнь во имя «свободы» и «демократии». Заговор равнодушия вокруг Сонгми. Цена слез и цена крови. Прозрение полковника Хэкуорта. Гордиться или стыдиться?..

Среди множества эпизодов работы и жизни в Соединенных Штатах память — и дорожная тетрадь — сохранили и такой. Время — начало июня 1966 года. Место — транзитный самолет, идущий из Питтсбурга в Буффало. Оба города расположены в районе, который принято называть Северо-Востоком США. Питтсбург — крупный сталелитейный центр в штате Пенсильвания, Буффало — тоже немалый индустриальный город на берегу озера Эри, в северной части штата Нью-Йорк.

И вот в этой части американского неба, над заселенной и застроенной землей перемещается рейсовый самолет. Раннее утро. Самолет почти пуст. Лишь несколько солдат дремлют в креслах. Но один солдат, как раз передо мной, не спит, и мне хочется не упустить удобный случай. На автомашине, а где автомашиной запрещено — самолетом, я путешествую по этому району Америки с целью узнать, задевает ли американцев и как задевает все жарче разгорающаяся война в далеком Вьетнаме. Говорил со студентами и профессорами, газетчиками и бизнесменами. И вот счастливый случай — прощупать вопросами солдата, который, может быть, уже побывал там или собирается побывать.

Распотрошив толстую воскресную газету, подсел к солдату, сказал, что я советский корреспондент (знаете, есть такая газета — «Известия»?), работаю и живу в Нью-Йорке, а сейчас путешествую вот уже вторую неделю...

— Не возражаете, если задам вам несколько вопросов?

Солдат посмотрел на меня, скрывая удивление, окинул взглядом дремавших своих товарищей, не подозревавших, какой ему выпал неожиданный попутчик. Помолчал. Подумал.

— Давайте!

Ему было едва за двадцать. Твердое красивое лицо, тщательно причесанные лоснящиеся волосы. Внимательные спокойные глаза смотрели с достоинством. На заправленной в брюки, прямо-таки похрустывающей на вид, форменной рубашке светлого хаки — ни единой складочки, кроме тех, что устав отвел утюгу. Кажется, на роду ему было написано стать профессиональным военным. И он поступил в армию добровольцем, служит уже два года, намерен на полную катушку, двадцать лет, до отставки и пенсии. На правом рукаве его ромбом краснели две буквы — «Эй-Би». Авиадесантные войска.

— Во Вьетнаме служили?

— Нет.

— Собираетесь?

— В конце июня.

Ответы были четкие и короткие.

— Ну и как? С каким настроением едете?

— Мы боремся там за свободу, — как отрезал он.

— А читали в газетах о последних событиях? О волнениях буддистов в Сайгоне? Видно, что даже ваши союзники в Южном Вьетнаме не очень довольны американским присутствием.

— Это меньшинство, — снова решительно отрезал солдат. — В прошлом году мы высаживались в Доминиканской республике, в Санто-Доминго. Там тоже лишь воинственное меньшинство было против нас.

— А что вы думаете об американских бомбежках во Вьетнаме? Ведь гибнет и гражданское население.

— Война есть война. Мы используем те средства, в которых превосходим противника. Если мы там не остановим коммунизм, нам придется сражаться на границах Америки.

Мы разговаривали, сидя рядом в креслах, наклоняясь друг к другу, чтобы перекрыть шум двигателей. Точек соприкосновения не находилось и не предвиделось.

— Понимаете ли вы, что дело там, во Вьетнаме, не в американцах и их интересах, а во вьетнамцах и их праве самим устраивать свои дела?

— Нет. Если мы уйдем, победит Вьетконг. А мы хотим дать вьетнамцам свободу. Война — вещь плохая, но необходимая. Я лично против войны, но мы должны остановить коммунистов. Большинство вьетнамцев с нами.

— Откуда вы знаете?..

Через пять минут после начала нашего разговора я мог предугадать все ответы молодого парашютиста, и этот вопрос, конечно, был лишним. Солдат знал все. Он был уверен в своем праве говорить от имени вьетнамцев и доминиканцев. Он знал все за все народы мира. Непрошибаемый и неуязвимый, идеологически выдержанный, стерильно чистый американец, с которого заботливо сдули последние пылинки сомнений и вольнодумства. Снаружи — идеалист. Внутри — империалист. «Боремся за свободу... Война есть война... Мы должны остановить коммунистов...» Я будто попал на урок американской солдатской политграмоты.

Когда самолет приземлился в Буффало, солдат первым встал в проходе, молодой, ладный и стройный. Лаково отсвечивали его тяжелые, как гири,

СОБЫТИЯ ФАКТЫ СУЖДЕНИЯ

«Война и приготовления к войне являются незаменимым для устойчивого мирового порядка с точки зрения политики, психологии и культуры. Прочный мир, хотя и является теоретически возможным, практически, вероятно, недостижим, и даже если бы его можно было достигнуть, он, безусловно, не отвечал бы интересам стабильного общества».

*Из секретного доклада, подготовленного
правительственными экспертами для
Белого дома, 1967*

военные бутсы. Черный галстук был по-военному заправлен между пуговицами.

— Хотя мы и не договорились, приятно было побеседовать,— сказал он мне на прощание.

Я молча кивнул. Странно было ему встретить красного, коммуниста в глубине своей страны, в мирном небе между Питтсбургом и Буффало. Странно было и мне. Словесный спор перерыл траншеями всю планету, а вспышки огня лишь там, в далеких джунглях. Туда он скоро отправится — продолжать этот спор оружием, и его оружием встретят мои единомышленники.

Тогда я не узнал его имени. Сегодня не знаю его судьбы. Как переплелась она с судьбами сотен тысяч американцев, прошедших Вьетнам? Вернулся ли он оттуда? Каким вернулся и что отвечал бы мне, доведись нам снова встретиться в небе или на земле?

Случайная встреча, однако, запомнилась. Вошла еще одним камешком в большую и пеструю, мозаичную картину американских впечатлений.

В Америке мне довелось проработать одиннадцать лет в 60-е и 70-е годы. Из них восемь американцы воевали во Вьетнаме. Так уж получилось, что во Вьетнаме я не был ни разу. Но, перебирая газетные вырезки со своими корреспонденциями, репортажами, очерками, отправленными из Нью-Йорка и Вашингтона, вижу, что едва ли не больше всего писал я об Америке в связи с Вьетнамом и об американцах во Вьетнаме. Не берусь сейчас в нескольких словах подытожить этот сложный этап американской истории и даже то, что написано о нем мною, одним из советских журналистов. Очень разное отразилось во вьетнамском зеркале, подставленном к лицу Америки: безжалостно-жестокое уничтожение другой страны и народа и то благородное, демократичное, что выражало себя в антивоенном протесте, и многое-многое другое.

Но одну сторону картины хотел бы сейчас выделить. Рональд Рейган, нынешний президент США, а тогдашний стойкий поборник войны до победного конца, объявляет крестовый поход против Советского Союза. Не он первый стал переносить идеи раннего средневековья в наш ракетно-ядерный

XX век. Но он дает новые доказательства того, как живуч в американской верхушке (и не только верхушке!) имперский дух, чувство высокомерного превосходства над другими народами, пренебрежения к ним, уживающееся с упорным желанием всех поучать, всех одаривать американским образом жизни.

Методом не только художественного домысла, но и прямого политического анализа нетрудно вывести общую духовную родословную американского президента и безвестного молодого солдата, летевшего в Буффало на побывку к родителям перед отправкой во Вьетнам. Пусть у президента церемониальная должность главного поливальщика, а солдат лишь еще одним невидным листом дрожит в пышной кроне дерева, развесистое это дерево — одно и то же. Дерево американского шовинизма. «Права она или не права — это моя страна». С таким шовинистическим кликом, благословлявшим все, что ни делает во внешнем мире Америка, бросались на критиков ястребы и квасные патриоты. А воевавшим американцам под эту же формулу круговой поруки отпускались все прегрешения — и преступления.

Мне случилось быть в Вашингтоне в те ноябрьские дни 1982 года, когда через восемь с половиной лет после позорного бегства последних американских вояк и дипломатов из Сайгона с великим пропагандистским шумом открывался памятник жертвам вьетнамской войны. Он создан неподалеку от мемориала Линкольну. На двух утопленных в землю длинных стелах из черного полированного мрамора новым электронным способом, изящно и четко нанесены имена всех до одного пятидесяти девяти тысяч с лишним американцев, погибших во Вьетнаме. Надо ли уточнять: ни одного вьетнамского имени, хотя сотни тысяч вьетнамцев погибли от страшного оружия заморских гостей; ни одной цифры, ни одного факта о ранах, нанесенных американскими ядохимикатами самой вьетнамской земле, которая, как считают ученые, должна чуть ли не сотни лет поправляться после нашествия полумиллионной армии технически самой передовой в мире цивилизации.

В те же дни по Конститушн-авеню, облачившись в пятнистые, ядовито-зеленые куртки и такого же цвета шляпы, прошли парадом уцелевшие ветераны. Некоторые из них не прошли, а проехали — в инвалидных колясках. Жидкая толпа зрителей стояла вдоль тротуаров и жидко аплодировала.

Открыли памятник. Устроили парад. А что-то не ладилось. Хотели национального примирения, но даже в нынешние времена шовинистического разгула к нему ведет единственный путь — путь полного забвения того, что случилось так недавно. А с забвением что-то не ладилось. Память все еще кровоточит. Как ни кричат о том, что пора перешагнуть через тяжелые уроки вьетнамского поражения, о них не забыли. Нет-нет да и напомним они о себе неохотой американцев поддержать новые военные экспедиции где-нибудь в Сальвадоре или Никарагуа.

И нам не след забывать «малую» грязную войну. Она говорит нечто весьма существенное о природе американского шовинизма и империализма. Не след забывать, потому что природа эта в сути своей, увы, не меняется. Вот почему я и рискую предложить читателю некоторые свои репортажи того времени. Они писались по горячим следам событий, в силу служебного долга журналиста и по велению сердца. События прошли, а свидетельства с заключенной в них шепоткой правды остались.

УДРУЧАЮЩЕ НОРМАЛЬНЫЕ УБИЙЦЫ

«Сэр, я отвергаю насилие всякого рода, но сочла бы за честь принять участие в расстреле трусливых убийц из роты «Си» 11-й пехотной бригады и тем самым воздать им должное».

(Из письма американки Наоми Фокс в журнал «Тайм»)

«Мой ребенок, будь ему 16, 26 или 106 лет, намного дороже мне — и должен быть дороже любому американцу, — чем жизнь любого врага, каковы бы ни были возраст и положение этого врага».

(Из письма американки Джанни Хадсон в журнал «Тайм»)

«И все равно останутся два крайних фланга — те, кто хочет немедленного вывода войск из Вьетнама, и те, кто хочет сбросить атомную бомбу. А между ними люди, которым плевать на все».

(Из письма американца Ричарда Макмиллана в журнал «Лайф»)

«Капитан Эрнест Медина, на которого возлагают ответственность за резню в Сонгми, приехал вчера в свой родной город Монтроз, штат Колорадо, и его тепло встретили старые друзья и одноклассники, заполнившие улицы в часы фиесты, которая проводится, чтобы собрать деньги на его защиту в суде... Две хорошенькие принцессы праздника были у него по бокам, когда он ехал в открытой машине по центру города... Его друзья внесли три тысячи долларов в фонд защиты и, как ожидается, добавят еще две тысячи — половину сбора от праздника».

(Из сообщения агентства АП от 9 августа 1970 года)

Свою книгу о Сонгми Сеймур Херш пишет в традиционном стиле американского журналиста. Эмоции и мысли исключены, факты говорят устами участников и очевидцев. Сочувствие его отдано тем, кто покоится в трех братских могилах и в бывшей дренажной канаве, — кто брался за перо, чтобы выразить признательность убийцам? Но Херш прячет это сочувствие, очевидно опасаясь упреков в предвзятости и необъективности. Его описания — как конспект убийства, который солдаты роты «Чарли» набрасывают военным следователям. Их показания монотонны, как удары мясника: «Ударил его в спину штыком...», «Подхватил человека и бросил его в колодец...», «Стреляли в затылки этим женщинам и детям...», «Колли начал стрелять...», «Чарли Вест убил шесть вьетнамцев...», «Медина пристрелил ее из своей М-16...», «Она была в той же позе, только мертвая...», «Паренек разлетелся вдребезги...»

В страшном конспекте мало подробностей. Главная классификация: вьетнамец. Значит, подлежит ликвидации. И еще одна, пола и возраста: женщина, ребенок, старик. Но она уже несущественна.

Какой смысл разделять папа-сан от мама-сан, когда все в черных пижамах и когда все подлежат ликвидации? Как выглядели они, эти женщины, старики, дети? Девушка было хорошенькой. И хорошенькую запомнили лишь потому, что хотели изнасиловать. Ребенок не плакал — это тоже запомнилось. Плачем и стенаниями полна была деревня, и палачей, наверное, ошеломило молчание ошеломленного ребенка, который даже не знал, что такое смерть, но ощущал ее близость.

Что кричали они перед смертью? Не разговорники были в руках у палачей, да в солдатских разговорниках и нет переводов предсмертных стенаний. Чужой язык, чужие люди... «Все это было довольно отвратительно, но не так, чтобы очень, — объяснял рядовой Уильям Догерти. — Будь это американцы, я бы чувствовал себя по-другому. Я никогда не понимал этих людей по-настоящему». Называйте это как хотите: расизмом, бессердечностью супермена, имперской психологией. Но это по-солдатски прямое истолкование тех возвышенных речей, которые раздаются в Вашингтоне, — самое верное истолкование, поскольку исходит оно от исполнителя-практика.

И непонятный крик безымянных людей глушили автоматные очереди. Через пять часов все было понятно. Лишь американская солдатская речь. Треск пожаров. И одинокое посвистывание вьетнамского ветра.

В 1944 году один писатель спросил Илью Эренбурга: «Как вы можете три года писать про одно и то же?» Эренбург ответил, что война и зверства фашистов — «это не литературная тема, это — горе». «Сердце человека — темный лес, легко в нем заблудиться, — писал Эренбург в статье «Дыхание ребенка». — Вдруг что-то вспыхнет. Неожиданно потухнет. Бывает, разлюбит человек женщину, с которой прожил полжизни, или охладает к закадычному другу, но нельзя предать мертвых».

Не знаю, чего больше было у Сеймура Херша, боли или расчета, гражданского долга или просто азарта журналиста, напавшего на сенсационную жилу. Но он, американец, не предает мертвых вьетнамцев. Первым он пробил в американскую печать

правду о Сонгми. Сеймур Херш не предает и Америку — предательством было бы сокрытие преступления.

В свои тридцать три года Сеймур Херш успел поработать репортером уголовной хроники в Чикаго и пентагоновским корреспондентом агентства Ассошиэйтед Пресс, с которым порвал после того, как в шесть раз сократили его материал о тайной подготовке США к химической и бактериологической войне. Написал книгу об этом «скрытом арсенале Америки» и работал над книгой о Пентагоне, когда 22 октября 1969 года в его вашингтонской квартире раздался телефонный звонок. «Армия хочет секретно судить одного парня из Форт-Беннинга за убийство семидесяти пяти мирных жителей во Вьетнаме», — услышал Херш голос знакомого из Пентагона. Так случайно он попал на горе и тему Сонгми.

«Парнем» был Уильям Колли, к тому времени всего лишь армейский офицер-канцелярист на огромной базе в Форт-Беннинге, штат Джорджия. Сообщение о его привлечении к суду передали в печать еще 5 сентября, но напрасно пентагоновские чиновники, знавшие взрывную силу трех коротких абзацев, готовились к лавине вопросов. Американская печать не обратила ни малейшего внимания на первую, нарочито невнятную, публичную весть о Сонгми, она утонула в пучине равнодушия. Равнодушие и жестокость — две родные сестры в этой истории.

После звонка Херш начал разматывать клубок: полетел в Солт-Лейк-Сити к адвокату Латимеру, взявшемуся защищать Колли, затем в Форт-Беннинг, где нашел самого лейтенанта, все еще ходившего по офицерским вечеринкам, там в нем видели не палача, а жертву.

Сначала Херш предложил свой материал в журналы «Лайф» и «Лук», но тех не заинтересовали мертвые Сонгми. Не очень веря в успех, Херш прибег к услугам никому не известного «Диспетч ньюс сервис» — со штатом из двух вчерашних, антивоенно настроенных студентов Дэвида Обста и Майкла Морроу. Обст обзванивал редакции, торгуя сексацией. Из пятидесяти американских и английских

газет, с которыми он связался, тридцать шесть согласились заплатить по сто долларов за сообщение Херша. 13 ноября 1969 года, через двадцать месяцев после кровавой бойни в Сонгми, правда выплеснулась в свет. В следующие дни информация хлынула лавиной.

Содрогнулся мир, и на страницах газет и журналов, не только в Америке, замелькали портреты курносого, широкоскулого 26-летнего лейтенантика Уильяма Колли. В его недоуменно вскинутых бровях под твердым козырьком армейской фуражки не угадывалось воплощения зла. Начались экскурсии в биографию, в психику. Земляки из Майами, знавшие лейтенантика под детской кличкой Расти, вспоминали замечательного, «типично американского» мальчика. Бывшие его солдаты — смешного взводного Наполеончика, который заискивал перед капитаном Мединой, а им любил повторять, что «здесь я босс». А самую вескую характеристику давали мертвые Сонгми.

Гадали: где же истинный Колли? Как будто современные палачи не успели доказать, что у них — не призвание, а функция, что они всего лишь винтики в военно-бюрократической машине. Они даже могут добреть или звереть, если добреет или звереет машина...

Шестнадцатого марта 1968 года солдаты роты «Чарли» вели себя по-разному. Одного от трупов стошнило. Другой улизнул от участия в расстрелах.

Рядовой Картер стрельнул себе в ногу, чтобы болью физической заглушить душевную боль. Но таких были единицы. Как прикажете отнестись к всхлипываниям солдата Мидло, если всхлипывал он, расстреляв десятки людей? Всхлипывал человек, а машина с винтовкой М-16 работала. Большинство выполняло приказ с ожесточением, а то и жестоким удовольствием. Три солдата организовали соревнование: кто больше убьет?

Фотограф Хэберл возмущается: «Никакого выражения не было на лицах американцев. Я не верил своим глазам... Все это они делали очень поделовому». Этот армейский фотограф захватил с собой три камеры — одну казенную, с черно-белой пленкой, и две собственные, заряженные пленкой

цветной. Казенную передал в штаб, а цветную, более эффектную, оставил при себе: она ему пригодилась. Под одним из снимков, которые он потом продал журналу «Лайф», есть такое авторское пояснение: «Ребята вот-вот должны были расстрелять этих людей. Я крикнул: «Минуточку!» И сделал этот снимок. Уходя, я услышал, как они открыли огонь. Краешком глаза я видел падающие тела, но не обернулся».

Он не обернулся, потому что уже вдоволь снимал трупов. Ему не доставало кадра, показывающего людей за секунду до смерти, и он получил этот кадр. На снимке четверо объятых ужасом женщин и двое детей...

Репортер Робертс, вернувшись в штаб, узнал подготовленную к отправке наверх версию дня: 128 убитых вьетконговцев, самый крупный успех за все сорок дней боевой деятельности спецгруппы Баркера. И Робертс, послушно перечеркнув Сонгми истинное, сел за пишущую машинку и изобразил то Сонгми, которого требовали его командиры. Донесение на двух страничках пошло в штаб дивизии, а оттуда в Сайгон, в Пентагон. Его воспроизвели армейские газеты, и 17 марта американцы узнали из газеты «Нью-Йорк таймс» о «новом наступлении с целью рассеять скопления вражеских сил, угрожающих (южновьетнамским) городам». Главнокомандующий генерал Уэстморленд поздравил роту «Си» с «выдающейся операцией».

Круговая порука убийц называлась фронтовым товариществом, и солдаты роты «Чарли» не очень пугались, когда другие подсмеивались над ними: «Эй, говорят, что вы ухлопали кучу женщин и детей, а потом отрапортовали об уничтожении 128 вьетконговцев». И улики — негативы Хэберла, — никому не нужные, пылились полтора года в ящике стола в информационном офисе спецгруппы Баркера.

К весне 1969 года состав роты «Чарли» целиком обновился. Кое-кто был убит, остальные демобилизованы или переведены в Штаты. Из опасной и чуждой страны джунглей, рисовых полей и враж-

дебного народа они вернулись в родную, такую внешне мирную страну сплошных машин и автоматов, автострад, бензозаправок и кафетериев, где по утрам, набирая разбег для рабочего дня, перехватывают чашку «инстант-кофе», яичницу с ветчиной и прославленный яблочный пирог — нестареющий символ домашней, уютной, добродетельной Америки. Кроме солдатских долларов, сайгонских сувениров и федеральных привилегий ветеранов, они привезли память очень долгого года и одного утра в деревне, которую они прозвали Пинквилль — Розовая деревня. В таких случаях принято спрашивать, что думали демобилизованные солдаты роты «Чарли», ероша волосы детей, чистя охотничьи ружья, видя вареный рис на тарелке, соступив с асфальта на лесную тропу, — именно там, во Вьетнаме, за один лишь год они ходили по земле больше, чем за всю свою жизнь американцев, привыкших к машине на асфальте. Что думал, например, Мидло, встречая обыкновенную, без трупов, канаву?

Занявшись ими позднее, журналисты обнаружили: «Почти удручающе нормальные люди... Порядочные в повседневной жизни... Дома, в Вермонте или Огайо, им кажется невыносимым даже в злобе ударить, тем более убить ребенка» (журнал «Тайм»). Удручающе нормальные. Хотя и странное, но меткое словосочетание. Нормальный убийца меньше «удручает», потому что легче объясним. Факт его нормальности даже утешает: значит, есть все-таки в этом мире моральные устои и надо быть ненормальным, чтобы посягнуть на них. А где же устои, если убийца — нормальный человек?

Может быть, эти нормальные люди так бы и старели со своей тайной, если бы не 22-летний Рональд Риденауэр из города Феникса, штат Аризона. Именно он, а не Херш, спас мертвых Сонгми от забвения. Риденауэр, вертолетный стрелок из 11-й бригады, пролетал над Милай-4 (так американцы окрестили Сонгми) через несколько дней после вторжения роты «Чарли». Его поразила разрушенная, выжженная деревня, ее кладбищенская безжизненность. За деревней в рисовом поле заметил обнаженный труп женщины. Пилот опустился

ниже, и на теле мертвой Риденуэр увидел лоскуток с эмблемой 11-й бригады. Потом он собирал сведения и слухи — по крохам, исподтишка, не делая записей, боясь мести. Ведь в той среде убийство вьетнамцев было нормой, а поиски справедливости отдавали предательством.

Риденуэра демобилизовали в декабре 1968 года. «Я хотел добраться до этих людей, — рассказывал он позднее. — Я хотел показать, что они наделали. Боже мой, когда я вернулся домой и рассказывал своим друзьям об этом, я плакал, буквально плакал». Он плакал, а друзья отговаривали его. В Аризоне, как и во Вьетнаме, он обнаруживал круговую поруку. Но воинская эмблема 11-й бригады на теле женщины, убитой в рисовом поле, не давала покоя Риденуэру, как символ далекой страны, изнасилованной американцами... во имя свободы и демократии.

В начале апреля 1969 года он направил одно и то же письмо почти в тридцать адресов: в Белый дом, Пентагон, госдепартамент, многим сенаторам и конгрессменам. «Нечто довольно мрачное и

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

«Кажется, Джорджу Бернару Шоу принадлежат слова о том, что Америка — единственная в мире страна, шагнувшая от варварства прямо к декадансу, минуя стадию цивилизации. Полагаю, что этот достойный джентльмен от литературы имел в виду, что наша страна слишком спешила стать самой богатой и могущественной из стран и ей не хватило ни времени, ни желания наслаждаться плодами цивилизации и культуры. И в самом деле, эта постыдная спешка настолько овладела ею, что даже не нашлось времени воплотить в жизнь родившиеся в этой стране идеи о правах человека...»

Джон Оливер Килленз, американский писатель

кровавое произошло в марте 1968 года в деревне Пинквилль», — писал он, излагая известные ему факты. Он настаивал на специальном расследовании случившегося, как «сознательный гражданин», который «не желает больше пятнать облик американского военнослужащего в глазах мира».

Как потом установили, в офисах двадцати двух законодателей письмо Риденауэра не было даже зарегистрировано. Но нашлись и внимательные, чуткие люди. Один из них — критик войны, член конгресса от штата Аризона Морис Юдолл — послал запрос в Пентагон и не удовлетворился отписками и отговорками. Запросы поступили еще от нескольких конгрессменов. Под их нажимом машина военного правосудия сделала наконец свои первые обороты: расследование началось, в июне Колли вызвали на полицейскую процедуру опознания, в сентябре возбудили судебное дело. Строжайшая тайна окружала эти шаги — Пентагон надеялся избежать огласки. И лишь волосы вставали дыбом у конгрессменов, которых военные следователи информировали о всплывающих подробностях.

Шли недели и месяцы. Риденауэр не верил в пентагоновскую Фемиду, хотел пробить материал в печать, отослал копию своего письма Майклу Каннингему, литературному агенту в городе Хартфорде, штат Коннектикут. Литературный агент, то есть платный посредник между автором и печатными изданиями, бомбардировал телеграммами многие журналы. Откликнулся лишь журнал «Рэм-партс», но Риденауэр не захотел иметь дело с критически настроенным, антивоенным журналом, боясь, что ему приклеют ярлык «красного».

И так, как рыба об лед, бился этот человек, и на руках у него была никому не нужная «история года». 22 октября Майкл Каннингем прекратил свои посреднические попытки, потеряв надежду пристроить материал.

Рональд Риденауэр не знал, что именно в тот день в квартире вашингтонского журналиста Сеймура Херша раздался телефонный звонок тайного информатора.

После того как Херш пробил первую брешь, в американской прессе началась бешеная охота за источниками информации. Сонгми стало национальным шоком, стыдом, позором, южновьетнамским Лидице и... товаром. Товаром, на который возник внезапный большой спрос. Спрос следовало удовлетворить спешно, по всем законам конкуренции. Вчера правда о Сонгми никому не была нужна, сегодня ее ценили на вес золота, завтра ею пресытятся. Участники и очевидцы резни, еще не став подсудимыми и свидетелями на процессе, о котором поспешил объявить Пентагон, уже были коммерсантами. Это тоже имеет отношение к вопросу: много ли от Америки в Сонгми?

В ноябре 1969 года главным героем стал Рональд Хэберл. Когда о Сонгми заговорили, фотограф понял, что пробил его час. Сначала он предложил свои снимки газете «Кливленд плейн дилер», затем ринулся в большую прессу, и она, разумеется, уже ждала его. Теперь Хэберл понял свою истинную цену: двадцать тысяч долларов с журнала «Лайф», семь тысяч долларов с западногерманского «Штерна». Не дожидаясь вызова свидетелем в Форт-Беннинг по делу капитана Медины, лейтенанта Колли и их солдат, Рональд Хэберл сам подал в суд — на те американские газеты, которые, нарушая авторское право, напечатали его снимки без его разрешения. (Эти газеты, заметим в скобках, уважают авторское право, но они чертовски спешили и сознательно шли на риск суда и штрафа.)

Вот интереснейший американский типаж. С одной стороны, он сослужил полезную службу — его фотоулики неопровержимы. С другой стороны — циничный коммерсант. Как прикажете к нему относиться? А ведь он просто не упускает подвернувшегося случая.

Меньше повезло тем, кто был в Сонгми с винтовками, а не с фотоаппаратами. Но и они не плошали. Мидло потребовал платы за участие в телевизионной программе Си-би-эс: появившись там (с отцом и матерью!), он впервые в деталях рассказал, как это произошло. Крошечному агентству «Диспетч нюс сервис» гигантская корпорация

Си-би-эс отвалила десять тысяч долларов за доставку Мидло на телеэкран.

Герберт Картер, тот, кто совершил самострел, дал понять, что ожидает платы за свою информацию об убийствах. Он жил в тexasском городе Хьюстоне, перебиваясь поденной работой, и как раз собирался к своей маме в Калифорнию — на рождество. «Он хотел денег и хорошей одежды перед рождественскими праздниками,— писал журнал «Ньюсуик».— Когда один репортер пытался его усовестить, Картер ответил: «Хотите, чтобы я был гуманистом?! Катитесь подальше». И добавил грязное словцо».

Даже боль и раскаяние не мешают им быть торговцами. Горе? Не для всех. Литературная тема? Пожалуй. Товар? Да, если есть спрос на такой товар. И вот лейтенант Колли, находясь под стражей в ожидании суда, пишет свои воспоминания, заключив с издательством контракт на четверть миллиона долларов. Надо спешить. Товар падает в цене.

Между тем о Сонгми сообщали задолго до Риденауэра и Херша, которому раскрытие истории принесло Пулитцеровскую премию. Уже в марте 1968 года о преступлении писали ханойские газеты. В мае 1968 года о подробностях массовых казней рассказал печатный бюллетень делегации ДРВ на переговорах в Париже. В июле о Сонгми говорили во французском городе Гренобле, на международной конференции юристов по Вьетнаму.

Почему же была глуха и слепа Америка? Автоматически не верила «коммунистической пропаганде»? Заговор молчания? Конечно, был заговор молчания в роте «Чарли», спецгруппе Баркера, дивизии «Америкэл». В Пентагоне было нежелание знать истину. А у американской печати все было проще и хуже — заговор равнодушия. Чтобы понять это, надо вспомнить фон, на котором свершилось Сонгми.

В конце января 1968 года героическая жертвенная атака горстки патриотов, ворвавшихся на территорию американского посольства в Сайгоне, воз-

вестила знаменитое наступление Армии освобождения. Были атакованы десятки южновьетнамских городов, важнейшие американские базы. Ожесточенные бои шли в самом Сайгоне. Растерянные и озлобленные американские генералы, которым не жалко чужой земли и народа, но приходится отчитываться за жизнь своих солдат, ответили всей чудовищной огневой мощью, вакханалией бомбежек и артобстрелов. Гибли тысячи мирных жителей. Стратегические бомбардировщики Б-52 бомбили в те дни даже предместья Сайгона. Под бомбовыми ударами оказались целые города.

Как никогда, свирепствовала практика «зон свободного огня», где разрешалось стрелять во все, что движется. Ричард Хаммер, автор еще одной книжки о Сонгми, пишет: «Американцы, действовавшие там, имели лицензию убивать, а любой вьетнамец — лицензию быть убитым».

Штабисты вывсдили «коэффициент убийств», утешая соотечественников подсчетами, что вьетнамцев убито во много раз больше, чем американцев. Коэффициент повышался за счет мирных жителей. У роты «Чарли» он был рекордным.

Много было Лидице на вьетнамской земле, и одна из них — одна ли? — осталась незамеченной, чтобы через полтора года войти в историю рядом с гитлеровскими лагерями смерти и трумэновской Хиросимой. Вояки, набившие руку в «зонах свободного огня», искренне недоумевали: из-за чего, собственно, разгорелся сыр-бор?

Капрал Уильям Керн, навестивший Сонгми, говорит: «Нельзя винить один взвод Колли, надо всех тогда винить. Там была зона свободного огня. И потом, если каждую ночь туда летели снаряды и бомбы, что стоила там жизнь? Мне просто невдомек, почему все так шокированы...»

Капрал жестоко прав. Нельзя предавать мертвых. Еще кощунственнее одними мертвыми загораживать других. Как ни парадоксально, Сонгми кое-чем выгодно американскому правительству. Распорядившись о процессе, возбудив дело против генерала Костера и еще тринадцати офицеров дивизии «Америкэл», Вашингтон затеял важную психологическую манипуляцию. В глазах простаков он

предстает огорченным, но непреклонным поборником справедливости, гарантом того, что зло будет наказано, а добродетель восторжествует, пусть по-смертно, что мертвые Сонгми будут отомщены.

— Мы не нацисты,— как бы слышится из Вашингтона.— Смотрите, мы готовы осудить военных преступников из собственных рядов, если вина их будет доказана должным порядком.

А собираются отмыть лишь один кусочек на теле грязной войны.

Суд над убийцами Сонгми — это всхлипывание Мидло между двумя казнями, но всхлипывание на высоком уровне.

А капитан Медина, прозванный солдатами «бешеной собакой», под аплодисменты разъезжает по улицам Монтроза, и по бокам его две хорошенькие принцессы, гордящиеся знатным земляком. Надо помочь земляку, раз он попал в беду по прихоти вашингтонских парней; они послали его во Вьетнам, а теперь тянут к ответу за то, что он там перехватил лишку и перебил не тех «гуков». Надо всем миром вызволить земляка и отца троих детей. И на таком миру легче показаться со взглядами мисс Хадсон, чем со взглядами миссис Фокс, которая сама готова расстрелять трусливых убийц из роты «Си».

Опросы показали: больше половины американцев не верят, что было Сонгми. А многие сочли, что если и были такие действия, то в тамошних, вьетнамских, условиях они вполне извинительны. Это история о равнодушном обывателе, жертве и оплоте существующей системы. Немецкий обыватель говорил, что не знал о фабриках смерти. А американский может узнать о Сонгми, да не хочет. Так ему легче. Ему некогда, он слишком занят. Самое же страшное, пожалуй, в том, что он ко всему привык. Привык к тому, что Вьетнам — это страна, где убивают и партизан, и мирных жителей, людей жгут напалмом, а леса уничтожают дефолиантами. Пока не задело за живое, это лишь телевизионная хроника. «Неужели национальное сознание столь перегружено публичными смертями и политическими сюрпризами, столь изумлено невероятными триумфами техники, что создало не-

кую естественную защиту от мощных эмоций?.. Рассудок устал от сострадания... Самая долгая война в истории нации кажется одновременно ужасно странной и привычной».

Так писал журнал «Тайм», поражаясь, как слабо реагируют многие американцы на Сонгми. Привычка к смертям... Привычка к насилию... Ожесточение, озверение общества, в котором вторая высадка на Луну совпала с раскрытием тайн Сонгми.

Между прочим, в том же «Тайм» промелькнула заметка о другом «герое» Сонгми. Сержант Торрес, обвиненный в убийстве трех вьетнамцев, прибыл, как и Медина, в свой родной город — Браунсвилл, штат Техас, чтобы собрать аплодисменты земляков и доллары на адвоката. Также было намечено празднество, также миром хотели подсобить убийце. Но накануне сержант заехал в один из местных баров, напился, разругался с барменшей. И бросился к багажнику своего авто, выхватил ружье, в ярости пальнул четыре раза в землю. Полиция оштрафовала его за стрельбу в черте города. А земляки были сконфужены. Празднество отменили. Сержант набрал лишь пятьдесят долларов, их не хватило и на полицейский штраф.

Сержант Торрес стрелял лишь в землю, не в людей. Но земляки его призадумались. И тогда-то, от его выстрелов над Браунсвиллом, штат Техас, прошло слабое эхо Сонгми.

1970

ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЕЗ НАКАЗАНИЯ

Полковник Оран Хендерсон четко козырнул, подойдя к столу, за которым сидели два генерала и пять полковников, и замер по стойке «смирно», выслушивая краткий вердикт военного жюри, признавшего его невиновным по всем статьям предъявленного обвинения. Еще раз козырнул, сделал четкий поворот кругом и, сохраняя бесстрастное выражение лица, вернулся на свое место в зале военного трибунала в Форт-Мид, штат Мэриленд. Председатель трибунала полковник Питер Вондоловски воз-

дал хвалу всем участникам процесса — членам жюри, обвинителю, защитникам, и стук его молотка возвестил 17 декабря 1971 года, что Пентагон с чистой совестью и сознанием исполненного долга закрыл дело Сонгми.

Прошло два года. Военное правосудие работало не торопясь, и в неторопливости был свой расчет: дать другим событиям и просто течению времени оттеснить и стереть жестокую правду и жестокий урок Сонгми в памяти американцев и других народов. И вот последняя точка, поставленная ударом судейского молотка. Результат? Есть преступление, но наказания нет. С одной стороны, проведено расследование, раскопаны могилы, опрошены участники и свидетели и подтверждено американским военным судом — да, 16 марта 1968 года в общине Сонгми взвод лейтенанта Уильяма Колли, входящий в состав роты «Чарли», убил не меньше ста, а может быть, до четырехсот безвинных мирных жителей, у которых не было оружия и которые не оказывали никакого сопротивления. С другой стороны, из двадцати пяти солдат, офицеров и генералов дивизии «Америкэл», привлеченных к ответу, девятнадцать человек были оправданы еще до суда, а пять — в ходе суда.

Признан виновным лишь один обвиняемый — лейтенант Колли. Его приговорили к пожизненному заключению. В августе ему снизили наказание до двадцати лет. И вместе со своими защитниками он взбирается по ступеням апелляций, где, скорее всего, срок будет снова сокращен. В любом случае через семь лет Колли может подавать на амнистию, а заключен он пока (по личному распоряжению президента США) не в военную тюрьму, а в комфортабельную офицерскую квартиру на территории военной базы. Между тем он сам признал, — а суд доказал, — что он убийца и руководил убийствами.

Его ротный командир капитан Медина, как доказано, лично убивал и знал об убийствах. Он оправдан и в октябре вышел в почетную отставку, с привилегиями офицера-отставника.

У генерала Костера, командира дивизии, сняли одну генеральскую звезду и одну медаль.

С полдюжины убийц ждут не судебных, а всего лишь дисциплинарных наказаний.

Последним был оправдан полковник Хендерсон, командир 11-й бригады, которого обвинили в сокрытии преступления. С солдатской прямоотой полковник разъяснил смысл процесса. «Армия считала, что кого-то нужно отдать под суд, чтобы публика не подумала, что что-то скрывают и прячут под ковер,— сказал он корреспонденту. И добавил: — Думаю, что меня выбрали, чтобы сыграть эту роль».

И он — вместе с жюри, обвинителем и защитником — сыграл свою роль в финале многоактного спектакля, доказавшего, что в Сонгми было преступление без преступников, жертвы без палачей и что солдаты и сержанты взвода Колли невиновны, так как просто выполняли приказ, а офицеры и генералы, стоящие над Колли, невиновны, так как ничего не знали.

На последнем акте в зале суда не было слез. Не было смеха, когда председатель полковник Вендоловски заявил, что «всегда, когда выносятся справедливые вердикты, выигрывает народ». Было главным образом равнодушие. За два года своей работы искусная машина так называемого военного правосудия свела крик Сонгми до уровня какого-то невнятного, надоевшего бормотания. Ведь это был не только спектакль, но и длительные, небезуспешные сеансы успокоительной общественной психотерапии. И американские газеты, успевшие пресытиться этой сенсацией, подвели черту скупому

СОБЫТИЯ ФАКТЫ СУЖДЕНИЯ

«Многие молодые и пожилые американцы возмущены не только ужасами вьетнамской войны, но и прагматистской философией, которую проповедовали интеллектуалы, попавшие в правительство в 60-х годах, философией постоянной и бессмысленной борьбы за влияние и выгоды».

У. Фулбрайт, бывший председатель сенатской комиссии по иностранным делам

и чисто информационно, не удостоив редакционными комментариями эпилог истории, которая два года назад взрывала их первые полосы.

И все-таки эпилог в суде и в газетах еще не есть эпилог в истории. Обычно война остается в памяти народа именами героев и местами их подвигов. А вьетнамская война? Спросите рядового американца, кого он знает из рядовых участников этой войны. И он скорее всего назовет убийцу Колли, потому что героев нет. Нет и мест боевой славы и подвигов, а есть вьетнамское слово «Сонгми» и то, что с ним связано.

1971

Р. С. Весной 1975 года оправдали и выпустили на свободу Уильяма Колли. «Дело Сонгми» было окончательно закрыто с точки зрения американского военного правосудия.

РАЗНАЯ ЦЕНА СЛЕЗ И КРОВИ

Картинка первая. Порт-о-Пренс, столица Гаити. Обработывающий центр компании «Хемо Карабан».

Не знаю улицы и номера дома, растут ли рядом экзотические растения и что распевают птички божи. Но известно, что на втором этаже обрабатывающего центра с полседьмого утра до десяти вечера столпотворение. На вид — оборванцы. По социальной классификации — народ. Как может выглядеть народ, если он на девяносто процентов безграмотен, почти на столько же безработен и если средний доход на каждую живую душу — шесть долларов в месяц? На сорок семь медицинских кушеточек сто десять работников центра укладывают каждый день триста пятьдесят представителей народа, взрослых «детей» покойного Папы Дока, душегуба Франсуа Дювалье, который, уйдя в мир иной, не забыл возложить бремя пожизненного президента и «отца нации» на толстые плечи своего девятнадцатилетнего отпрыска Жана Клода Дювалье.

Не знаю, как поблескивает там никелем и лаком американская техника и какими глазами смотрят

на нее с кушеток, но уверен, что она превосходно справляется со своей тройной задачей: выкачать у каждого нужное количество крови, отделить от этой красной общечеловеческой жидкости, универсальной для всех рас, вероисповеданий, политических взглядов, социального положения и общественных систем, янтарного цвета плазму, вернуть омертвленную кровь донорам. За литр плазмы — три доллара. Больных гепатитом (воспалением печени) к кушеточкам не подпускают. Тем, кому делали уколы от столбняка — национальной гаитянской болезни, дают по пять долларов за литр: их плазма годится для других противостолбнячных уколов.

Замороженную плазму грузят на самолеты «Эр Гаити» и над райской карибской лазурью в аккуратных консервных баночках, в которых никак уже не разглядишь обрванный голодный люд, везут в богатейшие Соединенные Штаты Америки. По пять-шесть тысяч литров в месяц от плоти своей и крови угощают гаитянцы нуждающихся янки.

Пояснение. На американском рынке есть спрос, даже дефицит на плазму — раз. Гаитянская кровь дешевле американской — два. Гаитянцы охотнее американцев расстаются со своей плазмой, ибо как-то надо жить, а никому не нужны рабочие руки тех горемык, которые протоптали дорогу к обрабатывающему центру. Это — три. Открытие осенило мистера Джозефа Горинстайна, биржевого маклера, «с деловыми интересами в Нью-Йорке и Майами». Новаторски приглядевшись к Гаити, он заключил десятилетний контракт на плазму с покойным Папой Доком и основал компанию «Хемо Карабиан», о которой рассказал корреспондент «Нью-Йорк таймс» Ричард Севиро.

Нет нефти — качай кровь. И мистер Горинстайн уже восемь месяцев качает, получая на каждом литре плазмы четыре-пять долларов чистой прибыли. Босоногая молва обежала Гаити, толпы обрванных доноров все гуще. Компания «Хемо Карабиан» строит второй свой центр, который увеличит ежедневную пропускную способность с 350 до 850 человек. Если дело пойдет как задумано, мистер Горинстайн выкачает из Гаити за десять лет

около двух миллионов литров, по пол-литра плазмы в среднем из каждого брэнного гаитянского тела. Предполагают, что на деле будет обработано не меньше двух миллионов гаитянцев — половина населения. Впрочем, это подсчет скорее всего завышенный. Как сообщил технический директор компании Вернер Зил, завелись у «Хемо Карабиан» энтузиасты вроде дойных коров: они ложатся на кушеточки раз в неделю, зарабатывая в год до двухсот пятидесяти долларов. Хотя долго ли они протянут?

Еще одно пояснение. Жизнь, как известно, богаче и часто страшнее вымысла. Помните, у Грэма Грина в великолепном романе «Комедианты» есть глупо наивный, однако свято верящий в справедливость американец Смит, прибывший в голодное и забитое Гаити с проповедью всеисцеляющего вегетарианства? Мог ли Грин вымыслить Джозефа Горинстайна, этого транснационального кровососа? Грин верно изобразил идеализм американца, но в национальном характере преобладают все-таки деловая хватка и сметка.

Понятно, не на Гаити живет Джозеф Горинстайн. Спозаранок его не трезожит ни вид, ни гомон очереди по сдаче плазмы. Может, и баночек консервных он не видит, в них его интересует одно: как продаются? С мира — по нитке, с литра — по четыре-пять долларов... Капает кровь... Капают доллары...

Телефонные расспросы из редакции «Нью-Йорк таймс» застали мистера Горинстайна во Флориде. Он скорее нападал, чем оборонялся. Во-первых, сказал он, чистая прибыль всего два доллара на литр. Во-вторых, взятки никому не давал, а лишь убедил гаитянское правительство, что «эта коммерция выгодна для их национальной экономики». В-третьих, наняв сто десять работников, разве не уменьшил он безработицу на Гаити? В-четвертых, гаитянская плазма «лучше, черт побери, той, что поступает из трущоб некоторых американских городов». В-пятых... В-шестых...

Он неуязвим с точки зрения дельца — и с точки зрения закона. А какие еще нужны ему точки зрения?

Лишь какой-то нью-йоркский специалист, подтвердив, что кровь с Гаити не ниже мировых стандартов, сконфуженно и бессильно пробормотал: «Все-таки ужасно, что мы покупаем кровь у тех, кто недоедает, кому не хватает белков».

Картинка вторая. Южно-Китайское море. Своим перевернутым 300-метровым утюгом авианосец «Корал Си» режет ласковую южную волну. На солнечной летной палубе акульки тела «фантомов». Летчики — сильные, веселые, бодрые. Военно-морской комфорт, высокие жалованья и надбавки. И профессионально тянет в небо, хочется размяться. В шестидесяти милях к западу — земля Вьетнама, и в ту сторону мощным броском катапульты швыряют «фантомов» и их пилотов. Под крыльями две тонны бомб.

— Что бы мы ни думали о войне, мы все еще здесь и все еще бросаем бомбы. И наслаждаемся этим, — признается лейтенант Менденхол, 24-летний штурман-бомбардир.

— По большей части это как самоутверждение, — философствует лейтенант Полмер. — Для такой работы годятся лишь агрессивные, уверенные в себе ребята...

— Мы летаем, потому что любим это дело, — соглашается лейтенант Мерил Йорк, пилот бомбардировщика А-7. — Тут и возбуждение, и самоутверждение.

У четвертого сомнения борются с гордостью:

— Наверное, история покажет, что нам вообще не следовало бы вмешиваться в это дело. И все-таки ту грязную работу, которую приходится делать, мы делаем чертовски хорошо.

Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Айвер Питерсон, побывавший на борту «Корал Си», заключает: «Для сотни или около того летчиков на авианосце важны не политика Вашингтона или Ханоя, а годы тренировки и мужская гордость опасной, увлекательной профессией... Пилоты состязаются за право боевых вылетов. А когда их спросишь почему, они объясняют, что это интересно и что именно этому они обучены».

Лейтенант Полмер, правда, оговорился: «Каждый рвется в дело, но никто не хочет быть сбитым».

Картинка третья. Резонанс от радиоволн. Передача Ханойского радио, записанная в Сайгоне корреспонденткой Глорией Эмерсон, напечатанная в той же «Нью-Йорк таймс» и прочитанная мной в Вашингтоне в ту особую неделю между рождеством Христовым и Новым годом, когда в домах и церквах Америка молилась о мире на земле и благоволении в человецех и ранними декабрьскими вечерами кротко помаргивала разноцветными огоньками своих рождественских елочек и венок.

В ту самую неделю, далеко-далеко отсюда — так далеко, что и не представить, как оно там все выглядит, — в северовьетнамской провинции Тханьхоа, лежа на больничной койке, двенадцатилетняя девочка Тран Тхи Май рыдала перед микрофоном радиокорреспондента. И через рыдания пробивалась ее боль, коротенькая и простая, — ведь даже взрослое горе не знает иных слов, кроме простых, — о том, как накануне ее мама первой вдруг услышала своим материнским слухом рев самолета и крикнула детям, чтобы прятались, и как она, Тран Тхи Май, с маленьким братцем и сестренкой выбежала во двор, и как камнем ударило братца в голову, и как... Как мама вдруг сказала: «Дети, я умираю...»

— Я подползла к ней, — говорила девочка. — Она стояла и потом упала. А я была рядом. И она сказала: «Спасайтесь, дорогие дети, я умираю...»

Запись стала неразборчивой, как пояснила Глория Эмерсон. Девочка разрыдалась. Лишь последние слова ее внятно прошли в эфир:

— И брат мой тоже умер.

Картинка четвертая. Вашингтон. В стенах Пентагона пресс-конференция лобастого властного мужчины, министра обороны Мелвина Лэйрда. У него актерски выразительное лицо. Но живет он заботами и страстями государственного мужа и мыслит не образами, а многозначными цифрами и политическими формулами. Мучительный постулат Достоевского, что не годится совершенство мира, если заплачено за него хоть одной слезинкой ребенка, — для него не больше чем аллегория. Рыдания да-

лекой девочки не доходят, а если и дойдут, то незначущей частичкой сухой информации, консервной банкой с кровяной плазмой, в которой не разглядишь сгустка страданий. На этот раз он разъясняет смысл новых бомбежек ДРВ, или, говоря консервированными пентагоновскими словами, «ударов защитной реакции с ограниченной продолжительностью». В разъяснениях настойчивый лейтмотив:

— Наши пилоты осуществляют эти удары, чтобы защитить наши сокращающиеся силы в Южном Вьетнаме...

— Нет, прежде всего они имеют целью защиту американских военнослужащих...

— Нам очень важно защитить этих американцев...

— Мы и впредь будем предпринимать необходимые военные действия для защиты остающихся частей в Южном Вьетнаме.

Долгое пояснение. Мелвин Лэйрд, выбирая слова, не говорит: «Убий!» Не посягает на первую библейскую заповедь. Он говорит: «Защити!» Кого, и где, и как? Защити и спаси американца, сражающегося на чужой земле, уничтожь вьетнамца, сражающегося за свою землю, а если уж так случится, то и вьетнамца без оружия — на войне как на войне. Вопрос о детской слезинке, оказывается, не отменен, а лишь дифференцирован. Чья слезинка? Какой национальности? Вьетнамская девочка, рыдающая перед микрофоном, платит назначенную мистером Лэйрдом цену за сухие щеки американского ребенка.

Тяжелое это рассуждение. И давняя это история, понятная и принятая, как национальная азбука, в стране, которая уже больше ста лет ведет свои войны на чужих территориях. Сколько преступлений против человечности, сколько актов международного разбоя сотворено и прикрито — «спасением американских жизней». Еще Марк Твен возмущался логикой шовинизма на службе империализма. Она пережила его и по-прежнему плодоносит. Примеров не счесть.

Президент Трумэн сбрасывает в августе 1945 года атомную бомбу на Хиросиму, «спасая» жизни

американских солдат, которым иначе — как было ложно объяснено — пришлось бы вторгаться на Японские острова.

Президент Джонсон приступает зимой 1965 года к систематическим бомбежкам ДРВ, объяснив, что «защищает» американские войска, обстрелянные из минометов на своей южновьетнамской базе в Дананге.

Президент Никсон весной 1970 года вторгается в Камбоджу, «защищая» своих солдат в Южном Вьетнаме.

За пределами Америки эти предлоги не принимают всерьез и потому почти не замечают. Между тем в Америке это язык, на котором объясняются с народом и затыкают рот критикам, ибо любой буржуазный политик не рискнет выступить перед своим избирателем против «защиты американских жизней». Не за границе адресует Мелвин Лэйрд свои тысячные по счету разъяснения, а договаривающимся между собой шовинистам, которые видят высшую справедливость в том, что любая кровь дешевле американской. К соответственно обработанной массе обращены его аргументы. Именно массе, а не тем, предположим, полутора десяткам ветеранов, которые захватывают на пару дней статую Свободы, драматизируя свой протест против войны, и не тем — пусть их уже сотни тысяч — кому стыдно. И аргументы действуют.

Вот разительнейший, по-своему исторический пример. 31 марта 1971 года лейтенант Колли, палач Сонгми, только что приговоренный к пожизненному заключению, выходит из здания военного трибунала. И некая сердобольная дама кричит из толпы: «Лейтенант Колли собственноручно убил сто коммунистов. Дайте ему медаль! Произведите его в генералы!» Бред? Да, бред — на комбинированной почве антикоммунизма и защиты американских жизней. По всей стране несется клич: «Спасти лейтенанта Колли!» Палач становится полумучеником-полугероем. Белый дом получает около ста тысяч телеграмм и писем протеста. Огромное их большинство от тех, кто считает, что нарушена договоренность шовинистов об отпущении грехов. Ни одно антивоенное выступление не имело

такого немедленного эффекта. По указанию президента Колли находят место не в тюрьме, а в офицерской квартире, пока идет апелляционный процесс, а вскоре снижают наказание.

Этот слепой шовинизм мы должны видеть так же, как видим, с другой стороны, протест, гнев, сострадание гуманных американцев.

Вьетнамская война, войдя в политическую жизнь США, вывела прагматически четкий закон обратной и прямой зависимости. Чем выше американские потери, тем сильнее и массовее антивоенный протест, тем ниже процент популярности президента и меньше его шансы на переизбрание. И наоборот. Зимой 1968 года, когда во время знаменитого наступления патриотов гибло до четырехсот американцев в неделю, популярность Джонсона катастрофически упала. «Вьетнамизация» президента Никсона, как известно,— не в отказе от войны, а в выводе американских войск, в сокращении американских потерь.

И вот предвыборная стратегия Белого дома все больше поднимает войну в воздух, где для американцев безопаснее. Обозреватель Милтон Йост саркастически пишет о «маленькой, чистенькой войне, которую президент Никсон дал нам в воздухе вместо грязной малой войны президента Джонсона на земле».

Джунгли, знаменитую «тропу Хо Ши Мина», засеяли электронными датчиками. Разведсамолеты собирают их сигналы и передают на компьютер в Таиланде. Компьютер обрабатывает сигналы и определяет мишени. Ассортимент бомб по-американски разнообразен — от новинок с дистанционным, телевизионным или лазерным управлением до «обычных» 7,5-тонных бомб, уничтожающих все живое на площади в два с половиной квадратных километра.

— Эта штука,— говорит о датчиках летчик-штабист,— может работать круглые сутки, ничего не выдаст, будучи захваченной, а если и погибнет в джунглях, то не нужно писать похоронную жене или родителям.

Эта штука, удобная для американских воен-

ных и политиков, конечно, не отличает человека с оружием от мирного жителя.

По подсчетам группы ученых Корнеллского университета — авторов доклада «Воздушная война в Индокитае», за пять лет бомбежки и артобстрелы уничтожили триста двадцать пять тысяч мирных жителей Южного Вьетнама и шесть миллионов (треть населения) сделали бездомными беженцами. Некоторые американские ботаники и зоологи полагают, что десять миллионов воронок от бомб так «переделали ландшафт» Южного Вьетнама, что земле нужны столетия, чтобы восстановить самое себя.

Картинка пятая. Кадры японской телехроники, заснятые в Ханое и показанные в Америке по каналу Си-би-эс. Сбитого и захваченного американского летчика выводят к корреспондентам. Хрупкий конвоир с карабином чуть ли не вдвое ниже американца. Летчик еще в своей летной робе, но уже без парашюта, ремней и других доспехов, в которых так эффектно выглядят они на борту авианосца «Корал Си». И уже без улыбки. Глаза ему слепят блицы. Он моргает и пожевывается, но стоит покорно. Видно, что он всего боится, даже своего гигантского роста. Ему кажется, что даже этот рост выглядит дразнящим и вызывающим, а сейчас ему не до драчливости. Он еще не отошел от ужаса смерти, который преследовал его в воздухе, после того как подбросило машину, и от ужаса ожидания расплаты, когда уже на земле, уцелевший и невредимый, он взглянул на себя глазами вьетнамцев и увидел бандита, одинокого, чужого и ненавистного на чужой земле.

Но он хочет жить и вернуться в ту страну, где его ждут не как бандита, а как мученика. Он покорно стоит, моргая от блицев и юпитеров. «Забава» кончилась. Наступил плен.

Картинка шестая. На телеэкране чистенькая гостиная американского дома. На диване женщина и двое ее детей школьного возраста — девочка и мальчик. Перед диваном кофейный столик, на нем магнитофон и, в рамочке, цветная фотография мужчины в военной форме. Чувствуется, что женщина только что из парикмахерской — не каждый

день у них дома телекорреспонденты. Дети сидят смиренно, руки на коленях. И какое-то ожидание, какая-то скованность у всех троих. Их глаза перебегают с телекамеры на магнитофон. Когда магнитофон начинает говорить, они уже не могут оторвать от него глаз. Магнитофон говорит голосом мужчины на фотографии, их мужа и отца, американского летчика в плену в Северном Вьетнаме. Голос, внятный и четкий, хотя и лишенный красок, сообщает, что жив и здоров, спрашивает, как учатся дети, наверное, подросли, говорит, что скучает... Вот закроется дверь за телевизионщиками, кончится эта публичная демонстрация несчастья одной семьи, и трое останутся наедине с магнитофоном, и снова и снова будут крутить эту короткую запись, вникая в слова и интонацию, пытаюсь уловить еще и еще что-то, пытаюсь из этого голоса и цветной фотографии воссоздать живого и дорогого им человека.

Картинка седьмая. Транспортный самолет ВВС США, вылетевший с американской базы в Дананге (Южный Вьетнам), не мог из-за непогоды совершить посадку на американской базе Камрань (Южный Вьетнам) и потому приземлился во Вьентьяне, столице Лаоса. Пассажиры необычные — эстрадники во главе с Бобом Хоупом, популярнейшим комиком, другом президентов, мультимиллионером. Почти столько лет, сколько Америка держит свои войска за морями и океанами, Боб Хоуп формирует под рождество бригаду эстрадников, непременно включающую очередную «мисс Америка», получает от Пентагона военно-транспортный самолет и отправляется в кругосветное патриотическое путешествие по американским базам. На аэродромах и полигонах под чужими небесами встречают его тысячи и десятки тысяч солдат, изголодавшихся по родной земле, родным песням и шуткам, по родным девушкам. Боба Хоупа прозвали шутком Пентагона. Он гордится этим титулом.

Итак, непогода забросила его во Вьентьян. Там есть посольство ДРВ, а знаменитый шут не привык терять времени даром. И вот на страницах серьезных американских газет с заголовками на целую полосу: «Комик Боб Хоуп, компаньон по игре

в гольф и друг президента Никсона, объявил вчера, что он обратился за северовьетнамской визой, чтобы вести переговоры об освобождении американских пленных в обмен за благотворительное пожертвование «порядка десяти миллионов долларов»... Боб Хоуп сказал, что мог бы устроить в Соединенных Штатах благотворительный концерт и собранные деньги передать на благотворительные цели для вьетнамских детей».

Боб Хоуп уже в Таиланде, веселит летчиков, которые бомбят Вьетнам и Лаос, а эхо от его гуманного благотворительного жеста гуляет по Америке.

Пояснение. Представьте себе человека, который пришел в дом, где траур и смерть, и громко стонет оттого, что у него жмет ботинок, и за рукав тянет людей от гроба, чтобы пожаловаться на свою боль. Представьте теперь, что человек, жалующийся на тесный ботинок, и есть тот человек, который вызвал траур и смерть.

Положите на одну чашу весов американский разбой в Индокитае, моря крови и руины без конца, миллионы бездомных и саму израненную бомбами землю, а на другую чашу триста с чем-то американских пленных летчиков, то есть часть людей, которые сделали это. Что перетянет? В глазах среднего, соответствующим образом обработанного американца перетянут пленные! Нет для среднего американского политика и для среднего американца большей национальной трагедии, чем несчастная судьба трехсот с лишним летчиков, живых и вполне здоровых, но ведь в плену, в разлуке с близкими, на рисовом пайке, с ограниченным правом переписки и — о боже милосердный, куда ты

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

В настоящее время Соединенные Штаты располагают более чем 1500 военными базами и другими военными объектами на территории 32 государств... В конце 1983 года 534 000 военнослужащих США находились за пределами страны.

Из американской печати, 1983

смотришь! — с посылками на рождество весом всего лишь в три килограмма.

Перед этой аудиторией государственный секретарь США говорит о «бесчеловечности» северных вьетнамцев. А богатейший в мире шут устраивает публичный балаган, предлагая обменять пленных на десять миллионов благотворительных долларов для вьетнамских сирот. И собирает аплодисменты соотечественников.

Картинка восьмая. Вашингтон. В Белом доме собрались вечером полторы сотни гостей. Почетные гости — супруги Уолласы, основатели и владельцы консервативнейшего журнала «Ридерс дайджест». По случаю пятидесятилетия журнала президент Никсон пожаловал супругам «Медаль Свободы». Потом был торжественный обед. После обеда гости собрались в Восточном зале на концерт ансамбля Рэя Кониффа. Расселись. Ждут.

Вдруг певица Кэрол Ферачи, стоявшая в трех метрах от президента, делает шаг вперед и говорит:

— Прекратите бомбить людей, животных и растения! Вы ходите в церковь по воскресеньям и молитесь Иисусу Христу. Если бы Иисус Христос был здесь сейчас, вы не посмели бы бросить бомбу!

Зрители лишаются дара речи от этого номера вне программы. Ошарашенный Рэй Конифф взмахивает рукой, и его ансамбль запекает: «Мама, он мне строит глазки...» Поет и Кэрол Ферачи, держа в руке самодельный плакатик со словами «Прекратите убийства!». Президент, как сообщают газеты, выглядел потрясенным, но пытался сохранить улыбку. Когда песня кончилась, один из гостей кричит: «Вон мерзавку!» Другие гости его поддерживают...

И мисс Ферачи ушла, а они остались. Ансамбль, как назло, запел: «Об этом говорят все...»

А мисс Ферачи шла со своим плакатом по Белому дому, и ее сопровождали до выхода агенты секретной службы, а также корреспонденты.

Концерт закончился испугательным «Боже, храни Америку». Рэй Конифф извинялся перед президентом. Боб Хоуп сокрушался: «Какой позор, они и сюда проникли».

Кэрол Ферачи между тем обыскали. Оружия не нашли. Допросили. Она оказалась канадкой, уже десять лет живущей в Соединенных Штатах. Рэй Конифф нанял ее неделю назад для концерта в Белом доме, и тогда, вместе со своим возлюбленным, она сочинила и, как песню, выучила свою коротенькую речь.

Потом ее отпустили. Она ехала в такси по ночному Вашингтону и, наверное, думала: будь что будет, а она все-таки сумела это сделать, сумела прямо до президентских ушей донести наболевший крик своего сердца.

Славная, добрая девушка...

1972

ГОЛГОФА НА РОЖДЕСТВО

В некотором смысле «Аполло-17» не повезло. Когда Сернан, Эванс и Шмитт были на полпути к Земле со своими 458 фунтами лунных камней, американцы возобновили бомбежки выше 20-й параллели, по всей территории ДРВ. 19 декабря 1972 года, в день безукоризненного, красивейшего — три плавных бело-оранжевых парашюта над космическим кораблем и над голубой идиллией Тихого океана — приводнения всего в четырех милях от авианосца «Тайкондерога», самые громкие слова в выпусках теленовостей и самые крупные заголовки газет были отданы не астронавтам, а бомбежкам — сто гигантских бомбардировщиков Б-52 и пятьсот других истребителей-бомбардировщиков над Северным Вьетнамом — над Ханоем и Хайфоном. Именно в тот день о новых налетах стали говорить как о самых массовых и жестоких за вьетнамскую войну и за всю историю воздушных войн.

Усталые, но безмерно счастливые, трое вышли из вертолета на палубу авианосца, надежную, как земля. Гремела музыка, речи были коротки, улыбок много. Эванс сказал: «Горжусь, что я снова здесь. Для меня это действительно что-то значит». Еще раньше, из космоса, он радовал, что для него возвращение на «Тайкондерогу» — как «возвращение

щение боевого пилота». До 1966 года, когда он прошел по конкурсу в команду астронавтов, военный летчик капитан-лейтенант Рональд Эванс служил на этом авианосце.

Там, трое суток поджидая Серняна и Шмитта на лунных орбитах, Эванс выглядел сыном всего человечества. Здесь, на борту родного авианосца, он был американским летчиком, когда-то бомбившим Вьетнам. Можем ли мы пропустить этот момент возвращения с Луны на Землю? Вопреки потоворке, иногда именно место красит человека. Место в финальной лунной экспедиции по программе «Аполло» украсило Эванса, перевело его в разряд героев, высоких и благородных. Ну а представим на минуту: отдохнувши, он меняет один скафандр на другой и, пожалуйста,— с бомбами во вьетнамское небо. Полетит или не полетит?

Жесткий разговор? Может быть. Но не жестче жизни. Не жестче людей, которые, не дав досиять геройскому ореолу вокруг «Аполло-17», распорядились о новом преступлении во Вьетнаме. Ведь это один и тот же нервный центр, и имя ему — правящая Америка. Когда Джон Кеннеди объявил в апреле 1961 года о штурме Луны, он думал не о науке, а о военно-политическом первенстве Америки, о том же — в широком смысле — первенстве, которое до сих пор, другими средствами и безуспешно, империалистическая Америка пытается утвердить во Вьетнаме.

Недавно была у меня коротенькая беседа с одним приятным и располагающим человеком — астронавтом Уильямом Андерсом, который кружил вокруг Луны еще на «Аполло-8». Он говорил, что технически, пожалуй, можно будет в скором времени отправить человека и на Марс, но что пропасть дел на Земле и решать их труднее, чем космические. С людьми труднее, чем в космосе, заметил этот человек, видевший Землю размером с кулак. Он имел в виду не Вьетнам, но сейчас, когда нельзя не думать о Вьетнаме, я думаю, что с вьетнамским народом правящей Америке действительно труднее, чем с Луной. Та покорила легче.

Еще недавно казалось, что мир близок, как никогда, что мир, слава богу, неминуем. Снятые теле-

виками за оградами парижских вилл, уже улыба-лись друг другу советник президента США Генри Киссинджер и специальный советник правительства ДРВ Ле Дык Тхо — два главных участника секретных встреч, выслеженные корреспондентами. Они уже обменивались рукопожатиями, провожая друг друга к лимузинам. И снова все круто оборвано. Как никогда, торжествует жестокость этой войны, невыносимая, немыслимая жестокость. «Нью-Йорк таймс» сообщает, что за два первых дня возобновленных бомбежек на Северный Вьетнам было сброшено двадцать тысяч тонн взрывчатки. Это эквивалент хиросимской бомбы. Если представить себе некую всемирную палату мер и весов жестокости, то, наверное, Хиросима будет там самой страшной единицей измерения. Теперь сами американцы все чаще измеряют этой единицей то, что творят во Вьетнаме их соотечественники. По хиросиме каждые двое суток. По хиросиме — с маленькой буквы, хотя никакой общей единицей не измерить множественную индивидуальность страдания.

Американский журналист Энтони Льюис напоминает, что для многих американцев с их англосаксонскими корнями символом жестокости и страданий остаются нацистские бомбежки Англии во время второй мировой войны, судьба и стойкость англичан под этими бомбежками. На Англию, напоминает он, за шесть лет войны было сброшено около восьмидесяти тысяч тонн бомб. Для Вьетнама это норма недели. Норма, установленная Вашингтоном. Недели — пред рождественской.

Что случилось в Париже? Детали окутаны секретностью, вокруг которой здешние журналисты строят много теорий. Но существо дела ясно. В середине октября американцы достигли соглашения с ДРВ — девять пунктов, вдохнувшие надежду на близкий, неминуемый мир. Но согласованный срок подписания — 31 октября — пришел и прошел, игнорируемый американцами. В ноябре и декабре на новых раундах конфиденциальных встреч Ле Дык Тхо и Киссинджера американская сторона стала отступать от девяти пунктов, ссылаясь на несговорчивость марионеток из Сайгона. Стала требовать

пересмотра договоренности. Ханой не пошел на пересмотр. Его решили «наказать». Ему решили показать «степень гнева» американского президента. Так и пишут в здешних газетах: «наказать»... «степень гнева»... И президент Никсон, как бог Юпитер — стрелы, послал против Вьетнама свои бомбардировщики. Не задавайте жалкого вопроса о логике — человеческой или дипломатической. Тут не логика, а сила. Или, если хотите, особая логика силы, которая все оправдывает и извиняет возрастанием нажима, при которой прав не тот, кто прав, а кто сумеет силой навязать свою волю другому.

Стратегические восьмидвигательные бомбардировщики Б-52 строились в 50-е годы на случай ядерной войны. Но они могут нести и бомбы обычные — до тридцати тонн каждый. На боевые задания они идут на большой высоте, тройками. Тройка обычно несет от двухсот до трехсот пятисотфунтовых бомб. Они опустошаются за полминуты. Еще минуту бомбы летят до земли, быстрее звука, и ковром накрывают площадь шириной около километра и длиной около двух с половиной километров. Это так и называется — «ковровое бомбометание». Теперь, читатель, мысленно раскиньте дорожку с узорами из двухсот — трехсот взрывов на знакомой вам местности, где живут дорогие вам люди.

Один километр на два с половиной. В городе! Сотня Б-52 брошена на систематические бомбежки самых густонаселенных центров Северного Вьетнама, прежде всего двух крупнейших, с полумиллионным населением городов — Ханоя и Хайфона. Ковры смерти набрасывают ночами на дома, улицы, площади. На людей... Идут сообщения: разрушены общежития политехнического института в Ханое... разрушена главная ханойская больница... Все эти дни здешние газеты склоняют: разрушен... разрушена... разрушены... А слово «убиты» лишь во множественном числе. То, что вьетнамское, уже как бы не считается. Повреждено с полдюжины посольств: кубинское, египетское, индийское, ГДР, албанское... Досталось лагерю американских пленных летчиков, расположенному в Ханое. И тогда

мир услышал голос здешних органчиков, которые механически могут выговаривать любые слова. Представитель Пентагона обвинил правительство ДРВ в нарушении Женевской конвенции об обращении с военнопленными.

На исходе 1972 года чудовищные Б-52 стали главным инструментом американской дипломатии террора. Это уже не военная стратегия, это тотальное уничтожение во имя тотального устрашения. Это новая, неслыханно зверская попытка нащупать болевой порог и вытрясти саму душу из героического народа.

«Террором с небес» Вашингтон ищет пути к миру на таких условиях, которые перечеркнули бы все годы и плоды борьбы вьетнамцев. «Соглашайся! — слышится в разрывах бомб. — Соглашайся...» Здесь зловеще дают понять, что никакие протесты, включая протесты папы римского и правительств — от Австралии до Швеции, — не остановят Белый дом, что Северный Вьетнам будет методично получать по хиросиме каждые двое суток, пока не проявит «конструктивного» подхода к переговорам с американцами.

А как же Америка? Пусть не вся, а та — антивоенная, протестующая? Увы, сама по себе нынешняя эскалация зверства доказывает, что многолетний протест не возымел действия, что в этой стране существует как бы разделение труда: одни вершат преступления, другие словно искупают их в глазах мира своими протестами.

Честная Америка возмущена. Ей омерзительна кровавая баня. Она не верит официальным объяснениям. И она бессильна. Лидер демократического большинства в сенате Майк Мэнсфилд с чувством отвращения сказал, что пора правительству подумать не о «спасении лица», а о «спасении жизней и чувства приличия и гуманности». Резкие слова в устах сдержанного человека. Опросы свидетельствуют, что большинство сенаторов против «террора с небес». Многие из них готовы поддержать предложение о полном отказе в ассигнованиях на вьетнамскую войну. Но прошлый опыт, если он может быть учителем, не утешает. Такие предложения либо выхолащиваются поправками, либо вообще

отклоняются. Да и сенат сейчас на рождественских каникулах.

Под вакханалию бомб во Вьетнаме Америка празднует рождество Христово — вот в чем трагическая ирония этих дней. «Чужого горя не бывает». Какое прекрасное и благородное пожелание! Не должно быть чужого горя, но, увы, оно бывает. Здесь, в Вашингтоне, до предрождественского воскресенья небывалые праздничные пробки были на улицах, небывалые толпы штурмовали магазины и небывало радостными были торговцы с ленточками на шее и бляхами на груди: «Веселого рождества!»

В то время, когда в Ханое сотнями гибнут люди и рушатся дома, в американской столице все стоит на месте. На весь Большой Вашингтон — лишь одна жертва. 26-летний штурман Б-52 Роберт Сертэн, живший в пригороде Силвер-Спринг, был сбит над Ханоем. Заканчивая срок службы, он собирался вернуться домой к рождеству, но попал в плен при последнем своем вылете.

Я позвонил родителям летчика. Сертэна-старшего дома не оказалось. Гленнэл, замужняя сестра пленного, любезно ответила, что по просьбе отца члены семьи воздерживаются от каких-либо комментариев в прессе. Я узнал лишь то, что семья «философски разделена», надо полагать, на сторонников и противников войны. Вот принесенное минувшей неделей максимальное страдание в округе, где почти три миллиона человек: захваченный в плен сын и брат и философские семейные разногласия. А вьетнамские семьи разрывают физически — на живых и мертвых.

...По телефону я диктую эти слова в Москву, я за окном в вашингтонском пригороде Сомерсет тихая глубокая рождественская ночь. Умиrotворенно и благостно помаргивают в домах и возле домов огоньки елок: красные, зеленые, белые. Рождественское свечение струится по всей ночной Америке. Дети, наверное, спят беспокойно, и им снится утро, когда босиком, в своих пижамках и ночных рубашках, побегут они к елкам, под которыми уже лежат родительские подарки в красивой бумаге с праздничными бантами.

Снега нет, и еще вчера шел дождь. Рождество выдалось гнилое. Главный здешний житель, президент Никсон, улетел отдыхать на островок Ки-Бискейн возле Майами. Оттуда, из благословенной Флориды, пришло извещение о том, что на рождество бомбежки будут прекращены. Лишь на один день — 25 декабря, чтобы сели за праздничный стол и пилоты. Перерыв. Перекур. И, восславив мученика Христа, снова целый народ поволокут на Голгофу.

1972

СОЛЬ И СОР АМЕРИКАНСКОЙ ЗЕМЛИ

Кто такой полковник Дэвид Хэкуорт? Самый заслуженный офицер американской армии — если считать заслуги боевыми наградами. У него девятью одна медаль, включая восемь Пурпурных сердец, десять Серебряных и восемь Бронзовых звезд, а также восемь сайгонских медалей за храбрость. Четырежды ранен в Корее, четырежды — во Вьетнаме, где провел пять с половиной лет. Героя прозвали «человек-армия». Кроме того, Дэвид Хэкуорт автор «Вьетнамского букваря», который в первые годы «зеленых беретов» был классическим наставлением по борьбе с «повстанцами».

Где сейчас полковник Дэвид Хэкуорт? Ушел в 1971 году в отставку. В возрасте сорока лет. Раньше срока, как раньше срока — четырнадцати лет от роду — пошел в армию, подделав свидетельство о рождении. За три недели до прекращения огня во Вьетнаме корреспондент агентства ЮПИ нашел Дэвида Хэкуорта на австралийском курорте Суферс-Пэрадайз. Самый заслуженный офицер работает там официантом в кафе. На фотоснимке, сделанном корреспондентом, он без медалей, в белой куртке официанта. У кухонного стола. Улыбается.

Почему полковник стал официантом, а не генералом? И чему он улыбается? «Я перебрался сюда. потому что люблю мир и покой», — говорит он. Пенсии отставника ему, может быть, и хватает, но, забыв о своих медалях, он перебрался в Австралию, чтобы «вести более честную и достойную жизнь».

чем та, которой я жил последние четверть века». Перед уходом в отставку он хлопнул дверью, публично заявив, что армейское командование лжет о вьетнамской войне.

Итак, боевой сочинитель «Вьетнамского буквара», человек из легенды, герой из героев устал ждать конца войны и заключил сепаратный мир с вьетнамцами и со своей совестью. Совесть подсказала ему, что истинный героизм предполагает цели возвышенные. Он прозрел и лишил казенную Америку назидательной сказки о примерном патриоте с орденскими колодками во всю грудь.

Теперь спросим: а кто такой Джерри Фридхайм? 38-летний американец в штатском и с длинным титулом — главный заместитель помощника министра обороны США. Короче — пресс-шеф Пентагона. По существу — пентагоновский попугай. Перед журналистами повторяет все, что велено. Прославился в страшные дни декабрьских налетов на Ханой и Хайфон. Тем прославился, что отрицал бомбежки гражданских объектов, в частности разрушение главной ханойской больницы Батьмай. Отрицал даже тогда, когда на американских телеэкранах показывали руины больницы Батьмай, заснятые американцами, которые побывали в те дни в Ханое. Джерри Фридхайм вообще сомневался в существовании такой больницы, намекая, что ее выдумала коммунистическая пропаганда. В страшные дни, когда стратегические бомбардировщики Б-52 устилали «коврами» бомб Ханой и Хайфон, этот бледнолицый худощавый чиновник с тихим кабинетным голосом стал вдруг единственным видимым ликом официального Вашингтона. И это был лик бесстыдной лжи. Большой лжи. Чудовищной — еще и от того, что она была рядом с документальной, неопровержимой правдой. Пентагоновского попку сравнивали с Геббельсом.

Тогда-то Джерри Фридхайм и получил свою единственную медаль — «За выдающуюся общественную службу». В наградной характеристике говорилось: «С безупречным профессионализмом он давал ясную, четкую, верную и своевременную информацию относительно деятельности министерства обороны по всему миру». Медаль прикрепили

ему к груди через неделю после окончания бомбежек — на торжественной церемонии в Пентагоне.

Вот два человека и две истории из тысяч историй долгой вьетнамской войны. Два направления. Две морали. Два урока...

На первых порах американские солдаты высаживались в джунглях убежденными антикоммунистами и, конечно, непобедимыми суперменами. Я застал эти времена в Америке. Неомраченным сиял ореол защитников «свободы и демократии». Сомневающихся считали жертвами коммунистической пропаганды, и они очень робели от такого обвинения. Министр обороны Роберт Макнамара числился в «почти гениях», а внедренный им математический метод «коэффициента убийств», при котором на каждого убитого «вьетконговца» неизменно приходились лишь десятые или сотые доли убитого американца, обещал «близкий свет в конце тоннеля». Генерала Уэстморленда, американского главнокомандующего в Сайгоне, президент Джонсон объявил величайшим полководцем. Генерал был красив и мужествен, как бог войны Марс. Утверждают, что за завтрак Уэсти садился в одном нижнем белье — чтобы после завтрака предстать перед телефоторепортерами в идеально отглаженной форме.

Все хотят казаться вместо того, чтобы быть, писал когда-то Герцен о буржуазной Европе. Сейчас Европа обучается этому искусству у Америки, где жизнь смешалась с театром, потому что нет спасения от телекамер. Но война не терпит показухи. Приходится быть, а не казаться. Кто помнит сейчас, что Макнамара ходил в гениях, а Уэстморленд — в величайших полководцах? Рослые американцы смотрели на вьетнамцев сверху вниз, выдумали презрительную кличку — «гуки». Но не ростом меряется мужество. В конце концов именно вьетнамские патриоты измерили настоящий рост и американских генералов, и американских политиков, этих, по выражению Валентина Катаева, «новых цезарей в демократических пиджаках».

А среди солдат в джунглях шло самообразование. Не по «Вьетнамским букварям». В одних прозревали люди, проникавшиеся героизмом и болью

другого народа. Пройдя через чистилище Вьетнама, рядовой Майкл Кейси стал поэтом, написал такие слова: «Если у тебя есть поле во Вьетнаме и дом в аду — продай поле и отправляйся домой». Другие до конца оставались послушными автоматами наподобие Джерри Фридхайма. У лжи, жестокости, равнодушия всегда имелось оправдание: «Это моя работа... Я лишь выполняю приказ...»

Одни в Америке жгли призывные карточки и шли в рядах антивоенных маршей. Другие в Южном Вьетнаме подносили зажигалки к соломе хат, сбрасывали на людей канистры с напалмом, превращали города в прах и руины. Вьетнамская война — это, кроме всего прочего, длинная летопись поступков и судеб американцев. В ней есть имена, достойные преклонения. В ней есть имена с клеймом позора. Не забыт лейтенант Колли, палач Сонгми. И не забыты четверо студентов Кентского университета, павшие от пуль национальных гвардейцев в мае 1970 года. Но такой долгой была война, что не все упомнишь. Кто помнит квакера Нормана Моррисона, который в ноябрьский день 1966 года облил себя бензином и вспыхнул у стен Пентагона, надеясь пробудить совесть соотечественников? Кто помнит?! А у него остались жена и дети.

Перебирая в памяти эту чужую войну, за которой пришлось следить в силу обязанностей — и морального долга — корреспондента, вспоминаешь, что все время ее обещали кончить — при Кеннеди, при Джонсоне, при Никсоне, из года в год, а порой с недели на неделю. И все потому, что сокровенный ее итог был ясен чуть ли не с начала: бесславная война, моральная и политическая катастрофа для Америки. О «миссии свободы и демократии» забыли еще в середине этой войны. Потом твердили: минутку терпения, дайте только спасти «национальную честь» и добиться «почетного мира». А средства выхода из войны были все грязнее и жестче, вплоть до финальных налетов на Ханой и Хайфон.

Многие тысячи, а может быть, и миллионы американцев заключили между тем свой сепаратный мир с Вьетнамом — до и после полковника Хэ-

курта, во всяком случае задолго до 27 января 1973 года. Не менее пятидесяти тысяч молодых людей призывного возраста укрылись в одной Канаде, сотни — в Швеции, Франции, Англии, Японии. Это не шкурники. Смертию смерть поправить можно лишь в справедливой борьбе, но беглецы из Америки больше, чем о спасении жизни, думали о спасении души. В самих Соединенных Штатах возникло гигантское подполье, и в нем каждый год исчезали около восьмидесяти тысяч американцев, уклоняясь от призыва или дезертируя из вооруженных сил. Десять тысяч — в военных тюрьмах, в ожидании военного трибунала. Около трехсот тысяч — демобилизовано, точнее, выгнано из армии: их поведение по тем или иным причинам не устраивало командование. Десятки тысяч солдат, прошедших Вьетнам, после демобилизации образовали антивоенные организации ветеранов.

И это лишь одна — военнослужащие — категория тех, кто подписал сепаратный мир, не дождавшись конца войны. А сколько других, и каких разных! Покойный Кинг... Доктор Спок... Братья Берригэн... Студенческие кэмпусы... Бывший министр юстиции Рамсей Кларк... Бывший министр обороны Кларк Клиффорд... Бывший посол в ООН Чарльз Йост... Бывший глава делегации США на парижских переговорах Аверелл Гарриман... Чуть ли не целый антивоенный кабинет можно сформировать из одних бывших министров.

В Лос-Анджелесе идет суд над Даниэлем Элсбергом. Он тоже заключил сепаратный мир, этот профессор, который некогда ставил в Южном Вьетнаме эксперименты в области «контрповстанческой войны», а потом, отрекшись от своей жестокой науки, предал гласности секретные «документы Пентагона».

Надо оговориться. Антивоенные настроения не отменяют и не перевешивают другую, менее приятную и более тяжелую истину. Как правило, Белому дому — при Джонсоне и при Никсоне — удавалось добиваться поддержки очередных эскалаций «молчаливым большинством». Опрос Гэллапа, проведенный через две недели после «рождественских бомбежек», дал такие цифры: 46 процентов — за бом-

бежки, 45 — против, 9 — без определенного мнения.

Одни бомбят — другие протестуют. Одни зверствуют, уничтожая далекую страну. Другие возмущаются зверствами, как бы искупая вину Америки в глазах цивилизованного мира. Национальное разделение труда. А третьи, имя которым — легион, просто равнодушны, и высочайшее достижение Америки второй половины XX века состоит в том, что она может позволить себе малую жестокую войну, которая идет и идет, не задевая многих американцев в их повседневной жизни. Это впечатление было гнетущим.

Однажды я поделился им с конгрессменом Полом Макклоски, смелым критиком войны. Он объяснил бесчувственность среднего американца несколькими факторами: ни один американский город никогда не бомбили; многие хотят верить, что президент знает больше, чем все мы остальные; у американцев есть дурная черта — если на войне их не убивают, то остальное, потери и разрушения других их не беспокоят.

Однако декабрьский террор бомб вызвал в Америке состояние нравственной тошноты. По определению того же Макклоски, Белый дом «зашел слишком далеко». С начала января 1973 года возникла беспрецедентная ситуация. Уже и конгресс США двигался к сепаратному миру во Вьетнаме, бросая вызов президенту. Складывалось большинство, готовое поддержать предложение о полном отказе правительству в ассигнованиях на войну. Лишь парафирование, а затем и подписание парижских соглашений о прекращении огня предотвратило противостояние законодательной и исполнительной власти, возможность конституционного кризиса.

И вот мир наступил, не сепаратный, для отдельных американцев, а для всей Америки, — провозглашенный президентом Никсоном и шестьдесят два раза подписанный в парижском отеле «Мажестик» государственным секретарем Роджерсом на страницах соглашений и протоколов. Последнего убитого американца, полковника Уильяма Ноулди, погибшего при артобстреле в южновьетнамском городе

Анлок, доставили сначала домой, в мичиганский город Маунт-Плезан, а потом в Вашингтон, где 6 февраля предали земле на Арлингтонском национальном кладбище. Похоронили по высшему разряду. Те же лошади везли гроб на том же артиллерийском лафете, на котором за две недели до этого везли по Конститушн-авеню гроб с телом скончавшегося экс-президента Линдона Джонсона. Тот же жеребец Черный Джек, которого все запомнили с похорон Джона Кеннеди, траурно приплясывал в кортеже. Америка умеет считать и хоронить своих мертвых. Вдова, оставшаяся с пятью детьми, стойчески перенесла удар судьбы. «Билл очень любил детей,— говорит она.— О людях во Вьетнаме он особенно заботился, потому что они так страдали».

Может, так оно и было. Но, во-первых, кто его туда просил? А во-вторых, насильно мил не будешь.

Насильно мил не будешь... Это, пожалуй, относится и к сегодняшнему миру, над которым все еще гудит эхо вчерашних бомб. Противники уже встречаются за столом совместной военной комиссии в Сайгоне и других местах, но на политическом

СОБЫТИЯ ФАКТЫ СУЖДЕНИЯ

«Величайший парадокс вьетнамской войны состоял в том, что военная интервенция, предпринятая США для укрепления своих позиций, на деле ослабила их в политическом, экономическом, социальном и моральном отношении как с точки зрения внутренней, так и международной... Осуществлявшаяся во имя цели национальной безопасности вьетнамская война и чрезмерные военные расходы, которые ей сопутствовали... способствовали внутреннему ослаблению американского общества...»

Дж. Мильстейн, американский политолог

фронте в Америке нет прекращения огня. Никто, конечно, не говорит об американской победе — настолько очевиден провал интервенции. Однако развернуто некое послевоенное наступление на антивоенных критиков. Советник президента Чарльз Колсон придумал выражение «бригада капитулянтов» и занес в эту бригаду сенаторов Фулбрайта, Макговерна, Эдварда Кеннеди, Черча. В чем капитулянтство? Они требовали отмены блокады северовьетнамских портов и прекращения террора бомб. Сенатор Барри Голдуотер объявляет «мелкими людьми» тех, кто призывал отказаться от «дипломатии» бомбардировщиков B-52.

Соль американской земли выдают за сор в попытке переписать морально-политический итог последнего десятилетия. А критики войны настаивают, как и раньше, что ее можно и нужно было давно завершить, тогда было бы меньше убитых, меньше истраченных миллиардов, меньше позора. Скорее стыдиться, чем гордиться! — так отвечают они на призыв президента Никсона «гордиться» самой долгой из американских войн. «Одно дело — радоваться тому, что пришел конец агонии, и совсем другое — гордиться этой войной», — так ставит вопрос один обозреватель.

...В Америке долго ждали мира, но 27 января, день прекращения огня, пришел и прошел странно, без праздника, без народного ликования на улицах, без хмеля. Фельетонист Рассел Бейкер вообразил чудака, который, начитавшись, как праздновали приход мира в старые добрые времена, нацепил на голову остроконечную карнавальную шляпу и, захватив клаксон для шумовых эффектов, отправился на главный перекресток большого города, предвкушая веселье среди толп и поцелуи с хорошенькими девушками. Вечерний перекресток был пуст, встретились лишь полицейский и средних лет супружеская пара, спешившая домой после просмотра порнографического фильма. Пара была озабочена инфляцией, биржевыми котировками, нынешней молодежью, упадком нравов, и все казалось этой паре, что все знают, откуда она возвращается. Полицейский давно не верил словам, исходящим от правительства, и потому был убежден, что война все

еще продолжается. В автобусе, в который сел чудака с клаксоном, все угрюмо молчали.

Картинки с натуры. Вечером 27 января я оказался на Таймс-сквер, самом бойком месте бойкого города Нью-Йорка, где американцы коллективно празднуют наступление Нового года, а время от времени — окончания своих войн. Прохожих и полицейских было, правда, больше, чем в фельетоне Бейкера, но каждый в одиночку занимался своим субботним делом. И кучки людей, как всегда, стояли под козырьками кинотеатров на 42-й улице, где крутят скандальные фильмы. Лил дождь, но разве дождь помеха веселым чудакам в карнавальных шляпах? Чудаков, однако, не было...

1973

БОБ ХОУКНИ И ДРУГИЕ

(На книжном прилавке и в реальной жизни)

Боб Хоукни спасает западную цивилизацию. «Моя жена не агент КГБ...» Дух Джо Маккарти вновь витает над Америкой. Фабрика смерти «Пантэкс» и «красный» епископ из Амарильо. «Г-н президент!.. Я страшусь этой бомбы. Не делайте этого опять...»

Как, вы не знаете Боба Хоукни? Человека, спасшего не только Америку, но и всю западную цивилизацию? Познакомьтесь.

Окончив университет Беркли в разгар вьетнамской войны, наш герой решает стать репортером номер один. Первая же его статья в либеральном журнале «Баррикады» раскрывает нечистоплотные методы работы ЦРУ, что вынуждает подать в отставку шефа департамента контрразведки Ника Флауэра. Во Вьетнаме Хоукни разоблачает зверства сайгонского режима, пишет с симпатией о повстанцах, первый сообщает об уничтожении американскими войсками целой деревни.

Как же был наивен бывший студент Беркли, который не смог догадаться, что с первой же написанной строчки он стал одним из винтиков операции Москвы по дезинформации общественного мнения! Дискредитации неугодных ей политиков, бизнесменов, журналистов.

И это лишь одно из звеньев глобального плана по захвату и уничтожению Запада. В соответствии с ним, достигнув военного превосходства, лишив Америку жизненно важных для нее нефтяных богатств Ближнего и Среднего Востока, Советы к 1985 году загонят в угол весь свободный мир. Более того, к этому времени в Вашингтоне в высших эшелонах власти будут заправлять агенты Москвы, а по всем западным странам будут расставлены сети всемирной террористической организации «Звезда».

И вот уже недавний друг Боба, а ныне высокопоставленный чиновник администрации, под диктовку красных комиссаров манипулирует сознани-

ем вице-президента США. Сотрудники института прогрессивных реформ, этого осинового гнезда советского шпионажа, захватывают ключевые посты в аппарате конгресса, Пентагоне, госдепартаменте. Ничего не могут поделаться ни ЦРУ, ни ФБР, шефов которых затаскали по судам за какие-то незаконные операции.

Смерть подруги, голливудской сексзвезды с экзотическим именем Тесса, которую затянула в свои щупальца «Звезда», окончательно открывает нашему герою глаза. Он решает действовать. И хотя красные агенты пытаются свернуть ему шею, Хоукни, прозрев, стремится разоблачить все эти происки Советов. Однако никто ему не верит и не желает публиковать разоблачительные материалы. На него навешивают ярлык маккартиста и мракобеса, который пытается сорвать процесс разрядки.

Вот тут-то и приходят на помощь недавние противники, старая гвардия в лице сенатора О'Рейли, давно предупреждавшего об экспансионистских планах русских, отставника Ника Флауэра, где-то в комодке под нижним бельем хранившего до лучших времен досье на всю красную агентуру. Не поздно ли? Ведь Советский Союз уже захватывает Саудовскую Аравию, другие ближневосточные страны. Либералы и предатели убеждают президента, что это всего лишь гнев народа и нечего было поддерживать прогнившие режимы. Последние молят Белый дом о военной поддержке.

— Генерал, есть ли у нас хотя бы две авиадесантные дивизии? — растерянно спрашивает президент начальника объединенного комитета штабов.

— Нет, сэр, — чуть ли не плача отвечает генерал.

И только в последний момент, когда казалось, уже ничто не спасет бедную Америку, удается разоблачить агентурную сеть Москвы и показать красным кулак. С позором уходит в отставку вице-президент, чье кресло занимает патриот О'Рейли, который берет в свои руки бразды правления. Срочно принимается форсированная программа перевооружения Америки, и в первую очередь ядерного. В район Персидского залива моментально отправляется найденный корпус быстрого развертывания. Денонсируется договор с русскими об ограни-

чении и сокращении стратегических вооружений, сострепанный теми же предателями, либералами. Западная цивилизация спасена! Боб Хоукни становится национальным героем. Каково!

О похождениях Боба Хоукни, героя супершпионского романа «Спайк» («Прокол»), здесь много говорили и писали.

— Прекрасно написанное, великолепно читаемое произведение, раскрывающее механизм дезинформации Советов. Разоблачает вызов, брошенный сейчас Америке и всему свободному миру, — умиляется бывший директор ЦРУ Ричард Хелмс. Тот самый Хелмс, который лгал конгрессу, американскому народу, пытаясь скрыть преступные деяния своего ведомства против правительства народного единства С. Альенде, другие грязные операции здешней разведки.

Поборники мифа о советской угрозе восхваляют авторов романа за то, что в занимательной детективной форме им якобы удалось поведать истинную правду о советском экспансионизме и тем самым привлечь к нему внимание сотен тысяч читателей. Ведь на протяжении многих месяцев «Прокол» стоял в списках бестселлеров — наиболее раскупаемых и читаемых книг.

Тем не менее с каждой страницы «Прокола» веет не только злобным антисоветизмом, но и неприкрытым маккартизмом, который кое-кто здесь хотел бы возродить. Проводя параллели с реальностью, читатель без труда может «обнаружить» московских агентов. Вымышленный радикальный журнал «Баррикады» — это реально существующий «Прогрессив». Проникнувший в ЦРУ предатель Филип Крепс из «Прокола» — Филип Эйджи, посмеявшийся разоблачить преступные операции этого ведомства. А осиное гнездо советского шпионажа, мифический институт прогрессивных реформ — либеральный институт политических исследований. Маккартистская травля также начиналась с публикации подобных «произведений». Вот почему похождения Боба Хоукни с таким отвращением были встречены честными литераторами, журналистами. «Когда, преследуя идеологические цели, авторы книги умышленно представляют извращенную ре-

PEACE PEACE PEACE PEACE
PEACE PEACE PEACE PEACE
PEACE PEACE PEACE PEACE
PEACE PEACE PEACE PEACE

альную картину, их произведения оказываются не более чем политической порнографией», — с презрением отзывается о «Проколе» журнал «Харперс».

Эта книга в красочной обложке, на которой звездно-полосатый флаг разрубают серп и молот, меня заинтересовала даже не столько своим интригующим сюжетом, сколько именами ее авторов, примелькавшимися на страницах западной печати. «Крестными отцами» Боба Хоукни стали А. де Борчгрейв, работавший до недавнего времени в «Ньюсуике», и английский журналист из «Экономиста» Р. Мосс. Своего крестника они щедро наделили собственными качествами.

И вот уже не Боб Хоукни, а один из его создателей громогласно изрекает: «Восьмидесятые годы будут для Запада ужасными. Советы наступают нам на пятки». Откуда такая осведомленность? «Он настолько близок к разведывательным кругам и антикоммунистическим лидерам некоторых стран, что уже давно превратился в их пропагандистский рупор», — пишет об А. де Борчгрейве «Нью-Йорк дейли ньюс».

Такой же идеологической пробы и соавтор «Прокола». «Способность обнаруживать заговор русских за любыми прогрессивными социальными изменениями сделала его любимчиком реакционных режимов от юаровских расистов до пиночетовской хунты», — такую нелестную характеристику Р. Моссу дает на страницах журнала «Инкуайэри» публицист Ф. Лэндис. Недаром же Сомоса, загнанный народным гневом в бункер, заказал нашему романисту серию статей о красной угрозе Никарагуа. Именно антикоммунистический опус Р. Мосса «Чили: марксистский эксперимент», издание которого субсидировало ЦРУ, с таким восторгом был встречен Пиночетом.

По образцу и подобию своему лепили авторы «Прокола» главного героя. Когда консерваторы еще находились в оппозиции, Р. Мосс составлял речи для госпожи Тэтчер, обвинявшей лейбористов в предательстве национальных интересов, уступках Москве. Именно он и обнаружил тогда в лейбористской партии две дюжины кремлевских агентов, которые и должны к 1985 году захватить Даунинг-

стрит, 10. И только когда стали известны его тесные связи с ЦРУ, антисоветчику пришлось распрощаться с железной леди. Рука Москвы?

Литературный вымысел и жизнь... «Проколом», который вышел как раз накануне президентских выборов, зачитывались Р. Рейган и его ближайшее окружение, которое и представило нынешнему хозяину Белого дома доклад по вопросам внутренней безопасности объемом в три тысячи страниц. Что же предлагает в нем «вся президентская рать»? Заявляя, что после окончания второй мировой войны внутренняя безопасность Америки никогда еще не была так подорвана, как в настоящее время, происками противника, составители доклада настаивают на необходимости развернуть массированную кампанию «общественного образования». Первый шаг в этом направлении — воскрешение деятельности печальной памяти Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, предоставление ЦРУ и ФБР широких полномочий в целях слежки за прогрессивными антивоенными организациями. Не последняя роль отводится и самому президенту, который должен «постоянно указывать на всю реальность подрывной деятельности, на антиамериканизм так называемых инакомыслящих».

Страшась размаха антиядерных выступлений, общенационального движения за замораживание ядерных арсеналов, Белый дом не замедлил воспользоваться этими рецептами. «Администрация, ее союзники в конгрессе, так называемые новые правые, — пишет на страницах «Виллидж войс» журналист А. Кокбурн, — развернули наступление на тех, кто борется против милитаристских приготовлений. Возглавляет же эту травлю сенатская подкомиссия по безопасности и терроризму». Сенатор О'Рейли, где вы?

В прошлом Джереми Дентон разбойничал во Вьетнаме. Во время одного из варварских налетов на базу патриотов был взят в плен. Потом отпущен. Теперь этот горе-войка — сенатор от Алабамы, председатель данной подкомиссии. Он-то и пригласил в нее для дачи показаний в качестве свидетелей обвинения одними из первых наших романистов — Борчгрейва и Мосса.

— Это маккартизм. Нас травят лишь за то, что мы подняли свой голос против ядерной угрозы, осуждаем за милитаристский психоз рейгановскую администрацию,— с возмущением говорит мне исполнительный секретарь американского Совета мира М. Майерсон.

Да что уж там, когда в красных агентшах... жены сенаторов.

С Бетти Бамперс мы познакомились в Нью-Гэмпшире, в небольшом городке Нью-Лондон, на встрече американских и советских журналистов. Уверен, что моих здешних коллег, принявших в ней участие, господин Дентон также моментально записал в подрывные элементы.

— Угроза ядерной войны возрастает. Как мать, я страшусь за будущее своих детей. Нужно что-то предпринять, действовать совместно. Вот почему наша организация и выступила с предложением объявить десятое октября, когда мы проведем общенациональные манифестации, Днем мира,— с нескрываемой тревогой говорила тогда моя собеседница.

В сенате идут слушания по этому вопросу. Джереми Дентон подобен разъяренному быку. Вскочив с места, он начинает размахивать пачкой «документов», доказывающих, что женский координационный комитет, которым руководит госпожа Бамперс,— гнездо московского шпионажа.

— Моя жена не агент КГБ. Она просто хочет спасти наших детей. Комитет был создан не в Кремле, а у меня на кухне,— пытается заступиться за свою супругу сенатор от Арканзаса Д. Бамперс. По его словам, все это напоминает ему маккартистские времена, когда в страхе перед карающим взглядом Джо Маккарти законодатели забивались под стол.

Оказалось, что среди сенаторских жен не одна Бетти Бамперс активно участвует в борьбе за мир. Нарушая все правила процедуры, встает сенатор от Колорадо Г. Харт. Он задает своим коллегам далеко не риторический вопрос: уж если законодатели с таким трудом отстаивают честь своих спутниц жизни, то что же делать простым американцам?

— Я обращаюсь к вам, сенатор от Алабамы. Стыдитесь!

Но мракобес из Алабамы и его подручные не унимаются. И вот уже в газетных ящиках, киосках, на магазинных прилавках лежит очередной номер самого популярного здесь журнала «Ридерс дайджест». Ежемесячно тридцать один миллион его экземпляров расходуется не только по всей Америке, но и во многих других странах.

На обложке жирными черными буквами набрано: «КГВ: магическая война за мир». Кто же это переплюнул Борчгрейва и Мосса, создав не «художественную», а уже «документальную» фальшивку? Да это же старший редактор «Дайджеста» Джон Бэррон, на протяжении многих лет публикующий пасквили, «разоблачающие» по всему миру красную агентуру. Досье Дентона и К⁰ в его руках.

Итак, вновь рука Москвы. На сей раз в антивоенном движении. Если поверить Бэррону, то цель этой грандиозной подрывной операции — «заставив США отказаться от создания новых систем вооружений, сохранить военное превосходство СССР». Одним словом — разоружить Америку. Секретное оружие русских и есть «фризинг» — идея замораживания обеими сторонами ядерных арсеналов. Увы, сокрушается клеветник, играя на чувствах людей, их страхе перед ядерной угрозой, красные агенты вовлекли в свои сети уже миллионы и миллионы людей.

Различными антивоенными организациями, злобно шипит кляузник, манипулируют советские шпионы — дипломаты, находящиеся в США и Западной Европе, посещающие эти страны ученые, представители различных делегаций. Это они, оказывается, вербуют продажных политиков, общественных и религиозных деятелей, которые по указке из Москвы и сгоняют, словно стадо баранов, сотни тысяч американцев, англичан, голландцев на манифестации, заставляя протестовать против нейтронной бомбы, «першингов», крылатых ракет, против планов ведения «ограниченной» и «затяжной» ядерных войн.

Особую же ненависть у Бэррона и его хозяев вызывает деятельность таких организаций, как Всемирный Совет Мира, американский Совет мира, другие прогрессивные организации, обличающие

милитаристский курс рейгановской администрации. Сразу же видно, как дотошно обработал картотеку ЦРУ и ФБР наш писака. У него данные и на конгрессмена Дж. Коннерса, президента организации «Врачи за социальную ответственность» Х. Колдикотт, священника У. Коффина, многих других активистов антиядерного движения, которые посмели вступить в контакт с общественными организациями борцов за мир из социалистических стран. Этих сразу же за решетку! Чтоб другим было не повадно!

Подобная грязная клевета — это не только плод воспаленного антисоветизмом и милитаризмом больного воображения Бэррона. Это заказ сверху. Ведь подобными фальшивками сегодня «подкрепляют» свои безответственные заявления представители администрации. Вплоть до самого хозяина Белого дома. В одной из своих последних речей Р. Рейган без обиняков заявил, что движение за замораживание ядерных арсеналов «затеяли не честные люди, которые стремятся к миру, а те, кто стремится ослабить Америку». Понимай: советские агенты.

Да, это сегодняшняя Америка, над которой вновь витает дух бесноватого Джо Маккарти. Сегодня его политические пасынки, для которых стопроцентный американец лишь тот, кто загодя готовится к ядерному апокалипсису, закапываясь, вооружаясь, запасаясь продовольствием, готовы застрелить любого, кто выступает за мир, за самое священное право человека — право на жизнь.

Неужто и это происки русских?..

...Штат Миссури. Мужчину средних лет патруль обнаружил у пусковой установки «Минитмен», когда над кукурузными полями вокруг зарытой в бетон ракеты вставал рассвет.

Человек стоял на коленях и молился.

— Он не проявляет никакой агрессивности. В руках держит крест. Какие будут приказания? — передал по радиации один из патрульных.

— Отобрать крест и арестовать, — слышался короткий, как лай, приказ.

Католический священник Джеймс Содер, пришедший сюда, чтобы своей символической молитвой

выразить протест против ядерного авантюризма Белого дома, был брошен за решетку без креста.

Бангор, штат Вашингтон. К воротам военно-морской базы подкатывает бронированный железнодорожный состав. Его груз — ядерные боеголовки, доставленные сюда с военного завода «Пантэкс», что в Амарильо, Техас, для подводных лодок «трайдент».

Состав блокируют манифестанты. Девять из них выходят вперед и становятся на рельсы. Их тут же арестовывает полиция. Состав медленно вползает за ворота.

От Техаса до Вашингтона расправлялись тогда с теми, кто попытался преградить путь этому каравану смерти.

Одна из жертв — профессор философии Джим Дуглас. Его небольшой домик в Бангоре как раз и расположен по соседству с военно-морской базой.

— Американцы, — рассказывает он, — все решительнее выступают против гонки ядерных вооружений, которую навязывает нам эта администрация. Ведь ядерное оружие уже расползлось по всей стране. Его перевозят по многим штатам, городам. Своими выступлениями мы стремимся заставить людей осознать, какую всемирную катастрофу может оно принести. Мы хотим, чтобы вся страна вышла на рельсы.

СОБЫТИЯ ФАКТЫ СУЖДЕНИЯ

«Мы привыкли думать о себе как об эмансипированном народе, называть себя демократичными, любящими свободу, свободными от предвзятостей и ненависти людьми... На самом деле, мы — вульгарная, легко управляемая толпа, чьи страсти легко мобилизуются демагогами, журналистами, религиозными шарлатанами, агитаторами и тому подобными. Страна великих возможностей стала страной бессмысленного труда и борьбы друг с другом».

Генри Миллер, американский писатель

Дугласа уже дважды арестовывали, за проникновение на базу и распространение там листовок с призывом к ядерному разоружению. Дважды приговаривали к шестимесячному тюремному сроку. Его жену, Шелли, шесть раз лишали свободы. Сейчас им вновь грозят расправой.

— Оштрафовав меня, приговорив к тюремному заключению условно, отдав под надзор полиции, суд тем самым поощряет приготовления к ядерной войне. Вот почему мое осуждение незаконно, противоречит законам божеским и человеческим, — бросил в лицо судьям профессор философии.

О Дугласах, Содере я узнал не из печатных изданий по правам человека государственного департамента, «Вашингтон пост» или же «Нью-Йорк таймс», а из небольших самодельных брошюр сторонников мира «Сопротивление ядерному оружию» и «Урожай справедливости».

И не только о них.

О Хелен Вудсон из Мэдисона. Матери одного собственного ребенка и десяти приемных. Оставив их на попечение близких, эта женщина отправилась в столицу, чтобы принять участие в демонстрации протеста у Белого дома. Домой к детям она смогла вернуться лишь через два с половиной месяца, все это время ее держали в тюрьме.

О трех американцах, которых судили за то, что они у базы стратегического командования посмели «испортить» федеральную собственность, пентагоновский плакат, гласивший: «Наша профессия — мир». Они же начертали на нем: «Ваша профессия — война».

О Марке Эндерлике и Карле Занзиге, которые у пусковых установок «Минитмен» решили сеять пшеницу. Когда их арестовали, от них смогли добиться лишь одного:

— Пусть эта земля приносит не смерть, а жизнь.

Их становится все больше. В 1982 году в ходе антиядерных выступлений было арестовано более четырех тысяч человек. Только за первые шесть месяцев 1983 года — уже более трех тысяч.

Заламывая за спину руки, их бросают в полицейские фургоны у стен Белого дома, Пентагона, ворот военных баз, полигонов, заводов,

у зданий оружейных концернов и ядерных лабораторий.

Одних держат под арестом несколько дней. Других — месяцами. Сейчас, перед лицом нарастающей волны антиядерных выступлений, администрация усиливает репрессии. «В последние месяцы, — сообщает журнал «Ньюклар таймс», — участники манифестаций сталкиваются с ужесточенным отношением к ним со стороны судов. Федеральные власти также заявили, что они будут требовать более длительных тюремных сроков».

Главный удар обрушен на ставшую центром этих выступлений ливерморскую группу действий, которая была создана несколько месяцев назад. «Прямые ненасильственные действия, — говорится в распространенном группой среди других организаций заявлении, — лишь один из путей протеста, необходимых для того, чтобы остановить гонку вооружений. Он становится прямым вызовом системе, которая потеряла связь со своими гражданами. Эти выступления показывают, до каких же крайностей доводят людей, стремящихся заставить правительство пойти навстречу нашему страстному желанию мира».

Однако Белый дом, вместо того чтобы прислушаться к голосу народа, усиливает репрессии. 20 июня 1983 года, в объявленный борцами за мир День ядерного разоружения, у стен ливерморской лаборатории было арестовано более тысячи человек. Их не могла вместить ни одна тюрьма в округе. Тогда у тюремных ворот был разбит оцепленный палаточный городок. Среди арестованных оказалось около сорока детей, двенадцать священников, студенты, рабочие, ученые, врачи, учителя.

Звоню в Калифорнию, в штаб-квартиру ливерморской группы действия. К телефону подходит активистка движения Т. Вудэрд. Прошу ее рассказать о судьбе арестованных.

— Одних власти были вынуждены отпустить через несколько дней. Однако других решено судить за «неповиновение», «блокировку уличного движения». Откопали какой-то закон. Но ведь есть один, высший закон для всех — обязанность сохранить мир, предотвратить ядерную катастрофу. Они

же хотят осудить на один-два года заключения активистов нашего движения. Если кого-либо даже условно, то ведь это — полицейский надзор и верный шанс потерять работу. Если же вы «попадётесь» еще раз, то вас ждет длительное тюремное заключение. Так они пытаются расправиться с нами, а других — запугать. Однако мои арестованные товарищи не сломлены. Они намерены продолжать борьбу. Это только начало.

В тот день бросали за решетку не только у стен ливерморской лаборатории. В Чикаго, как сообщил мне представитель местной антивоенной коалиции Э. Лайфек, у здания оружейного концерна «Нортроп» было арестовано тридцать семь человек. В Гротоне, узнаю от одного из инициаторов движения «Нет — «трайденстам!» А. Лэфоуна, у верфи «Электрик боут», где спускаются на воду эти ядерные чудовища, полиция схватила сто двадцать шесть борцов за мир.

Мой собеседник сам только что вышел из тюрьмы, проведя там шесть месяцев. 5 июля 1983 года вместе со своими друзьями он подобрался к стоящему у бегера «трайденту» и залил его борт кровью животных, совершив тем самым традиционный здесь ритуал протеста, в этом случае — против ядерного психоза.

— Среди нас, — вспоминает Лэфоун, — были и две католические монахини. Анна Монтомгери и Джудит Уотменс. Одна из них провела в тюрьме семь месяцев. Другая — четыре. Власти расправляются и с рабочими, служащими «Электрик боут», которые выступили против создания «трайдентов». Так, они уволили электрика Питера Фишера, активно участвующего в нашем движении. Это уже чистейшей воды маккартизм.

Действительно, активистов антиядерных выступлений не только бросают за решетку. Против них развернута оголтелая маккартистская травля. И направляет ее не кто иной, как сам президент. В последнее время президент все чаще говорит о «руке Москвы» в антивоенном движении, обвиняет его активистов в предательстве национальных интересов, преступных связях с Кремлем.

А ведь даже ФБР и ЦРУ не в силах предоста-

вить компрометирующую честных людей информацию! Может быть, у президента уже своя, личная разведка, агентура?

Не так давно здесь разразился громкий скандал. Стало известно, что секретные архивы специального подразделения лос-анджелесской полиции, на протяжении многих лет ведшего незаконную слежку за антивоенными организациями, архивы, которые судебные власти постановили уничтожить, были тайно переданы «исследовательскому» центру «Цели Запада». В этом центре довольно колоритны многие фигуры — от политиканов-антикоммунистов, воинствующего проповедника Дж. Фоуэлла, пентагоновских отставников до «отца» водородной бомбы Э. Теллера, — близкие к президенту.

Получив секретную информацию не только от лос-анджелесской полиции, центр «Цели Запада» создал целую секретную службу, компьютеризированную картотеку на сторонников мира. Отсюда и выплескивается ложь и клевета на страницы желтой прессы «Хьюмен ивентс», «Ридерс дайджест» — любимое чтиво Р. Рейгана. Достаточно прочитать опусы тех же А. де Борчгрейва, Р. Мосса, Дж. Бэррона, Дж. Риса и других писак-мракобесов, чтобы увидеть, какими же подлыми методами здесь борются с антивоенными выступлениями, нарастающим с каждым днем движением за замораживание ядерных арсеналов.

Они тщатся внушить своему народу, что все средоточие зла в «коварных русских», которые «могут ударить» каждую секунду, что можно не только пережить войну, но и победить в этой войне. Они травят, расправляются, бросают за решетку тех, кто не верит этому. Среди тех, кто восстает против ядерного безумия, и такая благородная женщина, как Хелен Вудсон. «Наш моральный долг, — написала она судье, разбиравшему ее «дело», — спасти наших детей. Я выразила свой протест против ядерного оружия, нанеся у Белого дома себе раны и пролив там свою кровь. Можно ли меня за это судить?»

Как и вся честная Америка, Хелен Вудсон подчиняется одному закону для всех — долгу защитить мир. Вот почему она и пришла в тот день

к Белому дому. Она обвинила президента в нарушении, попрании этого самого гуманного закона человечества.

Разве можно сравнить это преступление с блокировкой уличного движения?

В «красные» был зачислен и тот седовласый человек в роговых очках. Угрозы на него не действовали. И хотя ему уже было за восемьдесят, несмотря на тяжелейшую болезнь, он до конца не прекращал научную и общественную деятельность.

Последняя встреча за несколько недель до его смерти. Листаю записи.

На стенах кабинета профессора физики Гарвардского университета Дж. Кистяковского — фотографии Д. Эйзенхауэра, Дж. Кеннеди, Л. Джонсона, в администрациях которых он работал. Старик бросает взгляд на одну из них, на которой ровным почерком написано: «Дорогому Джорджу от Айка». Нарушив затянувшееся молчание, начинает медленно говорить:

— Да, Д. Эйзенхауэр не зря предупреждал об опасности возрастающей роли военно-промышленного комплекса. Может показаться странным, что сидящий перед вами человек, принимавший участие в создании атомной бомбы, сегодня выступает против ядерного оружия. Я был в пустыне «Путь к смерти», когда впервые в истории человечества небо разорвало смертоносное грибовидное облако. С тех пор прошло много лет. Но мы до сих пор блуждаем в этой пустыне. Многие годы работы в администрациях республиканцев и демократов убедили меня в том, что именно США каждый раз делают очередной первый шаг в этом смертельно опасном путешествии. Делаем мы этот бездумный шаг и сейчас, перевооружая Америку с целью достижения военного превосходства, пытаюсь заставить людей мыслить о немыслимом, смириться с возможностью уже не только какого-то «ограниченного» ядерного конфликта, но и выживания, победы в «затяжной» ядерной войне.

Вот почему Кистяковский действовал, боролся. Читал лекции, писал статьи, разоблачающие опасные планы Белого дома. И только страшная бо-

лезнь — рак — заставила уйти его с поста председателя «Совета за разумный мир». Цель этой организации — поддержка законодателей, которые выступают против авантюристического курса администрации Рейгана, за достижение конструктивных договоренностей в области контроля над ядерными вооружениями между нашими странами.

— Эти законодатели, — с возмущением говорит профессор, — подвергаются усиленным нападкам со стороны «ястребов». Но вот увидите, молодой человек, как и в физике, и в жизни действие вызовет противодействие. Несомненно, сопротивление безумному ядерному курсу Рейгана будет возрастать.

Он оказался прав. В 1979 году молодой специалист в области международных отношений Рэндалл Форсберг предложила идею замораживания ядерных арсеналов США и СССР. Год спустя, на ноябрьских выборах, ее предложение поддержали жители лишь трех графств штата Массачусетс.

— Сегодня, — говорит мне знакомый журналист из Вермонта, — «фризинг» на устах у всей Америки.

«В залах конгресса и глухих поселках Вермонта, — пишет журнал «Тайм», — американцы уже не просто размышляют о неммыслимом. Они ведут национальный диалог. Это новое отношение к угрозе ядерной войны разрушает традиционные политические границы».

Действительно, новое общенациональное движение имеет намного более широкую базу, чем антивоенные выступления периода вьетнамской войны. В него входят как демократы, так и республиканцы, рабочие и бизнесмены, врачи, адвокаты, учителя — миллионы людей, которых принято называть стопроцентными американцами. «Фризингом» охвачены и религиозные деятели, в том числе и считающаяся консервативно настроенной католическая церковь.

С этим человеком я пытался встретиться уже давно. Но все не получалось. Город, где он живет, закрыт для советских журналистов. Как-никак там собирают нейтронную бомбу. Не удавалось увидеть его и в других городах на многочисленных манифестациях, семинарах борцов за мир.

И вот эта встреча. В нью-йоркской церкви Риверсайд, что на берегу Гудзона, идет ежегодная конференция активистов антиядерного движения.

— Никто так не спекулирует на мифе о советской угрозе, как администрация Рейгана, — говорит один из руководителей вашингтонского института политических исследований, Р. Барнет.

— Несколько лет назад всю страну потряс ужасающий по своей жестокости случай. Методично нанося удары ножом, бандит убивал молодую женщину. Вырываясь из его рук, она звала на помощь. Двадцать семь наших сограждан были свидетелями этого убийства. Но никто так и не пришел на помощь. Женщина погибла. Так неужели и мы будем безмолвно наблюдать, как над миром опускается дамоклов меч ядерной катастрофы? До каких же пор это будет продолжаться? — взволнованно обращается к собравшимся Р. Хатчер, мэр некогда процветавшего сталелитейного Гэри, пережившего сейчас жесточайший экономический кризис, города, где безработица достигает уже двадцати процентов.

Следующий оратор. Среднего роста пожилой мужчина в католической сутане. За очками вдумчивые, внимательные глаза. Мягкий, спокойный тембр голоса. Начинает говорить:

— Решение приступить к крупномасштабному производству нейтронных снарядов — лишь одно из последних антигуманных решений Белого дома. Я призываю политиков и генералов к здравому смыслу при выработке военной стратегии. Я призываю людей, вовлеченных в производство ядерных бомб и ракет, осознать, что же они создают, и отказаться от этой работы.

Это и был его преподобие Лерой Матиссен, епископ из Амарильо, штат Техас.

Поздний вечер. Уже разошлись участники конференции. Служители церкви простым нажатием на выключатель гасят электрические свечи. Он начинает рассказывать:

— Мой дед перебрался из Германии в Техас в поисках заработка и жены, основав там семейную хлопковую ферму. На ней я и родился. Помню, как в двенадцатилетнем возрасте попросил родителей

подарить мне на рождество винчестер. Не удивляйтесь, у нас в Техасе уже с этого возраста любят баловаться оружием. Каждый день я его любовно чистил и смазывал. Но после того как однажды, придя домой, отец рассказал, как из точно такого же ружья на берегу Рио-Гранде полицейский выстрелом в спину убил мексиканца, во мне что-то перевернулось. Потом на охоте я нечаянно нажал на курок, и пуля прошла буквально в волоске от головы моего лучшего друга. «Извини, я не знал, что винчестер был заряжен», — только и мог я ему сказать.

Последний же раз я держал в руках оружие перед телом юноши, которого так же случайно застрелил мой другой приятель. «О, боже, я не думал, что винчестер заряжен», — беспомощно повтсрял он над бездыханным телом. Так кончилось для меня детство, забавы с игрушкой, которая убивает ближнего.

Он стал католическим священником. Потом епископом. Последние тридцать пять лет живет в Амарильо. Всего лишь в пятнадцати милях от строго огороженных и круглосуточно охраняемых мрачных корпусов завода «Пантэкс». Там более двух тысяч амарильцев производят окончательную сборку ядерных зарядов, в том числе и нейтронных. До недавнего времени Лерой Матиссен и не задумывался над этим.

— Ведь даже трагедия Хиросимы и Нагасаки ничем не потревожила мою совесть. Тогда я только был рад, что атомные бомбардировки помогли так быстро закончить войну, что мой брат, как и другие наши солдаты и офицеры, смог вернуться домой. Да и потом я продолжал свято верить в правоту того, что делает мое правительство.

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

Каждые 24 минуты в США происходит убийство, каждые 7 минут — изнасилование, каждую 51 секунду — бандитское нападение, каждые 10 секунд — ограбление квартиры, каждые 5 секунд — кража.

Из американской печати, 1983

Глаза ему раскрыла исповедь одного из прихожан — рабочего «Пантэкса». Пожилой мужчина пришел к епископу и взволнованно сказал:

— Падре, меня мучает совесть. По-моему, моя работа — грех. Посоветуйте, что же делать.

Эта исповедь застала его врасплох. Сказать — брось работу накануне пенсии, означало лишить прихожанина в старости средств к существованию. Он посоветовал остаться. Но, так же как и тот давний случай с винчестером, исповедь перевернула его представление теперь не об огнестрельном, а о ядерном оружии.

— Меня глубоко заинтересовал вопрос, почему же у таких людей, как президент Д. Эйзенхауэр, отец нашего ядерного подводного флота Х. Риквер, в конце концов наступило прозрение? Почему, уйдя в отставку, они обвинили в алчности и своекорыстии представителей военно-промышленного комплекса? Почему евангелист Б. Грэхэм, известный в прошлом своей непримиримостью к коммунизму, осознал, что в ядерный век человечество могут спасти лишь совместные усилия, договоренности по устранению ядерной угрозы. Последние милитаристские программы, воинственные заявления Белого дома, решение о производстве нейтронной бомбы убедили меня в том, что именно оружейные концерны в погоне за барышами раздувают милитаристский психоз. Они страшнее дьявола.

Техасский О'Рейли, Хоукни не простили ему такого свободомыслия. Мэр Амарильо Р. Клейн моментально заявил, что он возмущен поведением епископа. «Убирайся в Советский Союз, красный выкормыш!» — такими письмами от суперпатриотов сразу же были завалены редакции местных газет. И наконец, решение «совета граждан Амарильо», распределяющего между религиозными общинами пожертвования. Семейной католической службе, которую возглавляет Л. Матиссен, было отказано в субсидиях. Ведь она посмела помогать рабочим «Пантэкса», которых совесть заставила покинуть эту фабрику смерти.

— Нас «наказывают» в назидание другим. Чтобы никто, будь то католик, протестант, баптист, не

посмел последовать нашему примеру,— с возмущением говорит епископ.

Как это делается? По четвертому телеканалу Эн-би-си идет одна из самых популярных телепередач комментатора Фила Донэхтю. В ней участвуют два священника из Амарильо — Л. Матиссен и баптистский пастор Аллен Форд. Вокруг них — живая аудитория.

Л. Матиссен: Все мы хотим мира. Русские в том числе.

А. Форд: В Советах не может быть движения за мир. Там одни богохульники и злодеи. В мире есть силы добра и зла. Советы хотят уничтожить нас. Вот почему так необходимо новое ядерное оружие для нашей обороны. Русские лгуны. Они уже обманули нас в двадцати семи (!) договорах.

В зале встает женщина лет сорока: «Я католичка, мать троих детей. Я хочу, чтобы они жили без этого ужасающего страха перед ядерным апокалипсисом. Но сегодня мы страшимся, что это чудовищное оружие уничтожит всех нас».

А. Форд: Да, да. Они уничтожат всех нас, если, сдавшись, мы позволим навязать нам коммунизм.

Женщина: Вы просто параноик.

Но вряд ли на пастора наденут смирительную рубашку. Подобный стереотип мышления сегодня моден в официальном Вашингтоне. Глубоко задумавшись, епископ с какой-то горечью говорит:

— Все это можно сравнить с моим родным Техасом. У нас любят оружие. Плакаты с винчестерами, кольтами наклеивают на стены домов, дверки такси. Подростки с разных улиц «воюют», подражая героям Дж. Уэйна, К. Иствуда. Все они хотят быть шерифами, ковбоями. Увы, наши политики хотят того же. Они забыли о том, что играют на главной улице — планете Земля. Ракеты, «ограниченные» и «затяжные» войны для них — что-то вроде игрушечного кольта. Как будто они не знают, чем же заряжено это оружие.

Сегодня здесь за подобное свободомыслие клеют ярлык «красного» не только епископу из Ама-

рильо, но и сотням тысяч калифорнийцев, скотоводам и фермерам из Южной Дакоты, жителям Вермонта и других штатов, посмевающим поставить свои подписи под петициями, требующими заморозить ядерные арсеналы. Арлис Карри из Окленда, которая перешла свой Рубикон, активно включившись в антивоенное движение после того, как ее девятилетней дочке стали сниться ядерные кошмары. Врачам, людям благороднейшей профессии, за то, что они сказали — ядерная война будет последней эпидемией человечества. Билли Грэхэму, осознавшему, что же несет человечеству ядерное оружие. И наконец, тем ученым, которые, создав атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, спустя многие годы поняли, к чему же приведет дальнейшая гонка вооружений.

— Вся эта травля,— продолжает мой собеседник,— заставляет многих отказываться мыслить. Как показал недавний опрос, подавляющее большинство студентов нашего местного университета даже и не слышали о «Пантэксе». А если и слышали, то не знают, что там производят. Подумать только, один из прихожан сказал мне: «Падре, зачем вы поднимаете весь этот шум? Ведь нейтронная бомба — это то, что надо. Она же уничтожает танки, пушки, но зато оставляет в живых людей». Когда же ему сказали, что все наоборот, он был просто потрясен.

Но сегодня епископ не одинок. Ведь уже проснулся и считающийся консервативным юг страны. Не так давно в одном из крупнейших техасских городов — Остине — прошел референдум, который показал, что четверо из каждых пяти остинцев поддерживают идею замораживания ядерного оружия.

Звоню в Амарильо Скотту Андресу, одному из организаторов только что прошедших здесь «слушаний граждан по проблемам гонки вооружений».

— Даже люди в нашем городе, где многие зависят от благополучия «Пантэкса», начинают понимать, насколько же опасна и безумна милитаристская политика Белого дома,— слышу от него.

...Как бы приглашая покинуть церковь, пожилой седовласый негр гасит последние свечи. Разговор

подходит к концу. Не во всем соглашаюсь со своим собеседником. Видно, что многие его представления о нашей стране базируются на домыслах здешней официальной пропаганды. Он человек иного мира, иных воззрений. Но в тот вечер католику и атеисту удалось найти взаимопонимание.

— Нет сейчас более важной задачи, чем спасение человечества от ядерного апокалипсиса. Для этого необходимо объединить усилия всех людей доброй воли. Независимо от их идеологии и вероисповедания, — говорит мне на прощанье человек, живущий всего лишь в пятнадцати милях от ядерного ада «Пантэкса».

Так думают сегодня и многие вермонтцы.

«Если вы ищете спасения от шумного и неугодного Нью-Йорка, собираетесь немного отдохнуть, отправляйтесь в край зеленых гор с его живописнейшими лесами, озерами», — советует вам путешеводитель. Это и есть Вермонт — один из самых малонаселенных штатов страны, где в крупнейшем городе проживает немногим более тридцати тысяч, а в столице — Монтплиере — всего лишь девять. Одним словом, медвежий уголок, американская глубинка, известная разве что своими туристскими красотами, деревообрабатывающей промышленностью, производством кленового сиропа.

Однако в последнее время о вермонтцах заговорила вся страна.

Эта традиция в штатах Новой Англии сохранилась еще со времен колониального правления британской короны. Ежегодно здесь проводятся своеобразные городские собрания. В 1981 году, как и обычно в краю зеленых гор, они проходили в первый вторник марта.

В некоторых местах жители потребовали от местных властей отремонтировать разбитые дороги. В других — увеличить ассигнования школам. В третьих — положить конец хищническому разграблению лесодобывающими и горнорудными компаниями природных богатств.

Однако в этот раз вермонтцев объединила одна общая тревога, единое требование к Белому дому прекратить безумную гонку ядерных вооружений. В ста пятидесяти шести городских общинах из ста

семидесяти пяти в тот первый вторник марта были приняты резолюции, в которых люди поддержали идею незамедлительного замораживания ядерных арсеналов.

Путни, окруженный со всех сторон живописными горами, один из этих городков. Узкая, бегущая то вверх, то вниз главная улица — Мейн-стрит. Одна школа. Единственное почтовое отделение. Один врач. Уже по проселочной дороге машина забирается на вершину холма. Небольшой деревянный домик. Дверь открывает его хозяйка Кристл Хольтцер.

Ей шестьдесят восемь. Пятеро детей и столько же внуков. Почти всю жизнь проработала переплетчицей. Сейчас на пенсии.

— Но какой уж там покой, когда с каждым днем все больше страшишься за будущее. Я-то хоть пожила свое. А что останется внукам? — В ее голосе звучит нескрываемая тревога.

Как и миллионы других американцев, Кристл Хольтцер страшит угроза ядерной катастрофы. Ей стало ясно, что только массовым движением протеста можно остановить эту надвигающуюся опасность. Вот почему она и решила действовать, активно включившись в местное движение квакеров, религиозной организации, ставшей одной из инициаторов кампании за ядерное замораживание. Сегодня в доме Кристл своеобразная штаб-квартира борцов за мир штата Вермонт.

Второй собеседник чем-то похож на чеховского героя. Сразу же располагающее к себе, открытое, интеллигентное лицо. Разливая по чашкам кофе, руководитель здешних квакеров Дэвид Маккали начинает рассказывать:

— А все началось в августе восьмидесятого. Тогда в годовщину трагедии Хиросимы и Нагасаки мы организовали символический марш мира Вашингтон — Москва. Нет, не между нашими столицами, а у себя в Вермонте между маленькими поселками, носящими эти названия. Расстояние всего лишь тридцать семь миль. В следующем году в марше уже приняло участие несколько сот человек. Не удивляйтесь, но главным организатором нашего движения стал сам Рейган. Его безрассудная

ядерная политика напугала людей, заставила глубоко задуматься и включиться в борьбу. Более двух тысяч активистов нашего движения, собрав необходимое количество подписей, тем самым помогли поставить на голосование петиции, требующие замораживания новых видов ядерных вооружений. Результат налицо.

Маккали вспоминает о том, как проходило голосование. В Путни из пятисот горожан, пришедших в городской совет, резолюцию поддержали триста пятьдесят. В Маршфилде, Барнете и многих других поселках она была принята единогласно. Провалили же ее или же отложили голосование там, где инициативу успели перехватить местные ура-патриоты. Так, в местечке Дэнвилл на страхе его обитателей перед советской угрозой смог сыграть отставной пентагоновский полковник Роджер Бойл. Отказались поддержать ее и жители Гротона, которых «заворожил» бывший госдеповец Джеймс Энгл, заявивший, что движение за замораживание — это не что иное, как коммунистический заговор, цель которого разоружить Америку. Знакомое имя: это он, будучи послом в Никарагуа, тщился спасти от народного гнева Сомосу.

— Они-то и обвиняют нас в том, что мы продались Москве, находимся на ее содержании. Приезжайте завтра в Монтплиер, и вы увидите собственными глазами, кого же они записывают в советские агенты, — приглашает мой собеседник.

В переполненной церкви, что на центральной улице города, идет ежегодная конференция сторонников мира Вермонта. К собравшимся обращается Д. Маккали:

— Мы не будем уподобляться «сейрвайвалистам», ищущим спасения от ядерной катастрофы в бункерах. Совместными усилиями мы должны предотвратить ее. Вот почему наша цель — продолжать расширять базу нашего движения, которое уже охватывает всю страну. Это заставит еще больше конгрессменов поддержать инициативу по замораживанию ядерного оружия. Белый дом останется в полной изоляции. Ведь вспомним, что до референдума в Вермонте немногим более двадцати законодателей поддерживали резолюцию по замо-

раживанию Кеннеди — Хэтфилда. А после нее их уже стало более двухсот.

Здесь же знакомлюсь еще с двумя вермонтцами. Пол Колодана из Барнета. Учитель колледжа. Ричард Хауроуз — настоятель протестантской церкви в местечке Питчуме. Они также активно участвуют в движении за мир. Вот почему их тоже не жалуют местные ура-патриоты, некоторые из которых объявили бойкот церковным службам «красного пастора».

— Что поделаешь! — говорит он. — Милитаристская пропаганда сегодня до того затуманила многим мозги, что в предательстве национальных интересов обвиняют даже тех, кто стремится к миру и взаимопониманию между народами. Предубеждения в отношении вашей страны, миф о советской угрозе впитываются буквально с материнским молоком. Но мы знаем, что народ, потерявший в борьбе с фашизмом двадцать миллионов жизней, не может хотеть всеразрушающей катастрофы. Вот почему мы и решили организовать делегацию вермонтцев, которая посетила бы вашу страну. В нее войдут рабочие, фермеры, учителя, священники. Увидев собственными глазами, как советские люди стремятся к миру, вернувшись домой, они расскажут об этом своим близким, просто соседям.

В черных списках Дентона, Бэррона и К⁰ и эта хрупкая, коротко подстриженная женщина, открывающая дверь одного из домов бостонского пригорода Уотертауна.

— Хелен Колдикотт, — представляется она, проводя в штаб-квартиру организации «Врачи за социальную ответственность».

О Хелен я много слышал от своих здешних знакомых, знал о ее неутомимой деятельности в защиту мира. Что же заставило известного педиатра, одного из лучших специалистов в области лечения кистовидных опухолей отказаться от медицинской практики, исследований и полностью посвятить себя борьбе против ядерной угрозы?

— Да, для меня это было трудное решение. Наверное, окончательно оно пришло, когда я посетила Хиросиму в годовщину атомного взрыва. Бомба была сброшена жарким летним утром в восемь

пятнадцать. Мы собрались в парке Мира точно в это время. В небо взметнулись тысячи голубей. Меня охватило чувство печали и гнева. Я думала о людях, все еще умирающих от лейкемии, рака. Но нас это ничему не научило. Мы пристрастились к ядерным бомбам, как к наркотикам. Мы платим за них из нашего собственного кармана. Вот почему одна из главных задач нашей организации — разъяснить с медицинской точки зрения все катастрофические последствия использования ядерного оружия. Не только политикам, но и всем людям. К сожалению, за повседневными заботами многие из них совершенно не задумываются, что же произойдет, если ядерное чудовище вырвется на свободу. Другие же поддались милитаристской обработке. Есть и те, кто считает, что человек уже бессилен остановить эту карусель смерти, строят из себя фаталистов, цинично заявляя, что человечество не заслуживает большего, чем уничтожение. Против вот этой атрофии ответственности за будущее и направлена наша работа. Что же касается политиков, то многими из них манипулирует военно-промышленный комплекс, который обладает огромными финансовыми и пропагандистскими рычагами. Завися от него, они превращаются в заложников срока пребывания на своем посту и не заглядывают дальше него. Вот почему у них так не развито чувство моральной ответственности за судьбы мира.

Есть что-то символичное в том, что именно человек, посвятивший себя борьбе за здоровье, спасение детей, встал на защиту всех людей от ядерной катастрофы. Глубоко задумавшись, моя собеседница продолжает:

— Когда смотрю в клинике на умирающего ребенка, которому мы бессильны помочь, меня начинает бить озноб. Неужели такое будущее уготовано всем детям! Ведь ядерное оружие будет первым убивать наше потомство — растущие клетки ребенка в десять — двадцать раз чувствительнее к радиации, чем у взрослого. И дети, понимая это, все больше страшатся за свое будущее.

Снова Вермонт, местечко Плейнфилд. Машина, недовольно урча мотором, вновь взбирается вверх по проселочной дороге. Снова небольшой дере-

вянный домик на вершине холма, в котором и живет семейство Рэйбин. Мать, две дочки. Глава семейства Джулс преподавал в местном колледже. Когда же его закрыли из-за нехватки ассигнований, он не стал перебираться на новое место, а, построив рядом с домом пекарню, превратился в заправского пекаря.

— Кое-как сводим концы с концами. Но мы так полюбили эти прекрасные края, что не смогли уехать отсюда, — рассказывает он.

Вот в этом доме и собрались более года назад Сьюзен и Нэсса Рэйбин вместе со своими друзьями. Посоветовавшись, решили организовать «кампанию детей за ядерное разоружение» — кампанию писем президенту от своих сверстников. Через несколько недель этих обращений было уже около трех тысяч. Тогда более сорока молодых американцев решили отправиться в Вашингтон и вручить их Р. Рейгану. Но ни он, ни его посланцы так и не вышли к ребятам. Дул пронзительный ветер, кто-то умышленно направил на них струи холодной воды из поливальной системы. Но дети не уходили от ограды Белого дома, пока не зачитали последнее обращение своего сверстника.

— Мне кажется, что это многому их научило. Многие из них теперь по-другому относятся к президенту. Но лучше об этом вам расскажет сама Нэсса. Она сейчас в школе. Поехали туда, — приглашает ее отец.

Школьная библиотека. Передо мной сидит тринадцатилетняя девочка в джинсовой куртке. Румяные щеки, рыжая челка. Голубые глаза с интересом рассматривают человека из Москвы.

— Нет, нас не остановил тот холодный душ у Белого дома, — улыбаясь, говорит она. — Наоборот. После этого к нам уже пришло еще более четырех тысяч писем на имя президента. Отделения нашей «компании» уже существуют в Нью-Йорке, Коннектикуте, Массачусетсе, Калифорнии.

Как бы в подтверждение своих слов, Нэсса показывает несколько писем. Разбираю детский почерк:

«Г-н президент! Прошу вас прекратить создавать ядерные бомбы!

Дэмиен Тревор, семь лет».

«Меня зовут Дэвид Хас. Мне десять лет. Думаю, что ядерная война — это грязная затея. Погибнет много невинных людей. Может быть уничтожен весь мир. Я не хочу умирать. Я не хочу, чтобы погибла моя семья. Я хочу жить и вырасти большим. Пожалуйста, устраните ядерную угрозу».

«Только что я прочитал книгу о второй мировой войне. В ней рассказывается о трагедии Хиросимы и Нагасаки. Как жестоко убивали там людей. Но, пожалуй, самое страшное было потом — врожденные заболевания, рак. Я боюсь этой бомбы. Не делайте этого опять.

Джошуа Стейн, 13 лет».

«Уважаемый господин Рейган! Когда в вас стреляли и вы были ранены, это была национальная трагедия. А кто будет сокрушаться обо мне, когда я погибну из-за вашей милитаристской политики?

Лиза Нарт, 15 лет».

«Не правда ли, смешно, что вы как президент знаете и заботитесь о ядерном разоружении намного меньше, чем дети? А может быть, это не так смешно?

Кэлли Рейфлер, Нью-Йорк».

Действительно, что может быть красноречивее этих строк? Быть может, и они инспирированы Москвой?

Вся эта Америка, от мала до велика, на подзрении Борчгрейва, Мосса, Бэррона, Дентона и К^о. Даже респектабельнейшие студии, продюсеры, режиссеры.

...Накануне показа этой телеленты многие больницы объявили о резком увеличении в понедельник приемных часов психиатров. По всей стране руководителями школ были разосланы родителям уведомления о том, что во избежание психических потрясений картину не следует смотреть детям.

— Ведь это не просто еще одна картина ужасов, после которой мы сможем успокоить детей, объяснив им, что в реальной жизни нет ни вампиров, ни призраков, — так объясняет это решение глава школьной системы Нью-Йорка А. Альвирадо.

Колосящиеся пшеницей поля Канзаса. В нескольких милях от них, в самом сердце Америки, — город Лоуренс с его пятидесятитысячным населением.

Обычный, ничем не примечательный день. Спешащий к своим пациентам врач — кардиолог Расселл Оукс. Радостная семья фермеров Далбергов готовится к свадьбе своей девятнадцатилетней дочери Дениз. Дети, бегущие в школу. Женщина, которая вот-вот должна родить ребенка.

Но все тревожнее звучат теле- и радиосообщения. За какие-то несколько часов Вашингтон развязывает в Европе... «ограниченную» ядерную войну. Но вряд ли можно спастись от нее на другом берегу Атлантики.

С военно-воздушной базы Уайтмэн, что неподалеку от Лоуренса, стартуют «минитмены». Они нацелены на советские города. Ответный удар неминуем.

Над Канзас-сити взметается тот страшный гриб. Через несколько секунд сжигающий на своем пути все живое ядерный смерч. Руины, пожары. И за сорок миль, в Лоуренсе, тысячи изуродованных трупов. Жуткие сцены гибели людей. Облученные до смерти, в том числе и Дениз, жители города. Они умрут через несколько часов. Оукс, работники больницы безуспешно пытаются помочь раненым, искалеченным. Стоны, предсмертные крики, паника, грабежи, насилие. Еще живые завидуют мертвым.

И в этом аду слышен затухающий голос диктора местной радиостанции:

— Хэллоу! Это Лоуренс, Канзас. Хоть кто-нибудь слышит меня...

Два с лишним часа в один из ноябрьских воскресных вечеров американцы были свидетелями начала ядерной войны, гибели Лоуренса. К счастью, лишь на экране телевизоров, увидев фильм «На следующий день», снятый телекомпанией Эй-би-си.

Своей жестокой правдой, откровенным натурализмом фильм потряс, взволновал Америку.

— Это подобно взрыву ядерной бомбы в каждом доме, — делится со мной знакомый ньюоркец.

Не во всем можно согласиться с авторами ленты. Например, с «советским вторжением» в Западную Европу. И тем не менее уже во время работы над сценарием, съемок авторы картины столкнулись с резкой оппозицией Пентагона, к которому они обратились за разрешением снять сцены на базах, использовать военную технику. При этом цензоры в военных мундирах нагло навязывали свою трактовку «событий»: ядерную войну можно пережить и даже победить в ней.

Многое не понравилось пентагоновским чиновникам.

Например, почему в картине не отражена работа почты в Лоуренсе после того дня. Не секрет, что администрация по всей стране «потом» намеревается наладить доставку писем и телеграмм. Не забыта и налоговая служба после Судного дня. Недовольны, наверное, в Пентагоне и тем, что нет в картине и рекламы противоракетной космической обороны, которой завораживает своих сограждан президент, реально существующих опиумных складов в Нью-Йорке, Коннектикуте, Колорадо, с помощью которых власти намерены облегчить страдания уцелевшим, в том числе пациентам доктора Оукса.

ФАКТЫ СОБЫТИЯ СУЖДЕНИЯ

«Утверждение, будто на политику правительства серьезное влияние оказывает воля народа, поскольку существует конкуренция между двумя политическими партиями, совершенно беспочвенно. Политическая жизнь, как правило, сводится к отбору честолюбивых адвокатов, выходцев из средней или крупной буржуазии, которые в подавляющем большинстве случаев лишены устоявшихся взглядов и знают, как пробиться вперед с помощью риторики».

У. Домхоф, профессор Калифорнийского университета

И вообще, зачем так сгущать краски?

— Выройте яму. Накройте ее парочкой досок, а потом набросайте три фута земли. Если хватит лопат, каждый сможет сделать это,— такую программу выживания, в том числе и для Лоуренцев, авторитетно предлагает не кто иной, как помощник шефа Пентагона Т. Джоунс.

— После же того как они в категоричной форме потребовали, чтобы в фильме было четко показано, что первый ядерный удар наносят русские, мы были вынуждены отказаться от дальнейших контактов с Пентагоном,— вспоминает режиссер фильма Н. Мейер.

Вот тогда официальный Вашингтон и спустил с цепи всю милитаристскую свору. И после демонстрации фильма она продолжает травить, грызть, казалось бы, вполне respectable телекомпанию. За что?

— Эта пропагандистская поделка либералов на руку Москве. Запугав людей, взбудоражив умы миллионов, она лишь обезоружит нас, поможет тем, кто требует фризинга,— беснуется издатель рупра консерваторов «Нешнл ревью» У. Рашер.

— Эй-би-си продается Советам,— повизгивает пожелтевшая от злобы бульварная «Нью-Йорк пост».

— Они подрывают наше правительство, дискредитируют все символы власти. Показ картины накануне размещения наших ракет в Европе — это не что иное, как заговор,— заходится директор «Фонда консервативного большинства» (а есть ли оно?) П. Дитрих, грозящий привлечь создателей ленты к судебной ответственности.

— Бойкот красным последышам! Не продавать им рекламы, бойкотировать товары тех, кто посмеет сделать это! — призывает евангелист от ядерной бомбы Дж. Фоуэлл, ретивые прихожане которого устраивали по всей стране у студий Эй-би-си шумные, но почему-то малочисленные демонстрации.

Есть и другая Америка, которую картина не только глубоко потрясла, но и заставила действовать.

В те дни в Нью-Йорке, во многих других городах на улицах, в магазинах, кинотеатрах вам раз-

давали листовки с призывом «Не допустим гибели Лоуренса, нашей планеты». «Нет! — «першингам», «МХ»!»

В Калифорнии действует коалиция «Накануне», которая направляет выступления против авантюристического ядерного курса Белого дома. По всей стране сразу же после показа фильма в городских советах, церквах, студенческих аудиториях собирались люди, которые делились своей тревогой, принимали петиции в поддержку контроля над ядерными вооружениями, замораживания.

«Каждый из нас смотрел «На следующий день». Надеюсь, что и вы тоже», — такие телеграммы направляли в Белый дом жители массачусетского городка Норсфилда.

— Поддерживая огромный военный бюджет Рейгана, мы будем сами виноваты в этой катастрофе, — вытирая слезы, говорит пожилая горожанка Нэшвилла.

...Последние кадры. Первый родившийся на следующий день ребенок. На него, как на продолжателя рода человеческого, смотрят уцелевшие. Крупица надежды?

Нет. В жизни концовка будет иной. Ядерный вампир окажется беспощадным, уничтожив все живое.

Как раз накануне демонстрации этой ленты в Вашингтоне собрались известные ученые — врачи, биологи, астрофизики, метеорологи. Потрясенной общественности они представили свои параллельные исследования, касающиеся последствий ядерной войны. Если будет взорвана даже малая толика этого страшного оружия, в короткий срок погибнут более двух миллиардов землян. Остальные будут обречены на медленное, мучительное вымирание. В сторону сильного похолодания резко изменится климат, наступит, как говорит метеоролог Р. Турко, ядерная зима. Будет погублена атмосфера, и над нашей планетой опустится вечная ночь. Постепенно погибнет вся флора и фауна. Вот что ждет «на следующий день» того ребенка, все человечество.

Разные люди увидели телегибель Лоуренса. В небольшом городке в штате Мэн собрались вместе

в участке свободные от дежурства полицейские. В одном из казино Рино все-таки оторвались от игры его завсегдатаи. По данным печати, десятки миллионов в тот воскресный вечер включили телеканал Эй-би-си. На многое открыли им глаза эти два с лишним часа.

Всю эту Америку невозможно записать в красные агенты, подрывающие ядерную безопасность своей страны. Вот почему Белый дом, которому явно не пришлась по вкусу картина, и тот вынужден маневрировать. И моментально появилась официальная брошюрка «Президент Рейган о мире, сокращении вооружений, сдерживании». На теле студии зашевелили представители администрации, в том числе и госсекретарь Дж. Шульц, которые не нашли ничего лучшего как попытаться все той же ядерной советской угрозой оправдать свой безрассудный ядерный курс.

Сам президент, посмотрев фильм, заявил, что он разделяет тревоги своих сограждан, а вся его кипучая деятельность якобы направлена на... устранение угрозы ядерной войны, в которой нельзя победить.

Странно, ведь не где-то, а в администрации Р. Рейгана Т. Джоунс и другие пентагоновцы по команде из Белого дома запасаются лопатами, готовят космический «ядерный щит», почтальонов и налоговых инспекторов с того света, спасительный оплум.

Там, на лужайке, у того дома и собираются почетные гости, Дж. Фоуэлл и К⁰, а его обитатели зачитываются «Проколом».

На следующий день после показа этой картины я вновь решил зайти в один из крупнейших книжных магазинов «Барнс энд ноубл», расположенный на углу Пятой авеню и Восемнадцатой улицы. Здесь раньше я и приобрел «Прокол».

На книжных витринах антисоветского читаво хоть отбавляй. На все вкусы. И для тех, кто не в дстективной форме, а на серьезном «научном» уровне стремится познать кремлевские планы захвата мира. «Впечатляющая картина упадка американского могущества. Детально раскрывается механизм советского экспансионизма», — читаю анно-

тацию к очередному опусу советолога Н. Подгореца «Существующая опасность».

Но пожалуй, если бы существовал конкурс на лучшую стратегическую выдумку милитаристских писак, то победу бы одержал отставной английский генерал сэр Р. Хаккет. В соавторстве с другими натовскими отставниками генерал более чем на пятистах страницах расписывает сценарий третьей мировой войны.

Итак, в 1985 году (ох уж эта роковая для Запада дата!) Советы наносят неожиданный ядерный удар по Бирмингему. Западу, хоть он и не хотел этого, в ответ приходится уничтожить Минск. Три недели «воюет» так команда Хаккета, сея по планете смерть, разрушения, радиоактивную пыль. Конечно же, виновник — московский агрессор. «Захватывающая и впечатляющая книга!» — в восторге восклицает военный обозреватель «Нью-Йорк таймс» Д. Миддлтон. Еще бы! Какое обилие пропагандистской пицци для размышлений насчет советской угрозы!

Но вернемся к «Проколу». Став бестселлером, перекочевав из твердой обложки в мягкую, он уже успел завоевать «масс маркет», так называемый массовый книжный рынок. «Прокол» вам теперь могут положить в пакет вместе с продуктами в супермаркете, вместе с журналом — в газетном киоске, с аспирином — в аптеке. Так же как и «Парк Горького», «Дьявольскую альтернативу», «Человека, проигравшего мир», «Первый удар». Это для тех, кто не выдерживает умствований советологов, стратегических выкладок бывших и нынешних военных чинов. Здесь все намного проще и доходчивее. Любовные сцены перемежку с погонями, убийствами, агентами Москвы, тоннами крадущими из Америки военные секреты, общественных и религиозных деятелей. Иногда вся эта заваруха кончается ядерной войной. В другой же раз бдительным коллегам Джеймса Бонда и Боба Хоукни в последнюю минуту удается разоблачить коварных русских.

«Прокол» — жаргонное словечко здешних журналистов, означающее «выбросить в корзину», не допустить на газетную полосу материал по полити-

ческим причинам. Как нельзя лучше оно подходит к тому, чем и занимается здешняя пропаганда, вытравливая с книжных страниц, газетных полос, телеэкрана правду о Советском Союзе, его миролюбивом внешнеполитическом курсе. И хотя жанры перечисленных выше книг различны — цель их одна. Окончательно запугать людей красной угрозой, еще больше подхлестнуть гонку вооружений, дискредитировать противников милитаристских приготовлений, развязать руки ЦРУ, вновь заставить американский народ штыком и долларом удерживать у власти пиночетов.

Вот молодой человек в сером плаще берет с полки «Третью мировую войну» и идет к кассе. Седовласый господин, немного поколебавшись, останавливает свой выбор на «Проколе». Только в твердой обложке это «произведение» разошлось двухсоттысячным тиражом. А сколько еще сотен тысяч разойдется в дешевой мягкой в супермаркетах, газетных киосках, аптеках! В обстановке продолжающегося разжигания антисоветизма и милитаризма подобное чтиво идет нарасхват.

А может быть, все это правда и «фризинг» действительно дело рук Москвы, которая манипулирует нашим сознанием через своих шпионов Бетти Бамперс, Джорджа Кистяковского, Лероя Матиссена, Хелен Колдикотт, довчонок Нэссу и Сьюзен Рэйбин? Неужто и Эй-би-си уже в лапах большевиков, которые с телеэкрана нанесли такой хитрый удар? Где грань между вымыслом и правдой, когда об этом предупреждает патриот-сенатор Дж. Дентон, такой солидный журнал, как «Ридерс дайджест», намекает на это даже Белый дом? Есть о чем, отложив «Прокол», задуматься на сон грядущий здешнему обывателю.

Подхожу к продавцу. Спрашиваю, нельзя ли приобрести издание Советской конституции, в законодательном порядке запрещающей пропаганду войны, вражды и ненависти между народами.

— К сожалению, нет в продаже, сэр, — лишь пожимает плечами тот в ответ.

Нью-Йорк

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГАЙАВАТЫ

Семинолы не подписали договора о капитуляции. Сорок четыре года — такова средняя продолжительность жизни американского индейца. «...В самых нищих деревушках Сицилии люди живут много лучше». К. Биллекорд: «Правительство сознательно проводит политику геноцида по отношению к коренному населению страны».

Головка индейца, выточенная из янтарной пластмассы. Она горела в подстриженной траве, щедро налитая легким утренним солнцем. Видно, удар был так резок, что фигурку сорвало с капота машины, и она лежала метрах в двух от груды развороченного металла и битого стекла — фантастической конструкции, похожей на модернистскую скульптуру, в которую превратился старенький «понтяк».

— Еще один, — заметил довольно бодро мистер Уайли. В шортах и пляжных тапочках, с полотенцем через плечо наш сосед направлялся на утреннее купание. — А может, и не один, — продолжал он философский монолог. — Сколько их еще побьет-ся на этом дьявольском шоссе?

Действительно, километровый участок новой дороги, только что проложенной вдоль песчаного берега залива, оказался на редкость коварным. Идеально гладкое, абсолютно прямое шоссе, в конце которого автомобилиста подстерегает неожиданный и резкий поворот.

Прошедшей ночью жители дачного поселка Бейвиль были разбужены громом молниеносной драмы. Отчаянный визг тормозов. Тяжелый удар. Отблески взметнувшегося пламени, вычертившие силуэты крыш. Потом завывали сирены подкатывавших полицейских машин, долго слышался ропот голосов, доносились всхлипывания. Затем все стихло.

И вот теперь, рядом с накатывающейся на песок волной, такой нелепый в обрамлении серебристого утра, среди яхт, подстриженных лужаек, нарядных домиков, такой противоестественный на фоне спокойного, ленивого благополучия — почерневший, искореженный остов машины. Памятник лихому водителю. Следы трагедии, одной из тех, что так часто достигают человека на дорогах и дома в богатой и комфортабельной стране Америке.

...Янтарная головка индейца. До чего же резкие, характерные черты лица: покатый лоб, крупный горбатый нос, отброшенные назад, как струи ветра, перья. А ведь я знаю этого человека. Это Джон Большое Дерево — индеец племени сенека. Еще недавно он жил на севере штата Нью-Йорк.

Айзек Джонни Джон Большое Дерево. Старый, очень старый Джон. Человек, о котором бледнолицые братья вспомнили трижды. Три раза почти за сто лет.

Первый раз индеец Джон понадобился Америке в 1915 году, когда было решено выпустить пятицентовую монету — «никел» — с изображением уздавшего хозяина Американского континента. Увековечить образ краснокожего было самое время — хозяин грозил навсегда исчезнуть с лица земли. Случай свел Джона с художником Джеймсом Фрейзером, имевшим задание Монетного двора. Это и определило выбор. Несколько месяцев Большое Дерево провел в Нью-Йорке, посещая художника.

На следующий год в резервацию сенека, что лежит на каменистых холмах на севере штата Нью-Йорк, пришла посылка с сургучным вашингтонским штемпелем. В коробке на мягкой подушечке лежала сверкающая пятицентовая монета. Первый «никел» с профилем индейца был дарован правительством лично Джону Большое Дерево.

Второй раз современная Америка, страна стеклянных небоскребов и стремительных шоссе, проявила внимание к человеку из прошлого почти полвека спустя. Компания «Дженерал моторс» решила украсить радиатор автомашины головкой краснокожего. Тогда-то и вспомнили об индейце, позировав-

шем для «никела». К удивлению автокоролей, Большое Дерево оказался жив и здоров в своей резервации. Его снова привезли в современный мир, на этот раз в Детройт, и, сделав все, что требовалось, отпустили с богом и двадцатью долларами в кулаке.

Третий раз... Историю этой встречи, наверное, последней встречи Джона Большое Дерево с Америкой, я и услышал вскоре после моего приезда в Соединенные Штаты.

— Привез! — послышался торжествующий клич из прихожей, и в студию, подталкиваемый посыльным, вошел высокий тощий старик. Он неуверенно передвигал ноги в тяжелых солдатских ботинках, словно нащупывал почву. Дряхлый старик, с запавшими щеками, в потертом пальто, похожий на за-всегдаев с улицы бродяг Бауэри.

— Как дела, шеф? Ты еще не лишился своей резервации? — весело приветствовал пришельца фотограф Карл Фишер.

Ответа не последовало. То ли не расслышал старый индеец вопроса, то ли не счел нужным отвечать.

Когда через час Джон Большое Дерево вышел из гримировальной комнаты, Фишер почувствовал, что его вопрос и впрямь был неуместным. Перед ними был настоящий индеец, вождь, имеющий не только резервацию, но и, по-видимому, что-то большее, нечто наполнявшее его старое, костлявое тело неожиданным величием. В черном парике, увенчанном разноцветными перьями, с ярким шарфом на шее, в мягкой куртке из оленьей кожи, Джон был великолепен. Он сидел на скамеечке, удивительно прямой в свои восемьдесят девять лет, глядя куда-то сквозь фотографов желтыми, совиными глазами.

— Выше голову, шеф. Нахмурься. Вот так.— Гример Эдди Зенц прыгал от разрывавшего его творческого восторга.

— Подумать только! В начале века этот парень позировал для «никела». И вот сейчас он снова перед нами. Сколько воды утекло! Сколько людей умерло и родилось! Как изменилась жизнь! А он, этот краснокожий, как ни в чем не бывало! Мы сде-

лаем шикарный портрет. «Эсквайр» с руками отхватит.

Зенц отбежал к стене. Еще раз взглянул на монетку в руке, бросил взгляд на Джона.

— Чего-то не хватает. Эврика! Нашел!

Кинул на лету:

— Два тампона ваты!

И, закладывая ватные валики в рот старика, пояснил:

— Нет зубов, не годится. Щеки нефотогеничные.

Схватил коробочку с гримом, стал втирать в морщинистую кожу лица бурую краску: «Люди считают, что краснокожий должен быть красным».

Старый индеец стоически переносил все подготовительные мытарства. Казалось, он вообще никого не видит и не слышит. Первый раз выражение какого-то участия в происходящем промелькнуло в его совиных глазах, когда Зенц произнес тираду о «никеле». Старик поманил гримера легким движением сухих пальцев. Зенц подскочил к нему, вынул у него изо рта вату.

— Только лоб и нос,— прошамкал Большое Дерево.— Мои в «никеле» только лоб и нос. Подбородок и волосы взяли у двух других индейцев — сиу и шейенна.

Он говорил по-английски довольно свободно, но с полным пренебрежением к грамматике.

— Вы, наверное, учились? — уважительно заинтересовался фотограф Фишер.

— Учился. Десять минут.

Подобие улыбки промелькнуло на морщинистом лице. Старый Джон хорошо помнит этот день. Это было давно, очень давно, когда был молод и силен его отец, великий вождь Двадцать Каноз.

— Я хочу научиться языку белого человека,— сказал он отцу.

— Мудрая мысль, мальчик,— одобрил Двадцать Каноз.

Джон очень волновался на следующее утро. Не поев, отправился спозаранку в школу, что незадолго перед этим открылась милях в пяти от их вигвама. Спешил, запыхался. Когда он распахнул дверь, мальчики и девочки уже сидели на циновках, а пе-

ред ними с палочкой в руке стояла строгая белая леди.

— О, к нам пожаловал новый ученик! — воскликнула леди. — Как тебя зовут?

— Как тебя зовут? — отвечает Джон.

— Кто твой отец?

— Кто твой отец? — говорит, не моргнув глазом, Джон.

Ребята на циновках заливаются смехом. Он видит, как белая леди становится белее мела.

— Ты что, не в своем уме? — визжит учительница.

— Ты что, не в своем уме? — спокойно говорит Джон.

Он не хочет сделать ничего плохого. Он говорит так, как начинают беседу два незнакомых индейца, повстречавшись на дороге. Но леди этого не понимает. Она бросается на Джона и пребольно выкручивает ему ухо.

С трудом вырвался Джон. Бежал напрямик через поле и кусты, не чувствуя, как царапают голые ноги цепкие ветки можжевельника. На этом и кончилось его школьное образование...

В полдень, как и положено, устроили перерыв на ленч. Помощник фотографа сбегал в драгстор, принес нехитрую снедь: мягкие булочки, заряженные горячими сосисками, молоко в картонных коробках, баночки с ледяным апельсиновым соком. Обедали в студии, среди столов, юпитеров и треног. Старый индеец ел как-то по-особому. Он не откусывал от целой булки, как это делают американцы, а аккуратно отрезал ножом кусочки и закладывал их в рот.

— Как жизнь в резервации, шеф? — расспрашивал любопытный Зенд.

— Жизнь хорошо. Жизнь о'кэй.

— У тебя хороший домик?

— Хороший домик — бревна, глина.

— Новый телевизор?

— Ноу телевизор.

— Холодильник?

— Ноу холодильник. Ноу электрицити, — пояснил Большое Дерево. — В резервации нет электричества.

— Водопровод?

— Ноу водопровод. Йес ручей.

Старика явно забавляло детское изумление, расплывшееся на круглом лице Зенца. Старика разбирал смех. Большая слеза поползла по морщинистой щеке, оставляя белую дорожку.

Потом он снова позировал. Сидел на скамеечке, прямой, гордый и отсутствующий, словно не замечал яркого света софитов, команд фотографа, суетни помощника, то поправлявшего на его шее сбившийся шарф, то заменявшего перья, воткнутые в парик. Мысли Большого Дерева были где-то далеко. Может быть, он видел родные холмы, овечьи ветрами лесистые склоны, что спускаются к реке Аллегэни. Красивая земля. Пронзительно ясная в золотом наряде осени под затянутым тучами темным небом. Тяжелая земля — суглинок, камни, скалы. Початок кукурузы, луковица, выращенные на той земле, щедро политы потом людей.

Резервацию пересекает отличное шоссе. Летят по шоссе машины. Кто катит на работу, кто в гости, кто посмотреть чудо света — Ниагарский водопад. И редкий водитель знает, что совсем рядом, за холмами, живут индейцы. Несколько сот хижин. Четыре тысячи двести человек. Потомки индейца по имени Гайавата. Все, что осталось от некогда знаменитого племени, участника могущественного союза ирокезов.

Изредка в индейской деревне появляются любопытствующие. Недавно прикатила семейка в яркосинем «бьюике». Папа, мама, три мальчишки. Гладкие, розовые, в легких удобных костюмах, такие непохожие на сенека, словно пассажиры с другой планеты. С удивлением рассматривали хижину, очаг у проема двери, голоногих ребятишек.

— Примитивное племя! Совсем как в Африке! — говорил папа, стрекоча мотором кинокамеры.

— Мило, очень мило, — вторила мама и оттащивала за руку меньшего бледнолицего, норотившего поиграть с краснокожими братьями...

Сеанс фотографирования закончился под вечер. Старый индеец заметно приутомился, плечи его обмякли. Голова падала на грудь. Он ушел, старательно завернув в узелок десять пятидолларовых

бумажек и обратный железнодорожный билет, снова став, без перьев и грима, просто старым, усталым человеком. К этому времени были готовы первые цветные отпечатки. С листов насыщенного красками кодаковского картона смотрел гордый вождь краснокожих Айзек Джонни Джон Большое Дерево.

— Шикарно! Блеск! — радовался Эдди Зенц. — Как ты думаешь, Карл, тысчонку мы отхватим?

Карл Фишер пребывал в несвойственной ему задумчивости.

— Тысчонку, — повторил он рассеянно, и в голосе его Зенц уловил неожиданные нотки раздражения. — Тысчонку... Ты подумай... Хоть раз подумай... Этот старик. Индеец. Это же чудо. Триста лет мы делали все, чтобы стереть индейцев с лица земли. Мы уничтожили буйволов, сожгли леса, загнали их в пустыни, морили голодом. А он жив. Назло всем жив!

...Янтарная головка индейца на зеленом газоне. Она лежала в двух шагах от обломков «понтиака», сорванная резким, сокрушающим ударом. Может быть, взять ее? Была бы память о Джоне Большое Дерево, о Бейвиле. И было страшновато дотронуться до кусочка, хранившего прикосновение смерти.

С давних пор мне хотелось увидеть «живых индейцев». Это желание, рожденное, наверное, прочитанными еще в детстве книгами Фенимора Купера и Майн Рида, вспыхнуло с новой силой, когда журналистская судьба занесла меня на берега Гудзона. Оно жило в душе, отступая под натиском каждодневных дел и вновь разгораясь с еще большей силой.

Хотелось увидеть настоящих, нетеатрализованных краснокожих. Очень хотелось узнать, как живут сегодня, в «постиндустриальной», «технотронной» Америке наследники Оцеолы, Гайаваты, Монтигомо Ястребиного Когтя. Даже как-то не верилось, что они тут, рядом, эти охотники и рыболовы, наивные и мудрые дети прерий и лесов, сосуществующие с реалиями США конца XX века — с бешеной гонкой автосборочных конвейеров, все обезли-

чивающей стандартизацией жизни, с угрозой ядерного апокалипсиса.

Но случайные сведения, почерпнутые из газет и журналов, убеждали, что да, краснокожие живы, существуют, что в стране с двухсоттридцатимиллионным населением их насчитывается что-то около семисот пятидесяти тысяч. А карта, выпущенная издательством журнала «Нэшнл джиографик мэгэзин», наглядно доказывала, что индейские резервации — те самые специально выделенные территории, на которые побежденные хозяева американской земли были отконвоированы полтора века назад, — мелкими заплатками разбросаны по обширному раскрою страны.

Индейцы жили в современной Америке, как бы не соприкасаясь с нею. Это было похоже на виденный мною фильм о пришельцах из космоса, осчастлививших своим визитом США: лихие американские полицейские гонятся за ними в автомашинах, но в контакт с инопланетянами вступить не могут — те существуют в другом измерении.

И желание встретиться с настоящим индейцем, увидеть его глаза, ощутить пожатие его негородской ладони, понять, как он выжил, выстоял, не сгинул с лица земли, не оставляло меня. Оно, это желание, неистребимое, как сами краснокожие, и привело меня в индейские резервации.

Сначала в южном, пропеченном горячим солнцем штате Аризона, потом на юго-востоке страны, в жаркой и влажной Флориде.

— Уно гранде аллигаторе! — воскликнул Джанфранко на прекрасном итальянском языке.

Действительно, аллигатор! Приличных размеров — метра три. Лежит на противоположном берегу речушки, носом к воде. Похож на зеленовато-серое бревно. Не шевелится. Наверное, спит. Переваривает заглотанную добычу.

Спускаемся с шоссе к воде, начинаем фотографировать. Аллигатор не обращает на нас никакого внимания. Да живой ли он? Луиджи швыряет в крокодила камнями. Тот и глазом не моргнет. Камни падают в боду все ближе, а аллигатору и дела

мало. Наконец слегка поднимает голову, обнажая светлую грудку. И опять замирает. Только когда фонтанчик поднимается у самого берега, аллигатор приходит в чувство и быстрым скользящим движением ныряет в реку.

Мы ретируемся к автомашине. Черт его знает, этого аллигатора, как он относится к людям? Особенно к тем, кто потревожил его послеобеденный сон.

Жаркое флоридское солнце, глянцеви́тая зелень, шустрые пташки с яркими пятнами на крыльях. Экзотика!

А птички в этой печке
Красивей всякой меры,
По смыслу воробейчики,
По виду шантеклеры.

Мы на самом юге Соединенных Штатов, среди знаменитых болот Эверглейдс. По обеим сторонам неширокого пустынного шоссе плоская, заболоченная, клочковатая земля. Растрепанные кусты, бурьян, заросли осоки, белесый песок откосов, ведущих к воде. Дикая, неухоженная, безлюдная, но по-своему удивительно симпатичная земля.

Но где же индейцы? Где семинолы, что, согласно справочникам, живут здесь, среди этих топей и пустошей?

Трава, кусты, воздух кишат живностью. Прямо перед колесами автомашины шоссе перебегают какие-то зверюшки. На одиноко стоящих корявых деревьях красуются в черных гнездах белые аисты. В высоком, выщелоченном зноем небе парят орлы. И ни одного человека окрест.

Мы гнали по дорогам Америки в новеньких, прямо с конвейера «кордобах» с сигарообразными алюминиевыми домами на прицепе. Мы — это группа иностранных корреспондентов, снаряженных информационным агентством США и рекламирующей трейлеры компанией «Уилли Байам фаундейшн». Нас отправили в путь для того, чтобы, как говорилось в программе, врученной каждому участнику, показать страну, ее образ жизни, достижения и проблемы. Днем мы делали триста — триста пятьдесят миль по неизменно образцовому шоссе. К вечеру становились на прикол в

загородных парках, на специальных площадках, где к каждому квадрату подведены электричество, вода, канализация. И в предзакатный час, когда уходящее солнце оранжевыми пучками пробивается сквозь лохматые ветви сосен, собравшись в кружок, слушали рассказы хозяев о красотах штата, о его природе, истории.

Мы мчались по шоссе уже не первый день. Видели все те же отличные дороги, расцвеченные разнокалиберными автомашинами. (У многих из них, как и у нас, на прицепе были транспортабельные дома самого различного типа и размера.) Вечерами вдыхали дым костров и слушали приятные беседы среди сосен, кленов, а потом и магнолий. Города, люди, сама жизнь были где-то рядом. Четкие, белым по темно-зеленому, дорожные указатели объявляли названия городов, остававшихся в стороне: Нэшвилл, Чаттануга, Атланта.

В нашей разноплеменной журналистской компании назревал бунт. При всем различии социальных задач, каждому из нас надо было отписываться. А о чем расскажешь из такой поездки? Взроптал даже доктор Чан, тайваньский китаец, печальный человек с забинтованной рукой.

— Меня лишат командировочных, уволят, — нудил он, встречаясь с предводителем нашего автопробега, отставным американским полковником Джоном Хьюмом.

И организаторы поездки смилостивились. Перекроив маршрут, нас направили на Кейп-Канаверал. Несколько часов возили на туристском автобусе по территории космического центра, давая возможность посмотреть издали на серебристые ракеты, членистоногие металлические башни, какие-то бетонные шары, похожие на гигантские страусиные яйца. А потом снова повезли по паркам и курортным местечкам. Так мы оказались на самом юге американского юга, среди бородатых пальм, апельсиновых рощ, поднимающихся из океанской голубизны сахарно-белых отелей.

В приморском городке Джупитере, где нас познакомили с жизнью «бедных миллионеров», стекающих с севера проживать накопленные капиталы, мы решили, что пора проявлять инициативу.

Сидя на травке перед трейлерами, вместе с итальянцами, общительными и ироничными ребятами, я рассматривал карту Флориды. Внимание привлек заштрихованный многоугольник и надпись: «Индийская резервация. Семинолы...»

Словно выключилось время, развеялись как дым образы сегодняшней жизни — голубое небо, пальмы-опахала, серебристые дома на колесах — и в памяти зазвучал голос, тихий, не заглушаемый громами лет, голос из детства:

«Друзья и враги стояли вокруг него в последний час, внимая его последним словам. И те и другие плакали. В этом царстве смерти не было сухих глаз. У многих солдат катились по щекам слезы, когда они слышали приглушенный звук барабана, похоронный марш над могилой благородного Оцеолы».

Я тоже чуть не плакал, дочитывая последние страницы. Книга называлась «Оцеола — вождь семинолов». Роман Майн Рида. Книга, по нынешним понятиям, старомодная, с излишними красотами, сильным привкусом сентиментальности. Но тогда, в детстве, это было неважно. Захватывал трагизм истории семинолов, которые, при всем их благородстве и смелости, не могли противостоять ружьям и пушкам белого человека.

Много лет спустя, оказавшись в Соединенных Штатах, я узнал действительную историю семинолов. Лишенная покрова романтики, она оказалась еще суровой и горше.

Главные события разыгрались в 30-е годы прошлого века, когда американское правительство развернуло настоящую войну против краснокожих, виноватых только в том, что они занимали плодородные земли, столь нравившиеся переселенцам. Это была долгая, кровопролитная война, исход которой был исторически предрешен. Силой и обманом индейские племена заставляли подписать договора о капитуляции и под вооруженным конвоем отправляли в резервации, на самые бесплодные, непригодные для жизни человека земли. Это была сознательная и планомерная политика «расчистки» нового континента от его хозяев. «Великая заокеанская демократия», обращенная к Старому Свету

возвышенным ликом статуи Свободы, строилась на костях аборигенов этой страны и привезенных в кандалах за тридцать земель чернокожих рабов.

Семинолы оказались крепким орешком для зубов дядюшки Сэма. Охотники и рыболовы, с незапамятных времен жившие в южной части полуострова, названного позднее Флоридой, там, где речные воды смыкаются с морскими заливами, они чувствовали себя в этих болотах и камышах как рыба в воде. Их молодой вождь Оцеола оказался талантливым военачальником. Понимая, что в открытом бою солдаты регулярной американской армии сбладают подавляющим преимуществом, он успешно применил тактику, которую сегодня назвали бы партизанской войной. Семинолы действовали неожиданно, малыми силами. Нападали из засады и скрывались в зарослях — «растворялись» в болотах.

Семь лет военных действий против семинолов стоили Вашингтону немалых материальных и людских потерь — двадцать миллионов долларов на военные расходы, полторы тысячи убитыми, в том числе генерал Уайли Томсон, автор ненавистного индейцам обманного договора.

Все новые войска направлялись во Флориду с заданием пленить или убить «болотную лису», неуловимого Оцеолу. Изумленный стойкостью «крас-

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

«Не было такого метода, который бы оказался слишком зверским для претворения в жизнь правительственной политики покорения и истребления индейцев. Методы эти различались от назначения наград во столько-то фунтов стерлингов за каждый скальп индейца — мужчины, женщины или ребенка — до бактериологической войны в форме распространения одеял, зараженных микробами оспы».

Г. Аптекер, американский историк

нокожих», генерал Джезап, сменивший незадачливого Томсона, докладывал: «Ни один семинол не хочет изменить своему народу, не было ни одного случая, чтобы первоклассный воин сдался в плен».

Но предприимчивый вояка нашел-таки способ одолеть Оцеолу. Под честное слово генерал пригласил вождя семинолов на мирные переговоры. А когда тот с группой помощников явился на условленное место, был атакован окружившими поляну солдатами, схвачен и закован в кандалы.

Раз за разом индейцы попадали в одну и ту же ловушку — шли на мирные переговоры и оказывались в западне. Дети прерий и лесов, жившие простой, суровой жизнью, они не понимали, как можно нарушить перемирие, не сдержат честное слово, они так и не осознали до конца степени вероломства, жестокости, бесчеловечности противостоявших им представителей «более высокой цивилизации».

Через три месяца Оцеола умер в тюрьме городка Форт-Моултри. Но семинольская война продолжалась еще четыре года. Только под угрозой уничтожения захваченных в плен воинов их племени большинство семинолов вышли из топей и были угнаны на «индейскую территорию» в штат Оклахома. Но самые непокорные остались среди болот. Их потомки, как объясняли книги, до сих пор живут там, формально находясь в состоянии войны с американским правительством.

...Утром отцепляем голубую «кордобу» от трейлера и отправляемся в путь. Нас четверо — трое итальянских журналистов и я. В небольшом поселке на шоссе, милях в тридцати от резервации, если судить по карте, пытаемся выяснить, как же проехать к индейцам. Ни девушка-кассир, ни хозяйка придорожной бакалейной лавочки ничего толкового сказать не могут.

— Живем здесь всю жизнь, но у индейцев никогда не были, — говорят они.

Сколько раз я замечал — американец по натуре своей нелюбопытен. Интересы американца функциональны — то, что его непосредственно не каса-

ется, его не интересует. Тем более индейцы, «дикие люди».

А может быть, тут есть и более сложный подтекст? Нечиста совесть у белых американцев, деды которых уничтожали краснокожих. Поэтому лучше не вспоминать о них, не думать.

Решили ориентироваться по карте. Едем на юг по 95-й дороге, а потом свернем на запад, на 84-ю.

Чем дальше на юг, тем неухоженной, безлюдней местность. Не видно уже неизменно сверкающих бензоколонок, стандартных бакалейных лавочек с красочной рекламой кока-колы или пепси на вывесках. По сторонам сузившейся, но тем не менее асфальтированной дороги заболоченные, присыпанные песком пустоши. И названия на редких дорожных указателях под стать: Долина аллигаторов, Тропа фламинго, Индейская река.

А вот и грозное объявление у дороги: «Вперед, на расстоянии 75 миль, нет ни бензина, ни продовольствия».

Но где же индейцы?

На выбеленном солнцем песчаном бугре, рядом с лопухим, оцетинившимся иглами кактусом, столб со щитом: «Собственность правительства США. Индейская резервация племени миккосуки. Ношение оружия строго запрещено!»

Значит, индейцы где-то рядом. Начинаем замечать следы их жизни: несколько бурых коровенок на каменистом поле, ограда из кривых палок, покосившийся сарайчик. Но людей, хоть мы смотрим в четыре пары глаз, не видно. Может быть, они вон за этими чахлыми рошицами?

Индейцы явно не хотят показываться любопытствующим, которых заносит сюда изредка шоссе. Их можно понять: кому хочется быть в роли зоопарковского зверя?

Мы катили по странному для Америки шоссе, совершенно пустынному, похожему на взлетную полосу, проложенную среди болот и пустошей. Заметили впереди грузовичок. Нагнали его. В кузове ехало несколько человек.

— Индеец! — воскликнул Луиджи.

Один из пассажиров грузовичка — он стоял в кузове — был кряжистый человек с темно-шафра-

новым скуластым лицом. Синюю безрукавку на широкой груди украшала металлическая бляха. Видно, человек был каким-то местным начальником, то ли шерифом, то ли «маршалом», как в Америке зовут судебных исполнителей. Мы приветствовали его взмахами рук. Индеец ответил гордым полупоклоном.

Так, пристроившись к грузовичку, мы добрались до индейцев.

Дорога привела нас в поселок, состоявший из домишек барачного типа, похожих на старые временки, использовавшиеся когда-то строителями. На пустырях между бессистемно разбросанными жилищами — мусор, заржавелые консервные банки.

Под развесистым деревцем увидели картинную группу обнаженных по пояс людей. Четверо индейцев, курчавый негр — вспомнилось, что семинолы еще в прошлом веке по-братски принимали беглых рабов, — и ярко выраженный белый, голубоглазый, мордастый блондин. Сидят в тени, томятся от скуки. Белый что-то напевает себе под нос.

Трудное дело в таких случаях начинать разговор, да еще просить разрешения сфотографировать. Наши вопросы встречают настороженно, но не враждебно. Молодой индеец с редкими усиками неплохо говорит по-английски. Объясняем, что мы иностранные корреспонденты, что много читали об индейцах, слышали о судьбе семинолов.

— Да, — говорит парнишка, — мы, семинолы, знаменитое племя. Мы единственные не подписали договора о капитуляции.

— Значит, вы до сих пор воюете с федеральным правительством?

— Получается, что так, — улыбается молодой индеец.

— Всего нас здесь, в болотах Флориды, триста пятьдесят человек, — продолжает он. — Есть еще семинолы, далеко отсюда, в Оклахоме. Это те, кого сломили, угнали с родных мест.

Парнишка — из молодых, образованных индейцев. Работает шофером «скорой помощи» в медпункте резервации. Другие, видимо, плохо знают английский. В разговор активно не вступают, отвечают кивком головы, односложной фразой.

- Чем занимаетесь?
- Чем удастся.
- Мы видели коров, это ваши?
- Да.
- Как с работой?

Они переглядываются: вот чудаки, работы здесь нет.

Прошу разрешения сфотографировать их. Индейцы не возражают. Охотно царапают карандашом в моем блокноте, коряво печатая свои имена. Белый парень с мутными пьяными глазами начинает клянчить:

— Подбросьте долларов на полдюжины пива. Заплатите им, раз снимаете.

Индейцы явно смущены, укоризненно глядят на белого собрата.

Я слышал, что алкоголизм — одно из бедствий индейских резерваций. Что и попрошайничанье, самоуничижительное стремление заработать гроши на фотографирующих туристах процветают. Но здесь, в этой компании получается все наоборот. Краснокожие держатся с чувством собственного достоинства. Бледнолицый брат занимается вымогательством.

Да, хоть и читал ты о резервациях, хоть и готов увидеть отнюдь не райскую жизнь, но встреча с ней лицом к лицу производит тяжкое впечатление. Эти жалкие хибары, замусоренный двор, гнетущая застойность — на всем лежит печать бедности, неблагополучия, отверженности. Трудно поверить, что это та же Америка, что выставляет напоказ сверкающие витрины Пятой авеню в Нью-Йорке, дышит довольством и благополучием зажиточных пригородов Вашингтона, увлекает за собой стремительным, многорядным бегом ультрасовременных шоссе.

А главное — сами индейцы, забытые всеми, никому не нужные, оказавшиеся на обочине жизни люди. После книг Майн Рида и Фенимора Купера, после голливудских кинофильмов, всей этой театральной романтики с орлиными перьями головных уборов, стрелами, томагавками, после бешеных погонь на лошадях за дилижансами, драматических схваток, кипучих страстей, столкновений

ярких характеров явление живых, сегодняшних индейцев гнетет ощущением застоя и безысходности.

Снова и снова вспоминались мне слова покойного президента Кеннеди: «Наше обращение с индейцами в прошлом до сих пор мучает совесть нации». Но величайшая несправедливость по отношению к коренным жителям Америки — не только дело прошлого. И сегодня они — пасынки своей страны, самые отверженные, самые забитые и притесняемые граждане Америки.

Ищем индейскую «мэрию», где можно было бы получить какую-то информацию о резервации. Но одноэтажное светло-серое здание, видно административный центр резервации, пусто. Тишина и в школе по соседству. Сегодня воскресенье, день нерабочий.

Зато функционирует магазин, глинобитный сарайчик под камышовой крышей с рекламой кокаколы над входом (единственное напоминание о том, что ты в Соединенных Штатах). На прилавках, как говорили когда-то, хоть шаром покати — ничем не загроможденные поверхности, если не считать банки с леденцами да маринованного осьминога в стеклянной посуде. За прилавком дремлет старичок с морщинистым, словно печеное яблоко, лицом. Жужжат мухи.

Единственное приличное здание здесь — церковь, кирпичная, с иголки баптистская церковь, как где-нибудь среди зеленых полей штата Джорджия. На ступенях принарядившиеся в пестрые платья индианки с детьми.

Тихонечко открываем тяжелую дверь, входим внутрь. В зале с люминисцентными плафонами на потолке, отделанном светло-розовым пластиком, идет служба. На скамьях перед нами иссиня-черные затылки и согбенные спины в разноцветных узорчатых рубахах и платьях. На амвоне бледнолицый брат, седоватый, коротко стриженный, с острыми глазами.

— Помолимся же, дети мои, во имя отца святого и его сына, — тянет священник, воздевая к потолку мускулистые, короткие руки.

У него простецкое лицо, одет в голубую безрукавку с красным галстуком. Похож скорее на хват-

кого предпринимателя, чем на духовного наставника.

— Будьте же братьями друг другу, не грешите, не стяжательствуйте, — взывает пастор. — И вы удостоитесь бессмертия. Вы будете жить не месяцы, не годы, а вечно, — популярно разъясняет он. — Ваши страдания, беды, несчастья — ничто по сравнению с вечным блаженством, ждущим праведников.

Согбенные спины тянут что-то хором. Ковыряет в носу уставшая смуглолицая девчушка. Егозит длинноногий мальчишка, стараясь ущипнуть своего приятеля в соседнем ряду. Слово берет помощник пастыря — округлый, мягколицый индеец в белой рубашке с разноцветной брошью на груди. Он лопочет что-то непонятное, переводя, видимо, слова своего шефа на семинольский язык. Затем уже по-английски, заученным тоном рассказывает историю о том, как он болел и как господь послал ему исцеление.

После богослужения индейцы гурьбой вываливают из церкви в сияние летнего солнечного дня. На поляне под навесами грубо сколоченные столы, на них большие кастрюли с дымящимся варевом.

Краснокожие и стар и млад становятся в очередь. Они терпеливо ждут, когда приблизятся к столу и две дородных индианки, хозяйничающие у котлов, положат на бумажную тарелку горку вареных бобов, какую-то травку, кусочек яблочного пирога.

Это так похоже на виданное в Нью-Йорке в праздник День благодарения, когда у ночлежек Армии спасения выстраиваются длинные очереди прячущих глаза людей, которых один раз в год накормят бесплатным обедом. Здесь внешне все «веселее» — яркие одежды индейцев, солнечные зайчики в траве, а по существу то же самое.

Переминаясь с ноги на ногу, индейцы стоят в очереди. Какие лица! Вот этот могучий седой старик, широколицый, горбоносый, что стоит, опираясь на посох, как памятник неистребимому первожителю американской земли. Рядом с ним высокий юноша с лепной мускулатурой груди и горя-

чими миндалевидными глазами, похожий на виденный в книге портрет Оцеолы.

Потомки свободолюбивсго вождя семинолов в очереди для нищих! Первоначальные хозяева континента, удостоившиеся за свое долготерпение объедков с общеамериканского стола! Трагедия американских индейцев предстает вдруг какой-то новой, но отнюдь не менее горькой стороной.

— Как в бывшей колониальной стране, — удивленно говорит повидавший мир Джироламо.

Действительно, на всем, что мы видим сегодня, лежит печать чего-то слаборазвитого, колониального. Да, собственно говоря, индейские резервации и есть колонии, внутренние колонии Соединенных Штатов Америки.

Пытаемся порасспросить того круглолицего индейца, что переводил проповедь священника. В карих глазах переводчика умная, всепонимающая усмешка аборигена, допущенного в лоно хозяев: дескать, хорошо знаю, что вас интересует, но ничего не скажу.

— Жизнь в резервации? Ничего, улучшается.

— Как насчет работы? У кого как. Это зависит от человека.

Индейский дядюшка Том хорошо вышколен. Рисковать своими привилегиями он явно не хочет.

Но, оказывается, не все сегодня в резервациях безгласны. Есть и такие, пусть их немного, кто готов говорить, кто хочет, чтобы их голос был услышан.

На поляне, в стороне от столов с благотворительной кормежкой, мы заметили белого человека в темно-синей трикотажной рубашке с серебряной пластинкой индейского талисмана на груди. Чем-то он был похож на семинола. То ли прямыми точечными чертами лица, то ли более смуглой, чем у американцев европейского происхождения, кожей. И в то же время он отличался от них. И одеждой, и тем, как уверенно и независимо держался.

Директор местной школы Сэм Джонсон, на четверть индеец, видно, был из тех «идейных» американцев, что возвращаются в нищету резерваций, чтобы помочь «своим людям». Но, будучи человеком гордым, он сразу же отмел наше пред-

положение, что кого-то спасает, что идет на жертвы. «Просто надо же где-то работать», — говорит он.

Взгляд на жизнь у Сэма Джонсона спокойно пессимистический.

— Прогресс? Нет, так называемый прогресс, — говорит Сэм. — Он сокрушает индейцев, как механический каток дробит гравий. Несколько лет назад мы были отрезаны от всего мира, особенно в период летних ливней, когда болота набухают водой. Чтобы выбраться из резерваций, надо было потратить две-три недели. Теперь вот построили шоссе, но от этого не стало лучше. Разве что иностранные туристы, вроде вас, заглянут!

— В прошлом веке, — продолжает он, и в ровном, внешне равнодушном голосе звучат нотки горечи, — коренных жителей Америки расстреливали из ружей. Теперь уничтожают отверженностью, нищетой, болезнями. Они оказались на обочине жизни, они никому не нужны. А ведь гибнет неповторимая цивилизация. Знаете ли вы, что на территории США проживают остатки трехсот племен? Это — около ста живых языков...

По горькой логике школьного учителя, места для индейцев в их собственной стране, просторной и богатой, нет. Как говорится, куда ни кинь, всюду клин. И в резервациях обречены на вымирание, и вне их жить не могут.

СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ

«12 миллионов индейцев обитало на континенте до прихода белых. А сейчас их осталось 900 тысяч».

Р. Ривс, американский публицист

«Жизнь негров — это существование, возвышенное до уровня подлинного пафоса и страдания, драматизма и трагедии. История негров в Америке — это история самой Америки, написанная кровью».

Р. Райт, американский писатель

Кое-кто пытается вырваться из узкого круга резерваций, уйти на север, в города. Но чаще всего возвращаются обратно. Разочарованные, сломленные. Трудно соперничать семинолу или навахо на рынке труда с белым. Язык английский он знает плохо, навыков трудовых нет, весь его психологический настрой не приспособлен для высокосоревновательной, жесткой жизни большого города. К тому же, как вы знаете, в городах своих безработных, квалифицированных специалистов хоть отбавляй.

— А как насчет работы в резервации?

— Если и есть какая работа, то только по штатам федерального правительства.

Он начинает считать:

— Четыре учителя в школе, директор, шериф, шофер машины «скорой помощи»... Всего получается двадцать шесть рабочих мест. А жителей в резервации триста пятьдесят человек. Вот и подсчитывайте, какой процент безработицы.

— Жить в резервации скучно, смертельно скучно,— говорит Сэм Джонсон. И на лице его появляется странная улыбка,— дескать, что же они спрашивают, неужели не видят сами?

Уже после поездки я узнал из газет и различных документов, что безработица в резервациях составляет от тридцати до семидесяти процентов, что средняя продолжительность жизни американского индейца — сорок четыре года, что смертность среди индейских детей, достигших месячного возраста, втрое выше, чем среди белых новорожденных, что процент самоубийств среди подростков-индейцев в три раза превышает общеамериканский уровень в этой возрастной группе.

По всем этим мрачным показателям индейцы являются «рекордсменами». С ними не может тягаться никто, даже из американцев «второго сорта» — ни негры, ни мексиканцы, ни пуэрториканцы.

«Первые американцы стали последними американцами», — сказал известный журналист, обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Том Уикер.

...Снова орлы, кружащие в небе, цветистые птички в кустах. Снова болота, клочковатые пустоши, зной и безлюдье флоридской резервации. А где-

то на расстоянии пятидесяти миль отсюда щеголеватый, сверкающий белоснежными отелями Майами. И совсем недалеко устремленный ракетами в космос Кейп-Канаверал.

Итальянцы о чем-то взволнованно разговаривают. Джанкарло чуть ли не бросает руль, норовя подкрепить речь темпераментным жестом. Эмоции явно перевесили чувство такта, заставлявшее до сих пор моих спутников изъясняться по-английски. Понимаю только отдельные слова: резервация, Америка, Сицилия.

— Джироламо считает, — отвечает на мой вопрос Луиджи, — что в самых нищих деревушках Сицилии люди живут много лучше. А Джанкарло говорит, что не поверил бы, если бы не увидел своими глазами, что такое возможно в Америке.

Если бы знакомство с жизнью первых американцев ограничилось моими «экспедициями» в болота Флориды, в пустыни Аризоны, на дальний северо-запад штата Орегон, если бы я встречался с индейцами только в резервациях, они так и остались бы в моей памяти людьми сломленными, потерянными, притихшими.

Но прошло совсем немного времени после последней поездки, и я увидел других краснокожих — обретающих голос, наступающих, требующих справедливости.

Они взяли и пришли в Вашингтон. Нагрянули на американскую столицу. Разбили табор в пригородном парке Грин-белт, установили вигвамы на лужайке перед оградой Белого дома. Они ходят по вашингтонским улицам мимо тяжелых, уставленных колоннами фасадов правительственных зданий, «пернатые и нездешние».

Совершается необычный эксперимент. Америка узнает самое себя, свою историю. Может быть, впервые видит лицом к лицу тех, кто больше, чем кто-либо другой в Западном полушарии, имеет право называться хозяевами этого континента. Газеты пишут об одном краснокожем, у которого есть особые основания смотреть во все глаза вокруг.

Штат Мэриленд — земля его предков. Там, где сегодня стоит Белый дом, резиденция американского президента, где поднялся в небо помпезный Капитолий — здание американского конгресса, где пролегают кишашщие автомашинами улицы, охотились когда-то на бизонов его прапрадеды. И вот прапраправнук вольных охотников впервые пришел на родную землю.

Надо было видеть, как индейцы, сопровождаемые доброжелателями из числа бледнолицых братьев, входили в Вашингтон! Колонна за колонной, под развевающимися знаменами, украшенными древними индейскими символами, шли люди разной степени смуглости. Пантерьей поступью обутых в мокасины ног ступали голые по пояс, мускулистые «настоящие краснокожие» с пучками перьев в иссиня-черных волосах. Рядом шагали вполне обычные, на первый взгляд, американцы в белых сорочках, с чересчур скуластыми лицами. Молодой индеец, тонкий и стройный, поднимал над головой похожую на детскую ванночку плетеную люльку с привязанным к ней ребенком.

Впереди колонн, сверкая вращающимися фонарями, ехали на мотоциклах неизбежные в таких случаях облаченные в темно-синие мундиры полицейские. Похожие белыми шарообразными шлемами на космонавтов, но только с прозаическими дубинками в руках и сверкающими наручниками на поясе, стояли частоколом вдоль тротуаров другие «блустители порядка», настороженные, готовые действовать. Власти явно не испытывали восторга при виде заполонивших улицы чиновного города аборигенов.

На зеленом газоне Молла, что свободно раскинулся в центре американской столицы от монумента Вашингтону до памятника Линкольну, пришельцы устроили привал. Присев на корточки, старейшины раскурили трубку мира — знак того, что пришли сюда не с враждебными намерениями. Огромная глиняная трубка, украшенная красными позументами, похожими на налипших кораллов, шла по кругу. Одни затягивались глубоко, другие только прикасались к ней губами. Вокруг, почти отгораживая своими спинами старейшин от

любопытствующих — акт священнодействия не подлежит бесовскому фотографированию, — стояли молодые индейцы.

Так завершился Самый Долгий поход.

Они пришли в американскую столицу пешком из Калифорнии. Шли пять месяцев. Начали поход, когда в Скалистых горах на них обрушивались снежные бури. Закончили в изнуряющую жару. Они шли по стране, принимая в свои ряды все новых волонтеров из встречавшихся по пути резерваций, рассказывая в городах и поселках о трагической судьбе коренных жителей Америки.

Нет, индейцы, конечно, не домогались «возвращения всех своих земель». Они пришли в столицу, чтобы требовать справедливости, чтобы протестовать против беззакония, притеснений, произвола.

— Приветствую вас на нашей земле, — сказал индеец, обращаясь не столько к окружавшим его таким же смуглолицым и пернатым людям, сколько к толпившимся у основания парадных ступеней Капитолия бледнолицым братьям. Мягким, каким-то негородским движением руки он обвел горизонт, словно открывая распахивающуюся с Капитолийского холма внушительную перспективу, — уходящее вдаль, к гранитному обелиску Вашингтону, зеленое пространство Молла.

— Да, на нашей земле, — продолжал он. — Потому что мы были здесь задолго до того, как приплыли ваши прапрадеды. Мы жили здесь, когда не было этого дома, — жест в сторону белоснежного здания конгресса за спиной. — И мы будем здесь даже тогда, когда он рассыплется в прах. Мы здесь лендлорды. А где же главный арендатор, мистер президент? Говорят, он поехал в Европу, чтобы проносить там речи о правах человека...

Индеец из племени онондаго не лишен был ядовитого остроумия. От кончиков перьев, воткнутых в пучок черных волос на затылке, до носков мягких мокасин он был настоящий краснокожий — горбоносый, с узким, словно сдавленным с боков лицом, с мазками красной краски на впалых щеках. Он стоял перед микрофоном, облаченный в цветистую рубашу с бирюзовыми бусами на груди, и гроздья репродукторов с обеих сторон

торжественной капитолийской лестницы разносили его слова окрест.

За его спиной, отгороженный живым частоколом из темных мундиров полиции, поднимался в небо сахарно-белый купол здания конгресса. Рядом сидели на гранитных ступенях, притомившись от зноя, старейшины племен. Пониже, у основания лестницы, со знаменами, плакатами, увенчанными перьями штандартами толпились участники Самого Долгого похода.

— Представитель шейенов... дакот... навахо... сенека... хопи... сиу...— выкрикивал голос, и по ступеням к микрофону поднимались бронзоволицые люди. Одни были в традиционных одеждах, другие — в современных джинсах и безрукавках. Их короткие речи дышали глубокой обидой на Америку, родную страну, ставшую им мачехой.

— Нам отказывают в праве на рыболовство и охоту,— говорил грузноватый мужчина с широкоскулым лицом.— Конгресс собирается принять новые законы, которые перечеркнут договора правительства с индейцами, лишат нас последних прав.

— Я из резервации Пайн-ридж,— брал слово молодой индеец.— Несколько сот человек погибли у нас за последние четыре года. И во многих этих смертях повинны власти, виновато ФБР. Когда фебэровцы с автоматами «М-16» ворвались на территорию резервации, ставя под прицелом к стенке наших жен и детей, это было настоящей военной оккупацией.

— Разговоры о защите прав человека выглядят лицемерием на фоне того, что творится в резервациях,— говорил следующий.

Они пришли на Капитолийский холм, чтобы встретиться с законодателями, поговорить с ними, объяснить им коварный смысл внесенных на рассмотрение конгресса законопроектов. На словах эти договора защищают индейцев, на деле лишают последних прав, гарантированных по давним договорам с победителями — американскими властями. Но из четырехсот пятидесяти трех членов палаты представителей, из ста сенаторов время для встречи

с участниками пятимесячного похода нашлось в тот день только у одного. Сверкая лысой макушкой и смущенно улыбаясь, на ступенях появился калифорнийский сенатор Алан Крэнстон. Он говорил что-то о занятости законодателей, поглощенных важными государственными делами. По рядам пронесся ропот неодобрения. Обещал препятствовать принятию антииндейских законов. Ему вежливо поаплодировали.

Нещадно палит солнце. Разогретый асфальт стал мягким, как пластилин. Даже в тени развесистых вязов невозможно найти укрытие от зноя и влажной духоты.

Стоически перенося испытание жарой, внимают речам индейцы. Привлеченные звуками репродукторов, подтянулись любопытствующие горожане, в основном туристы, одетые легко, кто во что горазд — в безрукавках, майках, коротеньких штанишках, в легких цветных платьях. Внимательно прислушиваясь к разговорам, прохаживаются коротко стриженные люди в темных зеркальных очках. Забавные очки, все в них отражается, все видно — белый купол Капитолия, голубое небо. Не видно только глаз. И люди характерные: все как на подбор в отутюженных пиджаках, при галстуках — как-никак на работе.

Вашингтон наводнен индейцами. Они кражистые, широкоскулые, похожие на монголов, узколицые, горбоносые, словно сошедшие с иллюстраций к Майн Риду. Совсем не краснокожие, скорее смуглые, темно-шафрановые и очень разные. Это и понятно, ведь сказать «индеец» — все равно что определить человека: «европеец». Хоть численность оставшихся в США коренных жителей невелика — по официальным данным, около семисот пятидесяти тысяч, — принадлежат они к более чем тремстам различным племенам, говорящим на ста языках. Объединяет их всех лишь то, что населяли их предки Западное полушарие задолго до того, как у его берегов появились европейцы. И что далекие прапрадеды их, как считает наука, пришли сюда из Азии, через Берингов пролив, а не приплыли позднее на судах из Европы. Да и имя «индейцы», если разобраться, — результат исторической

ошибки: открыв Новый Свет, Колумб считал, что он приплыл в Индию. Сами индейцы называют себя просто и гордо: народ.

С удивлением взирает американец на настоящего краснокожего. Хоть и живут они в одной стране, а почти что не знакомы друг с другом. Знает вашингтонец или житель Нью-Йорка лишь голливудских индейцев — «кровожадных дикарей», с которыми лихо расправляется играющий белых переселенцев и шерифов актер Джон Уэйн.

На подстриженном зеленом газоне неподалеку от белоколонного монумента Линкольну — огороженное портативной, развернутой из рулона изгородью небольшое индейское поселение. Сидят на земле уставшие от перехода старики, молодежь сооружает вигвам, бегают, играя с собачонкой, черно-волосая девчушка. Здесь и происходит встреча американцев — коренных и пришлых — лицом к лицу. С внутренней стороны изгороди, предусмотрительно развернутой властями, — краснокожие, по внешнюю сторону — бледнолицые братья. В легких летних шляпах, с фотоаппаратами. Возникает диалог. Расспрашивают девочку, которая теперь подошла к изгороди, кто они, зачем пришли, откуда она. И девчушка рассказывает, что собачонка прибилась к ним по пути, что прогнать ее, а тем более побить никак нельзя. Ведь животные — наши младшие братья, а насекомые — двоюродные братья и сестры, а растения — троюродные. Девочка очень просто, но убежденно — вот что значит быть участником народного движения — излагает философию индейцев, считающих, что человек есть часть всего живого на земле и что он должен жить в гармонии, говоря современным языком, с окружающей средой. Наивно-языческие взгляды коренных американцев звучат неожиданно современно в стране, глубоко встревоженной хищническим уничтожением человеком природных богатств, отравлением вод, земли, атмосферы промышленными отходами, в стране, все более осознающей самую страшную угрозу человечеству, побочный продукт научно-технического прогресса — угрозу ядерной катастрофы.

Близ Капитолия, в помещении одной из религиозных организаций, сочувствующих индейцам, разместилась штаб-квартира Самого Долгого похода. В комнате, где толпились участники марша, меня встретил один из лидеров Движения американских индейцев, Стив Робиду. Стив — двоюродный брат Боба Робиду, одного из наиболее известных политзаключенных-индейцев, брошенных в тюрьмы по обвинению в том, что они участвовали в организации сопротивления, когда вооруженные агенты ФБР вторглись на территорию резервации Пайн-редж.

Тридцатидвухлетний Стив прошел, как говорится, огонь, воду и медные трубы. Родился в резервации. Затем вместе с отчимом по правительственной программе перемещения индейцев был переброшен в город. Там повидал всякого. Учился в школе. Бросил ее. Рано начал работать. То мойщиком в ресторане, то грузчиком в супермаркете, но чаще всего был безработным. Потом попал в тюрьму.

— За что?

— За ограбление, — говорит он спокойно.

Спокойно потому, что это прошлое. Стив теперь другой человек, у него есть цель в жизни. Эта цель — Движение американских индейцев. Борьба за спасение таких же, как он, коренных жителей Америки.

Внушительный парень Стив. Высокий, стройный, с тонкой талией и скульптурно вылепленной грудью (жарко — он в одних джинсах). А главное — лицо: узкое, горбоносое, с горячими миндалевидными глазами. Вот уж действительно стопроцентный индеец, как их рисуют в книгах. Очень похож на известный портрет знаменитого вождя индейцев прошлого века Ситинг Булла, Сидящего Быка. Когда я ему говорю об этом, он скромно, но удовлетворенно улыбается.

— Это не случайно, — говорит стоящий рядом человек. — Он тоже из племени дакот.

У говорящего нос с горбинкой, одет в полуиндейские одежды с какими-то бусами на груди и браслетом на руке.

— Вы тоже индеец? — спрашиваю я.

— Я выходец из России,— сказал он гордо.— Мои предки приехали из Одессы.

Родившийся за океаном, внук париев, спасавшихся от погромов, пристал к гонимым этой страны — индейцам. Выпускник Гарвардского университета — он по профессии адвокат — защищает краснокожих в судах, а сейчас пришел вместе с ними в Вашингтон, чтобы, представляя их в юридических инстанциях, переводить кипение краснокожих на язык белого человека.

И снова, теперь из уст Стива Робиду, я слышу те же мысли, что примитивно, по-детски излагала девочка. Европейский образ жизни, индустриальная цивилизация, которую принесли в Новый Свет европейские переселенцы, говорит он, были концом золотого века Америки. Эта цивилизация разрушает, ранит землю — о земле, природе он говорит как о чем-то живом,— отравляет реки, подчиняет человека машинам, делает его как бы придатком этих машин. Она разрушает гармоничные человеческие отношения, вселяет в людей жадность, погоню за наживой, ведет к накоплению вооружений, войнам.

— Где же выход?

— Выход в том укладе жизни, который еще сохранился в резервациях,— говорит Стив.— В неспешном, примитивном, но человеческом образе жизни.

Философ-самоучка повторяет то, что говорят другие лидеры Движения индейцев. А юрист, горожанин, выпускник самого престижного университета страны, согласно кивает головой.

Чувство слитности с природой всегда было присуще индейцам. Сыновнее отношение к земле, ее животному и растительному миру находило выражение в рачительном, как бы мы сказали теперь, отношении к окружающей среде. Когда индеец-охотник, добывая пропитание, убивал в лесу оленя, он оставлял что-то взамен на том месте, где подстрелил зверя. Собирая осенью орехи из нор полевых грызунов, он клал в них для восполнения запасов зерна злаков. Нравственно-философский кодекс коренных американцев повелевал им жить скромно, брать от матери-земли не больше, чем нужно, и всегда возвращать ей что-либо взамен изъятого.

Каким обличительным контрастом предстает эта наивно языческая философия «первобытных людей» Америки в сопоставлении с американской цивилизацией конца XX века — столь расточительной и жестокой по отношению к природным и человеческим ресурсам и столь неспособной решить главную задачу — сделать жизнь людей гармоничной и счастливой!

В критике индейцами образа жизни капиталистической Америки много справедливого, только относят они эти беды не к социально-экономической системе, а к научно-техническому прогрессу вообще и зовут не вперед, а назад, к первобытно-общинному строю.

— Но ведь этот ваш золотой век был совсем уж не таким золотым, — говорю я. — Например, лет сто — двести назад люди здесь жили тяжелее, умирали от всевозможных болезней, которые теперь излечиваются, да и в смысле духовного гнета положение было хуже, чем сейчас.

— Да, — соглашается он, — но это сто или двести лет назад. А лет пятьсот — шестьсот тому назад было совсем иначе. Существовало нечто, приближающееся к гармоничному обществу.

Язычески-гуманистическая философия, которую проповедуют участники похода, помимо всего прочего, очень удобно отвечает целям движения. Она задевает созвучные струны в сердцах американцев, особенно либерально настроенных, снимает с краснокожих подозрение в каких-то подрывных целях.

«Наш поход преследует не просто политические, но и духовные цели», — говорят все время руководители движения. Сначала кажется, что это умная тактическая уловка. Познакомившись ближе, поговорив, убеждаешься, что это в действительности — строй мыслей, программа, которая помогает объединить рассеянных по резервациям, распыленных, придавленных нищетой, вчера еще безгласных людей.

Обосновывая свои позиции, лидеры Движения индейцев говорят о великом духе, о чем-то вроде общеиндейского божества, которое указывает им путь. Между прочим, этот великий индейский дух все предсказал: и то, что придет на землю белый

человек, что он обманным путем отберет у индейцев землю и их богатства, что, одержимый жадностью, стремлением к наживе, он испоганит эту землю и что выход из тупика укажут именно индейцы.

Они говорят на языке метафор и преданий и тут же переходят на современный политический лексикон — клеймят монополии. Так и говорят: транснациональные монополии. В самых резких выражениях говорят о людях, представляющих большой бизнес в американской столице.

В центре Вашингтона индейцам разрешили поставить только два вигвама. Один для старейшин, другой для больных. Всех остальных загнали в так называемый Грин-белт парк. Отдаленный парк в районе кольцевой дороги, где обычно паркуются трейлеры. Смысл этого решения властей совершенно ясен: помешать общению индейцев с жителями столицы, держать их подальше от глаз людских, не позволить того, что произошло с палаточным городком бедноты в 1968 году, который раскинулся в самом сердце города на берегах Потомака и несколько недель был занозой в глазу администрации.

Проникнуть в основной лагерь индейцев, участников Самого Долгого похода, оказалось не так-то просто. И не только потому, что надо было найти по карте место расположения парка, добраться до него, но и потому, что подъезды к индейскому табору оказались перекрытыми чем-то вроде санитарного кордона.

На площадке перед въездом в парк — полицейские автомашины, рассказывают «блюстителю порядка» разного рода — от полицейских в синих мундирах до одетых в зеленые френчи работников парковой охраны. После переговоров с майором полиции, затем с каким-то моложавым усатым человеком в штатском, после того, как они по рации связываются с начальством и ведут долгие разговоры, после внимательного изучения удостоверения прессы, выданного Белым домом, нам открывают шлагбаум, разрешают въезд под вежливым, но бдительным надзором охранника-лесничего. На контрольно-пропускном пункте, выставленном самими индейцами — ходили слухи о том, что недоброжелатели могут спровоцировать беспорядки, чтобы

опорочить пришельцев, — к нам присоединяется молодая индианка. Сколько ни просим ее сесть в машину, — отказывается. Садится просто на капот, свесив ноги сбоку, как, наверное, в резервации садятся на лошадь. Так, с амазонкой на железной лошади XX века, мы и въехали в расположение индейского табора.

Под деревьями раскинулись вигвамы, а больше — просто старые палатки, купленные, видимо, где-то из списанных запасов военного имущества. Бегали голопузые ребятишки, кухарили что-то индианки на кострах, бронзовокожие парни полоскались под сверкающей струей у водопроводного крана. Колышущийся узор солнечных пятен на полах вигвамов, дымки костров, гортанная речь людей «из другого века» — все это рождало ощущение, что ты прикасаешься к чему-то навсегда ушедшему в прошлое.

Клайда Беллекорда, одного из руководителей Движения американских индейцев, найти мне не удалось, зато я познакомился с духовным лиде-

СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ

«Романтизированный культ освоения западных территорий и войн с «дикарями-индейцами» — культ насилия и крайнего индивидуализма — жив и поныне. Книжки, фильмы о «Диком Западе» и лихих американских ковбоях превозносят самое разнузданное насилие... Подстрекательство к стрельбе на каждом шагу. Комиксы, книжки, кино, телевидение, журналы, серьезные и бульварные газеты, отчеты ФБР, убийства, нападения из-за угла, войны между гангстерами — взрослыми и подростками, изнасилования, удушения, зверства полицейских и многое другое сделали насилие неотъемлемой чертой повседневной американской действительности».

Э. Монтегю, американский публицист

ром всех краснокожих Берни Питерсом. Говорили о нем с большим уважением. «Как, вы еще не беседовали с Берни Питерсом? Зачем вам Беллекорд? Обязательно поговорите с духовным вождем, если он вас примет».

Около палатки, там, где готовили ужин индианки, на старом бревне ограды сидела полная женщина — грузный торс, висящие груди, гладкие черные волосы, заплетенные в две косички. Оказалось, это и есть Берни Питерс. Я представился, протянул руку. Его преосвященство замешкался, потом как-то нехотя протянул свою. Только потом я узнал, что удостоился высшей чести, какой не перепадало почти ни одному белому,— рукопожатия самого духовного вождя всех американских индейцев Берни Питерса. Поинтересовался, кто я и чего хочу, чем интересуюсь. Заметно подобрел, стал проще и заговорил так, что подумалось: уж если духовные наставники у индейцев таковы, то можно представить себе, что за настроения закипают в резервациях!

— Встречались ли участники похода с представителями администрации, конгресса? Удалось ли поговорить с президентом?

— Президент Соединенных Штатов и две трети его людей — марионетки,— сказал Берни Питерс.— Их контролируют монополии. Президент отказался встретиться с нами. Но в тот же самый день у него хватило времени для того, чтобы принимать победительницу конкурса красоты.

— А как насчет вице-президента? — спрашиваю я.— Кажется, он все-таки встретился с индейцами?

— Да,— говорит духовный отец.— Встретился по пути... в туалет. Нашел несколько свободных минут... Я бы даже не советовал своим людям встречаться с представителями администрации. Они не стоят нас. Я бы даже не разрешил ни одному участнику похода обмениваться с ними рукопожатиями.

Я вспомнил, как несколько минут назад мы с ним познакомились, вспомнил минутное замешательство Берни Питерса, когда я протянул ему руку, и понял наконец, какая честь выпала мне.

А духовный отец все возвращался к той же на- кипевшей, наболевшей теме, которая волнует участ- ников Движения американских индейцев: «Они хотят уничтожить наш образ жизни. Они хотят от- нять у нас последнее — наши земли, наши резер- вации».

Прощаясь с духовным отцом, задаю ему вопрос, который, как сразу же понимаю, не совсем такти- чен: «А чем вы занимаетесь у себя в резервации? Есть у вас еще какая-нибудь работа, кроме ваших духовных функций?»

Он смотрит на меня спокойно, не обиженно, но не без удивления.

— Я духовный лидер всех индейцев Амери- ки, — говорит он. — Это — май фул тайм джоб (моя работа, занимающая полный день). Завтра отпра- вляюсь в Калифорнию. Вы, наверное, слышали, что в этом штате власти пытаются использовать для строительства территорию, которая является свя- щенной землей захоронения наших предков. Там идет большая борьба...

Неуловимого Клайда Беллекорда я все-таки на- стиг. В Вашингтоне, в парке, названном именем Малькольма Икса, при жизни травимого, а после убийства увековеченного негритянского лидера, шел митинг. Поляну, окруженную высокими вяза- ми, заполнили участники похода и местные жители из сочувствующих. Слонялись по дорожкам, сидели на скамьях завсегдатаи этого зеленого оазиса в «черном» районе американской столицы — безра- ботные негры.

На дощатый помост, в обычные дни эстраду са- мсдеятельных певцов, поднимались индейцы и их доброжелатели. Худющий как смерть, заросший до глаз бородой, держал речь закончивший очередную голодовку протеста негритянский комик Дик Грегори. Он говорил о том, что внуки рабов, привезен- ных в Америку на невольничьих судах из Африки, протягивают руку дружбы обманутым и обобран- ным хозяевам этой земли.

Выступал Марлон Брандо, седой, красивый, бла- городный. И трудно было отделаться от мысли, что перед тобой виденный недавно в кино крестный отец, и узнавались черты молодого отважного докера,

вступившего в схватку с гангстерами, из старого фильма — «На пристанях». Он взывал к совести американцев. Говорил, что их страна по существу расистская. Сравнивал политику истребления североамериканских индейцев с уничтожением евреев в нацистской Германии. Знаменитый голливудец, в жилах которого, как говорят, течет одна шестнадцатая индейской крови, стал яростным защитником коренных американцев. Он участвует в их демонстрациях, дает интервью газетам, однажды оказался даже в тюрьме, когда вместе с индейцами из штата Орегон пошел наперекор властям, запретившим аборигенам ловлю лосося в реках,— занятие, которым испокон веков занималось это племя, обеспечивая себе пропитание.

Главным оратором в тот вечер был один из руководителей Движения американских индейцев Клайд Беллекорд, могучий, смуглолицый человек, со смолянисто-черными волосами. Эти заплетенные в косички прямые волосы, как и прочие индейские приметы — расшитая цветистым геометрическим узором безрукавка, нити фиолетовых бус на груди,— не перекрывали впечатления, что перед тобой вполне современный человек. И не просто современный, но вожак, лидер. В негромком голосе Клайда Беллекорда ощущалась сдерживаемая сила:

— Политика геноцида — так определяет действия американских властей международная конвенция. Вот почему мы официально обратились в ООН с обвинением правительства США в проведении политики геноцида по отношению к коренным жителям страны.

— Подумайте сами,— продолжал Беллекорд,— тридцать пять процентов наших женщин подверглись стерилизации. Большинство — насильственно и обманным путем. До семидесяти — восьмидесяти процентов населения — безработные. Повсеместно распространена нищета. Так называемая программа переселения индейцев, разбивающая семьи, направлена на то, чтобы разрушить наш традиционный образ жизни, нашу культуру и языки. Договора, когда-то заключенные между индейскими племенами и федеральным правительством, ежедневно и ежечасно нарушаются. Монополии и власти ста-

раются окончательно лишить нас земли, остатков наших прав... Главная причина развернувшегося наступления на права индейцев — природные богатства, обнаруженные на территории резерваций. Оказалось, что на этих «бросовых землях» — сравнительно небольшой территории, всего лишь два процента площади США, — сконцентрировано шестьдесят процентов всех энергетических ресурсов страны, в том числе запасы урановой руды, угля, газа, нефти. Отнять у нас эти богатства — вот истинная цель новых законопроектов, внесенных в конгресс.

Он говорил ровным баском, в котором начинали звучать нотки негодования:

— Права человека! Как они смеют говорить о защите прав человека в других странах, когда более четырехсот индейцев, сторонников Движения американских индейцев, были убиты за последние годы на территории резервации Пайн-ридж и никто не понес за это наказания. Они спорят, есть ли в США политзаключенные! А кто такой наш брат Пелтиер, приговоренный к двум пожизненным заключениям? Кто такие двадцать восемь индейских активистов движения, томящихся в тюрьмах по всей стране?

Служка и провокации ФБР продолжаются. Они хотят уничтожить руководителей индейского движения, как были убиты Мартин Лютер Кинг, Малькольм Икс, другие лидеры движения за гражданские права негров...

«Народ без истории — что трава на ветру», — гласит пословица индейцев сиу. Ветры века гуляют сегодня над индейскими резервациями. Те будоражающие ветры времени, что приводят в движение чернокожих американцев, называющих теперь себя афроамериканцами, ирландцев-католиков в Ольстере, коренных жителей в Южной Африке или даже, казалось бы, давно ассимилированных валлийцев на Британских островах. Как и их собратья, краснокожие американцы хотят знать свое прошлое, не хотят терпеть положение «людей второго сорта», стремятся защитить и возродить свою национальную индивидуальность, свой традиционный образ жизни.

— Полтора столетия нас не было слышно и

видно. Но вот мы заговорили. Пусть мир услышит нас,— говорит участник Самого Долгого похода, индеец-журналист Пэт Пол.

Индейцам много труднее, чем всем остальным «цветным» американцам. Как бы ни страдали от глубоко укоренившегося в США расизма и негры, и пуэрториканцы, и мексиканцы, и представители других национальных меньшинств страны, они являются частью ее жизни, варятся в одном общеамериканском котле. Индейцы же оказались за бортом этой жизни, на ее обочине, как на обочине ультра-современных шоссе раскинулись индейские резервации, где жизнь в основных своих проявлениях словно бы остановилась сто — двести лет назад.

А каким препятствием для совместных выступлений коренных американцев является их распыленность, разбросанность по сотням резерваций, порой очень мелких, с населением лишь в сотни человек! Надо обладать самоотверженностью лидеров Движения американских индейцев, чтобы не опустить бессильно руки, чтобы не признать безнадежность борьбы с Голиафом безжалостного «американского образа жизни».

Вечер. Справа за полем — Белый дом, впереди, в отдалении — похожий на Парфенон мемориал Линкольну с выросшими рядом вигвамами участников похода. Темнеет. Город, там, за кронами деревьев, зажигает огни. Душная южная ночь непролицаемым одеялом накрывает американскую столицу. Темный конус вигвама, диковатые завывания индейцев. Светлячки, как зеленоватые бриллиантики, вспыхивающие в траве. Кажется, что ты где-нибудь среди полей в Оклахоме или в Вайоминге. И не сегодня, в конце XX века, а лет четыреста назад, когда не было еще ни Вашингтона, ни Нью-Йорка, не было всего этого сумасшедшего скопления людей, цемента, металла, этой безумной, ожесточенной гонки, а на бескрайних просторах страны, еще не названной Америкой, охотились и кочевали индейцы, вольные дети лесов и прерий.

Налетел невесть откуда взявшийся ветерок, и в шелесте травы слышались давно запомнившиеся слова.

«Ухожу я, о народ мой,
Ухожу я в путь далекий:
Много зим и много вёсен
И придет, и вновь исчезнет,
Прежде чем я вас увижу...»

На побережье Гайавата
Обернулся на прощанье,
На сверкающие волны
Сдвинул легкую пирогу.
От кремнистого побережья
Оттолкнул ее на волны.
«На закат!» — сказал ей тихо
И пустился в путь далекий.

И закат огнем багряным
Облака зажег, и небо,
Словно прерии, пылало...

Так ушел в страну Понима, в царство бесконечной вечной жизни Гайавата, получеловек-полубог, совершивший великие подвиги во имя счастья и процветания своего народа. А перед этим он побратски встретил приплывших на крылатых пирогах бородатых чужеземцев из далеких стран Востока:

Ввел гостей в свое жилище,
Посадил их там на шкурах
Горностаев и бизонов.
А Нокомис подала им
Пищу в мисках из березы,
Воду в ковшиках из липы.
И зажгла им трубку Мира.

Эти строки были написаны Лонгфелло в то время, когда «благодарные гости» — воины с лицами, «выкрашенными белой краской», добивали простодушных хозяев, загоняя остатки разбитых в сражениях племен на отдаленные бесплодные земли.

С тех пор прошло более столетия. Обескровленные в неравной борьбе, загнанные в резервации, придавленные болезнями и нищетой, казалось бы, потерявшие национальную память, индейцы пробудились, обрели голос. Перед мысленным взором вставляли образы тех, с кем познакомился в последние дни. Стив Робиду, Берни Питерс, Клайд Беллекорд. Люди смелые, гордые, одержимые стремлением служить своему народу. Нет, Гайавата ушел не навсегда. Гайавата вернулся!

Вашингтон — Москва

АМЕРИКА: МАРШРУТАМИ НЕ ДЛЯ ТУРИСТОВ

«Нужно обвинять не этого юношу, но социальные условия...» Ковент-авеню — «ад» Нью-Йорка. Выстрелы на экране — выстрелы на улицах. Полтора процента населения Нью-Йорка — за тюремной решеткой.

ПРИБЫТИЕ В НЬЮ-ЙОРК

...Тот, кто благополучно приземлился в Нью-Йоркском международном аэропорту, тем самым еще далеко не прибыл в Америку. Ворота, ведущие к свободе, — паспортный и таможенный контроль — представляют собой узкий тесный проход, «жесткий допуск», в буквальном значении слова игольное ушко, через которое пройти труднее, чем богатому попасть в царствие небесное. Нужно пересечь мрачный туннель, по меньшей мере в три раза более длинный, чем подземные переходы, ведущие к пограничному пункту на Фридрихштрассе в Берлине, и выстоять очередь, по меньшей мере в шесть раз более длинную, чем на границе ГДР, прежде чем вам удастся предъявить паспортному контролю ваши документы и въездную визу. Молодая дама, восседающая в своей пуленепроницаемой стеклянной кабине, как Белоснежка в хрустальном гробу, увидев в моей визе в графе «профессия» слово «литератор», желает выяснить, что я за литератор такой, занимаюсь ли преимущественно журналистикой или пользуюсь силой воображения.

— Я сочиняю стихи и истории и часто пользуюсь силой воображения.

— O, that's nice, — замечает она. — No politics?

Я подтверждаю:

— No, no, no¹.

© Иностранная литература, 1983, № 3.

¹ Очень мило. Политика вас не занимает? — Нет, нет, нет (англ.).

— And по рогнос? ¹ — спрашивает она с несколько наигранной фривольностью.

Я делаю вид, что принимаю ее игру, и говорю, что некоторые люди уже называли меня порнографом, грязным писакой и бог весть кем еще. Я пишу любовные стихи, но я не сочиняю порнографических книг, я приличный, порядочный немец.

Богиня свободы удовлетворенно улыбается. «Please, come in ²,— приглашает она.— Америке нравятся такие люди», и отсылает меня к следующему барьеру, на таможенный контроль, и таможенник оказывается таким же любезным фарисеем с таким же интересом к литературе, как его коллега в паспортном отделении.

Я открываю чемоданы, и мои книги (в основном авторские экземпляры моих собственных книг) немедленно вызывают его подозрения. Книгу о Вьетнаме, книгу о Сибири он перелистывает страницу за страницей: похоже, он пытается обнаружить что-то между строчками. Хотя я предъявляю ему три экземпляра моего последнего сборника стихов, он проверяет каждый экземпляр отдельно. «У нас часто выходят неприятности с авторами, привозящими с собой книги собственного сочинения. Большинство из них провозят гашиш и устраивают из книг настоящие тайники»,— объясняет мне таможенник.

Затем его внимание перемещается на мою одежду и на привезенные мной конфеты. После того как я вытряхнул большую часть содержимого моих чемоданов, он снова переводит разговор на книги. Особенно книга сибирских репортажей с серпом и молотом на обложке вызывает его раздражение.

— Вы сами написали эти книги?

Я киваю.

— Похоже, вы не такой уж друг Америки.

Я протестую:

— Я женат на американке, и я люблю мою жену.

Он с сомнением качает головой.

¹ А порнография? (англ.)

² Пожалуйста (англ.).

— Вы пишете правду или одну пропаганду?

— Правду, ничего, кроме правды,— отвечаю я, и произношу это с глубоким убеждением.

— А не коммунистическую пропаганду? — спрашивает он снова.

— Никакой пропаганды, только факты, клянусь вам.

— А что означает это изображение на обложке?

Я краснею и смущенно подыскиваю подходящий ответ, но таможенник, кажется, убедился наконец в моей безобидности. «Обращаю ваше внимание на то, что серп и молот не вызывают одобрения в некоторых американских штатах», — заявляет он, нажатием кнопки открывает барьер и выпускает меня на свободу, не удаивая прощальным приветствием.

Итак, после двух часов унижения, лавирования, нервной дрожи я в Америке! И меня встречают как товарища по партии!

В конце последнего отрезка длинного пути сквозь ночь туннеля в толпе возникают Мэй Фишер и Макс Курц, американские коммунисты, члены братской партии, которых я до сих пор знал только по письмам. В руках они держат картонные щиты с лозунгом: «С приездом, Петер Шютт!»

Дружелюбие и радость Макса и Мэй заставили меня тут же забыть мытарства процедуры прибытия, в их обществе я чувствую себя так спокойно и уверенно, словно приехал не в Нью-Йорк, а в знакомую и родную Москву. Через два дня я вылетаю в Питтсбург, и Америка уже не кажется мне ни страшной, ни ужасной.

Когда я в начале мая во второй раз прилетел в Нью-Йорк, я прямо из аэропорта на собственный страх и риск бросился в гущу жизни. Я спустился в метро и проехал полгорода под землей, и у меня было такое чувство, словно я совершил путешествие в Америку из Европы через Азию и Африку. На каждой очередной станции в вагон входили люди новых национальностей, по мере продвижения поезда из одного района города к другому мои спутники меняли цвет кожи и манеру поведения.

Выйдя из метро в Гарлеме, я очутился в совершенно новом для меня мире. Здесь дул другой

ветер, а песок поднимался тучами, как в пустыне. Старые люди с обреченным видом сидели на корточках перед своими облупившимися жалкими домами, по улицам шатались компании парней, развязных и гордых, как тигры. Девушки в узких брюках и трикотажных майках в обтяжку двигались по улице, как по подмосткам сцены. В воздухе висела напряженность, терпеливость стариков плохо примирялась с самоуверенностью молодого поколения. Я, белый среди цветного окружения, казался себе каким-то бледным и бескровным, я пытался скрыть свой недостаток и держаться так же смело, как парни вокруг меня, едва достаивавшие меня взглядом.

И вот наконец цель моего путешествия — Ковент-авеню, темное китовое чрево баптистской церкви, где должен был состояться торжественный митинг в честь открытия национального конгресса Союза борьбы против политического и расового угнетения. Уже за час до официального начала церковь была переполнена до отказа, о том, чтобы проникнуть внутрь, нечего было и думать. Однако мне повезло: цепь черных красавиц с тысячью жемчужин в волосах окружила меня кольцом. Почувствовав мою нерешительность, они взяли меня, бледнолицего, под свою защиту, взяли меня за руку, провели под сводами церковных подвалов по лестнице, ведущей на кафедру, и я очутился в самой глубине церкви, в непосредственной близости от алтаря. Вокруг тесной толпой стояли красивые женщины, очень красивые женщины, необычайно красивые женщины, и среди них — смеясь, споря, излучая радость жизни — Анджела Дэвис. С тех пор как ее вырвали у смерти, многие черные — я мог видеть это собственными глазами — распрямили плечи. Не желая больше покорно склонять голову, они открыто проявляли свой бурный африканский темперамент. Меня увлекла колышущаяся масса людей, в этой рокочущей волне человеческих душ и тел я чувствовал себя словно родившимся заново, словно воскресшим из мертвых. Многоголосый шум тысячной толпы, казалось, сливался в единый глагол, словно на людей вдруг снизошел дух нового братства. В этом плавильном тигле блаженного

опьянения чувством солидарности мне дано было пережить незабываемые минуты: на церковную кафедру один за другим поднимались мужчины и женщины, лучшие люди «другой» Америки. Они отчитывали дядю Сэма за недостойное поведение и красноречиво выражали свою горячую веру в новое человеческое сообщество.

Захваченные восторгом толпы, вдохновленные ритмом рукоплесканий, ораторы, словно ангелы, возносились над низостью, над изменностью Америки, а когда в едином порыве тысячи людей вдруг поднялись с церковных скамей, показалось, что вся община словно оторвалась от земли и свободно парит в воздухе, как мятежные духи на великой картине Микеланджело.

Открывая митинг, пастор Уилсон приветствует четыре тысячи борцов за гражданские права, собравшихся в его церкви. Вслед за ним на кафедру поднимается Клаудиа Лофис, возглавляющая нью-йоркскую секцию Союза. В сосредоточенном молчании, стоя, община слушает включенную Клаудией магнитофонную запись приветствия, присланного участникам митинга из тюрьмы, где отбывают заключение Бен Чейвис и Джордж Меритт. Братья были осуждены за то, что требовали равноправия черных и белых. Обращаясь к собравшимся, они благодарят за всегда ощущаемое ими чувство солидарности: их дух не сломлен, они с надеждой смотрят в будущее, глубоко верят в окончательную победу справедливости. Затем слово получает Леннокс Хиндс, представитель американской секции черных адвокатов. Он клеймит позором расовую юстицию Америки, которая только в прошлом году приговорила к заключению девятьсот невинных людей. Прерываемые песнями движения за гражданские права, один за другим выступают Эйб Файнгласс, заместитель председателя Федерального профсоюза рабочих боен, Жильберто Герена-Валентин, единственный представитель почти двухмиллионного пуэрто-риканского меньшинства в городском совете Нью-Йорка, и Чарлин Митчел, которая, как и Анджела Дэвис, является сопредседателем Союза борьбы против политического и расового угнетения.

Потом под стенами церкви снова нарастает рокот скандируемых лозунгов: «Брюс Райт — ольрайт!» и «Мы хотим Райта!» Они звучат в честь черного судьи Брюса Райта, против которого его же коллегами — юристами было возбуждено дело о дисквалификации: он отказался вынести обвинительный приговор молодому человеку, причастному к ограблению, мотивируя свой отказ так: «Нужно обвинять не этого юношу, но социальные условия, приведшие его к преступлению, и город Нью-Йорк, который ничего не делает для устранения этих невыносимых условий». Судья Райт обвиняет полицию города в том, что с начала января среди бела дня было убито четверо борцов за гражданские права, причем полиция даже не провела расследования этих преступлений. После него выступает седой старик — последний оставшийся в живых из группы «Скоттсборо бойз», в которую входило девять негритянских юношей, приговоренных в начале сороковых годов к смерти по ложному обвинению в изнасиловании: их удалось освободить только после многолетней борьбы и протестов широкой мировой общественности. Затем слово получают белая и черная женщины с юга Америки, профсоюзная деятельница Энн Брэйден и Салли Дэвис, мать Анджелы, она из Бирмингама, штат Алабама. Ее сменяет Джеймс Болдуин, один из крупнейших ныне живущих писателей Америки, который только что возвратился из Франции после десятилетнего отсутствия и впервые поднимает свой голос на митинге Союза. Болдуин высится над толпой, как ангел Барлаха, строгий, вдохновенный, словно вытесанный из куска дерева ангел справедливости. Под сводами церкви раздается голос писателя, чьими устами вещает угнетенный народ.

Община знает, что сейчас будет выступать Анджела Дэвис. Улыбаясь, она поднимается на кафедру и простыми, ясными словами говорит о том, как много еще предстоит сделать. А потом Анджела остается на возвышении, ее голос слышен всем, и вся братская община, как один человек, начинает петь «We shall overcome»¹.

¹ «Мы выстоим» (англ.).

Рай и ад в Нью-Йорке расположены очень близко друг к другу, они такие же соседи, как церковный колокол и полицейская сирена в Гарлеме. Как только митинг, продолжавшийся четыре часа, закончился, толпа народа мгновенно рассеялась. Это произошло так быстро, что в суете я потерял друзей, с которыми собирался возвращаться домой, и вдруг оказался один-одинешенек на Ковент-авеню. В несколько минут декорация совершенно переменилась, я почувствовал, что движусь в абсолютно чуждом, враждебном окружении. Не осталось и следа того ощущения безопасности и тепла, которое я испытал в чреве церкви. Я бросился к ближайшей остановке метро, но тут же, едва заглянув внутрь, в недра подземки, отпрянул назад: вход в метро блокировала банда подростков, при виде которых меня уже издали охватил такой страх, что я тут же решил добираться до дома другим путем, чего бы это ни стоило.

Я снова стоял один на улице и потел, теперь уже не от восторга, а от страха. И тут-то я увидел, как оно происходит: один человек переходит улицу, другой незаметно подходит к нему сзади, и, прежде чем жертва успевает достичь противоположной стороны, преследователь всаживает ему в спину какой-то острый предмет. Человек почти беззвучно опускается на землю. Пока один падает, другой хватается его портфель и исчезает в гарлемской ночи. Ограбленный валится наземь, в грязь, остается там лежать, и никто, никто из прохожих не обращает на него ни малейшего внимания. В полном недоумении я наблюдаю, как мимо на огромной скорости проносится полицейская машина. Я сам больше не думаю о том, как помочь раненому. Я слишком боюсь за свою жизнь. Чтобы не попасться на глаза грабителям и избежать «бек-стаббинга», то есть знакомства с ножом нью-йоркского уголовника, я просто выбрасываю свой портфель, поскольку его содержимое в данный момент представляется мне излишним. Я кидаюсь на мостовую, чтобы поймать такси, поднимаю вверх обе руки, отчаянно жестикулирую, подобно утопающему, но такси стремительно проносятся мимо и только сигналият, когда я становлюсь им поперек дороги. Наконец,

после четверти часа беспомощного ожидания, махания и взывания, какой-то молодой человек, прохожий, спрашивает меня, не может ли он мне помочь. Я готов броситься ему на шею, но он решительно отклоняет всякие проявления благодарности и в следующий же момент небрежным мановением руки останавливает такси. Он даже помогает мне сесть и категорически отказывается от вознаграждения.

Таксист тоже держится со мной исключительно вежливо, интересуется, откуда я приехал, кто по профессии, и между делом переговаривается по-итальянски со своим диспетчерским пунктом.

Я уже собираюсь облегченно вздохнуть, как вдруг таксист выключает фары, въезжает в темный переулок и включает внутреннее освещение. «Give me your money»¹, — произносит он без тени вульгарности. Я вынимаю портмоне и извлекаю из него пятидолларовую купюру. Он благодарит: «You have more, please»². Я даю ему еще пять долларов. Он благодарит и хочет получить еще. Я даю ему новую ассигнацию, на этот раз двадцатидолларовую, но он все еще недоволен. Без спешки, постепенно, в несколько приемов он избавляет меня от груза наличных денег.

В заключение он берет мое портмоне, любезно просит предъявить бумажник и тщательно проверяет, не застряла ли где-нибудь оставшаяся

СОБЫТИЯ ФАКТЫ СУЖДЕНИЯ

«Огромный город постепенно движется к хаосу. Он становится неуправляемым. Им владеют сейчас три чудовища — бедность, преступность, грязь. Его можно было бы спасти, если бы уменьшить непомерно раздутый военный бюджет страны и за этот счет решить проблемы наших городов».

Дж. Линдсей, бывший мэр Нью-Йорка

¹ Дайте мне ваши деньги (англ.).

² Извините, у вас есть еще (англ.).

незамеченной купюра. Сей благородный разбойник оставил мне 1 доллар и 10 центов на телефонный звонок. А 173 доллара 35 центов он у меня изъясил как пожертвование в пользу нью-йоркского уголовного мира. Еще раз поблагодарив, он благополучно доставляет меня по указанному адресу и прощается с истинно итальянским обаянием. Я тоже благодарю его и делаю это с чувством глубокого облегчения и от всего сердца. Я благодарен этому типу за то, что он хоть и отнял у меня все деньги, но оставил в живых.

Когда я, оказавшись наконец в безопасности, рассказываю Максу Курцу мою детективную историю, он поздравляет меня: «Тебе чертовски повезло. Ты нарушил сразу три заповеди: находился ночью один на улице, имел при себе слишком много денег и сел в первое попавшееся такси, принадлежащее мафии».

На следующее утро в местном издании «Нью-Йорк таймс» под прогнозом погоды и биржевыми новостями я читаю полицейский отчет о прошедшей ночи: «11 убийств, 37 разбойных нападений, 197 краж со взломом, 312 дорожных происшествий, 67 раненых, 6 погибших, 17 пожаров. Особые происшествия: таковых не зафиксировано». Будни Нью-Йорка. Теперь я понимаю, почему ни прохожие, ни даже полиция не нашли времени для человека, зарезанного на Ковент-авеню.

ПИТТСБУРГ, ФОРБС-АВЕНЮ

Сквиррел-Хилл в Питтсбурге, городе рабочих, называют «детской площадкой для интеллигентов». Здесь живут преподаватели и студенты университета и служащие фирм, изготавливающих счетно-решающее оборудование. Здесь очень значителен процент еврейского населения, и Сквиррел-Хилл не отрецивается от этого факта. Как раз против нашего дома находился центр еврейской общины, а в радиусе примерно пятисот метров располагались по меньшей мере пять производивших в совокупности весьма импозантное впечатление синагог, на каждой из которых висел один и тот же плакат с лозунгом:

«Спасите советских евреев!» На углу Мюррей-стрит — скопление еврейских кондитерских и булочных, мясные лавки и другие продуктовые магазины с «исключительно кошерным» товаром. На улице то и дело слышна немецкая речь, а иногда даже идиш. Я встречал почтенных старцев с длинными бородами, в длинных пальто, которым удалось эмигрировать во времена фашизма и которые задавали мне тревожные вопросы о неонацизме в ФРГ. С одним из них, зубным врачом Куртом Розенхаймером, я даже подружился. Но наша стихийная дружба дала крупную трещину, когда он узнал, что я состою в коммунистической партии, и разбилась окончательно, когда он несколько дней спустя встретил меня на улице с моей черной женой и дочерью. На старости лет он явно превратился в американского расиста.

И все же я бы мог остаться на Сквиррел-Хилл. В этой части города я чувствовал себя хорошо не только потому, что там жила моя семья. Многие с самого начала напоминали мне родной Гамбург, район Эппендорф, не только потому, что у нас на Эппендорфской дороге, совсем рядом с моим домом, уже давно стоит киоск фирмы «Макдональд», где продаются гамбургские сосиски, работает типично американская дискотека для подростков и имеется универмаг, торгующий по безналичному расчету, с точно таким же выбором товаров, что и на Форбс-авеню. Похожа сама атмосфера города: жители здесь, как и там, ведут себя довольно свободно и непринужденно, не сторонятся друг друга на улице, предпочитают сандалии сапогам, а цветные рубашки галстукам и белым воротничкам. Разве что смешение племен и народов на Сквиррел-Хилл еще быстрее, чем в Эппендорфе: кроме еврейских, есть множество сирийских и японских магазинов, баварская кондитерская, где продают фигурные пряники, методистская школа, центр Хара-Кришны, итальянские и персидские рестораны, одно турецкое кафе и одна американская сосисочная. Пролетарии и мелкие буржуа из всех стран света привезли с собой в Америку какую-то часть своей культуры, и американскими в этом квартале являются, собственно, только банки. Они принадлежат трем городским

идолам: Карнеги, Меллону и Фрику — и выглядят как греческие храмы, римские термы или готические монастыри. На поклонение к богу Мамоне американцы в самом деле ходят почти так же часто, как в туалет, несколько раз на день. Они все вместе построили себе карточный домик из кредитных карт и постоянно находятся в движении, стремясь обменять карту одного банка на карту другого банка. Если вы, приехав в Америку, захотите расплатиться наличными, с вами произойдет то же, что и со мной в первые дни пребывания: вас примут за подозрительную личность, которая спит под мостом и зарабатывает на жизнь грабежом банков. Только имея кредитную карту, вы можете считать себя человеком.

Через два дома от нашего находилась публичная библиотека, основанная каким-то банком. Ее фонд составляли книги на пяти различных языках. Среди книг я, к моему величайшему удивлению, обнаружил собственную докторскую диссертацию о немецком поэте эпохи барокко Андреасе Грифиусе, которая, по-моему, не может представлять интереса для американцев. Она попала сюда как наследство какого-то профессора, завещавшего всю свою частную библиотеку жителям района. Приятно было смотреть, как непринужденно население Сквиррел-Хилл осваивает сокровища библиотеки. То и дело входили примерные домашние хозяйки, которые с сосредоточенным видом и прямо-таки научным рвением рылись в кипах специальных порнографических журналов; дети весело листали комиксы с Микки-Маусом, а старики со знанием дела включали аппараты для чтения микропленок.

Наша дочь Инга училась в школе Райтценштайна. Школа представляла собой, по крайней мере с виду, современное, многообещающее здание, выгодно отличавшееся от других школьных строений казарменного типа, которых так много и на моей родине, и здесь, в Америке. Школа смешанная, половина учеников — черные, сразу видишь, что учеников разделяет очень многое. Пасторские дочери и профессорские сынки со Сквиррел-Хилл и из прилегающих окрестностей пользуются всеми мыслимыми преимуществами, они учатся играть на фортепьяно,

берут уроки тенниса и верховой езды, в то время как дети нижнего, черного слоя, начиная с младших классов, вытесняются в группы отстающих, и все чаще бывает так, что через десять лет они выходят из школы, не научившись толком читать и писать. Заместитель директора призналась мне, что обычно треть учеников заведомо «списывается в пассив», до них никому нет дела, и им приходится самим справляться со своими проблемами, сложностями и семейными обстоятельствами. И даже не потому, что учителям не хватает доброй воли, — при битком набитом учащимися классе у них просто не хватает сил и педагогических возможностей. Для самых трудных случаев в школе имеется дежурный пост, который в случае опасности защищает учителей от учеников. Однако он не может помешать ни торговле наркотиками, ни пьянству подростков, ни тому, что систематически грабят магазины и торговые палатки. Приходя из школы, Ингрид каждый раз приносила целый ворох новостей, вызывавших в доме бурные дискуссии, и хотя домашних заданий ей почти не задавали, она ставила перед нами достаточно трудные проблемы.

Но вернемся на Форбс-авеню. Подобно узкому каньону, она вытекает из горной гряды небоскребов питтсбургского квартала Даун-Таун. У ее истоков стоит самое высокое здание города «US STEEL BULIDING» — огромный чурбан из стали и темно-коричневого стекла, неумолимо поглощающий свет, чтобы в своих недрах обратить его в золото. Большинство других высотных зданий были построены в прошлом веке, и их фасады напоминают потрепанные, но все еще хранящие следы бывшего блеска костюмы. В архитектурном отношении это явно выраженные метисы: их ренессансные порталы, острые готические башни и романские оконные арки являют собой причудливую мешанину всех острые готические башни и романские оконные. Заметно, что эти здания знавали лучшие времена на переломе прошлого и настоящего веков, когда стальные короли Питтсбурга, все эти Карнеги, Фрики и Меллоны стояли у кормила власти и строили город по собственному вкусу и разумению.

...За вокзалами и железнодорожной насыпью начинается мир, где вдруг понимаешь смысл американской поговорки: «Он родился не с той стороны железной дороги». В районе Хилл-Дистрикт, рассеченном по всей длине Форбс-авеню, живут почти исключительно черные и другие непривилегированные. Деревьев здесь почти нет, желтоватые, пахнущие серой тучи дыма, извергаемые сталелитейными заводами, заволакивают небо, на фоне которого торчат только голые холодные столбы телефонных линий и электропередач. Одноэтажные, редко двухэтажные дома производят впечатление глубокой запущенности. Повсюду лежат горы мусора, который, по-видимому, никуда никогда отсюда не вывозится.

Конечно, трущобы Хилл-Дистрикта не идут в сравнение с гетто Нью-Йорка или Чикаго. И все же впечатление удручающее. Нищета буквально бросается в глаза. Проблемы встречаются вас на каждом шагу — как кучи неубранных нечистот, как детский плач и детская брань, как мертвецки пьяные люди, валяющиеся на улицах.

Несколько раз я вместе с товарищами из компартии ходил в Хилл-Дистрикт распространять «Дейли уорлд». Это было нелегким делом, у нас в Эппендорфе значительно легче ходить от двери к двери, предлагая мужчинам и женщинам купить газету «Унзере цайт».

Больше всего меня потрясала немота обитателей гетто, с которой сталкиваешься сразу на пороге жилья. Я нажимал на кнопку звонка, кто-то угрюмо и молча открывал дверь, я произносил свою заготовленную фразу, но ответом мне обычно бывало беспомощное молчание, словно я обращался к глухонемым.

В этом молчании сливалось все: изумление по поводу того, что в дом вошел белый без полицейской формы, недоумение при виде живого коммуниста и абсолютная незащитность перед всем, что проникает извне.

...Квартиры обставлены в кредит, убого и однообразно. Дорожки из маисовой соломы, стулья, сплетенные из ивовых прутьев, все остальное по большей части подобрано на свалке или куплено у старьевщика. Библиотека в большинстве домов

представляет собой внушительное собрание бесплатных фирменных каталогов, дорожных проспектов и брошюр филантропических организаций.

Жилой район черных занимает в длину один километр. К нему примыкает квартал, заселенный в основном иммигрантами итальянского происхождения. Национальный состав жителей черных и белых городских районов с течением времени неоднократно менялся. Так, итальянский квартал был некогда построен немцами, которые затем перекочевали в более престижные районы, а Хилл-Дистрикт еще до 50-х годов был заселен иммигрантами славянского и средиземноморского происхождения, и только позже он был завоеван нахлынувшими с юга афроамериканцами.

В каждом газетном ларьке вдоль Форбс-авеню сидит черная киоскерша, с улицы она смотрится как «женщина без нижней части туловища», которую показывают на ярмарке. Все газетные киоскерши в Америке — черные, зато все красотки на обложках иллюстрированных журналов белые, как сама невинность.

...Книжные магазины вдоль Форбс-авеню информируют о том, как отделаться от прыщей на лице, как в течение одного вечера соблазнить женщину, как разбогатеть в один день, как добиться главенства в семье, как преодолеть свою робость, как

СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ

«Нас потрясло недавнее сообщение министерства образования, что 56 процентов взрослых американцев, говорящих на испанском языке, 47 процентов взрослых черных американцев и 17 процентов «белых американцев» практически неграмотны. Как могут эти американцы по-настоящему наслаждаться плодами демократии, если они с трудом могут заполнить анкету, требующуюся для приема на работу?»

Д. Иноуэй, американский сенатор, 1983

найти работу, как экономить при уплате налогов, как разбить цветущий сад, как стать выдающимся политиком и как преодолеть комплекс неполноценности. Книжные магазины предлагают решение любой жизненной проблемы. Нужно только взять из ящика соответствующую брошюру, иметь при себе необходимую мелочь и непоколебимо, как в церкви, верить рекомендациям.

В университетском городке, в отличие от большинства высших школ в ФРГ, редко увидишь радикалистские надписи на стенах, лозунги и плакаты. А между тем расовое равноправие находится здесь еще в зачаточном состоянии. Количество цветных студентов на всех факультетах, кроме спортивного, составляет менее пяти процентов, число черных преподавателей — даже менее одного процента. Зато эмансипация женского пола успешно прогрессирует. Студенток в городе явно больше, чем студентов. Обычно они носят под грудью целый пакет с учебниками или прижимают его обеими руками к животу, словно хотят в буквальном смысле слова вобрать в себя книжную премудрость.

О телесном здравии более чем тридцати тысяч студентов печется не столовая, но широкая сеть закусочных вдоль всей Форбс-авеню. За их стеклянными стенами в обеденное время видны фигуры обедающих. Они двигают челюстями, погружившись в собственные мысли, и смотрят прямо перед собой, не обращая внимания на соседей. Разумеется, множество однотипных закусочных является не столько выражением недоразвитой культуры американского быта, сколько показателем реального жизненного уровня среднего американца. Больше чем на одну ветчинную, сырную, питтсбургскую или баранью котлетку денег у студентов обычно не хватает, столовые на предприятиях — редкость, а хорошие рестораны, как правило, слишком дороги. «Макдональд» — это целая система, целая метода, начала которой я мог наблюдать еще дома, в Гамбурге. У нас в Эппендорфе тоже была закусочная фирмы «Макдональд» с таким же респектабельным белым хозяином при воротничке и галстуке, как и здесь, в Питтсбурге. Обслуживающий персонал по эту сторону прилавка — сплошь

белые женщины; в кухне, куда можно заглянуть из зала, работают только черные мужчины. В порядке исключения концерну удалось в большинстве штатов получить разрешение на использование в своих филиалах 22 000 детей в качестве подсобной рабочей силы — скандал, в связи с которым в Год ребенка выразила свое сожаление даже «Нью-Йорк таймс».

Так что дешевая цена котлеток обходится дорого. Ее делает возможной детский труд, дискриминация женщин и заниженная оплата труда черного меньшинства. Попытки студенческих корпораций и профсоюзов организовать по всей стране бойкот «Макдональда» каждый раз проваливались прежде всего потому, что почти нигде нет приемлемой альтернативы.

ПОСРЕДИ МАНХЭТТЕНА

В тот момент, когда я пишу свою главу о Нью-Йорке, все наши буржуазные газеты изливают восторги в адрес Вуди Аллена и его киношедевра «Манхэттен». Бесспорно, это очень красивый фильм, полный романтики и меланхолии. В нем показан город-мечта, столица без язв и грязи, трогательная и в то же время забавная, равнодушная и в то же время сентиментальная панорама огромного города, в котором живут сплошь рафинированные, утонченные и до невроза чувствительные граждане мира, комики, художники и психиатры. Такой ностальгически притягательный Нью-Йорк существует только в воображении Вуди Аллена. Волшебник экрана изобразил Нью-Йорк как космополитический рай, как фантастический мираж города без кварталов нищеты, без Гарлема, Бронкса и Бауэри, без банд шантажистов и грабителей, город, где человеку не грозят никакие опасности, кроме ночных гроз и ливней. Фильм аранжирует для зрителя гершвиновскую «Голубую рапсодию», ночную прогулку в конном экипаже по Центральному парку, робкую пару влюбленных под Бруклинским мостом, множество силуэтов, абрисов и профилей перед призрачно освещенными окнами небоскребов... Все

это так же далеко от реального современного Нью-Йорка, как наш расколотый мир от Вечного мира. Но в том-то и причина феноменального успеха фильма: он снова пытается воскресить «отгремевшую славу гигантского города».

Товарищ Макс Курц, опекавший меня в Нью-Йорке, кинооператор по профессии и человек, великолепно разбирающийся в ситуации, рассказал мне, что Вуди Аллен мог вести съемки своего «романса в серых тонах» только под присмотром сорока охранников. И несмотря на это, его операторская группа во время съемок ночного Гудзона несколько раз подвергалась обстрелу. Этих выстрелов в фильме не слышно. Куда ближе к реальности другая кинолента о Нью-Йорке, «Воители» — патетическая история молодежной банды из предместья. Фильм снят в резких, кричащих тонах и изобилует сценами насилия и жестокости. Он показывает ту сторону жизни восьмимиллионного города, которую Вуди Аллен элегантно обходит стороной, — кварталы бесправных и неимущих, где разыгрывается кровавая эпопея стычек между бандами и полицией. Банда «воителей», преследуемая конкурирующими бандами и полицейскими патрулями, пытается бежать из Бронкса через Манхэттен в южный Бруклин. Сюжет выстроен по всем правилам вестерна как романтическая легенда о горстке друзей-единомышленников, затерянных во враждебной стране. Преступники, чья жизнь сводится к единственной цели — выжить, дожить до завтра, окружены в этом фильме ореолом героизма. Но, несмотря на всю идеализацию, в нем есть какие-то проблески реальности — и потому он, в свою очередь, влияет на эту реальность.

Во время моего пребывания в США «Воители» демонстрировались во всех крупных штатах страны. Молодежь толпами валила в кинозалы и была настолько взбаламучена этой поэтизацией войны нью-йоркских банд, что во многих местах дело дошло до настоящих эксцессов. В Питтсбурге группа молодежи после сеанса разграбила магазин, в Филадельфии произошла поножовщина, в результате которой было ранено семеро подростков, прежде чем подросшие полицейские ранили выстрелами

еще троих, в Калифорнии демонстрация фильма имела следствием три убийства. Впрочем, для продюсеров эти эксцессы отнюдь не основание для прекращения проката. Напротив, убитые и раненые — хорошая реклама. Режиссер Уолтер Хилл немедленно приступил к съемке трех новых фильмов-репортажей о жизни гангстеров Нью-Йорка.

Но я хотел писать о Нью-Йорке, а не о бесчисленных голливудских боевиках, живописующих триумфы и падения города Желтого Дьявола...

Каждый раз, приезжая в Нью-Йорк, я находил кров и приют в квартире Макса Курца на 98-й улице в центре Манхэттена.

И всегда, когда ужасы большого города выбивали меня из колеи, я возвращался в это пристанище с его четырьмя кошками, бесчисленными книгами и темно-зелеными широколиственными растениями. Здесь все дышало гостеприимством и дружбой, и я забывал свои страхи. Макс Курцу и другим нью-йоркским товарищам, с которыми он меня познакомил, я обязан тем, что не проникся слепой ненавистью к Нью-Йорку. Я в любой момент готов вернуться в этот город, потому что знаю, что даже в самых страшных районах нищеты есть еще трижды запертые на задвижки двери, в которые я могу постучаться во всякое время, даже ночью.

В получасе ходьбы от квартиры Макса, если идти через Бродвей, расположен Таймс-сквер. Нет смысла описывать процветающий здесь порно-бизнес. Американский секс-центр не слишком отличается от Рипербан в Гамбурге, Пляс Пигаль в Париже или Пиккадилли в Лондоне, разве что масштабы этого бизнеса вполне соответствуют здешней гигантомании. Меня все это скопление выставленных напоказ извращений, чудовищностей и непристойностей скорее смешит и забавляет.

От подробностей и культурологического комментария, пожалуй, стоит воздержаться.

Чуть в стороне от Бродвея, этого официального «центра наслаждений» Соединенных Штатов, быстро исчезают магазины, лавчонки, кинотеатры, ателье, мастерские и кабинеты, где торгуют сексом, и начинается серая зона рынка, где купля-продажа

любви происходит прямо на улице. Здесь прости- туирует себя голая нужда.

Например, в бесчисленных «пип-шоу», кабинках для подглядывания. Этот аттракцион, вроде кару- сели, которая вертится только тогда, когда в авто- мат попадает монета, вызывает не столько смех, сколько слезы. В центре заведения установлен вра- щающийся диск, на котором стоит (или лежит) женщина. Предполагается, что вращение диска должно помочь зрителю составить объективное представление о груди и ягодицах и осмотреть вещь со всех сторон. Дойный механизм запрограммиро- ван на четверть доллара. Выдоенные посетители по- кидают кабинки и снова тупо бредут по улицам.

Кинотеатры перемещаются из бельэтажей в под- валы, репертуар — с порно на ужасы. Американ- ская фабрика кошмаров представляет свою новей- шую продукцию: «Вампир из космоса», «Альен — чудовище из неизвестного мира», «Кинг-Конг про- глатывает город», «Нападение гигантских птиц». Абсолютным бестселлером считается фильм «Со- временный Апокалипсис». Сегодня, в момент глубо- чайшего кризиса, настроение царит катастрофи- ческое, страх создает конъюнктуру, ужас обделыв- ает миллионные дела. Чтобы отвлечь зрителя от коллективных страхов, порожденных американски- ми буднями, фильмы должны пичкать его самой не- вероятной жутью, должны превосходить действи- тельность варварством. Только так может возник- нуть в конце сеанса успокоительное чувство: слава богу, этот кошмар кончился!

Но если киношные ужасы, пусть самые косми- ческие, все же кончаются, то в грубой реальности гигантского города Нью-Йорка чудовищные вещи происходят постоянно, и конца им не видно.

Надо сказать, что в садистских эпизодах, демон- стрируемых на экране, далеко не всегда течет томат- ный сок. Между 42-й и 43-й улицами в одном из подвалов в глубине какого-то двора в течение тридцати двух недель показывали фильм, в котором скрытой камерой было во всех подробностях запечатлено убийство женщины, совершенное по всем правилам искусства. Цветная реклама — листовка, которую нам всучили на улице средь бела дня,

уверяла, что этот фильм действительно во всех подробностях документирует преступление, совершенное ради удовольствия. Из листовки мы также узнали, что судебное дело, возбужденное против продюсеров, не было принято к расследованию, поскольку убийство произошло не на территории США. Так что нервничать не стоит. А разного рода возражения и требования запретить фильм были отвергнуты судебными инстанциями, поскольку «получение удовольствия» не карается законом. Вот только широкая реклама, к сожалению, запрещена, поэтому приходится приглашать прохожих на закрытые сеансы громким шепотом, с помощью рукописных программ.

На 44-й улице какая-то женщина в пальто с поднятым воротником и робким взглядом исподлобья, несмотря на наши протестующие жесты, всовывает нам листовку. Наверное, сектантка, думаю я, хочет вовлечь нас в свою секту. Случайно развернув листовку, я не верю собственным глазам. На бумажке, врученной «сектанткой», изображены «вразбивку» ее женские прелести, а рядом с иллюстрациями указана цена: 10, 15, 18 долларов.

На следующем углу другая женщина продает себя иным способом. Она обнажает грудь. Рядом с ней стоит пожилой мужчина и время от времени оглашает условия и цену. Девушке лет пятнадцать, но ее глаза заплаканы настолько, что она кажется давным-давно состарившейся старухой.

Но дальше мы увидели вещи, по моим понятиям, еще более страшные. Продолжая свой путь по этому Вавилону, мы попали в квартал, который на местном жаргоне называется «Миннесота-Стрип». Предание гласит, что здесь, в стороне от главной магистрали разврата, раньше подрабатывали на жизнь случайной проституцией девушки, приехавшие в Нью-Йорк из Миннесоты и с Дикого Запада. Сегодня ремесло это полностью перешло в руки малолетних.

В самом деле, вдоль замызганных, грязных улиц стоят маленькие девочки, а иногда и мальчики всех цветов кожи одиннадцати, двенадцати, тринадцати лет; они бесцеремонно пристают к проходящим мимо мужчинам.

Я растерянно и беспомощно стараюсь не глядеть в их сторону, но не могу помешать тому, что какая-то чернокожая девочка, не старше моей дочери, уверенно цепляет меня за рукав: «Я беру только пять долларов...»

Избавлю читателей от изложения диалогов, которые я вел на 44-й и 45-й улицах. Упомяну только, что детская проституция процветает на соответствующем публицистическом фоне. В бесчисленных киосках, книжных лавках и лавчонках лежат новейшие выпуски специальных порно-журналов. Они рекламируют детский секс, представляют девочек и мальчиков только как объекты похоти и тем самым «помогают» малолетним выдерживать конкуренцию со взрослыми проститутками обоих полов. Детская невинность — ходовой товар.

С улиц Миннесота-Стрип, безрадостных, лишенных зелени, можно видеть гладкий, как зеркало, фасад здания ООН на Ист-Ривер. Если у вас хорошее зрение, вы смогли бы даже прочесть лозунг на самом верхнем этаже: «1979 год — Год ребенка». О Годе ребенка детям с Миннесота-Стрип известно, по-видимому, меньше, чем их ровесникам в джунглях Африки.

До стеклянных дворцов Бродвея и Пятой авеню отсюда рукой подать. Улица сужается, превращаясь в каньон, в пропасть, а небо съезживается в далекую узкую голубую полоску. Даже в середине мая полуденное солнце проникает вниз только до пятнадцатого этажа. Пышные зеленые деревья и цветочные клумбы сделаны из пластика, но зато многочисленные скульптуры — из настоящей бронзы или меди, а уборные для собак — из свежего, пахнущего лесом соснового дерева. В витринах магазина фирмы «Gobelin of Switzerland» выставлены часы «Патик-Филипп» по 4900 долларов за штуку. Плитка шоколада в фирменном магазине «Година» стоит 34 доллара, а шварцвальдский торт доставляется на дом за 98 долларов. «Шас» и «Журден» продают дамские перчатки по ценам от 120 до 1350 долларов, модели за 800 долларов и выше украшены бриллиантами. Здесь продаются не товары, а цены и фетиши. Здесь важна не покупка, а самый факт покупки.

На жилищном рынке — те же лихорадочные цены. Как сообщает журнал «W», издаваемый для манхэттенской элиты, цена средней трехкомнатной квартиры в районе Бродвея — 1380 долларов в месяц. В новом олимпийском городке продаются апартаменты по 750 000 долларов, а в «Нью-Йорк таймс» я прочел, что принц Сауд из Саудовской Аравии приобрел себе на Парк-авеню «временное пристанище» за 950 000 долларов.

РАЙОНЫ-АУТСАЙДЕРЫ НЬЮ-ЙОРКА

Недалеко от знаменитой дискотеки «Регина» эlegantная Парк-авеню, перевалив через Холм, неожиданно уходит вниз метров на десять. Из водосточков поднимаются тучи чада, дыма и пара, и Нью-Йорк вдруг начинает казаться кипящим вулканом. А когда под мостовой громыкает поезд подземки, звук такой, словно вот-вот произойдет извержение. Пейзаж резко меняется, силуэты небоскребов исчезают из вида, а вместо них появляются длинные ряды разрушенных и разрушающихся доходных домов, похожих на казармы. Их единственным характерным признаком кажется железный скелет наружной пожарной лестницы. Видно, что здесь живут люди, находящиеся в состоянии постоянного бегства. Бегства от пожаров, от нападений, от катастроф. Здесь проходит классовая граница Манхэттена. По ту сторону этой границы лежат Карибские острова, Мехико и Африка, лежит Гарлем. На 100-й улице кончается Европа и Америка. На той стороне сразу же начинаются все тяжелые проблемы, и они не теряют своей остроты вплоть до 155-й улицы.

Весь Гарлем занимает территорию в шесть квадратных километров, здесь живет четверть населения Нью-Йорка, но, по официальным данным, эта четверть имеет в своем распоряжении целых три процента жилого фонда и зарабатывает целых семь процентов дохода всех жителей города.

В этом мире живет безработный Тим Вебер, член компартии. За свою комнату на Парк-авеню, 1644 (на той самой улице, где нашел временное

пристанище принц Сауд), он платит 120 долларов в месяц. Со стен обваливается штукатурка, повсюду шмыгают крысы, ни днем, ни ночью не затихает скрежет трамвая. На лестнице есть уборные, но света и отопления давно нет, хозяин просто отключил их, потому что некоторые жильцы ему задолжали. Тим Вебер спасается электробатарейками. Зимой он с утра уходит из дому и согревается в библиотеке.

Его мир — восточный Гарлем, слывший некогда черной столицей Америки и центром «гарлемского Ренессанса» — авангардистского культурного движения 20-х и 30-х годов. Сегодня здесь 28 % жителей живут на пособие, 75 % детей рождаются от внебрачных связей. Детская смертность в 1977 году составляла 42,8 на 1000 новорожденных, эта цифра выше, чем в большинстве стран Африки. В этой части города число квартир уменьшается ежегодно на три-четыре тысячи из-за поджогов, запущенности и разрушения домов. И все же число жителей увеличивается, главным образом за счет нелегальной иммиграции из стран Карибского региона. Высунувшись из автомобиля, Макс Курц спрашивает у прохожего, где находится Шарлотт-стрит. «Очень просто, — отвечает работник связи. — Поедете прямо, пока ничего не увидите, вам туда».

Шарлотт-стрит выглядит как после бомбежки. Так выглядел гамбургский район Хаммербрук через четыре года после войны. И так же выглядела ханойская улица Кам-Тьен в феврале 1973 года, через восемь недель после рождественской бомбардировки Никсона.

На Шарлотт-стрит стояло ровно пятьдесят два жилых дома, восьми- и десятиэтажных, по двадцать шесть с каждой стороны. В них жило три тысячи людей. Сейчас домов осталось девять, причем восемь либо замурованы кирпичами, либо опустошены пожарами. В последнем живут еще сто человек. Один из товарищей, который все же пытается сколотить инициативную группу квартиросъемщиков, рассказывал, что за свою развалюху они платят по 160—180 долларов. Некоторые квартиры забаррикадированы, как тюремные камеры, окна зарешечены толстыми железными балками, двери за-

биты стальными трубами. «Это наш железный занавес», — шутит мой собеседник, работающий банковским курьером в центре Манхэттена.

Перед всеми домами — кучи отбросов и мусора высотой в метр. Люди выбрасывают отходы прямо на улицу, в обедках роются собаки, кошки и крысы. Вся местность напоминает безбрежную свалку. Вот уж три года, как мусор из Гарлема не вывозится. Официальная причина: «недостаточная сумма платежей по налогам, поступающих от населения».

К Гарлем-Ривер примыкают нежилые улицы, отгороженные высокой бетонной стеной. За ней, в центре самого большого города «свободного мира», высятся только руины, гнездятся одни крысы. «Вход воспрещен. Опасно для жизни. Стреляем без предупреждения», — написано на щитах вдоль заградительных стен. Через ржавый мост мы переезжаем на другую сторону реки, в южный Бронкс.

Район выглядит так, словно третья мировая война уже разразилась. С 1970 года местность потеряла 45 000 квартир. Каждый день здесь происходит десять поджогов, каждую неделю обваливается в среднем четыре жилых дома.

В южном Бронксе доходы полуторамиллионного населения на 62 % ниже, чем в среднем по стране. Каждый третий живет только на пособие. Толь-

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

«Страна крайне нуждается в медицинских работниках, принадлежащих к национальным меньшинствам. Среди черных граждан гораздо более высокий уровень детской смертности, заболеваний гипертонией, раком, диабетом, они значительно реже, чем белые, посещают врачей, пользуются худшими по оборудованию и по уровню медицинского обслуживания медицинскими учреждениями».

Патрик Уэллс, декан фармацевтической школы Южнотехасского университета

ко один из четырех учеников кончает школу, безработные составляют 42 % населения. Если в центре Манхэттена между Парк-авеню и Пятой авеню имеют практику 2063 врача, то на весь Бронкс нет ни одного.

Мы пересаживаемся в подземку, потому что никак иначе в Бруклин не попадешь. В подземке толчея, дышать буквально нечем, вонь зверская. На полу — горы грязи, некоторые сиденья форменным образом загажены. Город Нью-Йорк вот уже три года как обанкротился, у него нет денег на уборку поездов в предместьях чаще чем раз в неделю. Поэтому подземка похожа на свинарник, но свинарник для людей. Стены сверху донизу размалеваны порнографическими, маоистскими и просто бессмысленными надписями, номерами телефонов торговцев наркотиками, адресами проституток и педерастов, все эти надписи большого города — не что иное, как бессильное проявление ярости, ненависти и отчаяния.

Выйдя из подземки, следует прежде всего перевести дух. Жадно глотая воздух, я гляжу на небо, где, описывая медленные круги, летают странные птицы. У нас так летают чайки перед дождем. Зрелище напоминает фильм Хичкока. Но эти птицы не чайки, некоторые из них величиной с коршун, другие — с воробья. Напрягая зрение, я различаю, что неизвестные летающие объекты — просто клочки бумаги, пластиковые пакеты, обрывки тряпья, поднятые ветром. Похоже, что листовок среди них нет. Для этого ветер слишком слаб, воздух слишком разрежен, времена слишком мрачны. Надежда, умерщвленная десять лет назад, еще не ожила.

В пасмурные дни небоскребы Манхэттена буквально скребут небо, а зловонная нищета Бруклина действительно вопиет к небесам.

Большое облако дыма тянется от горизонта до зенита, словно где-то на окраине мира произошло извержение вулкана, но горит всего один дом, всего одна улица. Где-то всегда горит.

Тем не менее Бруклин насчитывает около двух миллионов жителей, больше, чем Гамбург. Сейчас он значит не больше, чем свалка мусора на окраине. И так он и выглядит.

NO LEAVE THE COUNTRY.
BLACKS!
NO BLACKS!

LEAVE THE COUNTRY.

LEAVE THE COUNTRY.

LEAVE
THE
COUNTRY.

В районе Бушвик 49 % живут на пособие. Два года назад он занимал первое место в стране по числу пожаров — шесть тысяч в год, но теперь он отстал, потому что сжигать почти нечего.

Товарищ Джордж Наполи, чьи предки, как и многих нью-йоркских товарищей, происходили из Италии, жил здесь еще год назад. Его отец купил дом на Харлем-стрит, 152 сразу после войны и прожил в нем с семьей почти тридцать лет, пока не загорелся пустующий дом напротив. Одновременно сгорело еще шесть домов. Пожарная команда не могла вмешаться, так как ей угрожала местная мафия. В тот самый месяц, когда семья Наполи была вынуждена переселиться в Гарлем, гангстеры из банды «Лав», преисполненные отнюдь не любви к ближним, терроризировали более ста жильцов одного многоэтажного дома на той же стороне улицы. Они разбивали окна, крали мебель, рушили печи, избивали стариков и последовательно добивались выезда людей из дома. За неделю они справились со своим грязным делом — выжили всех, так что дом оказался «свободным от людей». Пустой дом поджигать выгоднее, ведь в таком случае владелец дома сразу же получает всю страховку, без вычета суммы, предназначенной для жильцов-погорельцев.

Банды вроде «Лав» субсидируются домо- и землевладельцами, гангстеры работают по точно разработанному плану, они редко руководствуются примитивной жадностью разрушения. Полиция и пожарные команды, как правило, не вмешиваются, а власти явно надеются, что постоянные пожары в их районе естественным образом сократят раз в десять «проблемное» население.

«Нью-Йорк таймс» писала, что число пожаров в прошлом году составляло 249 000. Две трети пожаров были вызваны поджогами, раскрываемость этих преступлений — ниже 8 %. Одним из таких поджигателей — «огненных чертей», как их здесь называют, был семнадцатилетний Франсиско Мендес, привлеченный к суду за убийство двадцати пяти человек. Он поджег молитвенный дом, где в тот момент находились двадцать пять верующих. На вопрос, зачем он это сделал, Мендес ответил:

«Я терпеть не мог этих ханжей!» Когда председатель суда присяжных произнес приговор: «Пожизненное заключение», Мендес, как пишет «Нью-Йорк таймс», повернулся к скамьям для публики, усмехнулся и пожал плечами. Не он один отсидит в тюрьме. 120 000, полтора процента населения города, в настоящее время за решеткой.

Нью-Йорк все быстрее распадается на два строго отделенных друг от друга общества, на класс белых и класс тех, кто не имеет ничего, кроме собственной кожи темного цвета. У каждого из этих классов — свои школы.

Только 29 % детей белого населения посещают государственные школы, все остальные учатся в дорогих частных школах, где безнаказанно сохраняется расовая дискриминация. 86 % цветных детей учатся, если они учатся, в школах для цветных. И говорят на собственном языке. Жестокость школы, через которую они должны пройти, выработала у людей третьего мира Нью-Йорка новый язык, правила которого определяются прежде всего теми значениями, которые он призван передавать. Этот жаргон низшего социального слоя новых граждан Нью-Йорка, состоящий из сигналов, необходимых для того, чтобы выжить, отличается от официального языка американской буржуазии значительно сильнее, чем гамбургский портовый сленг от литературной речи высокообразованных телекомментаторов.

Школы во многих местах стали школами террора. В «проблемных» зонах в школах давно установлены вооруженные полицейские посты, чтобы оградить учителей от нападения учеников. Однако в прошлом году семь учителей были убиты при исполнении служебных обязанностей. Однажды мы, разыскивая одного знакомого учителя, зашли в хорошо оборудованную и с внешней стороны вполне современную школу на Кони-Айленд. Нам пришлось некоторое время ожидать лифта на третьем этаже. Шли занятия, коридоры были пусты, и только какая-то пожилая дама вместе с нами ждала лифта. Учительница. «Простите, — говорит она, — вам тоже вниз?» — «Да», — отвечает Макс. — «Проводите

меня, пожалуйста. Я не могу одна спускаться по лестнице». Естественность, с которой прозвучала эта просьба, показала нам, что она привыкла искать защиты, находясь в школьном здании. Она примирилась с тем, что у нее — опасная, связанная с риском для жизни профессия.

Мы едем подземкой, пересекая Ист-Ривер, в Бауэри, самый южный угол Манхэттена. Легко описывать башни и дворцы Уолл-стрит, их хэркеры, шпили и фронтоны легко укладываются в красивые периоды, вызывают ассоциации и сравнения. А нищета Бауэри издевается над любым описанием. Совершая свое турне по Нью-Йорку, я скоро обнаруживаю, как жалок мой словарь, бессильный описать разрушения, запустение, грязь, нечистоты, — повторения почти неизбежны. В Европе я не видел ничего, что бы могло сравниться с состоянием Бауэри. Покосившиеся хижины португальской гавани Порто все же защищают своих обитателей если не от бурь и холода, то от огня, грабежа и насилия. В южном Манхэттене во многих домах больше нет дверей, лестницы сожжены на дрова, а взобраться можно только снаружи по ржавой пожарной лестнице.

Большинство людей все равно не живет в домах, они лежат на улице, в грязи, в канавах. Если идти по кварталу пешком, как сделали мы с Максом, приходится просто переступать через них. Я вижу осоловелых, мертвецки пьяных, одурманенных наркотиками людей.

Наркоманы обычно слишком слабы, чтобы подняться. Они встают лишь для того, чтобы утолить наркотический голод. Раздобыв немного героина, они прокрадываются в «галереи выстрелов» — пустующие квартиры Бауэри, где вводят себе очередную дозу — «выстрел» и при этом угрожают уколom каждому, кто попытается к ним приблизиться. Тела их, разбросанные по тротуару, от ежедневных впрыскиваний покрыты, как сыпью, огромными гнойными волдырями. В них не осталось ничего человеческого, кроме висящих лохмотьями остатков одежды. У большинства безумные пара-

ноидальные глаза и такие движения, словно они существа не из кожи и костей, а из сплошных протезов.

Где-то в Бауэри есть настоящая детская площадка с качелями, песочницами, горками для катания и стенками для лазания. На первый взгляд она кажется островком детской радости посреди океана страданий взрослых. Но здесь нет детей. Площадку облюбовали себе люди далеко не первой молодости, выброшенные из жизни, истрепанные, изношенные. Они валяются в песке, на скамьях и под качелями, мечутся, как дикие звери в клетке, дерутся и тихо скулят. При ходьбе они движутся как марионетки на шелковых нитях. Иногда они как бы порхают над землей или печально покачиваются из стороны в сторону — кажется, что их вот-вот унесет ветер, или они падают плашмя на землю, как подрубленные деревья. Падают они каждый раз мягко, будто тысячи раз упражнялись в падении.

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

«Организованная преступность — одна из статей самого большого бизнеса в Америке — имеет много разновидностей. Некоторые хорошо известны: это игорные дома или торговля наркотиками — бизнес, расцветающий на несчастье бедняков. Но организованная преступность имеет и другие разновидности. Это рэктеры, которые занимаются вымогательством, контрабандой спиртных напитков, подкупом профсоюзных деятелей. Однако не всем известно, почему рэкет может процветать в нашем обществе. У нас есть лидеры рэкета, которые стараются укрыться под защитой закона, и есть официальные лица, которые обеспечивают такую защиту, конечно, за деньги, то есть ежедневно продают свою честь, пользуясь высоким положением».

Р. Кеннеди, министр юстиции, 1964

Я вспоминаю «На дне» Горького, но, пожалуй, вернее было бы сравнение с Дантовым адом. «Оставь надежду, всяк сюда входящий...»

Не обращая внимания на уличное движение, на гудки скрежещущих, тормозящих автомобилей, улицу пересекает старик. Вслед ему несутся оскорбления водителей, но он, по-видимому, безразличен к вызываемой им ненависти. Может быть, она даже доставляет ему некоторое удовлетворение. Глаза у него выкатываются из глазниц, как две огромные капли. Все у него какое-то длинное: помятое лицо, пальто ниже колен, болтающиеся брюки. Живая развалина, выброшенный продукт общества потребления, человек, не имеющий рыночной цены.

Биржа на Уолл-стрит находится метрах в трехстах отсюда. Нижний Манхэттен — как качели с двумя сиденьями. Одни сидят наверху, потому что другие сидят внизу. Тех, кто сидит в Бауэри, удерживают внизу, чтобы те, кто сидит наверху, на бирже, оставались наверху.

Не только мужчины, но и женщины бродят по улицам Бауэри. Их называют здесь «бэг-лэг-леди» — «женщины-кошелки»; все, что имеют, они носят с собой в пакетах для покупок. Более удачливые среди них возят свое добро в сумках на колесах. В отличие от бездомных мужчин, женщины бродят в одиночку, а потому еще более незащищены перед опасностями большого города. Их единственная защита — полное отсутствие средств к существованию. В прошлом году нью-йоркская полиция обнаружила девяносто с лишним трупов этих нищенок, многие так и остались неопознанными. «Кошелки» питаются главным образом тем, что извлекают из мусорных баков. Бывает, что они находят случайную работу или чистят обувь недалеко от Уолл-стрит, но им тяжело выдерживать конкуренцию с лучше организованными уличными детьми.

На Хьюстон-стрит останавливается цистерна Армии спасения. За бесплатным стаканом кофе выстраивается длинная очередь. На Либерти-авеню, прямой, как стрела, улице, в конце которой ждет статуя Свободы, теснятся закладные лавки. Ломбарды открыты круглые сутки и принимают под залог

все подряд. Нет ничего, чего бы нельзя было здесь заложить, одолжить, сдать, снять, продать, арендовать или проиграть. В церкви св. Мефодия можно даже заложить господу душу, правда всего на три часа. А потом приходит полиция и очищает храм от нелюбимых сыновей и дочерей отца небесного, которые путают божий дом с ночлежным. Заглянув внутрь, можно увидеть растянувшихся на скамьях бедняков, снимающих чулки прямо перед алтарем.

Но кружка для пожертвований снабжена тяжелым замком, а над ней висит надпись: «Грабить бесполезно. Пожертвования регулярно изымаются! Община св. Мефодия».

Рядом с церковью можно продать свою рабочую силу. Есть сборный пункт, где лишенные крова и средств к существованию обитатели Бауэри за десять долларов наличными могут наняться на одну смену работать в порту.

Когда мы проходим по этой улице, где свобода постоянно представляется взору в виде статуи, как ангел на надгробии, часы показывают шесть и до ночной смены остается еще четыре часа. Тем не менее на рынке рабов уже ожидают очередной раздачи работы несколько десятков обтрепанных фигур. Трижды в день, когда отправляются автобусы на новую смену, перед местом сбора у церкви св. Мефодия происходят форменные драки. Они предусмотрены самой системой найма, так как простейшим образом гарантируют, что работу получают самые сильные, а слабые останутся на улице.

Турне по районам-аутсайдерам Нью-Йорка из Гарлема через Бронкс и Бруклин в Бауэри — маршрут, который обходит стороной туристские достопримечательности, — можно уверенно назвать путешествием по стране ужасов, по сравнению с которыми все киношные кошмары Голливуда кажутся средневековой древностью.

И все же я не хотел бы заканчивать эту главу без того, чтобы не заявить еще раз о моей упрямой любви к Нью-Йорку, к этому городу противоречий и контрастов, ибо они являются только крайней сте-

пенью всех конфликтов, раздирающих наш мир и наше сердце.

Каждый раз, когда я смотрю из окон квартиры Макса Курца на двенадцатом этаже вниз, на 98-ю улицу, или из ателье художницы Сюзанны Ортега — на Центральный парк, или из рабочих кабинетов национального руководства компартии — на 23-ю улицу и вижу столпотворение современного Вавилона, меня вновь охватывает мечта о Нью-Йорке.

Какие гордые горожане, какое прекрасное и смелое смешение рас, народов, манер, мод, какое мужество в самом бедном бедняке, какое достоинство у самого последнего грузчика! Да, идея города миллионы раз искажалась, профанировалась, была задушена в крови, фальсифицирована, предана, продана. И все же она бессмертна и остается частью нашей надежды на новый, отважный мир. Каким прекрасным мог бы быть этот город, если бы его судьбу решала не только дюжина миллиардеров с Уолл-стрит, но миллионы ньюйоркцев между Гарлемом и Бруклином, между Бронксом и Бауэри!

Перевод с немецкого Э. Венгеровой

ЧЕРНЫЙ «КАДИЛЛАК»

«Час коммуникации» на Йорк-авеню. «Не знаю... когда мы стали чужими...» Чтобы сбылась мечта о «кадиллаке», сначала надо умереть...

Если с семидесятых улиц Нью-Йорка свернуть на Йорк-авеню, то сразу же за приземистой баптистской церквушкой возникает громадкое серое здание, перед которым полукругом расставлены кадки с чахлыми, тоненькими деревцами. Весной на них появляется редкая бледно-зеленая листва, но нью-йоркский зной быстро скручивает и высушивает ее, и тогда в эти же кадки подсаживают искусственные деревья. Они отливают пронзительной зеленью и не только не создают иллюзию живой жизни, но наоборот — от них веет мертвечиной, отчего серое здание кажется еще более унылым.

Серое здание — это дом для престарелых. Нет, это не грязная, запущенная богадельня для нищих и бедных, какие можно увидеть в Гринвич-Виллидже в нижней части Манхэттена и где «лейтенанты» Армии спасения демонстрируют виртуозность по части благотворительности и на отпущенные им жалкие гроши не дают умереть от голода обездоленным бродягам. Здесь же хоть и казенно, но чистенько, пахнет хлоркой и стены голых коридоров отливают госпитальной белизной. А внизу, в холле, даже уютно — ковер, небольшие столики, кресла.

Вечерами обитатели серого здания сходятся сюда (или съезжаются, так как многие из них на креслах-колясках) для бесед. Это называется у них «часом коммуникации». Люди, по здешней квалификации, «нижнего уровня среднего класса», они прожили бурную и долгую жизнь, и хотя все уже осталось позади и за пределами серого здания, они

все еще живут отблесками той, настоящей жизни, тех взлетов и падений, о которых хочется вспоминать снова и снова. И они вспоминают и говорят. Говорят обо всем. Но только не о детях. Это как неписаное табу. Как предписание врача. Словно упоминание о детях, рванув тупой болью по рубцам изношенных сердец, может здесь же убить их.

Вот почему, когда Джеймс Мотт впервые сам заговорил о своем сыне, это было странным и неожиданным. До этого мы уже несколько раз встречались с ним и вели неторопливые беседы на скамейке у одной из кадок с вечнозеленым нейлоновым деревом. Джеймс всегда морщился, когда его видел, садился к нему спиной, стараясь попасть в луч солнца, скупой отмеренный в этом глубоком каменном мешке, окруженном высокими домами.

— Вот где теперь мое место под солнцем,— говорил он, сощурился глаза и высоко закидывая голову с поредевшими, но аккуратно уложенными на пробор иссиня-белыми волосами.— А ведь столько сил было положено, столько истрачено энергии, чтобы пробиться и занять свое место под солнцем. А теперь вот этого достаточно,— говорил Джеймс, кивая в сторону узкого лучика солнца.— Скоро и совсем останусь без солнца. Не поверите, но я не боюсь смертного часа, а жду его. Раньше я думал, что господь бог наказывает людей смертью. Это неверно. Он их наказывает жизнью.

Вот тут-то он и упомянул впервые о своем сыне. Последний раз он видел его три года назад, когда умерла жена—Джессика. Сын приехал на похороны матери, но ни жены, ни детей своих не привез. Накладно, да и зачем? Джеймс и Джессика были едва знакомы с невесткой, а две внучки гостили у них всего лишь один раз, когда были совсем маленькими. Тогда сын с женой уезжали в Мексику то ли на отдых, то ли по делам. После похорон Джеймс какое-то время еще держался, а потом сдал квартиру и переселился сюда, в унылое серое здание. Здесь не голодно и не холодно. И за здоровьем все-таки какой-никакой, а уход есть. А сын с тех пор регулярно каждый год присылает ему открытку с поздравлением в «День отца», который отмечается в Америке в июне.

— Не знаю даже, когда это началось, когда мы стали чужими,— медленно произнес Джеймс и задумался.— Нет, это произошло не сразу. Ведь помню его мальчишкой, доверчивым, искренним. Может быть, когда я начал платить ему за конверты? Вы этого не поймете, но у нас в Америке жесткая система воспитания. Я всегда в нее верил. Человек должен сам себя сделать. И ребенок уже с детства знает, что ничто в жизни даром не дается. За все надо платить. Нужны деньги. А за деньги надо драться. Чтобы другой их не вырвал у тебя. Или ты его, или он тебя,— это закон. Говорят, Рокфеллеры заставляют своих детей продавать на улицах газеты. Наверное, так и есть. Во всяком случае, ворочая миллиардами, они не забывают о центах, не разбрасываются мелочью. А я в то время имел небольшое дело — магазин, даже, скорее, лавку, где продавал конверты, газеты и всякую мелочь. Сыну было тогда двенадцать лет, и он начал у меня работать. А что удивительного? Хочет в кино пойти, на стадион или купить мороженое, новую бейсбольную перчатку — пусть заработает. И я ему платил по центу за пачку конвертов. Продаст пачку — один цент его. Тогда я гордился сыном: парень, думаю, начал понимать смысл жизни, начал копить деньги, не пропадет. Он-то не пропал, сейчас имеет свой бизнес, не ахти какой, но свой — бензоколонку под Ричмондом. Он-то не пропал, только не сын он мне. Чужой, совсем чужой человек.

Когда сын закончил школу, то сначала решил пойти в колледж. Многие у нас мечтают получить высшее образование, но это так и остается мечтой. А где взять деньги? Знаете, сколько стоят у нас колледжи и университеты? Пять-шесть тысяч долларов в год. Хотел он одолжить у меня денег — на первый год ему я мог бы наскрести, но так получилось...

Джеймс прислонился спиной к нейлоновому дереву, поднял голову к лучику солнца, который таял на глазах, как шагреневая кожа, и тихо произнес:

— Тогда я мечтал о «кадиллаке». Я хотел посадить в него Джессику и хоть раз проехаться по кварталу, чтобы соседи увидели: Джеймс Мотт

стал человеком, его можно уважать, у него есть свое дело, у него есть будущее. У него есть «кадиллак».

Денег я сыну не дал. Он остался у меня работать и все требовал увеличения своей зарплаты. Ему постоянно казалось, что я его обделяю. Но дело у нас захирело. Тут уж было не до «кадиллака». И не до учебы. Надо было выжить. И вот настал день — я и сейчас его помню, — когда мы утром пришли в лавку, разложили по стендам газеты, и сын сказал: «Это мой последний день здесь, отец. Я уйду. Вечером ты меня рассчитаешь». — «Может, потерпишь, сынок? — ответил я, и все конверты, все разноцветные открытки с пожеланиями счастья, любви и процветания, которые были выставлены на полках в лавке, завертелись у меня перед глазами. — Может, потерпишь, мы еще выьемся?...» — «Нет, — ответил сын, — ты никогда не выьешься. Ты неудачник. На тебе клеймо жалкого неудачника. Ты в лучшем случае всю жизнь будешь торговать этой мелочью. Но ты не станешь человеком, и у тебя никогда не будет «кадиллака». И если я останусь с тобой, я заражусь от тебя этим и тоже всю жизнь буду неудачником. Так что прощай, отец, и помни: помощи от меня не жди. Я тебе ничего не должен. С двенадцати лет я работаю на тебя, и мы в расчете».

Так мы с Джессикой остались одни. Были открытки, ей ко «Дню матери», а мне ко «Дню отца». А теперь, когда Джессики нет, открытки приходят только ко «Дню отца». У меня их накопилась целая куча. Иногда ночами, а мне чаще всего теперь не спится, я рассматриваю их: с серебряными и золотыми виньетками, с отпечатанными пожеланиями здоровья и счастья «любимому отцу» — ранодушные и казенные, как суррогат любви, жалкая подачка моей старости и утешение его сыновней совести.

А ведь я когда-то продавал эти открытки и не знал тогда, что вместо радости они могут нести людям боль и отчаяние.

И вы думаете, я один такой здесь? Ошибаетесь. Все, кто получает поздравительные открытки, а таких здесь большинство, — несчастные, одинокие лю-

ди. Каждый прячет свое горе, свое одиночество. А что страшнее в старости, чем одиночество? Думаете, смерть? Ошибаетесь.

Каждый из нас на каком-то витке жизни потерял своих детей, стал им помехой, ненужной обузой. Теперь-то я понимаю, что это закономерно. Деньги и вещи умеют, оказывается, мстить. Ведь мы сами учили своих детей, что главное — это побольше хапнуть, поменьше отдать, растолкать других локтями, пройти, что называется, по трупам, а своего добиться. А в жизни-то оказалось наоборот: что отдал — то твое. Вот так-то. Мы думали, что мы прагматики. Деловые люди. Познали смысл жизни: успех, богатство, власть — вот цель жизни. Но какой страшной ценой! Искалечили себя и детей, отдав душу за тряпки, за новый телевизор, холодильник или машину. Душу за «кадиллак»! Не много ли? Даже Фауст столько не платил дьяволу.

И вот твой же родной сын уже толкает локтем не какого-то там чужого, неизвестного тебе человека,

СОБЫТИЯ ФАКТЫ СУЖДЕНИЯ

«Проблемы духовного здоровья Америки не ограничиваются теми людьми, которые страдают выводящими из строя душевными болезнями и известными психическими расстройствами. Они охватывают также людей, страдающих от последствий целого спектра социальных болезней, которые непосредственно влияют на их повседневную жизнь. Огромное количество американцев испытывают отчужденность и страх, депрессию и гнев, связанные с беспросветной нищетой и узаконенной дискриминацией по признакам расы, пола, класса, возраста и умственной и физической неполноценности».

*Из доклада президентской комиссии
«по духовному здоровью», 1977*

а тебя самого и спокойно переступает не через чей-то там гипотетический «труп», а через тебя самого, живого, и даже не оглядывается назад. Не поинтересуется, как ты там: выжил или нет. А винить некого, потому что ты сам учил его этому, учил с детства: «Будь первым», «Сделай себя», «Ты сам — это главное, другие не в счет». И социологи придумали для этого красивые формулировки — «американская мечта», «американский образ жизни», «американские ценности». Грош цена этим ценностям, когда под конец жизни прозябешь один, как собака. И если это в самом деле «американская мечта», то кому она нужна?

Тут недавно один у нас учудил: к нему пришла проведать его дочь, давно она не приходила, а на этот раз пришла, и старик, казалось, обрадовался, все ходил под ручку вот здесь, во дворе, а потом достал вдруг пистолет и начал стрелять в собственную дочь, но стрелял ей в ноги. Полицейские его скрутили, а он все кричал: «Не уйдет». «Кто не уйдет? — спрашивали его. — Почему ты стрелял в свою дочь?» «Не уйдет она теперь от меня, — рыдая, кричал старик, — я больше не буду один, я перебил ей ноги, и она не сможет уйти от меня и будет всегда со мной».

А другой недавно поплатился жизнью, между прочим, из-за открыток ко «Дню отца». Он все время ходил на почту и сам присылал себе открытки с поздравлением. Все знали об этом, но молчали. А потом он надолго заболел, и открытки перестали приходить к нему. Тогда кто-то пожалел его — пошел вместо него на почту и послал ему открытку. Думал сделать добро, наверное, а вышло наоборот. То ли стыдно стало старику, то ли тошно от того, но не выдержал он и выпил целый пузырек со снотворным. И правильно сделал. Теперь он, наверное, счастлив. Когда же мой день придет, когда я стану счастливым?..

Джеймс надолго замолчал.

...В один жаркий июльский день, когда город задыхался от духоты и влаги и даже нейлоновые деревца, казалось, повяли, я увидел, что скамейка, на которой обычно сидел Джеймс, пуста. За углом у подъезда серого здания, не центрального подъез-

да, а бокового, над которым висела надпись «Для груза», стояла похоронная машина, черный «кадиллак». Я смотрел на него, на двух-трех собравшихся около машины стариков и старух и как будто снова слышал голос Джеймса Мотта:

— Ничего, скоро дождусь я своего «кадиллака». Недолго осталось. Вы ведь знаете, что американцев хоронят на «кадиллаках». Чтобы не разлучать с мечтой. Каждому американцу положен «кадиллак». Хотя бы после жизни.

Нью-Йорк

РЫЦАРИ ИСТЕРИИ И ГРАНИТ МУДРОСТИ

Железнодорожный состав с тринитротолуолом длиною в сорок расстояний от Луны до Земли. «Тот, кто сумеет контролировать космос... тот сможет добиться мирового господства», — считает журнал «Бизнес уик». «Нервный газ» и война нервов против Советского Союза.

Сейчас в мире солдат больше, чем учителей.

Из статистики ООН

Где переизбыток соли, там смерть. Соленые озера мертвы. Они есть на всех континентах, разумеется, и в Америке. Их называют «мертвыми», «озерами смерти» и т. д. В человеческой крови соли столько же процентов, сколько в океанской воде.

Соль есть и в человеческих слезах. Больше соли содержит мужская слеза, но это не значит, что женские слезы легче. Наиболее «малосолены», очевидно, слезы, вызванные смехом.

На нашей планете сегодня мощность ядерных боеприпасов равняется пятидесяти тысячам мегатонн тринитротолуола. Их разрушительную силу легче понять, зная, что она в десять тысяч раз превышает все взорвавшиеся во второй мировой войне снаряды и бомбы, включая и две атомные. Если все имеющиеся на нашей планете ядерные бомбы превратить в тринитротолуол и погрузить в железнодорожные вагоны, то получился бы состав в сорок раз длиннее расстояния от Луны до Земли.

Планету Земля сегодня лихорадит, нервы человечества напряжены: ядерный пожар может разгореться несравненно быстрее, нежели пожар от непогащенного окурка в лесу в сухое лето.

Девятого ноября 1979 года противовоздушная

© Наш современник, 1983, № 3.

оборона Североатлантического блока сообщила, что Советский Союз вынул в сторону США баллистические ракеты. Шесть минут спустя была констатирована ошибка. Нынешние американские крылатые ракеты, полигоны для которых правительство США начало создавать в Западной Европе, могут долететь до стратегических точек социалистических стран за четыре — шесть минут. В этом случае времени для установления ошибки практически не остается.

Что обязаны сегодня делать жители нашей планеты, которые не только вырастили цветы цивилизации и культуры, но и посеяли семена ядерной смерти? Может быть, плакать, чтобы вместе со слезами из организма человека вышли стимулирующие напряженность вещества?

Человек по природе оптимист. Такое свойство он приобрел в процессе своей эволюции, длившейся три с половиной миллиона лет. Люди, которые способны трезво мыслить в любых ситуациях, не желают с завязанными глазами идти в направлении «озер смерти». Они видят на горизонте зеленющие оазисы. И это не миражи, а конкретная реальность: Советский Союз своей мудрой внешней политикой создает условия не только для сохранения существующих оазисов, но и для их расширения.

Недавно в Нью-Йорке был задержан 16-летний грабитель. Когда преступник бежал с похищенным в банке мешком денег, тот внезапно взорвался. Молодого бандита забрызгало трудносмываемой краской и одурманило слезоточивым газом. Вскоре полицейские надели на него наручники. Молодой преступник не знал, что в мешке с деньгами находилась бомба, по форме напоминающая пачку банкнот. Она сработала, когда грабитель проходил через дверь банка, в которую смонтировано электронное устройство. Те, кто производит и продает подобные бомбы для поимки преступников, поспешили заявить, что на Американский континент грядет спокойствие. В Америке немало людей, которые верят только в доллар и бомбы. Белый дом и Пентагон стремятся приумножить их число. У трезвомыслящих американцев разгул рыцарей

бомбы вызывает обоснованную тревогу. Не случайно миллионы американцев демонстративно вышли на улицы с лозунгами против истерии атомной войны, за мир; не случайно и мы, группа редакторов советских газет, получили приглашение ассоциации редакторов газет региона Новой Англии (который состоит из шести штатов) прибыть в США для откровенного разговора об уменьшении опасности войны, упрочении мира.

В Монреале, в аэропорту Мирабель, мы сменили самолет. Принадлежащий частной компании одномоторный двенадцатиместный юркий самолетик, разбежавшись и оттолкнувшись от канадской земли, взмыл ввысь и, пробив свинцовые тучи, взял курс на США. Через час он совершил посадку в штате Нью-Гемпшир. Из аэропорта мы — группа советских журналистов — отправились в небольшой городок Нью-Лондон. Нас поселили в студенческом общежитии. Двери здесь открываются не ключом, а набором шифра. Это удобно — не надо носить с собой ключ. Не грозит опасность потерять его. Правда, каждое хорошее новшество имеет не только положительные, но и отрицательные стороны. По забыв номер шифра, я на следующий день безнадежно топтался перед закрытой дверью своей комнаты, пока сотрудник общежития не помог мне.

Сейчас многие двери, ведущие в мир сотрудничества советских людей и американцев, по вине нынешнего правительства США закрыты и на ключ и на шифр. Прервались межгосударственные культурные, научные, экономические связи, между обеими странами перестали курсировать самолеты. Поэтому вдвойне отрадно, что те американские журналисты, которые пригласили нас на дискуссию, стремятся, чтобы не был забыт шифр, с помощью которого можно было бы открыть захлопнувшуюся дверь к взаимодоверию.

Мы были гостями редакторов американских газет, которые выступают за то, чтобы журналисты прилагали все силы для предотвращения ядерной войны.

У дорогих вещей скромная упаковка.

Американская пословица

Мой сосед американец, удобно откинувшись в мягком кресле, открыл стоящую на столике деревянную коробку и пододвинул ее поближе ко мне. В коробке лежали большие сигары.

— Очень похожи на «томагавки», — пошутил кто-то. — Только крылышек не хватает.

Мужчины, сидевшие за столиком, даже не улыбнулись. Один из них — М. Сприк, бывший заместитель военного министра в правительстве Эйзенхауэра.

Крылатые ракеты не пентагоновское изобретение. «Третий рейх» бомбил их предшественницами Лондон. Американцы лишь усовершенствовали их.

— Было бы прекрасно, если бы «томагавки», «матадоры» и прочие крылатые ракеты были, подобно этим сигарам, уложены в коробки и спокойно дожидались последнего Судного дня, — сказал один из членов клуба «Дюн».

Мистер М. Сприк ныне на пенсии, он не занимает никаких государственных постов, но отличается хорошей памятью. У человека можно отнять все, кроме его воспоминаний. Мистеру Сприку есть что вспомнить. Поэтому он в разговорах о ракетах, начиненных смертельным зарядом, шутить не любит. Он озабочен тем, чтобы эти ракеты не были пущены в ход.

Североатлантический блок планирует разместить в странах Западной Европы 572 ракеты, в том числе

СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ

«34 миллиона американцев ложатся спать голодными... В нищете в США живут 13,6 миллиона людей».

Из английской газеты «Обсервер», 1983

«В Нью-Йорке один из каждых 8 взрослых и почти треть детей полностью зависят от фондов общественного вспомоществования».

А. Вюрмсер, французский публицист, 1983

464 крылатые. С военной точки зрения, очевидно, наиболее совершенен «томагавк». Похожая на сигару ракета длиной шесть метров летит со скоростью 800 километров в час и попадает в мишень с точностью около десяти метров на расстоянии 2500 километров. Она несет атомный заряд, который в пятнадцать раз мощнее бомбы, разрушившей Хиросиму. Как достигается большая точность этой ракеты? В нее вмонтирован компьютер, который, имея перед «глазами» снимки рельефа «вражеской» территории, сделанные из космоса спутниками, контролирует, чтобы не были допущены отклонения от запрограммированного направления. «Томагавки» «невидимы» для радаров — летят низко над землей, умеют огибать холмы, возвышенные объекты.

Один мой собеседник, американец из штата Род-Айленд, говорил только о самом-самом — о самых высоких в мире небоскребах и самых могущественных корпорациях, гигантских авианосцах и мощных водородных бомбах. В этой стране многие заражаются гигантоманией, еще питаюсь материнским молоком. Однако мой собеседник, по его собственному признанию, заразился ею совсем недавно — после того, как посетил в Нью-Йорке музей природы и увидел скелет динозавра. Увидев гигантские кости, он понял, что в бурях времени и событий уцелеть могут только гиганты.

— Динозавры исчезли несколько десятков миллионов лет назад, — вмешалась его жена, — а их «современники» — тараканы живут поныне. Возможно, следует больше восторгаться теми, кто еще бегают?

— Динозавры исчезли, но их кости остались, — спокойно возразил муж. — Динозавры господствовали на земле сто сорок миллионов лет. Потом они внезапно, но с достоинством вымерли.

— Почему это произошло?

— Бытует более ста различных теорий, но ни одна не в состоянии ответить на все вопросы. Между тем палеонтологи находят всё новые кости, которые принадлежали неизвестным доньше животным. Особенно успешно работает наш соотечественник Джим Энси, которого палеонтологи прозвали Дино-

завром Джимми. В тысяча девятьсот семьдесят втором году в западной части штата Колорадо, неподалеку от города Делты, он обнаружил кости самого большого из известных до сих пор динозавров, который весил семьдесят пять тонн и имел в длину двадцать восемь метров. Он получил название суперзавра. В тысяча девятьсот семьдесят девятом году Джимми Энси обнаружил кости рептилии, которая весила семьдесят тонн и глаза которой смотрели на мир с двадцатиметровой высоты. Ее назвали ультразавром.

— Почему они все вымерли? — повторила свой вопрос жена.

— Обнаружить в земных пластах древние кости животных легче, чем установить, отчего они вымерли. Никто не может сказать, что произошло на нашей планете шестьдесят пять миллионов лет назад, хотя я убежден, что они погибли во время атомной войны...

— Но ведь человека в то время еще не было. Древнейшая человеческая челюсть насчитывает всего три с половиной миллиона лет. Кстати, вместе с динозаврами на нашей планете исчезла почти половина флоры и фауны.

— Не является ли это еще одним доказательством, что динозавры погибли во время атомной войны?

— А кто изготовил бомбы?

— Динозавры! — заявил любитель всего большого. — Кстати, катастрофа, которая произошла с динозаврами, открыла дорогу для возникновения разумной жизни на нашей планете.

— А как это произошло?

— Когда на нашей планете не стало динозавров, появились возможности для развития млекопитающих, а из них развился человек!

— Вы хотите сказать, что нет худа без добра? — включился в разговор и я.

— Именно это мне и хотелось подчеркнуть. Если вы признаете диалектику, то должны признать, что величайшие уничтожения стимулируют развитие цивилизации. Космонавтика, компьютеры и роботы родились на теплом пепле второй мировой войны!..

Хозяин включил телевизор. С экрана прямо в нас стреляли гангстеры.

— Не унывайте! Через полчаса начнут показывать фильм о войне гигантов в космосе,— пытался поднять наше настроение хозяин.

В прошлом году я слышал, как гиды объясняли туристам возле гостиницы, где было совершено покушение на президента США Рейгана, что преступник Джон Хинкли арестован и будет строго наказан в соответствии с законом. Через год состоялся суд над Джоном Хинкли, и он был оправдан.

— Я убежден, суд не прав, признав, что у Джона Хинкли было временное помешательство.

— Американцы могут гордиться тем, что Хинкли вышел на свободу. Это свидетельствует о милосердии нашей страны.

— Хинкли шел против воли людей, избравших президента, и должен был сидеть в тюрьме пожизненно.

— Не знаю, будет ли возвращено оружие выпущенному из тюрьмы преступнику. Если нет — значит, он оправдан не полностью.

Американцев побуждают много говорить о суде над террористом, ибо тогда у них остается меньше времени для разговоров по существу о ситуации в стране и в мире.

Банковский служащий опаздывал домой и превысил на своей машине скорость. Его задержал полицейский.

— Я думала, что в пути произошло несчастье,— встретила его жена,— и молила бога, чтобы он оберегал тебя...

— Так и было,— сказал муж.— Он был в форме полицейского.

Из американского юмора

— Наша цель не ранить человека, а вылечить,— говорил мне журналист бостонской газеты «Крисчен сайенс монитор», когда, прибыв в Вильнюс, посетил редакцию газеты «Тiesa».

В доказательство того, что это не пустые слова,

а правда, американский журналист привел следующие факты: за последние пятьдесят лет газета, в которой он работает, не напечатала ни одного снимка курящих людей. Исключение было сделано только для Уинстона Черчилля, который не выпускал изо рта сигару.

— О космосе вы пишете?

— Разумеется, ведь астронавты во время полета не курят, а кроме того, они берут с собой Библию.

Астронавты, выполнявшие программу «Шатл», взяли с собой в космический корабль «Колумбия» не только Библию. Во время первых трех полетов «Колумбия» опаздывала. В четвертый раз полет начался на 136 миллионных доль секунды раньше, чем предусматривалось программой НАСА. До сих пор космическими полетами с Земли руководили только сотрудники НАСА. Не имел права вмешиваться даже президент США. На сей раз правило было нарушено. Экипаж космического корабля обязан был выполнять и приказы с подведомственного Пентагону командного пункта в Калифорнии. Приказы с Земли по радиоволнам поступали на космический корабль зашифрованными.

Американцы еще далеко не все знают о том, какие испытания были осуществлены в космосе, однако и то, что знают, заставляет их призадуматься. После программы «Шатл» американцы поняли, что и космос может утратить покой, что небо может стать адом.

Пентагон уже израсходовал два миллиарда долларов на производство лазерного оружия. Запланировано построить на горных вершинах полигоны «лучей смерти», чтобы отсюда можно было сжигать выпущенные с Земли баллистические ракеты. Каждый четвертый полет космический корабль «Колумбия» выполняет задание Пентагона. Разрабатывается тактика и стратегия войны в космосе, испытываются принципы действия нового оружия. Намечено разбросать на дорогах вселенной «космические мины». «Тот, кто сумеет контролировать космос — главную арену действий будущей войны, тот сможет добиться мирового господства», — это слова из журнала «Бизнес уик».

Известный американский поэт Уолт Уитмен один из своих сборников сопроводил следующими словами: «Это не книга. Прикоснувшись к ней, вы прикасаетесь к человеку». Что испытывает человек, прочитав в журнале «Дисент» статью американского ученого Джерома Слейтера? Мне показалось, будто я прикоснулся к плесени или к холодному камню. Вся статья посвящена одной цели — превращению нашей страны в горячий пепел.

Американская печать все чаще пишет о создании высокоорганизованных роботов. Отказываются от идеи искусственного выращивания человека в лаборатории, в колбах. Ученые полагают, что в будущем человек будет иметь много хороших запасных частей. Первые шаги уже сделаны. Десятки тысяч американцев ходят со стимуляторами сердца. Тысячи живут с искусственными почками. Человеческое сердце за сутки сжимается и растягивается сто тысяч раз. Сердце работает и днем и ночью целые десятилетия. Сейчас в лабораториях создается еще более сильное механическое сердце. У организаторов будущих олимпиад появятся новые проблемы. Утверждают, что марафонцы с искусственным сердцем уже в 1996 году будут иметь явное преимущество над теми спортсменами, которые придут на стадионы с не усовершенствованным хирургами сердцем. Не придется ли дисквалифицировать таких спортсменов, как сейчас дисквалифицируют употребляющих допинг?

Большую роль в запасных частях человеческого тела играет микроэлектроника. В университете Западного Онтарио создается искусственный глаз. Путь к созданию искусственного глаза еще весьма долг. Но принципы уже ясны. В него должна быть вмонтирована телекамера, а к оправе очков прикреплен микрокомпьютер. Эта система должна быть соединена со зрительными нервами. Американцы, которые всему верят и для закаливания организма по утрам рысцой бегают вокруг своего дома, надеются в глубокой старости стать чемпионами по марафону и искусственными глазами смотреть на звезды.

— Во что вы, советские люди, больше верите — в искусственные части тела или в убежища от

ядерной и химической войны? — спросил меня один профессор в Бостоне.

Я не сразу понял его вопрос. Какова связь между подготовкой к ядерной войне и производством запасных частей человеческого тела? На этот вопрос могли бы ответить разве что рыцари военного психоза.

— Если бы имитировали сбрасывание атомной бомбы на какой-нибудь из наших городов, — сказал во время нашей встречи редактор газеты «Ирвинг Ньюс» Лорен Гиглиони, — и организовали эвакуацию населения со всеми вытекающими отсюда трудностями, возможно, в сознании многих американцев произошел бы психологический перелом и еще больше людей вышло бы на улицу с требованиями преградить путь ядерной катастрофе.

— Не лучше ли было бы напомнить читателям трагедию Хиросимы и Нагасаки? — спросил его коллега.

Трагедия Хиросимы в США замалчивается. В 1982 году 6 августа — в день, когда тридцать шесть лет назад на Хиросиму была сброшена бомба, президент Рейган подписал приказ приступить к производству... нейтронных бомб.

Из одного и того же яичка в пчелином улье может вырасти рабочая пчела или матка. Все зависит от того, как пчелы кормят малыша. Первые трое суток пчелы всех кормят одинаково — молочком. Затем назначается разная диета. Из тех, кого кормят пчелиным хлебом, вырастают рабочие пчелы, а из той, что по-прежнему получает пчелиное молочко, — матка. Аналогичное происходит и в жизни людей. Американских детей с младенчества кормят антисоветским молочком и хлебом. Американцу, которому известны лишь искаженные исторические и современные факты, нелегко ориентироваться в международной политике. Я встречал американца, который всерьез верил, будто в Сибири люди специально принимают таблетки от холода, что там в комсомол записывают каждого новорожденного. Он верит, что если бы Пентагон не имел во всем мире военных баз, через Берингов пролив на Американский континент вторглись бы советские танки.

— Почему вы позволяете своей собаке всю ночь лаять?

— Не беспокойтесь! Она отсыпается днем.

Из американского юмора

Однажды меня пригласил в гости американец, живущий в Новой Англии, близ озера Шамплейн.

Он владеет земельным участком и несколькими виллами около озера.

— Я живу за счет красоты окрестностей,— говорил он.

Летом сюда стекается множество отдыхающих, и он планировал расширить свой бизнес.

— В озере есть очень глубокие места,— говорил он.— Там живут таинственные страшилища, которые, согласно легенде, уцелели с тех времен, когда по нашей планете еще не ходил человек. Хотя их никто не видел, однако предполагают, что они — шампы — похожи на обитателей шотландского озера Лох-Несс.

— Не вредит ли вашему бизнесу легенда о «шампе»? — спросил я владельца вилл.

— Наоборот,— улыбнулся он,— люди любопытны. Их привлекают и следы снежного человека в Гималаях, и страшилища на дне озер.

Некоторое время спустя я встретил гостеприимного владельца вилл в Нью-Йорке.

— Как поживают «шампы»? — пошутил я.

— Они причинили мне большой ущерб. Разрушили мой бизнес. Кто-то распустил слух, будто они похищают и затягивают в глубины озер маленьких детей. Нынешним летом половина вилл пустовала.

— Но ведь это неправда?

— Конечно, неправда! — ответил он.— Но мне от этого не легче.

Опровергнуть слухи значительно труднее, чем распустить их.

Фабриканты слухов специальных ведомств США распустили слух, будто советские солдаты в Афганистане, а вьетнамские в Кампучии применяют химическое оружие. Зачем Белому дому и Пентагону понадобилось фабриковать и распускать подобные слухи?..

В 1925 году на международной Женевской конференции было запрещено применение отравляющих газов. США игнорировали это решение. Смертоносные газы Пентагон применял в войне против народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии. Президент Никсон под нажимом мирового общественного мнения в 1969 году вынужден был прекратить производство отравляющих газов. Того, что хранилось на секретных складах, было достаточно, чтобы отравить жизнь на десяти таких планетах, как наша Земля. Администрация Рейгана возобновила производство отравляющих газов.

Газета «Коммерс бизнес дейли» опубликовала объявление: подыскиваются фирмы, заинтересованные в строительстве в штате Арканзас газового завода, который будет ежегодно вырабатывать полтора миллиона фунтов продукции. Осенью 1984 года Пентагон приступит к производству снарядов с «нервным газом». «Нервный газ» парализует мышцы, диафрагму легких, и человек умирает.

Война нервов, которую администрация президента Рейгана в глобальном масштабе обостряет против Советского Союза и других социалистических стран, как и «нервный газ», имеет свои компоненты. Уберечься от «нервного газа» помогают сложные противогазы. От воздействия войны нервов противогазы еще не изобретены. И победителя здесь, как и в атомной войне, быть не может. Силы реакции хотят, чтобы человечество было похоже на колоду карт, которой можно было бы играть в покер и прочие азартные игры.

Недавно в мировой печати всплыли долго скрываемые факты. Во время второй мировой войны японцы в Маньчжурии осуществляли бактериологические опыты. Людей заражали бактериями холеры, оспы и других болезней, их замораживали, а затем бросали в горячую воду, дабы установить, сколько времени спустя мясо начнет отделяться от костей. Женщин заражали сифилисом, детям вводили в вену лошадиную кровь. В ходе ледящих кровей экспериментов умерли три тысячи человек.

Долгое время об этих ужасах знала лишь небольшая группа государственных чиновников

Японии и США. Недавно японский писатель С. Моримура написал книгу «Пресыщение дьявола».

Почему Белый дом так долго скрывал факты? Это вытекало из желания Вашингтона располагать и пользоваться взятой у японцев документацией испытаний? На подобные вопросы администрация Рейгана ответила молчанием. Пентагон заявил: нет доказательств, что опыты проводились над американскими военнопленными. И все!

Все ли?..

В штате Юта, недалеко от тех мест, где нервный газ, утекший из контейнеров, убил сотни овец, я во время путешествия по Америке гостил в одной мормонской семье, живущей близ быстрой речки. Мормоны складывают грязное белье в корзину и замачивают в речке. Через несколько дней белье становится чистым.

— Если человек стремится, чтобы его душа была чиста, он должен хотя бы несколько дней провести в чистой среде,— объяснял мне мормон, показывая свою вечную прачечную.

Все большее число американцев стремится жить в чистой среде.

Есть американцы, у которых нет денег оттого, что они трусы; есть трусы оттого, что у них нет денег.

Из книги Ричарда Нея «Джунгли Уолл-стрита»

Величайшее изобретение человека в механике — колесо, в математике — ноль. Сам по себе ноль ничего не значит, но если он стоит после единицы, то последняя увеличивается десятикратно. Дорога от ничего к вершине вымощена нулями. Такие мысли приходили в голову в поезде, который мчался из Провиденса в Нью-Йорк, когда я вглядывался в лица пассажиров. В город-гигант они ехали охотиться за своими единицами и нулями.

Когда поезд нырнул в подземный тоннель, в вагонах зажгли огни. Стало светлее, хотя и исчезло солнце. В жизни все относительно. Сегодня человек умеет создавать искусственные солнца и освещать

ими тоннели мрака, но иногда он ведет себя более невежественно, чем во времена, когда жил в пещерах.

— В нашей стране за доллары можно купить все,— похвалялся американец из Бостона.

В его словах много правды. Одна фирма в Калифорнии в 1979 году открыла свое отделение в городке Эскондиде и начала там скупать мужскую сперму. Джойс Ковальская, воспользовавшаяся услугами этой фирмы, родила красивую девочку весом девять фунтов. Вскоре «Нейшнл инквайер», уплатив гонорар двадцать тысяч долларов, опубликовала интервью ее мужа Джека. Счастливый «отец» утверждал, что очень любит девочку и через три года начнет учить ее считать с помощью компьютеров. Некоторое время спустя «Чикаго трибюн» опубликовала письмо первого мужа Джойс Ковальской, в котором он сообщает, что его бывшая жена имеет еще двоих детей, о которых нынешний муж ничего не пишет, что Джек очень жестоко обращается с упомянутыми детьми, заставляя их ходить в школу полураздетыми и с надписью на одежде, что они мочатся в кровать. Затем всплыл еще один факт: Джойс и Джек дождались ребенка с помощью купленной спермы, когда находились в тюрьме, где отбывали наказание за мошенничество с документами умерших младенцев.

Официальный представитель «Банка сперм» Пауль Шмит поспешил заявить, что в дальнейшем его магазин будет отпускать весь товар лишь после проверки, достоин ли клиент приобрести его.

В этой стране больше всего покупают и продают в нью-йоркском центре бизнеса, который находится на острове Манхэттен между 3-й и 6-й авеню и 42-й и 72-й стрит. Золото в этом районе продают унциями, а землю — квадратными метрами.

Богачи, живущие в этом районе, по мелочам не раздражаются. Гнев охватывает их лишь в том случае, если рядом с их домом вырастает другой, который заслоняет солнце или клочок синего неба. Так произошло и с двумя очень богатыми вдовами — Жаклин Онассис (Кеннеди) и Брук Астор. Они страшно разнервничались, узнав, что расположенный рядом земельный участок, принадлежащий

храму св. Бартоломея, пастор Баверс собирается продать по двадцать шесть тысяч долларов за один квадратный метр одной строительной компании. Пастору нужны деньги, богатым вдовам — красивый вид из окна. Золотой спор выиграет золото.

Сегодня в Америке за доллары можно купить кусок золота и даже кресло конгрессмена, однако нет магазина, в котором продавались бы таблетки совести.

Во Флориде газета «Ирвинг геральд» ежедневно публикует на первой полосе: «Если пойдет дождь — газета бесплатно». Издатели держат свое слово. Во Флориде дождь идет редко. Это хорошая реклама. Капиталист никогда не станет делать того, что ему невыгодно. В Новой Англии, по которой мы путешествовали, в дождь газет бесплатно никто не раздает. Если бы здесь поступали иначе, то обанкротились бы: во время нашего пребывания в Нью-Лондоне пять дней шел дождь.

В Бостоне я видел надпись на пивбаре «Завтра — пиво бесплатно». Такая же надпись висела и на следующий день. Она висит здесь уже много лет.

— Вы не опасаетесь гнева своих клиентов? — поинтересовался я у владельца бара.

— С чего бы им гневаться? — удивился он. — Ведь они знают, что это реклама.

Многие американцы привыкли не обращать внимания на крикливую рекламу, поэтому зачастую не обращают внимания и на серьезные проблемы жизни. Мы, советские и американские журналисты, во время своих встреч старались не заворачивать в вату проблемы угрозы войны.

«Не торопись, прохожий! Мы тебя подождем».

Надгробная надпись на Бруклинском кладбище

В редакции газеты «Нью-Йорк таймс» нас принял редактор Сеймур Топинг. За обедом велась беседа, американские журналисты говорили о необ-

ходимости шире информировать читателей об отношениях Советского Союза и США.

— Встречи журналистов способствуют ликвидации нехватки информации,— сказал Сеймур Топинг.

Американские журналисты констатировали, что советские люди больше знают об экономической и культурной жизни США, нежели американцы о Советском Союзе.

— Почему? — спросили мы.

— Основу американской нации составляют европейцы, которые, приехав в США, постарались забыть вчерашний день,— объяснили нам руководители газеты «Нью-Йорк таймс».

Однако существуют более серьезные причины этого явления. Одна из них — тенденция многих американских газет замалчивать или искажать действительную жизнь в Советском Союзе и других социалистических странах.

Печать Новой Англии большое внимание уделяет проблемам экологии, редакторы интересовались, как поднимает эти проблемы на своих страницах советская печать, интересовались действенностью печати. Многие участники встречи подчеркивали, что важнейшей задачей печати в настоящее время считают защиту сознания людей от загрязнения. Капля и камень точит. Капли информации, которые со страниц газеты капают в человеческий мозг, постепенно, но уверенно действуют на мышление человека. Все зависит от того, чистые это капли или отравленные... Мы говорили о политике экстремизма и в журналистике. И пришли к единому

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

Сегодня в США насчитывается множество бездомных людей, кочующих из одного города в другой. По последним данным министерства здравоохранения и социальных служб, их в Соединенных Штатах сейчас два миллиона. Такого положения не наблюдалось со времен «великой депрессии».

Из американской печати, 1983

мнению, что организация военного психоза может привести человечество к ядерной катастрофе. Кстати, в тот день газета напечатала передовую, озаглавленную «Последний нечистый в штате Массачусетс».

В ней говорится, что ровно триста лет назад в этом штате, в городе Салеме, девятнадцать человек были осуждены за колдовство. Суд исходил из показаний семи женщин. Все они, как явствует из хроник того времени, были психически или физически увечными. Эти несчастные были убеждены, что их заколдовали ведьмы или нечистые. Суд был на их стороне, и все обвиняемые были повешены. Те, кто судил и осуществил приговор суда, а также те, кто в то время породил и поддержал экстремистскую религиозную истерию, увидев девятнадцать приговоренных, раскачивающихся на виселицах, облегченно вздохнули — теперь в мире, по их мнению, должно было воцариться спокойствие.

Спокойствие бывает обманчивым. Конец каждого явления — начало нового. Жестокая судебная расправа над ни в чем не повинными людьми, как признал впоследствии видный исследователь «судов над ведьмами» Сил Афам, была результатом царившей в то время в Америке всеобщей истерии. Эту порожденную три века назад религиозными экстремистами истерию в сегодняшней Америке так или иначе частично осуждают все, в том числе и газета «Нью-Йорк таймс», которая пишет: «Некоторые из повешенных могли быть ведьмами или нечистыми, но большинство было невиновно...»

Прочитав передовицу газеты «Нью-Йорк таймс», американцы верят и радуются, что это были последние козни нечистого на американской земле.

Правда ли это?

В тот же день я был гостем в редакции другой выходящей в Нью-Йорке газеты — «Лайве» («Свобода»). У этой газеты несравнимо меньший тираж, ее редакция располагается в скромном одноэтажном доме, газета печатается на литовском языке и выражает настроения прогрессивно настроенных литовских эмигрантов.

«Наш виноград, возможно, мелкий, но он наш», — сказал однажды выдающийся патриот Латинской Америки Хосе Марти. Примерно то же самое говорят о своей газете и издатели, редакторы, читатели «Лайсве».

Я побывал дома у главного редактора этой газеты Антанаса Бимбы. (Теперь, когда пишутся эти строки, из Нью-Йорка пришла печальная весть о его кончине.) В 1982 году, в связи с 70-летним юбилеем газеты «Лайсве», Антанас Бимба за общественную деятельность по упрочению дружеских связей между народами США и СССР был награжден орденом Дружбы народов.

Глядя в добрые глаза этого человека, я невольно вспомнил передовицу «Нью-Йорк таймс» о последней расправе над «ведьмами», совершенной триста лет назад в штате Массачусетс. Если бы «Нью-Йорк таймс» стремилась правильно информировать своих читателей, она должна была бы написать и об Антанасе Бимбе, которого не три века назад, а еще совсем недавно — в 1926 году — в штате Массачусетс судили на основании того же заплесневелого закона.

В деле Антанаса Бимбы свидетелем выступали не несчастные женщины, страдающие судорогами или спазмами, а купленный католическими священнослужителями алкоголик. Вся прогрессивная Америка поднялась на защиту Антанаса Бимбы, поэтому суд приговорил его лишь к условному наказанию.

Истерия может быть разной — религиозной, семейной, политической. Любая из этих разновидностей, даже если она кончается благополучно, — признак слабости.

От Антанаса Бимбы мы возвращались по автостраде, проходящей по западному побережью острова Манхэттен. Здесь стоят привязанные толстыми нейлоновыми тросами к каменным причалам пассажирские суда, бороздящие волны Атлантики. Мой взгляд остановился на одном, выделяющемся среди всех прочих океанском богатыре.

Авианосец, выкрашенный в цвет суровой морской волны, в настоящее время является музеем. Американцы, посетившие этот музей, должны стать

иными — не жалеть средств для военной машины, одобрять ковбойскую политику нынешних хозяев Белого дома.

Посетив такой «патриотический музей», они могут вечером подключить свой телевизор к системе компьютеров и кассет. На экране появляются военные корабли, и американец, сидя перед телевизионным аппаратом, может сбрасывать на них бомбы с самолетов; появляются бомбардировщики, и американец может обстреливать их из ракет; взмывают ввысь ракеты с атомным зарядом, и американец может их уничтожить. Лазерными лучами. В военные игры сегодня играют все, у кого есть желание и деньги, чтобы превратить свой телевизор в мнимое поле боя. Двадцать лет назад, живя в Нью-Йорке, я получил письменное предложение одной американской компании построить небольшое семейное убежище от взрыва атомной бомбы. В те годы некоторые компании заработали миллионы на буме атомных убежищ. За это время они устарели. Сейчас американцам предлагают убежища от бактериологического оружия. Военная истерия раздувается, подобно той, что в свое время была направлена против ведьм, хотя разница огромна — в Салеме в ее разгар были повешены девятнадцать невинных людей, сейчас появилась опасность похоронить все человечество.

Однажды муж пошел к соседу жаловаться на свою жену, что она держит в доме семь кошек, от которых в комнатах стоит тяжелый дух.

— Открой окна! — посоветовал сосед.

— Не могу, — ответил муж. — Улетят мои голуби.

Из американского юмора

Газета «Провиденс джорнэл» ежедневно на первой странице на самом видном месте печатает прогнозы и максимальное время приливов и отливов Атлантического океана. Это практикуют большинство американских газет, читатели которых живут на океанском побережье.

— Сообщить, когда и на сколько поднимется вода, значительно легче, чем прогнозировать политический климат на нашей планете, — сказал редактор этой газеты Чарльз Хойзер.

Американцы любят прогнозировать. В печати заранее сообщалось, что в конце недели, когда ожидается «лейбордей», во всей стране в автокатастрофах погибнет 460 человек. Погибли 493 человека. Они прогнозируют будущий урожай, количество проданных автомобилей, рост безработицы и многое другое. Издательство «Гини букс» выпустило книгу прогнозов, из которой можно узнать — что, где и как произойдет в мире до двухтысячного года. Когда я находился в редакции «Провиденс джорнэл», агентство ЮП сообщило, что в Атлантик-Сити, где красавицы из всех пятидесяти штатов готовились к решающему туру борьбы за звание «мисс Америка-82», состоялись неофициальные выборы с помощью компьютеров. Самой красивой американкой прошлого года была признана представительница штата Северная Каролина. В следующую субботу квалифицированная и авторитетная комиссия избрала «мисс Америку-82» из Калифорнии.

Компьютеры ошибаются не только в выборе «мисс Америки». Они работают без усталости, но во многих сферах не могут сравниться с человеком.

В быт американцев стремительной струей врывается электронная техника. Она становится помощником человека. В некоторых американских семьях я видел малогабаритные счетные машины, предназначенные для повседневных семейных нужд. Американцы поручают машинам все больше процессов утомительного труда.

Журнал «Форчун» опубликовал статью о мыслящих машинах. Когда была изготовлена первая электронная машина, работающая по программе, заданной человеком, ученые разделились на два лагеря. Одни утверждали, что в будущем человек непременно создаст и «интеллектуальные машины», другие доказывали, что сделать это невозможно.

Число работающих ученых в области «интеллектуальных машин» в разные периоды колебалось. В минувшее десятилетие многие компании прекра-

тили работу в данной области. Сегодня работы по созданию «мыслящей машины» вновь оживились. Появились новые понятия — «компьютерное мышление», «интеллектуальность машин», «искусственный разум» и т. д. Изыскиваются новые принципы создания будущей умной машины. Некоторые ученые по-прежнему утверждают, что все это напрасный труд, ибо никто не знает, каков эталон разумного мышления человека, не в состоянии решить даже собственные простейшие житейские проблемы.

— Если перевести подобную аргументацию на более широкие горизонты общественной жизни, то получится, что человечество обречено на вечный хаос мышления, ибо каждый имеет право утверждать, что только он умен. К счастью, этого можно избежать, — говорила мне известная американская общественная деятельница Кэтрин Мэнинджер.

Ученые и практики определили точные величины взаимосвязи человека и природы. Мы знаем, сколько нужно посеять зерновых, чтобы у человека хватало хлеба, сколько выкачать из земных недр нефти, сколько выплавить стали, чтобы не остановилась мощная техника XX века. С помощью компьютера мы рассчитали, сколько можем экспортировать электромоторов и импортировать детских игрушек. Значительно труднее точно определить культурные связи между народами, их закономерности. В сфере духовной жизни электронно-вычислительные машины бессильны. Современного человека более тесные духовные узы связывают с греческими драматургами далекого прошлого и с поэтами Ренессанса, нежели с современным японским транзистором. Культура человека своими корнями уходит в те времена, когда он сделал первый наскальный рисунок, спел первую песню. Мы связаны прочной цепью зависимости со всей историей развития человечества.

Журнал «Сайенс дайджест» напечатал рисунок, изображающий парад солнц и планет. Одно солнце сияет в голове человека. Художник, несомненно, стремился этим подчеркнуть сложность человеческого мозга и силу мышления. Кстати, человеческий мозг следовало бы рассматривать не как одно солнце, а как целую систему созвездий. Только

тогда можно было бы хоть частично понять сложнейшую работу мозга.

Что такое мышление? Как оно происходит? Оказалось, что космос сегодня осваивается более ускоренными темпами, нежели «внутренняя вселенная», скрытая под черепной коробкой человека. Память человека со средними способностями в пятьсот раз вместительнее «Большой Британской энциклопедии». Американские ученые в Карнеги-Меллонском университете, не побоявшись сложности «внутренней вселенной», пытались установить законы работы мозга — мышления, чтобы затем перенести их в компьютер. Удастся ли создать мыслящую машину, сказать трудно. Легче создать немыслящего человека. Их производство в США осуществляется конвейерным способом, подобно производству автомобилей на заводах Форда или сигарет на фабриках Уинстона. Мне доводилось встречать не одного американца, искренне верящего в то, что после ядерной войны будут победители и проигравшие, что в послевоенный восстановительный период в Америке воцарится экономический подъем, не будет безработицы, так как придется помогать пострадавшим от войны государствам.

На совещании редакторов советских и американских газет в Новой Англии подобным мыслям не было места. На этой встрече преобладало начало человеческой мудрости.

В математике, если поставить ноль после единицы, цифра увеличится десятикратно. В сфере человеческих взаимоотношений ноль, где бы он ни стоял — перед реальной ценностью или после нее, — всего лишь ноль.

Бостон — Нью-Йорк — Вильнюс

ШРАМЫ НА ДУШЕ

Социолог Г. Бреннер: повышение безработицы в США на один процент — и на четыре процента больше людей попадает в тюрьмы, на пять и семь десятых процента возрастает число убийств, на четыре и одну десятую процента — число самоубийств. Антисоветская «клюква» в витринах книжных магазинов.

Недавно я закончил книгу, которую писал всю прошлую осень. Жил далеко от дома, в Нью-Йорке. Сейчас, когда книга уже подписана и я пытаюсь коротко сказать себе, о чем она, вдруг — даже против моей воли! — лицо чужой ненависти четко проглядывает сквозь все, что в этот раз написал.

...По контрасту многое ощущается лучше. Я уезжал из Киева, где только что вышло самое полное из когда-либо издававшихся собрание сочинений американского писателя Эрнеста Хемингуэя, я уезжал из Страны Советов, где накануне купил новые тома выходящей в Москве «Библиотеки литературы США» и где в городских кинотеатрах полным ходом шел неплохой американский фильм «Крамер против Крамера» и продавались пластинки с записями американской музыки.

Не хочу играть на сравнениях, тем более что сравнивать, собственно, не с чем. Нет в Штатах наших пьес на театральных сценах, почти нет наших фильмов в массовом прокате, нет наших книг, изданных для массового читателя. Мне не хочется говорить об этом таким образом, чтобы кому-то показалось: я обижаюсь, что нас не издают и не исполняют в США. Вовсе нет. Мне вдруг стало горько за великий народ Америки и ее великую культуру.

И не за себя мне стало обидно, когда я листал размножившиеся за последнее время издания, стремящиеся нас оскорбить. Это позор Америки, а не мой позор — литература такого рода. Не стану перечислять огромное количество книг, где мы, советские, представлены полулюдьми, существами необразованными и неразвитыми; не стану цитировать статей американских авторов, где ненависть к нам обосновывается теоретически. Идя в наше нью-йоркское представительство при ООН, я почти ежедневно проталкивался сквозь линию полицейских барьеров и глядел, как, с обеих сторон блокировав подъезды к советской миссии, орут голосистые человечки в ермолках. Нечто подобное я видел только в старых кинохрониках — когда гитлеровские штурмовики громили еврейские магазины в довоенном Берлине. Газеты пространно сообщали о том, что президент произнес формулу о «крестовом походе», специально съездив для этого минувшим летом в Англию; президентская же рать вступила в дело немедленно. Время от времени «крестоносцев» собирают на инструктажи, и они радостно попискивают, угадывая, сколько им выдадут под такие вот времена.

Складывается впечатление, что страна «сошла с колес», хотя ясно, что американские трагедии готовились исподволь. Все сходилось одно к другому: Вьетнам, ближневосточные кризисы, Уотергейт и свержение Никсона, но все прорвалось в сегодняшней истерике.

Уроки ненависти не бывают бесследными. В университете штата Канзас мне довелось присутствовать на митинге сторонников мира и слушать, как люди говорили именно об этом: о нагнетании в их стране духа агрессивности, который не только угрожает человечеству, но и разрывает страну изнутри. Это очень правильно. Так же, как не может быть свободен народ, угнетающий другие народы, так же и страна, именем и благословением которой возводятся барьеры ненависти между народами, неизбежно ощутит взрыв ненависти в своем доме.

Думаю, что будут еще другие времена, надеюсь, что Америка все-таки выздоровеет. Но она долго

еще будет носить шрам не только на лице своем, но и на душе.

В конце прошлого года в США состоялась премьера фильма «Первая кровь» с модным сейчас актером Сильвестром Сталлоне в главной роли — демобилизованного вьетнамского ветерана, бывшего «зеленого берета» Рамбо. Отравленный, как и его однополчане, ядом, который американцы сыпали на азиатские джунгли для уничтожения листвы, и еще больше отравленный привычкой к постоянным убийствам, Рамбо уходит в американский лес, пытаясь превратить его для себя в привычные вьетнамские тропические заросли, и стреляет, стреляет, стреляет. Его пытаются уничтожить с вертолетов, из засад — и, в общем, уничтожают. Но Рамбо в конце фильма произносит, захлебываясь в слезах и крови, долгий монолог, желая объяснить всем, почему он именно такой. Не объясняет...

Все в жизни связывается в тугие клубки. Около трех миллионов людей, прошедших пекло вьетнамской «грязной войны», — это люди, внутренне обожженные. Около двенадцати миллионов сегодняшних американских безработных — тоже. Социолог Гарви Бреннер из университета Джонса Гопкинса

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

«...Америке художник не нужен. Америка еще не нашла для него места — для него, который занимается только проблемами человеческого духа, вместо того, чтобы употреблять свою известность на торговлю мылом, или сигаретами, или авторучками, или рекламировать автомобили, морские круизы и курортные отели, или (если, конечно, он восприимчив к обучению и сможет достаточно быстро приспособиться к стандартам) выступать по радио и сниматься в кино, где он принесет прибыль, оправдавшую бы внимание, ему уделяемое».

Уильям Фолкнер

подсчитал (по журналу «ЮС ньюс энд уорлд рипорт», 14 июня 1982 г.), что повышение безработицы на один процент совпадает с тем, что на четыре процента больше людей попадает в тюрьмы, на пять и семь десятых процента больше убивает, на четыре и одну десятую процента больше кончает жизнь самоубийством... Это чужая жизнь и чужая статистика, но, говоря о наглядности уроков ненависти, о том, как эта ненависть и зло взрываются внутри страны, разворачивая ее, уродуя, понимаешь, что литература, культура принимают на себя такие удары и такие испытания, при которых нелегко существовать — тем более высокой должна быть творческая жизнеспособность деятелей культуры.

Во всяком случае, почти из всех американских витрин продолжает торчать разрекламированная и широко переведенная антисоветская «клюква» — «Парк имени Горького», сочиненная неким Смитом. Недавно одно из американских издательств устроило бурную премьеру романа, «склеенного» британским генералом Хэккетом. Зовется он «Третья мировая война» и весь наполнен информацией о том, как эту самую войну вот-вот начнем мы, советские. А вот еще новейший бестселлер, сочинение какого-то П. Эрдмана, «Последние дни Америки». На обложке краткая аннотация: «1985 год. Русские захватывают Европу...» И так далее, и так далее... Если положить такие книги под пресс — даже не знаю, какие реки ненависти можно выдавить оттуда, сколько людей захлебнется в этих реках.

Ненависть проявляется многообразно. Не так давно вице-президент Джордж Буш спел перед толпой украинских националистов первую строфу их любимой песни «Ще не вмерла Украина», а сам президент обласкал гнусенького старичка по фамилии Стецько, который под гитлеровским крылышком провозглашал когда-то во Львове некую «украинскую державу».

Однажды я был в гостях у Михайла Торченко, одного из старейших деятелей прогрессивных украинских организаций Америки, и мы с ним глядели, как по телевидению шел многосерийный фильм, в котором хороший британский драматический актер

Алек Гинесс играл очередного «вылавливателя советских шпионов».

— Этому верят? — спросил я тогда у хозяина дома.

Торченко помолчал, подумал, а затем пожал плечами:

-- Не очень. Но густота здешней антисоветчины рекордна. Наверное, не все у вас представляют, какой интенсивной обработке подвергаются мозги американских обывателей. Но все-таки поддаются обработке ненависти не все. И демонстрации здешних сторонников сотрудничества и мира — это также и демонстрации против оболванивания. Здесь, в Бруклине, я живу не среди самых богатых нью-йоркцев; они-то и говорят мне, иногда по многу раз, что не держат в душе ничего плохого или враждебного к советским людям, — это очень важно...

Михайло Торченко только что отпраздновал свое восьмидесятилетие. Его наградили советским орденом Дружбы народов, и он горд этим. Но я отчетливо помню, как при всем ощущении того, что здесь немало честных и верных друзей, на меня в Нью-Йорке буквально давили гири озлобленности, которой, кажется, пропитан здесь сам воздух. От ненависти можно устать, как устаешь от воздействия постоянного магнитного поля, как заболевают люди в чикагских сверхнебоскребах, где огромные массы бетона и стали вокруг них создают совершенно особый «климат». Думаю, что и вправду нам надо больше рассказывать о нацеленной против нас школе ненависти, о ее бесчеловечности и разрушающем действии на множество человеческих душ.

Я никогда не видел у нас даже подобия такой стены ненависти против другого народа, пусть и воевавшего с нами, которую проявляет сегодняшняя американская пропаганда. И уверен, что никогда не увижу. С такой ненавистью долго жить нельзя, потому что она испепелит и тебя самого. Когда мы победили в прошлой войне, то поставили на пьедестал в Берлине солдата со спасенным ребенком — символ победившей человечности, а не только символ уничтожения неприятеля.

Они — наиболее оголтелые нынешние американские деятели — не желают спасти ни нас, ни детей

наших, даже если бы мы нуждались в спасении. То, как они пробовали бойкотами да санкциями спровоцировать голод в Польше, у всех перед глазами, у всех навязло в ушах, тем более что обсуждали эту операцию за океаном и по всяким радиоголосам весьма откровенно.

В очень уж крутое антисоветское пике вошли нынешние правители Америки. Не думаю, что оно может стать источником силы этой страны, поможет решить американцам внутренние проблемы. Но я хорошо знаю от старых летчиков, что, бомбя из пике, важно не просто отбомбиться, а вернуть самолет на горизонтальную трассу. Когда писал об увиденном, мне очень хотелось представить себе мирное небо, в котором летят мирные самолеты без бомб. То самое небо, которое нынешняя администрация США тоже захлопнула для наших аэрофлотовских рейсов, то самое небо, в котором — согласно генеральским чертежам — ракетные траектории идут поверх мирных пассажирских трасс.

Очень трудно говорить обо всем этом, но говорить надо: нечего нам, советским литераторам, стесняться во весь голос рассказывать о чужой школе ненависти.

Возвращаясь к нью-йоркским воспоминаниям, я должен непременно сказать, как после литературного вечера подошел ко мне немолодой человек и протянул рукопись — это были его воспоминания о работе в обществах дружбы с нашей страной, в частности тех из них, которые формировались в годы минувшей войны. Фамилия этого человека Дэвид Сельзер, а среди документов, показанных им, было письмо, написанное в 1943 году группой нью-йоркцев только что победившему Сталинграду. Сейчас, в юбилей 40-летия битвы на Волге, мне кажется полезным напомнить слова, которыми заканчивалось то письмо: «Слава защитникам Сталинграда! Да здравствует новое поколение сталинградской молодежи! Пусть дружба между народами Соединенных Штатов Америки и Союза Советских Социалистических Республик растет и крепнет, живет вовеки на благо мира, безопасности и процветания всех грядущих поколений народов нашей Земли!»

Очень важно помнить такие слова — во все времена; а вспоминая о чуме фашизма, помнить уроки победы над ней, сближающие народы.

В Нью-Йорке сейчас непросто говорить о дружбе и мире. И тем не менее речь об этом идет. Ведь очевидно: не может быть отдельного мира для Америки, отдельного — для Советского Союза; мы или будем мирно сосуществовать, или можем погибнуть. Это аксиома: третьего не дано. Прошлогодняя миллионная демонстрация сторонников мира в Нью-Йорке, душевная усталость многих из тех, кто вчера поддерживал рейгановскую администрацию, — все это и симптомы болезни, и поиски путей выхода из нее. Очень хотелось бы, чтобы Америка вышла из своего нынешнего духовно-нравственного состояния, поняв, что же именно с ней произошло...

Не знаю, кто открыл Америку: официально считается, что это сделал четыреста девяносто лет назад Христофор Колумб. Закрывать же Америку может только она сама. Мне верится, что сеятели вражды не будут всевластны в великом народе Америки, что сегодняшние мука и боль его станут завтрашним опытом и умом.

Нью-Йорк — Киев

ПУСТЬ РАЗОЙДУТСЯ ТУЧИ

Два мира — два образа жизни. Права человека — и ложь вокруг них. Народы двух стран должны подать друг другу руки.

Несколько лет назад с жителем острова Малый Диомид, что в Беринговом проливе, Дуайтом Мылыгрокком мы сидели у окошка его скромного домика, сооруженного из упаковочных материалов, и смотрели на небольшую полоску льда, покрывавшего часть пролива между американским островом и советским островом Ратманова. Дуайт Мылыгрок — талантливый резчик по моржовой кости и исполнитель древних эскимосских танцев.

— Наверное, не все знают, что расстояние между нашими странами всего две с половиной мили, — задумчиво произнес Мылыгрок.

— Четыре километра сто шестьдесят метров, — уточнил я, вспомнив цифры на указателе, установленном на советском острове. — Но для того чтобы совершить путешествие с Чукотки на Аляску, мне пришлось обогнуть весь земной шар...

— А ведь было время, — продолжал Мылыгрок, — когда наши поездки определялись только погодой в Беринговом проливе...

Да, не предполагали мы, что пройдет совсем немного времени и в отношениях между нашими странами сгустятся темные тучи. Президент Соединенных Штатов Америки Рональд Рейган, отбросив общепринятые нормы международных отношений, ставит главной целью политики своей администрации уничтожение социализма как общественного строя, объявляет «крестовый поход» против коммунизма, называет нашу страну средоточием зла. И сейчас, когда в Европе вопреки воле народов и

здравому смыслу начинается установка новых ракет, когда отбрасываются и объявляются пропагандистскими любые наши миролюбивые предложения, поневоле задаешься вопросом: а есть ли силы, которые могут остановить это безумие?

И — словно в ответ на этот вопрос — со всех концов встревоженного мира, в том числе из самих Соединенных Штатов Америки, приходят вести о все расширяющемся движении за предотвращение ядерной катастрофы. Народы мира берут судьбу человечества в свои руки, и это внушает надежды.

Вспоминаю встречи с американцами, наши долгие и многочисленные разговоры в Аляскинском университете, в мэрии когда-то знаменитого аляскинского городка Нома, на острове Святого Лаврентия, где живут эскимосы, выходцы с Азиатского материка. Мы летели туда в прекрасный солнечный день, и с высоты отлично просматривались горы, окружающие бухту Провидения, где находится мой чукотский дом, где живут родные и близкие. Я сидел рядом с пилотом маленькой «Сессны» и уже различал впереди знакомые очертания мыса Столетия.

— Дальше на запад я не имею права лететь, — сказал мне пилот, разворачиваясь на посадочную площадку острова Святого Лаврентия.

Он передал мне полетную карту этого региона, на которой внушительными буквами была сделана надпечатка: «Внимание! В случае нарушения воздушного пространства Советского Союза вас могут сбить без предупреждения!»

Эта карта напомнила о себе, когда весь мир был поражен грубой и беспрецедентной провокацией американских спецслужб, использовавших южнокорейский пассажирский самолет в своих целях. Если пилот маленькой «Сессны», не бог весть какого летательного аппарата, прекрасно знал, что он не может, не имеет права, согласно общепринятым международным законам, нарушать воздушное пространство соседней страны, то что уж говорить об опытных пилотах южнокорейского лайнера? Им ли, не один десяток раз водившим самолеты, прекрасно

оборудованные навигационной техникой, по хорошо изученной и наезженной трассе, не знать этого (тем более, что предупреждение делалось)?..

Полагаю, многие американцы не поверили неуклонным попыткам администрации Рейгана свалить ответственность за эту провокацию на нашу страну. Точно так же — и это признают американские органы информации — подавляющее большинство народа Соединенных Штатов Америки не разделяет курса на конфронтацию, на обострение отношений между нашими странами.

В моей памяти еще живы проявления искреннего дружелюбия. Тогда, кстати, на одной из дружеских встреч в Номе Джой Галлахер, владелица и директриса местной аляскинской авиакомпания, выдала мне и сенатору-республиканцу Тэду Стивенсу авиабилеты на самый первый полет, который состоится когда-либо в будущем по маршруту Ном — Малый Диомид — Уэлен и обратно. Не знаю, цел ли билет у Тэда Стивенса, но свой я еще храню, потому что, как и всякий нормальный человек, верю в разумное будущее, в то, что жизнь будет продолжаться и развиваться на нашей земле...

Да, социалистический образ жизни в корне отличается от образа жизни, основанного на частном капитале, на эксплуатации человека, на попрании права людей труда на достойное и обеспеченное существование. Но буквально с первых лет провозглашения Советского государства мы вынуждены заботиться о своей безопасности, о защите своих революционных завоеваний, направляя на это необходимые ресурсы и средства.

И сегодня советские люди с полным пониманием встречают меры нашего правительства по предотвращению нападения на нашу страну и на наших союзников. Надо полностью не знать и не понимать нашего советского человека, чтобы предполагать, будто он откажется от завоеваний, которые ему достались ценой таких жертв, такой самоотверженности, которые заставили даже наших заклятых врагов с уважением говорить о советском характере.

Но это не наш выбор. Об этом говорил Ю. В. Андропов, подчеркнувший, что мы не будем

сидеть сложа руки, пока США и их союзники обкладывают нас со всех сторон ракетами и военными базами.

«Это и не наш выбор!» — подтверждают все миролюбивые народы земли. Их уже не одурачить и не ввести в заблуждение многочисленными провокациями, на которые так горазда и так избретательна нынешняя администрация США, пытающаяся говорить с позиции силы, диктовать свои условия жизни на планете.

Создается впечатление, что намечавшееся потепление международного климата, оживление контактов между людьми, расширение культурного обмена кое-кого сильно напугало, привело в состояние крайнего недовольства. Тогда-то и начали раздаваться голоса о том, что разрядка несет выгоду только Советскому Союзу, что это дорога с односторонним движением, что пока, мол, идут разговоры о мире, русские вооружаются... От распространения слухов силы империалистической реакции довольно быстро перешли к делам.

...Последний раз мне довелось приехать в Соединенные Штаты в тот же день, когда в Вашингтон прибыл новоизбранный президент Рональд Рейган.

Америка еще, как и весь мир, надеялась на то, что человек, избранный на такой высокий пост, отбросив предвыборную риторику, всерьез возьмется

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

«Рейган не первый президент, путающий факты. Но он допустил более трехсот только официально запротokolированных ошибок... Когда думаешь об обращении нынешнего президента с фактами, невольно приходит на ум высказывание Авраама Линкольна об одном из его противников: он питает столь глубокое уважение к истине, что расходует ее весьма экономно».

М. Грин и Г. Маккол, американские публицисты

за внутригосударственные дела, примет решительные меры по преодолению застоя в промышленности, инфляции и небывалого роста безработицы. А в делах международных начнет поиски путей для налаживания мирных, добрососедских отношений прежде всего с Советским Союзом, потому что именно от отношений между нашими странами в решающей степени зависит общий климат планеты. Вместо всего этого — обманутые ожидания, растоптанные надежды. Не наша забота попрекать президента-миллионера за его особое пристрастие к таким, как он, толстосумам, за его глухоту к обездоленным, голодным и безработным. В конце концов это — внутреннее дело Америки. Но сегодня обстановка в мире складывается так, что ответственность за тревожное и опасное напряжение в международных делах ложится на президента Соединенных Штатов Америки и его администрацию. Это ясно каждому непредубежденному наблюдателю, и в этом все больше убеждаются и сами американцы.

В самой природе социализма — мир, отрицание войны, созидание, а не разрушение. Правда о социализме — это, быть может, самое страшное для тех, кто не заинтересован в хороших отношениях с Советским Союзом. Поэтому делается все, чтобы любыми доступными средствами оболгать нашу страну, нашу политику, нашу мораль. Пускаются в ход самые невероятные, порой даже откровенно глупые домыслы и утверждения. Как тут не вспомнить пресловутый вопрос о правах человека! Вокруг него нагнетается столько лжи, что и сам-то этот вопрос становится до какой-то степени способом оболванивания и дезориентации обывателя. И тогда очевидные факты, вещи, которые сами собой разумеются в нашем обществе, становятся открытиями и откровениями для многих американцев. Разрешают ли разговаривать на родном языке эскимосам Ново-Чаплина и Сиреников, позволяют ли им питаться моржатиной и петь свои песни — об этом меня не раз спрашивали и на острове Святого Лаврентия, и в пресвитерианской церкви в Номе. Там за неимением другого помещения состоялось мое выступление, во время которого я рассказывал о своих земляках, живущих — по географическим

понятиям — совсем недалеко, но оказавшихся так далеко по понятиям историческим.

Вера Уви, учительница с острова Святого Лаврентия, уже несколько лет работает над учебником эскимосского языка. Язык островитян точно такой же, как и у жителей советского поселения Ново-Чаплина. Как известно, письменность на нашем берегу для эскимосов была создана еще в начале 30-х годов, и Вера Уви хорошо знает имя русской учительницы Екатерины Рубцовой: ее учебники в несколько переработанном виде сегодня служат просвещению коренных жителей Аляски.

— Вот видите, как мы можем сотрудничать, — радостно говорила Вера Уви. — А как хотелось бы встретиться со своими коллегами — учителями эскимосских школ Чукотки!

Желание народов, населяющих берега Берингова пролива, возобновить древние дружеские связи вполне естественно. Но ведь нельзя иметь хорошие отношения в каком-то одном месте, а в остальном находиться в конфронтации, отвергать все призывы к здравому смыслу и нормальным человеческим взаимосвязям.

Между прочим, интерес к нашей стране в Америке достаточно велик даже в условиях попыток нынешней администрации ухудшить все, что только можно ухудшить. В начале 1983 года в одном из самых популярных географических журналов Америки была напечатана моя статья о жизни народов советского Севера.

За последние годы на Западе появились всякого рода произведения — романы, рассказы и кинофильмы — о неизбежном конце нашего мира, о гибели человеческой цивилизации в результате ядерного конфликта. И хотя такого рода прогнозы имеют под собой реальную почву, человеческий разум отказывается верить, отвергает это как несовместимое вообще с человеком, с его мечтой о счастье. Мы, советские люди, — в противовес этим мрачным предсказаниям, — верим в будущее, в то, что разум восторжествует над безумием. Да иначе и не может быть. В противном случае человеку и человечеству надо отказаться от самого себя!

Да, если судить по географическим меркам, то нас разделяет лишь полоска воды шириной в две мили. Но сегодняшняя администрация США пытается не только вырыть между нашими странами непроходимую пропасть, но и заполнить ее злово-нием ненависти, недоверия, угроз и клеветы. Люди Берингова пролива обычно общались между собой в хорошую погоду: на кожаной байдаре не вый-дешь в море в волну и в туман. Но люди всегда верили, что рано или поздно ненастье пройдет, вы-глянет солнце, утихнет ветер, поднимется туман и люди снова увидят солнце, землю и друг друга. Верим и мы, что разойдется завеса клеветы, востор-жествует разум и люди двух стран подадут друг другу руки.

«Советология» атакует
истину

ЧЕРНИЛЬНЫЕ КУЛИ АМЕРИКАНСКОЙ «СОВЕТОЛОГИИ»

Кто боится разрядки? Время страхов и запретов в Америке. Горькие обиды Карла Проффера. Как в Америке «закрывают» советскую литературу. О несбывшихся надеждах «советологов».

Уроки истории ничему не научили заправил империализма. Казалось бы, не так уж и давно один английский политический деятель выступил в американском городке Фултоне с открытым призывом объявить «крестовый поход» против мира социализма. А тогдашний президент США Гарри Трумэн горячо аплодировал оратору.

Последовали годы «холодной войны». Изнурительной для народов. Выгодной военно-промышленному комплексу США, всюю раскрутившему маховик гонки вооружений, нажившему на этом миллиарды сверхприбылей за счет ограбления трудящихся, за счет налогоплательщиков.

Под влиянием возросшей мощи социализма, под давлением миролюбивых народов в конце 60-х — начале 70-х годов руководящие круги США вынуждены были трезво оценить сложившуюся обстановку примерного равенства сил и искать пути перехода от конфронтации к деловому взаимовыгодному сотрудничеству с СССР и другими странами социализма.

Результатом позитивного развития отношений стран с различным социальным строем явился Заключительный акт Хельсинкского совещания, подписанный тридцатью тремя странами Европы, США и Канадой в 1975 году. Народы мира вздохнули с надеждой и облегчением. Существенно расширились разнообразные взаимовыгодные связи между Советским Союзом и Соединенными Штатами, в том числе в области культуры.

Однако не успели еще высохнуть под Заключительным актом подписи государственных деятелей, а «советолог» Фр. Баргхорн уже поторопился выпустить книгу, предупреждавшую Запад «об опасности разрядки». Автор призывал своих соотечественников «осознать угрозу, которую несет американским национальным интересам и демократическим ценностям во всем мире советская внешняя политика, провозглашающая задачу «снижения международной напряженности»¹.

Обстановка в США ужесточилась с появлением на политической арене страны президента Рональда Рейгана, ставленника самых воинственных кругов. И самых антикоммунистических. За время своего правления Рейган сумел разорвать почти все связи между СССР и США — культурные, научные, экономические, торговые.

И наконец, подобно Черчиллю, перелетев Атлантический океан, на сей раз с запада на восток, выступил год назад в британском парламенте с истерической речью, призвав все к тому же черчиллевскому «крестовому походу» против идей коммунизма и стран социалистического содружества. С беспримерным цинизмом и лицемерием Рейган патетически восклицал: «Оглядываясь на наше

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

«Антимарксистские доктрины сходят с идеологического конвейера, подобно последним моделям автомобилей. И, подобно новым автомобилям, этим антимарксистским концепциям свойственна высокая степень износа, особенно если учесть, что они должны проходить испытание на тяжелом пути классовой и национальной борьбы угнетенных народов».

*Генри Уинстон, Национальный председатель
Компартии США*

¹ Barghourn Fr. *Détente and the Democratic Movement in the USSR*. N. Y., 1976, p. 146.

время, историки отметят постоянную сдержанность и мирные намерения Запада...»

Сдержанность и мирные намерения Запада... Пятьсот тысяч вооруженных до зубов американских солдат, тысячи самолетов, танков, орудий, военных кораблей на протяжении десяти лет изо дня в день демонстрировали «сдержанность и мирные намерения Запада» во Вьетнаме, залив маленькую страну морем напалма, химических отравляющих веществ, забросав ее миллионами тонн бомб, снарядов, мин...

Весь мир содрогнулся в наши дни в ужасе от чудовищных зверств израильского фашизма на многострадальной земле Ливана, от хладнокровного, заранее спланированного и безжалостного истребления народа Палестины американским оружием. Кровь десятков тысяч убитых и раненых палестинцев и ливанцев тоже на совести Рейгана и его администрации. Им никогда не отмыть эту кровь.

Список кровавых злодеяний американского империализма против человечества, совершенных в наше время, этими примерами не исчерпывается. На фоне подобных преступлений фарисейские заверения Рейгана в «сдержанности» и «мирных намерениях» Запада звучат бесстыдной издевкой над человеческой совестью и разумом.

Курс, взятый администрацией Рейгана во внешней политике на конфронтацию с миром социализма, на ужесточение отношений и свертывание контактов, сопровождается разнузданной антикоммунистической и антисоветской пропагандой внутри страны. Правители США хотели бы намертво вколотить в сознание каждого американца патологическую ненависть к идеям коммунизма, запугать его насмерть несуществующей «советской военной угрозой», заставить бояться даже самих слов «социализм», «коммунизм», «советский человек».

Запрещаются книги своих же писателей, если они содержат хоть какую-то критику американского образа жизни. По данным Американской библиотечной ассоциации, только с сентября 1980 по август 1981 года в различных штатах США зарегистрировано около тысячи (!) подобных запретов на «предосудительные» книги. Так, запрещены и изъяты из школ и библиотек книги Скотта Фиц-

джеральда — «Великий Гэтсби», Эрнеста Хемингуэя — «Прощай, оружие!», Джерома-Д. Сэлинджера — «Над пропастью во ржи», запрещен даже Марк Твен с его незабываемыми Томом Сойером и Гекльберри Финном...

Жесткая риторика пропагандистских служб Рейгана действует и на умы некоторых деятелей американской литературы и искусства.

Рейган бесцеремонно уволил со службы всех диспетчеров гражданских авиалиний страны за то, что они посмели объявить забастовку в борьбе за свои права, и добился запрета этого профсоюза. И ни один из именитых писателей Америки почему-то не выступил в защиту попираемых прав трудящихся. Вслед за этим Рейган запретил забастовку железнодорожных машинистов. И опять не слышно было голосов протеста со стороны писателей США. Как воды в рот набрали. О пресловутой американской «свободе» словно забыто.

В то же время средства массовой информации США публикуют немало разного рода «заявлений» и «писем протеста» в защиту прав человека, которые якобы нарушаются в СССР и других странах социалистического содружества. Подписываются эти документы часто именами различных американских ученых, писателей, деятелей искусства. И как не раз уже обнаруживалось, люди, ставящие свои подписи на подготовленных спецслужбами США клеветнических текстах, подчас ничего не знали о существовании дела, против которого их понуждали протестовать. Отчего и попадали впросак, компрометируя свои имена и подрывая свой авторитет.

Более того, некоторые американские литераторы поспешили угодливо поддакнуть разнузданной антисоветской риторике Рейгана и его пропагандистских служб. Делается это по-разному. Скажем, полупорнографический журнал «Плейбой», имеющий большой тираж, задает престарелому литератору Дж. Миченеру вопрос в лоб: «Вы, несомненно, убежденный антикоммунист. Что вы думаете о поведении (!) Советов в восьмидесятых годах и о будущем этого общества?» Ответ Миченера очень похож на многочисленные высказывания Рейгана по этому поводу: «Поведение Советского государства чудовищно...

Я думаю, что Россия продержится лет сорок, а потом постепенно начнет распадаться». Сравните это заявление хотя бы с предвыборными заклинаниями Рейгана: «Проблема состоит в том, что русские — чудовища, что они не питают... уважения к жизни человека... и поэтому они могут примириться с потерей 20—30 или 40 миллионов человек». Или с его же глубокомысленными пассажами: «Советский эксперимент переживает упадок. Наши противники начинают выдыхаться».

Право, становится неловко за человека, называющего себя писателем, чье политическое мышление не поднимается выше крикливой демагогии нынешней вашингтонской администрации,— ведь он буквально пресмыкается перед самыми реакционными силами американского общества, захватившими ныне власть в стране.

Да, поистине, история ничему их не учит. Сколько уже было пророков, подобных Рейгану и Миченеру!

Другой американский писатель, Уильям Стайрон, выступая в Дьюкском университете, словно торопился присягнуть в лояльности рейгановской политике и бубнил что-то маловразумительное о том, что «мы должны... ненавидеть коммунизм... Ненависть к коммунизму должна быть... необходимой потребностью»¹.

Однако Стайрон, похоже, понимает, куда могут завести страну подобные проповеди. Времена сенатора Маккарти еще у многих американцев на памяти, и Стайрон опасается, как бы в США вновь не повторилась «охота на ведьм».

Увы, выступления ряда напуганных американских литераторов свидетельствуют, что охота уже началась и первыми ее жертвами стали сами писатели.

Подал свой голос в журнале «Нью рипаблик» (14 февраля 1981 г.) и завзятый антикоммунист-«советолог» Карл Проффер, который официально числится профессором славянских языков и литературы в Мичиганском университете, но охотно подвизается в антикоммунистическом журнале

¹ International Herald Tribune, 1981, 18 June.

«Проблемы оф коммьюнизм» и на радиостанции «Голос Америки», являющихся главными инструментами «психологической войны» с миром социализма. Кроме того, он — ну, конечно же — «совершенно независимый» издатель диссидентской литературы на русском языке в Америке. На чьи деньги существует подобное «издательство», явно не имеющее никаких шансов на прибыльность, полагаю, догадаться нетрудно.

Что касается знания и понимания советской литературы, то, прямо скажем, Профферу здесь похвастаться нечем. Суждения его о нашей литературе односторонни, убоги и невежественны, и об этом уже писалось в «Литературной газете» (см. статью А. Мулярчика в № 29 от 21 июля 1982 г.). А вот самонадеянности и чванливости Профферу не занимать.

Главный удар Проффер направляет против ставших традиционными творческих встреч советских и американских писателей. Начиная с 1977 года их состоялось уже шесть: три на советской земле и три на американской. Идея двусторонних встреч возникла у ряда американских писателей и Союза писателей СССР как раз в тот момент, когда правые силы в США развернули активное наступление на разрядку и стали свертывать все связи и контакты с Советским Союзом.

Те писатели в Америке, которым дороги взаимопонимание и профессиональное сотрудничество со своими советскими коллегами, преодолевая огромные трудности, подчас подвергаясь травле со стороны средств массовой информации, мужественно продолжают поддерживать эти контакты. Вот это то и не по душе Профферу. Как так, гневается самозванный наставник американских писателей, как можно позволять себе регулярно встречаться с советскими литераторами? Ведь это же — страшно подумать! — может создать впечатление, будто хельсинкские договоренности еще не похоронены и проводятся в жизнь. Сами понимаете, подобная практика идет вразрез с политикой рейгановской администрации, которой верно и преданно старается служить литературный политикан Проффер.

Он раздраженно поучает известную американскую писательницу Джойс Кэрол Оутс, которая после встречи с советскими писателями в Нью-Йорке отправила ему письмо. Она спрашивала «знатока» советской литературы: почему «эти славные серьезные наши коллеги — писатели из Советского Союза — не известны у нас, в США»? ¹

Проффер спешит разубедить Джойс Кэрол Оутс: откуда, мол, могло возникнуть у нее такое благоприятное впечатление о советских писателях? «Американские писатели введены в заблуждение», — бьет тревогу «советолог». Эти «коварные» русские, по его мнению, «используют» имена американских писателей. Для чего и как, спросите вы. Проффер поясняет: русским-де эти встречи нужны для того, чтобы... создать у своих читателей впечатление равноправного партнерства. «Когда имена американских писателей появляются в официальных советских газетах наряду с именами писателей советских, то тем самым предполагается, что советский читатель подумает: ну, вот, все нормально, наши писатели едут туда, их писатели едут к нам, они разговаривают на равных» ².

А этого-то разговора на равных как раз и не желает Проффер! Он опасается: «Средний советский читатель может воспринимать подобные отчеты о встречах американских и советских писателей как подтверждение справедливости оценок текущих политических событий, даваемых советской прессой. То есть что именно Америка стремится разжечь мировой военный психоз... а советская политика направлена на мир и подтверждает, что мы, русские, стремимся к миру, и даже хорошо известные американские писатели согласны с нашей точкой зрения» ³.

Что ж, в отличие от Проффера, многие «хорошо известные американские писатели» на самом деле хорошо видят и понимают все безумие развязанной Рейганом гонки вооружений, взятого им курса на глобальную конфронтацию с миром социализма, допускающую возможность термоядерной катаст-

¹ The New Republic, 1981, 14 February, p. 32.

² Ibid., p. 32—33.

³ Ibid., p. 33.

рофы, угроза которой действительно исходит только от одной стороны — Соединенных Штатов Америки. Советское правительство перед всем миром торжественно заявило о том, что СССР не применит первым ядерного оружия. Американское же правительство сделать подобное заявление наотрез отказалось. И каждый честный человек на Земле, будь то писатель или простой рабочий, не может не видеть и не понимать, кто на самом деле стремится к миру, борется за мир, предлагает с этой целью конструктивные решения, а кто, наоборот, всю свою политику строит на имперских амбициях и ради достижения мирового господства готов пойти на риск термоядерной войны.

И если встречи советских и американских писателей вызывают раздражение у Проффера и ему подобных, — значит, эти встречи на самом деле служат взаимопониманию и укреплению мира, подтверждают правоту и жизненность хельсинкских соглашений, принципов мирного сосуществования государств с различными социальными системами.

Проффер беззастенчиво и нагло делает выговор сопредседателю подобных встреч с американской стороны — почтенному литератору и многолетнему редактору журнала «Сатердей ревью» Норману Казенсу, презрительно называя его легковерным, которого-де «коварные» русские обводят вокруг пальца. «Советолог» гневается на Казенса потому, что редактировавшийся им в то время журнал категорически отверг беспардонные притязания Проффера выступить на его страницах с «опровержением» напечатанного отчета Нормана Казенса о встрече американских и советских писателей в Пизцунде в 1980 году. В числе прочего Казенс в своем отчете счел уместным разъяснить читателям истинную историю с пресловутым «альманахом» под названием «Метр6поль». (Кстати сказать, не последнюю роль в этом грязном деле, похоже, сыграл сам Проффер. Именно у него в Америке оказался один экземпляр этого «альманаха» задолго до того, как о его существовании стало известно московским литераторам. Именно Проффер выпустил вскоре этот «альманах» на русском языке в «своем», как он уверяет, издательстве. Тем самым стало очевидно,

что вся эта затея с «альманахом» носила чисто политический, спекулятивный характер, к тому же инспирированный из-за океана. Художественный уровень напечатанных Проффером материалов оказался настолько убогим, что никаких сомнений в дурных художественных вкусах издателя не осталось.)

Проффер обвиняет Нормана Казенса в «наивности», в том, что почтенный редактор был «удовлетворен» разъяснениями и материалами по этому вопросу, с которыми его любезно познакомили московские писатели. До смерти огорченный отказом журнала «Сатердей ревью» напечатать его «опровержение», Проффер рвет и мечет: «Можно только гадать, чье влияние убило истину... Люди, подобные Казенсу, скорее предпочитают говорить о разоружении, чем задуматься над своим легковерием»¹.

Только напрасно Проффер разыгрывает эдакого простачка, изображая на лице скорбную мину по поводу своего якобы неведения о том, кто же в Америке убивает истину о Советском Союзе и о советской литературе. Ежедневно и ежечасно ее убивают там профферы и прочие «советологи», чьими профессией и смыслом жизни являются клевета и ложь о социализме, о процессах, происходящих в советской литературе. Это они всеми силами стараются преградить доступ к американскому читателю любой объективной информации о советском образе жизни, которую несет в себе и каждое талантливое произведение наших писателей. С неслышанным чванством и высокомерием судят, врут и клеветают они на советскую литературу, стремясь опорочить творчество выдающихся ее мастеров.

В последние годы в писаниях «советологов» начинают проскальзывать псевдотеоретические рассуждения на тему: существует ли на самом деле советская литература? И надо ли вообще употреблять термин «советская литература»?

Вот, к примеру, Деминг Браун в книге «Советская русская литература после Сталина» (1979) как само собой разумеющееся утверждает: «В последние годы (!) термин «советская литература» становится все более непригодным». Принимая позу

¹ The New Republic, 1981, 14 February, p. 33.

некоего судьи, он объявляет приговор: «...Термин «советская литература» стал, в сущности, бессмысленным»¹.

Вот так-то. Ни больше ни меньше — «стал бессмысленным». Нет ее, оказывается, для Брауна, этой советской литературы, и «советолог» жаждет, мало того, требует, чтобы ее не существовало и для других. И выдает, как видим, лично им желаемое за якобы общепризнанное, свершившееся, не требующее никаких доказательств.

Вместе с Брауном торопится «закрыть» советскую литературу и англо-американский «советолог» Рональд Хинли. В книге «Русские писатели и советское общество, 1917—1978» он пишет, что, вместо того чтобы употреблять термин «советская литература», он будет говорить «о современных русских писателях, проживающих в СССР», или «о русской литературе в советский период»².

Словом, если верить Брауну и Хинли, советской литературы больше не существует.

История и тут ничему не научила антикоммунистов. Были, были уже попытки объявить СССР «географическим понятием». Теперь вот современные «советологи» демонстрируют тот же трюк с советской литературой. И одновременно нагловатое желание объединить в одном понятии с писателями советскими тех, кто утратил право называть себя таковыми, превратившись в безродных эмигрантов.

Свою лепту в эту «дискуссию» внес и американский «советолог» Морис Фридберг. В статье, опубликованной в журнале «Проблемз оф коммьюнизм», он с упоением говорил о наличии «эмигрантской русской литературы», которая, мол, «создается сегодня в Западной Европе, Израиле, США». Не в меру распаленному воображению «советолога» уже начинает грезиться что-то невероятное, и он, подобно своему коллеге Профферу, заявляет, что именно эта «эмиграционная» русская литература обещает — де создать произведения, не менее существенные, «чем наследство старых эмигрантов, появившихся

¹ Brown D. Soviet Russian Literature since Stalin. N. Y., 1979, p. 1.

² Hingley R. Russian Writers and Soviet Society. 1917—1978. N. Y., 1979, p. XV.

в Париже, Берлине, Варшаве и Праге в 20-е годы»¹.

Право, смешно читать подобные гадания. Об эмигрантах 20-х годов и их творчестве писал еще князь Д. Мирский в книге «Современная русская литература: 1881—1925», вышедшей в 1926 году в Лондоне и Нью-Йорке. Писал с горечью: «В целом, видные писатели, оказавшиеся вне советских пределов, не сохранили своих творческих возможностей. Потеря связи с родной землей есть тяжелое испытание для писателя... Ни одного поэта или прозаика, хоть сколько-нибудь значимого... за пределами России не появилось»².

Не так давно американский журнал «Ньюсуик» напечатал статью о нынешних эмигрантах, бывших советских писателях, с многозначительно звучащим заголовком: «Голоса в пустыне». Вот что в ней говорилось: «Всецело занятые проблемами приспособления к новым условиям жизни... они... не создали в эмиграции ни одного заметного произведения, а то немногое, что они написали на Западе, оказалось низкого качества и не прозвучало... Отрезанные от своих корней, они, похоже, не способны что-либо создать... Вместо того чтобы продолжать писать... они сидят во французских кафе, болтая по-русски и строя планы освобождения своей старой родины (ну, чем не «союз меча и орала» с блаженной памяти Остапом Бендером! — А. Б.)... Пока они были в Советском Союзе, они считали себя страдальцами. Но здесь они потерялись. Их голоса — это голоса в пустыне»³.

Похоже, и американцы не очень-то жалуют потерявших родину сочинителей. Недаром один из таковых пожаловался как-то в еженедельнике «Нью-Йорк таймс бук ревью» (7 сентября 1980 г.): «Я в Ленинграде встречался с бóльшим количеством американцев, чем здесь, в Америке».

В своей статье Фридберг взялся также доказать, что в советской литературе 60—70-х годов произо-

¹ Problems of Communism, 1980, May — June, p. 63.

² Mirsky D. Contemporary Russian Literature: 1881—1925. N. Y., 1926, p. 246.

³ Newsweek, 1977, 4 April, p. 45—47.

шло якобы «падение романа». По его мнению, «вся послесталинская советская литература, ныне уже насчитывающая четверть века, дала мало новых романистов». А если, мол, и появилось «несколько интересных русских романов», то они «были написаны диссидентами и опубликованы за пределами официальных советских каналов»¹.

Чем же было вызвано обнаруженное Фридбергом «падение» советского романа? Оказывается, желанием писателей в СССР «обойти политические вопросы». Именно это, считает «советолог», и способствовало тому, что они отвернулись от романа «во имя короткой прозы»².

Стратегические цели антикоммунистов заключаются не только в том, чтобы внедрять в сознание своих соотечественников априорно негативное отношение к литературе социалистического реализма, изображать ее в искаженном, клеветническом свете, но и в том, чтобы попытаться косвенно повлиять на умонастроения советской художествен-

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

«Мы часто слышим, будто в капиталистических странах существует «большой культурный выбор». Однако и на этот счет существуют сопоставимые данные... С 1945 по 1975 год в Советском Союзе появилось в свет 7379 книг американских, 4664 произведения французских, 4590 книг английских и 901 произведение итальянских авторов, тогда как за тот же период в США, Франции, Великобритании и Италии было издано соответственно 450, 628, 437 и 407 книг советских авторов. После совещания в Хельсинки выпуск переводных изданий в СССР еще больше расширился».

Д. Райхель, публицист (Западный Берлин)

¹ Problems of Communism, 1980, May — June, p. 57.

² I b i d., p. 58.

ной интеллигенции. Оторвать творческие интересы советских писателей от жизни своего народа, от партии, от задач коммунистического строительства, замкнуть эти интересы на «индивидуальных, зачастую интимных отношениях мужчин и женщин» — вот о чем вожделем Фридберги, профферы и иже с ними.

Они прекрасно понимают громадную, поистине неоценимую роль советской литературы и искусства в формировании коммунистического мировоззрения, высоких нравственных качеств созидателей нового общества, в упрочении основ социализма, советского образа жизни. И потому ищут исторические параллели, которые можно было бы хоть как-то использовать в качестве аргументов, чтобы скомпрометировать партийность и народность литературы социалистического реализма. К примеру, Фридберг противопоставляет — конечно, со знаком «минус» — современную советскую литературу русской дореволюционной литературе. «Чтобы завоевать симпатии читателей к своим героям,— пишет он,— дореволюционные русские писатели считали необходимым хотя бы отчасти поставить под сомнение разумность общества или правосудия государства...»¹

Почти двадцать лет назад подобное спекулятивное противопоставление русской дореволюционной литературы современной советской литературе было сделано «советологом» Марком Слонимом.

Разумеется, Слоним и Фридберг предпочитают не уточнять, против какого государственного устройства и против какой власти боролась передовая русская литература. Они делают вид, будто им неизвестно, какая власть и какое государство возникли в России в результате победы социалистической революции в октябре 1917 года. А ведь в этом-то вся суть!

Приемы «советологов» заключаются в абстрактном толковании таких конкретно-исторических понятий, как «власть» и «государство», в абстрактном противопоставлении литературы власти и государству вообще.

¹ Problems of Communism, 1980, May — June, p. 54.

Да, творчество великих русских дореволюционных писателей было антибуржуазным по своей сути. Эту благородную традицию хранят и энергично развивают советские писатели — их творчество также насквозь антибуржуазно. В этом господа советологи могут не сомневаться!

Все дело именно *в точке зрения*. И когда Слоним и Фридберг пытаются подставить на место пролетарской свою, буржуазную, антикоммунистическую, точку зрения и выдать ее за всеобщую и обязательную для всех времен и социальных устройств, то это — попытка с негодными средствами. Она рассчитана на людей с примитивным уровнем политического сознания.

Однако надежды «советологов» противопоставить советских писателей своему, советскому обществу, партии, социалистическому государству несбыточны. Как писал в 1976 году Фр. Баргхорн, «к сожалению (!), подавляющее большинство советской интеллигенции поддерживает социализм» и «готово работать в рамках коммунистической политической системы, соблюдать ее правила»¹.

Стремясь подорвать доверие, снизить интерес западного читателя к советской литературе, «советологи» не останавливаются ни перед чем. В ход идет все: подтасовки, фальсификации, искажение реальных фактов советского литературного процесса, ложь по поводу не только творчества советских писателей, но и отношения советских читателей к произведениям своих писателей.

Вот, например, опять тот же Фридберг. Он давно и упорно пытается внушить общественному мнению в США отрицательное отношение к советской литературе, закликает не проявлять к ней интереса. При этом Фридберг утверждает, будто бы современную советскую литературу даже и в Советском Союзе почти не читают, предпочитая ей любую западную, любого качества.

В статье, напечатанной в журнале «Проблемз оф коммьюнизм», Фридберг как бы вскользь замечает: «Предпочтение публики к русским переводам

¹ Barghourn Fr. *Détente and the Democratic Movement in the USSR*, p. 166.

западноевропейской и американской прозы, поэзии и драмы в послесталинскую эпоху в общем было зеркальным отражением отношения и к советской литературе»¹.

Опровергнуть клеветническое утверждение Фридберга не составит большого труда, поскольку в СССР систематически публикуются данные многочисленных социологических исследований по этому вопросу.

Сошлемся хотя бы на статью Ю. Андреева «Массовая культура и культура масс» («Звезда», 1982, № 7). На основании тщательного изучения социологических трудов, изданных в СССР за последнее десятилетие, автор сделал важные и неопровержимые выводы о том, что и как читают из художественной литературы в городах и селах нашей страны. «...Наибольший интерес,— пишет он,— читатели проявляют прежде всего к литературным новинкам, а если говорить шире, к современной советской литературе. До 70—75 процентов читаемой литературы составляет советская... (курсив мой.— А. Б.). Около 20 процентов читаемой литературы — это книги зарубежных авторов...»

Фридберговское «зеркальное отражение» отношения советских читателей к современной советской литературе, как видим, разбивается вдребезги при первом же сопоставлении его с результатами социологических исследований.

Несколько лет назад американский буржуазный журналист Уильям Ледерер выпустил книжку под названием «Нация баранов». Автор выражал обеспокоенность крупными провалами американской внешней политики, в результате чего «большие районы мира, районы, в которых всего лишь пятнадцать лет назад нами (то есть американцами.— А. Б.) восхищались и на которые мы имели преобладающее влияние», вдруг стали относиться к Америке и американцам с отвращением, враждебно. Ледерер задался целью отыскать причину падения авторитета Америки и пришел к выводу: «Главной... причиной является невежество во всем том, что касается фактов, относящихся к остальному

¹ Problems of Communism, 1980, May — June, p. 53.

миру. **Нация или индивидуум не могут выполнять своих функций, если правда им недоступна и непонятна... Мы все должны стать информированными.** Но сделать это в Америке, отмечает автор, необычайно трудно, если не невозможно, ибо «в Соединенных Штатах сегодня... правда в основном недоступна...».

Сказано верно и точно! Американский народ сознательно лишают правдивой информации о внешнем мире и особенно о мире социализма.

Ледерер с горечью предсказывал: «Если нынешнее пропагандистское жульничество (и тупое барабанье восприятие всего происходящего нашими гражданами) будет продолжаться, я предсказываю, что Соединенным Штатам предстоят трудные времена. Великое государство не сможет долго просуществовать, если оно основано на ненадежном и скользком фундаменте в виде самообмана и дезинформации».

«Советологи» стремятся сдержать интерес американской общественности к литературе и искусству СССР. Отнюдь не случайно рейгановская администрация начала свою антисоветскую деятельность с того, что порвала все договоры о культурном обмене между нашими странами. Американский народ ныне лишен возможности знакомиться с достижениями советской художественной культуры. «Советологи» ставят целью привить каждому американцу слепую ненависть к идеям коммунизма, открытую вражду к советскому человеку и Советскому государству и плодят предрассудки, культивируют чванливое высокомерие, спесь и шовинизм в глобальном масштабе. Так легче правящему классу США держать народ в узде, под железной пятой капитала.

Но, как говорил еще президент Авраам Линкольн, «можно какое-то время обманывать весь народ, можно даже обманывать какую-то часть народа все время, но нельзя весь народ обманывать все время».

Да, уроки истории ничему не научили чернильных кули американского империализма, погрязших во лжи. Однако время правды наступит!

ВО ВСЕОРУЖИИ ПРАВДЫ

Встречи писателей и их место в сегодняшней идеологической борьбе. Литератор не имеет права оставаться в плену ложных идей.

Сам факт существования на земле двух противоположных социальных систем предопределяет неизбежность соревнования, борьбы между ними. Но — борьбы духовной, борьбы идей. Из нее вовсе не вытекает неизбежность замены перьев, пишущих машинок, типографских машин, телевидения и радио оружием всечеловеческого уничтожения. Но когда духовная борьба деформируется, начинает постепенно превращаться в войну «психологическую», стоит у порога, за которым начинается (или возобновляется) война «холодная», когда враги мира и социализма начинают бряцать оружием и готовы в любую минуту пустить его в ход, то это не может не вызвать законного стремления у людей, против которых эта изощренная борьба ведется, принять контрмеры, дать отпор «бандитам мысли».

Система «доказательств» у претендентов на глобальное господство ныне упростилась, став от этого, конечно же, не менее, а более опасной. Например, наши политические противники ныне атакуют морально-политическое единство как внутри Советского Союза, так и в социалистическом содружестве вообще, не только при помощи своих «чернильных стрел». Куда быстрее и эффективнее, считают они, «расщепить» этот социалистический мир при помощи заговоров, диверсий, подкупа, провокаций, прямым вмешательством во внутренние дела суверенных государств (той же Польши, к примеру), чтобы завтра попытаться уже не просто «расщепить», но уничтожить социалистический мир с

помощью баллистических ракет, «першингов», «МХ»...

Показать всему человечеству, какой характер стараются придать идеологической борьбе нынешние претенденты на глобальное господство — в этом видят одну из своих главных задач советские писатели. Чтобы дискредитировать их, вывести из борьбы, наши идеологические противники пытаются проводить с советскими литераторами сложные «операции». То они объявляют, что писатели перестали-де подчиняться своему «командованию» (читай: не желают больше следовать «партийным директивам»), то объявляют о том, что такими понятиями, как «партийность», «народность», «социалистический реализм», руководствуются теперь только «чиновники из Союза писателей». Подлинные же литераторы ударились в богоискательство, в быт, воспевают не коммунизм, а времена различных протопопов, выводят, дескать, нравственные законы не из реальной практики коммунистического строительства, а из патриархального уклада «допотопной Руси»...

Что ж, на каждое злокачественное «чихание» не наздравствуешься... Подавляющее большинство советских писателей пишут на жизненно важные для народа и прежде всего современные в широком смысле этого слова темы. Конечно, спору нет, и в далеком прошлом нашей Родины содержится немало поучительного, достойного популяризации и поддержки. Бесспорно и другое: никто и никогда не требовал, чтобы каждое литературное произведение обязательно поднимало и всесторонне исследовало важную, социально значимую тему, чтобы из сферы творчества был исключен быт людей со всеми его трудностями. Нет нужды доказывать, что марксизм-ленинизм, являющийся идейным компасом для советских литераторов, — учение не догматическое, а творческое, и если те или иные социально-политические явления прошлого художественно анализируются в применении к духовно-нравственным запросам нашей современности, то это надо только приветствовать. Разумеется, если анализ этот партийный, марксистский по существу своему, а не повторяет под видом «новаторства» реакцион-

ные бердяевско-леонтьевские зады дореволюционной русской философии.

Партия бережно, уважительно относится к талантам, к творческому поиску художника, не вмешиваясь в формы и стиль его работы. Но она не может быть безразличной к идейному содержанию искусства. Напомнив об этом в своей речи на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, Ю. В. Андропов отметил: «Главным методом влияния на художественное творчество должна быть марксистско-ленинская критика, активная, чуткая, внимательная и вместе с тем непримиримая к идейно чуждым и профессионально слабым произведениям».

Не могу не сказать здесь и о недостойных проявлениях своего рода литературного кокетства, когда литератор создает произведение, лишенное четкости мысли, маскирующее его авторскую позицию, дающее возможность для самых противоречивых толкований. Легко угадывается цель подобных творческих акций: заслужить сомнительную славу в западных издательствах, да и просто среди наиболее отсталых в политическом отношении слоев нашей интеллигенции. Сказать об этом надо прямо и открыто — так, как призывает говорить о недостатках июньский Пленум ЦК КПСС.

Однако вернемся в нашей главной теме — к участию советских писателей в идеологической борьбе.

Конечно, в этой борьбе мы сражаемся прежде всего своими произведениями. Но не только ими. В самые последние годы широко вошли в международную общественно-литературную практику всевозможные форумы писателей. Региональные — европейские, афро-азиатские, мировые. Или двухсторонние, подобные регулярно проходящим советско-американским. У всех на памяти такие международные литературные встречи, как Софийские, Гаагские, Кельнская, Западноберлинская... Как правило, девизы подобных встреч включают в себя слова: «Борьба за мир и место в ней писателя», «Возможность предотвращения термоядерной войны и роль литературы». Это не удивительно. В наше время движение защитников мира получило такой размах, а тревога народов за свое будущее

столь сильна, что даже в тех случаях, когда в число организаторов собраний, подобных упомянутому, входят замаскированные прислужники НАТО или Пентагона, они не в силах — по крайней мере формально — не прокламировать свою приверженность делу мира.

Мне приходилось (вместе со своими товарищами по перу) бывать на некоторых из подобных встреч. Не раз доводилось слушать выступления на них самых разных писателей — близких нам идейно и далеких от коммунизма, но, несомненно, искренне заинтересованных в мирном будущем человечества.

Однако не могу умолчать и о другом. Не помню случая, чтобы западные «волки в овечьей шкуре» не выбрасывали бы на такие встречи хорошо организованный «десант», цель которого — придать им антисоветский, антисоциалистический характер. Иногда, как бы совсем забыв о теме собрания, литературные «зеленые береты» забрасывали присутствующих данными о «страшных» советских ракетах «СС-20», угрожающих миру. Или, кутаясь в тогу объективности, пытались убедить аудиторию, что Советский Союз и США равно повинны в нависшей

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

«Советская литература помогает нам раскрывать перед американскими читателями правду о первой стране социализма, и за это мы ей благодарны... На нас, людей, живущих в сотрясаемом кризисами обществе, производят огромное впечатление близость советских писателей к жизни своего народа, ваш гуманизм, ваша способность ощущать себя частью рабочего класса... В нашей борьбе с расизмом и реакцией все большее значение приобретает мощный поток поэзии и прозы, идущий из недр великой интернациональной семьи советских народов».

Джессика Смит, американская писательница

над миром угрозе войны, упрекали наших литераторов за то, что они в своих книгах не пропагандируют эту идейку...

Ораторов этого толка, как правило, отличало потрясающее невежество или очевидная для большинства присутствующих провокационность намерений.

На одном из таких собраний оратор, обращаясь к советским писателям, с пафосом заявлял:

— Почитайте наши книги, господа! У нас если книга посвящена войне, то мы рисуем своих военных как злодеев. А когда вы пишете о минувшей войне, то ваши солдаты и офицеры изображаются почти всегда как герои. Разве это не пример явной милитаризации советской литературы?

Ну, просто стыдно было отвечать, что есть разница между палачом и жертвой, что дело чести писателя описывать бандита именно как бандита, а защитников своего дома, своей Родины как героев!

Или другое:

— Посмотрите на улицы западных городов! — восклицали наши оппоненты. — Они заполнены демонстрантами, требующими мира. А почему таких демонстраций нет у вас? Кто же тогда за мир, а кто — против?

Хотелось спросить: невежда ты или провокатор? Но ради просвещения многих и многих тысяч людей, никогда не бывавших в СССР, приходилось разъяснять, что в нашей стране почти ежедневно проходят массовые собрания — производственные, колхозные, профсоюзные, комсомольские, партийные. И очень часто на них именно вопросы защиты мира стоят в центре внимания. Они также стоят в центре внимания и Пленумов ЦК, сессий Верховного Совета СССР...

Еще один пример. На большой пресс-конференции, посвященной теме «Литература и мир», в тот момент, когда я говорил о содержании советских книг, удостоенных Ленинской или Государственной премии, из зала вдруг раздался истерический выкрик:

— Афганистан!

Захотелось не просто дать отпор провокатору — им оказался корреспондент одной из американских

газет,— но и высмеять его. Прервав выступление, я сказал:

— Желаете поговорить об Афганистане? Что ж, я к вашим услугам, хотя к теме конференции вопрос не относится. Но отвечу. Своим выкриком вы явно хотите осудить нас. Но это предполагает, что вы — человек, осведомленный в афганских делах. Тогда позвольте задать контрвопрос: знаете ли вы, какова, хотя бы примерно, протяженность границы между Советским Союзом и Афганистаном?

Молчание.

— Вопрос ко всем западным журналистам, собравшимся в зале: кто знает?..

Молчание.

— Почти две с половиной тысячи километров! Теперь об этом вы знаете. Но известно ли вам о другом? О том, что против ДРА извне ведется необъявленная война? И ведется она руками басмачей-душманов, экипированных американским оружием и творящих поистине кровавые дела. Как же нам не выполнять наш договор с Афганистаном, не помочь ему защитить Апрельскую революцию от интервентов и тем самым обезопасить и нашу границу... Есть ли еще вопросы?

— Ваш договор с Афганистаном ничего не стоит! — не унимался американец.

Я спросил:

— А у вашей страны есть какие-либо двусторонние договоры и соглашения?

— Гм-м... Ну, наверное, есть.

— Объявляю, что все они ничего не стоят.

На этот раз в зале раздался смех...

В общем-то, наша советская, социалистическая правда, как правило, на международных литературных форумах побеждает. В 1982 году на международной литературной встрече в Гааге зал буквально затих, когда С. Михалков с трибуны задал вопрос:

— С чего бы это древним камням Европы становиться полем ядерных битв? Того ли мы хотим для нашей цивилизации?..

Ответ?

Им можно считать единодушную поддержку собравшимися писателями советского предложения

об одновременном роспуске блока НАТО и военной организации стран Варшавского Договора. И в минувшем году на международной литературной встрече в Софии писатели были единодушны: мир, а не война; соревнование двух систем, а не ядерное противоборство.

Сотни талантливых, убежденных людей, коммунистов и беспартийных, с различных трибун говорят правду о советской литературе, о том, что она отражает сознание народа и, следовательно, по книгам нашим мир может знать, чем живет советский народ; жаждет ли он, потерявший в последней войне миллионы своих граждан, новой войны или сражается за прочный мир на всех фронтах: политическом, дипломатическом, экономическом и, конечно же, на литературном.

Мы терпеливо спорим с теми писателями, у которых предвестники атомной катастрофы, всякие политические коршуны и ястребы хотят выклевывать сердца и заменить их кусками льда «холодной войны», захватить литераторов в плен своих ложных представлений и верований...

Мы смело идем, если нас вынуждают к этому, на идеологическую борьбу с добровольными или платными литературными агентами НАТО, ЦРУ или Пентагона. И предпочитаем срывать маски с лиц таких людей не «втихую», а на глазах миллионов, например, перед объективами телекамер, пусть люди сами судят о том, кто прав, а кто виноват!

В современной идеологической борьбе мы, литераторы, не стоим в стороне, а стремимся занять «огневые позиции». Да, на эту битву мы считаем себя «мобилизованными и призванными». Своей совестью. Своей глубокой верой в то, что наше дело правое. Своими сердцами, в которых живет преданность коммунистическим идеалам.

А тем, кто грозит нам не только идеологическими диверсиями, но и ракетами, ответим словами старой революционной песни:

Войны мы не хотим,
Но в бой готовы.
Ковать мы не дадим
Для нас оковы!..

В МУТНОМ ЗЕРКАЛЕ «СОВЕТОЛОГИИ»

Двести с лишним антикоммунистических институтов заняты распространением «большой лжи» о России и Советском Союзе. 75 процентов диссертаций «советологов» посвящено исторической тематике. Гуверовский институт — более двадцати исследований «советологов» ежегодно.

Множество людей в разных странах планеты стремится глубже познакомиться с достижениями социалистической цивилизации, с образом жизни и духовным миром человека социалистического общества. Одновременно за рубежом растет желание больше узнать о дооктябрьском периоде истории России, постичь «корни революции». Не случайно исследования, посвященные родине Октября, сегодня одна из самых распространенных отраслей исторического знания.

Но далеко не всегда путь к исторической правде прост и ясен. В мире капитала, особенно в Соединенных Штатах Америки, на этом пути нагромождаются горы лжи об СССР. Господствующая здесь антикоммунистическая идеология пытается направить интерес к реальному социализму по ложному руслу. «Большой лжи» антикоммунизма служат дифференцированные методы антикоммунистической обработки различных социальных групп. Наряду с приемами «лозунговой» антикоммунистической риторики, предназначенной для малообразованных обывателей, в США широко используются ныне наукообразные способы борьбы с коммунистическим мировоззрением, тактически более пригодные для воздействия на буржуазную интеллигенцию. Область существования и реализации наукообразного антикоммунизма охватывает прежде всего систему высшего образования и сферу общественных наук, научно-исследовательские и педагогические антикоммунистические институты (в США

их более двухсот), в свою очередь тесно связанные с «истэблшментом», то есть с господствующими политическими партиями, правительственными и неправительственными политическими учреждениями.

Широкое развертывание наукообразного антикоммунизма приходится на период после окончания второй мировой войны. Это связано с новым этапом кризиса мирового капитализма, образованием мировой социалистической системы, ростом национально-освободительного движения. Указанные факторы побудили США как ведущую империалистическую державу, обладавшую наибольшим идеологическим, военно-политическим, экономическим влиянием в западном мире, развернуть широкую, антикоммунистическую в своей основе программу комплексных научных исследований различных регионов и стран мира. Такие исследования, потребовавшие привлечения и массовой подготовки специалистов в различных областях науки, получили название «междисциплинарных», «полидисциплинарных» или «мультидисциплинарных» международных исследований. В 70-е годы число иностранных государств, ставших объектами «мультидисциплинарного» изучения, достигло ста восьми, причем третью часть всего изучаемого объема составили социалистические страны, прежде всего СССР.

Основным продуктом «полидисциплинарных» международных исследований и одновременно главной наукообразной разновидностью антикоммунизма, его важнейшим теоретическим компонентом стала так называемая «советология». «Советология» подразумевает не просто подключение к общей антимарксистской тенденции буржуазного общественнознания каких-то очередных идеологических концепций, выдержанных в духе антикоммунизма. В широком смысле слова «советология» — это наукообразный антикоммунизм, ставший массовой профессией, органической частью всей буржуазной общественной науки. «Советолог» — это собирательное понятие, определяющее род занятий буржуазных ученых различных специальностей, для которых фальсификация марксизма-ленинизма,

извращение теории и практики строительства социализма и коммунизма, истории и духовной культуры социалистических наций составляет профессию, как правило, дело целой жизни.

Вне всякого сомнения, основная масса американских «специалистов по России и Советскому Союзу» была сформирована «сверху», в результате соответствующих решений правительства США. Принятый американским конгрессом в 1968 году «Закон об образовании в интересах национальной обороны» и другие законодательные акты более позднего периода предусматривали крупные ассигнования на подготовку кадров «советологов». В результате появился сначала небольшой, а затем довольно значительный отряд «советологов», — в США их называют «людьми, связанными с правительством». О масштабах развернувшейся работы говорят следующие данные: в 1956—1962 годах в США было опубликовано около девяти тысяч монографий и статей, посвященных России и Советскому Союзу. В настоящее время в американских университетах ежегодно по этой же проблематике защищается около двухсот диссертаций.

В узком смысле слова «советология» — это название буржуазной «науки о коммунизме», начавшей развиваться с начала 60-х годов одновременно в ряде стран Западной Европы и США (само слово «советология» было изобретено известным антимарксистом Й. Бохеньским, постоянно живущим в Швейцарии). Термин «советология» вскоре завоевал популярность и стал шире, чем подобные ему, вводиться в употребление буржуазными идеологами. При этом всячески рекламировалась претензия «советологии» на академичность, принимавшая даже форму критики «антикоммунистов-непрофессионалов».

Понятие «советология» широко используется и по сей день, хотя его первоначальный «теоретический» оттенок немало изменился. Правительственные круги, выделявшие средства на «советологию», в отличие от самих «советологов», были мало озабочены соображениями «теоретического престижа», они хотели бы ее видеть эффективной, прежде всего в практически-политическом плане. Соответ-

ственно этому социальному заказу изменялся облик «советологии» на протяжении двух десятилетий ее существования. Она все более политизировалась, вторгалась в различные области, подчас самые специальные, технические, в поисках новых методов борьбы против социализма, которые учитывали бы специфику различных стран и конкретные политические ситуации. Иными словами, наукообразный антикоммунизм все теснее привязывался к интересам практической политики империализма США.

В то же время «советология» продемонстрировала свою маломощность, неспособность давать перспективные политические рекомендации правительственным кругам. Эта неспособность в буквальном смысле слова привела к потере ею кредита у правительства США, то есть к определенному снижению федеральных ассигнований на ее нужды. С конца 60-х годов федеральные расходы на «советологию» постепенно уменьшались. Например, в 1967 году они составляли 40,6 млн. долл., а в 1972 году — 38,5 млн. долл.

«Академическая» репутация «советологии» также оказалась основательно подмоченной в результате неизменной поддержки ею политических и пропагандистских акций правительства США, направленных на обострение международной обстановки, на идеологические, иные диверсии против стран социализма.

СОБЫТИЯ ФАКТЫ СУЖДЕНИЯ

«Сегодня нашу борьбу надо вести, выступая широким политическим фронтом, вместе со всем борющимся народом в нашей стране. Не должно быть больше писателей-одиночек. Не должно быть бездумных болванов... Нельзя допустить, чтобы мы оказались беззащитными, изолированными, как в годы маккартизма. Такое никогда не должно повториться».

Меридел Лестер, американская писательница

Таков в нескольких штрихах малопривлекательный образ наукообразного антикоммунизма и его главного детища — «советологии». Из сказанного, думается, нетрудно понять, почему буржуазная интеллигенция в последнее время довольно критически воспринимает термин «советология» и почему даже многие «советологи», заботясь о своем «академическом» статусе, предпочитают не называть себя «советологами». Престиж «советологии» падает, и возможно, что в будущем антикоммунисты изобретут другую «логию», какой-либо новый термин. Но суть дела, конечно, не в словах, а в гораздо более живучем феномене профессионального антикоммунизма, его способности принимать привлекательный облик, его влияния (иначе он и не заслуживал бы специального рассмотрения).

Жизнеспособность этого феномена легче понять, если описывать его не как совокупность сформировавшихся идей, готовых антикоммунистических концепций, а как продолжающийся процесс целенаправленного, характерного для современной действительности США государственно-монополистического регулирования общественной науки в интересах правящего класса. В этом ракурсе ведущие теоретические константы «советологии» высвечиваются более рельефно.

В таком случае они могут быть объяснены не столько индивидуальными склонностями «советологов», сколько представлены как порождение широко развитой организационно-идеологической структуры «советологии». Образование этой структуры диктовалось актуальной для правящих кругов США потребностью формирования специалиста «нового типа», способного вести преподавательскую, исследовательскую, пропагандистскую деятельность, нацеленную на идеологическую борьбу против СССР, работать в системе средств массовой коммуникации или в различных правительственных ведомствах. Для этой цели и объединились историки, философы, социологи, политологи, литературоведы и экономисты.

Ведущую роль в этом эклектическом «мультидисциплинарном» объединении захватили историки. Исторической тематике посвящается бóльшая

часть защищаемых «советологами» диссертаций (в отдельные годы — более 75 процентов от общего числа), а также основная масса журнальных статей и монографий. Историки также формируют, как правило, бóльшую часть состава профессиональных ассоциаций «советологов». Например, в крупнейшей из них, Американской ассоциации развития славянских исследований (АААСС), включающей свыше двух тысяч пятисот членов, больше половины составляют историки.

«Исторический крен» «советологии», ее, так сказать, историцизм — это, разумеется, не научный историзм, не рассмотрение общественных явлений с конкретно-исторической точки зрения, в их развитии. Это псевдоисторизм, в основе которого проецирование исторических явлений и фактов в настоящее и будущее, иллюстрация антикоммунистических спекуляций разного рода надуманными историческими параллелями, смешение прошлого и настоящего, фальсификация того и другого. Исключительно на формально-исторических параллелях была основана в период «холодной войны», например, пресловутая концепция «советско-русского тоталитаризма и экспансионизма», вполне соответствовавшая агрессивным устремлениям американского империализма и отнюдь не исчерпавшая себя, напротив, ставшая источником антикоммунистического вдохновения нового поколения «советологов» в 80-е годы.

В «академическом» аспекте для «советологов» весьма плодотворной представляется такая область исторического знания, как история русской культуры и философии. Обращение к философии, которую К. Маркс называл «живой душой культуры»¹, конечно, вовсе не свидетельствует о бескорыстном академическом интересе «советологов» к личности и идеям, скажем, дворянского революционера А. Н. Радищева, революционного демократа Н. Г. Чернышевского, славянофила И. В. Киреевского, дворянского просветителя П. Я. Чаадаева или реакционного публициста К. Н. Леонтьева.

Идеи русских мыслителей интересуют их, чаще

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 105.

всего, в одном плане: как бы перетолковать их таким образом, чтобы можно было тенденциозно, в извращенном виде представить генезис ленинизма, процесс распространения марксистских идей в России, взаимодействие национального и интернационального в ее культуре, историю развития социалистических идей, их роль в освободительном движении.

Фальсифицируя историю русской культуры, идеологи самодержавно-империалистической России еще до Октября, а затем в контрреволюционной эмиграции создали множество всякого рода антимарксистских «теорий», мифов и пророчеств, которые в своем первоизданном виде сравнительно мало известны на Западе. Это облегчает «советологам» возможность использовать их исподволь, а подчас и выдавать за последние достижения буржуазной науки. Так археология давно скомпрометировавших себя идей превращается в область «новейших» открытий и псевдонаучных откровений. Как не вспомнить здесь антикоммунистическую шумиху, поднятую идеологами российской либеральной буржуазии после поражения первой русской революции против материалистической, атеистической, социалистической традиций в русской культуре, публикацию ими сборника «Вехи», который В. И. Ленин назвал «сплошным потоком реакционных помоев, вылитых на демократию»¹. Бежовская концепция истории русской литературы и поныне, явно или неявно, присутствует на страницах буржуазных «советологических» изданий, что служит хорошей иллюстрацией отмеченного выше «историцизма» «советологии», в данном случае, архаичности ее основных аргументов.

Конечно, странствующие богоискатели-антикоммунисты из числа бывших веховцев, предпринимавшие, подобно Н. Бердяеву или П. Струве, попытки основать на Западе первые антисоветские исследовательские институты, даже и мечтать не могли о таких беспрецедентных по своим масштабам антикоммунистических спекуляциях на материале

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 173.

истории русской культуры, какие развернулись в США в 60—70-е годы и продолжаются по сей день. Русская «интеллектуальная история» превратилась из экзотического объекта, привлекавшего внимание узкого круга специалистов, в целое течение современного буржуазного общественнознания. Быстрый рост американских «советологических» изысканий привел к возникновению особого жанра антикоммунистической литературы, своего рода «историко-философскому» и «культурологическому» антикоммунизму.

Американские исследования в области истории русской культуры складывались вначале под влиянием более развитой европейской славяноведческой традиции Масарика, Койре, Веттера, Бохеньского, Эктона, но главным образом под воздействием работ русских религиозных мыслителей-антикоммунистов — представителей послеоктябрьской эмиграции, ставших международными антикоммунистами — В. Зеньковского, Н. Лосского, Б. Вышеславцева, Н. Бердяева. С. Булгакова, С. Франка, Л. Шестова. Кроме того, следует заметить, что очень значительную роль в организации и чтении лекционных курсов по русской истории и культуре и в подготовке соответствующих специалистов сыграли работавшие в США эмигранты-историки М. Ростовский, А. Васильев, Г. Федотов, М. Флоринский, Г. Флоровский, М. Карпович, А. Лобанов-Ростовский, В. Рязановский, Л. Страховский, Г. Вернадский, а также «советологи» русского происхождения А. Мазур, Н. Рязановский, М. Раев, С. Зеньковский, А. Гершенкрон. Антикоммунизм, опора на исторически изжитые антидемократические идеи, выработанные русскими буржуазными философами начала XX века, а затем послеоктябрьскими эмигрантами, придали большей части американских «исследований русской мысли» односторонне тенденциозный, откровенно ненаучный характер.

В процессе формирования в начале 60-х годов буржуазной «советологии» широко использовался опыт послевоенных антикоммунистических изысканий по истории русской культурологической мысли. Некоторые известные американские антикоммунисты либо начинали свою карьеру как «специалисты

по истории русской мысли» (Р. Пайпс, Д. Биллингтон), либо обратились к ней впоследствии, уже будучи известными теоретиками антикоммунизма (Д. Тредгоулд, А. Улам).

Вся работа «советологов» направляется разветвленной структурой «славянских» или «русских» факультетов, отделений, центров и других «полидисциплинарных» организаций, имеющих ныне практически при каждом университете. Так в основе деятельности Центра славянских и восточноевропейских исследований университета штата Огайо (г. Колумбус) лежит «славянская и восточноевропейская программа», в реализации которой участвуют пятьдесят семь квалифицированных специалистов из двадцати одного подразделения университета. Она включает научные исследования и преподавание в области экономики, финансов, географии, истории, журналистики, истории искусств, права, лингвистики, философии, музыки, политических наук, психиатрии, психологии и социологии. Центр осуществляет программу подготовки специалистов высшей квалификации в области «советологии», в частности преподавателей, способных читать университетские лекционные курсы «Русская история», «История русской цивилизации», «Введение в изучение Советского Союза» и другие. Такого рода «советологические» центры располагают, как правило, гораздо более мощной материальной базой, чем обычные гуманитарные подразделения университетов, поскольку получают специальные дотации из многих источников: из штатного и федерального бюджета, частных фондов и др.

Особое место среди антикоммунистических организаций подобного типа занимает старейший и наиболее реакционный «советологический» центр — Гуверовский институт войны, революции и мира, располагающийся на территории Стэнфордского университета, в г. Пало-Альто, неподалеку от Сан-Франциско. Он был основан в 1919 году тридцать первым американским президентом, крупным промышленником Г. Гувером. «Целью этого учреждения, — писал президент, — должна быть демонстрация с помощью исследований и публикаций той угрозы, которую несут с собой доктрины

Карла Маркса... чтобы таким образом защитить американский образ жизни от этой идеологии, ее заговоров, а также вновь подтвердить правильность американского образа жизни». Уже по одному этому высказыванию можно судить о реакционном характере деятельности института. Первый антикоммунистический институт в США за шестьдесят пять лет своего существования собрал огромную библиотеку, посвященную России: 263 тысячи названий книг, 3500 названий периодических изданий, 650 названий газет, 950 различных коллекций архивных материалов. Он пользуется особым покровительством нынешнего президента США. Здесь хранятся личные архивы Р. Рейгана и некоторых членов его администрации, например, министра обороны К. Уайнбергера. Институт имеет мощную материальную базу, собственное издательство, ежегодно публикующее более двадцати книг. В штате института около пятидесяти сотрудников, в основном экономистов, историков, юристов, политологов и социологов. До последних дней своей жизни в Гуверовском институте работал А. Ф. Керенский. Институт известен как пристанище ренегатов коммунистического движения, «экс-коммунистов» из различных стран. Излишне доказывать, что руководство этой «независимой организации» (так официально именуется институт) крайне враждебно ко всему, связанному с СССР. Слова о «независимости» этого института являются постоянным объектом саркастических насмешек американских ученых, ибо для всех очевидна его зависимость от антикоммунистической политики правящих кругов США.

Между тем в Гуверовском институте сосредоточены богатые архивные материалы, представляющие большой научный интерес, в частности неопубликованные рукописи многих революционных мыслителей России XIX века. Большая их часть находится в коллекции, собственником которой был эмигрант-меньшевик Б. Николаевский. Она включает неопубликованные материалы по истории народного движения и истории РСДРП, документы, касающиеся трех русских революций, истории и деятельности I, II и III Интернационалов, списки

революционных организаций, письма, статьи, мемуары, листовки, фотографии и другие материалы, относящиеся к истории русского революционного движения, личные бумаги А. И. Герцена, М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова, Г. В. Плеханова.

Большой интерес представляют также собрания Русского (Бахметьевского) архива Колумбийского университета (Нью-Йорк), который содержит около 650 тысяч рукописей в 650 различных коллекциях. Здесь находится, в частности, архив М. М. Ковалевского (1851—1916), видного русского социолога и общественного деятеля буржуазно-либерального направления. Весьма интересны записанные им оценки творчества многих выдающихся ученых России и Европы, передаваемые им впечатления о личных встречах с К. Марксом и Ф. Энгельсом, П. Л. Лавровым, И. И. Мечниковым, Н. К. Михайловским и другими его выдающимися современниками. В фонде Ковалевского содержатся письма, адресованные известному русскому математику С. Ковалевской, родственнице социолога, большое количество писем Н. К. Михайловского, А. П. Чехова, И. С. Тургенева, И. И. Мечникова и других крупных деятелей русской науки и культуры. Важные сведения, характеризующие идейную эволюцию русского революционного народника П. Л. Лаврова, содержатся в его письмах, адресованных А. В. Вебер-Гольдшмидт. В других коллекциях Бахметьевского архива хранятся письма А. М. Горького, А. В. Луначарского, Г. В. Плеханова, М. Н. Покровского, имеющие большое историческое и культурное значение. Архивы Гуверовского института и большая часть коллекций Бахметьевского архива практически закрыты для советских ученых. Что касается американских исследователей, занимающихся историей русской культуры, то они редко обращаются к богатым архивным материалам, собранным в хранилищах США. Отчасти это объясняется тем, что им не хватает специальной квалификации для освоения всего этого архивного богатства, но главным образом тем, что подлинно научное изучение русской культуры не является основной целью работы тех людей, которые считаются специалистами в данной

области. Ведь зачастую направления и цели их исследовательской деятельности определяются не научными, а чисто негативными идеологическими соображениями, интересами антикоммунизма и антисоветизма. Такого рода специалисты обычно проникнуты не симпатией, а враждебным отношением к изучаемому предмету, поистине классовой неприязнью ко всему, что связано с Октябрьской революцией, социализмом, родиной ленинизма.

«Советологические» институты, ведущие исследования по истории русской культуры, по существу, монополизировали эту сферу научной деятельности. Ее «советологизация» реально означает доминирование приемов и методов интерпретации русской культуры, органически связанных с антимарксистскими, антикоммунистическими целями и установками. Можно добавить также, что здесь имеет место некоторая регламентация, поощрение определенной тематики и направления исследований, что осуществляется организациями, координирующими «советологию» на университетском, штатном и федеральном уровнях. Общенациональный масштаб координации обеспечивают междисциплинарные ассоциации «советологов», в частности, упомянутая выше Американская ассоциация развития славянских исследований, организационно оформленная в 1961 году. Ассоциация выпускает журнал «Славик ревью», различные информационные издания, периодически созывает конференции, на которых обсуждаются текущие и перспективные исследования по «русской интеллектуальной истории», публикует коллективные монографии.

Последнее коллективное издание этой организации под названием «Окна в русское прошлое» целиком посвящено критике марксистской методологии исследования истории России, развиваемой в трудах советских ученых. Его авторы рассуждают о «необъективности» советских историков русской культуры и философии, которая будто бы определяется «пагубностью» влияния «догматов марксизма-ленинизма». Д. Тредгоулд заявляет, например, что советские историки вообще некомпетентны в вопросах «истории идей» и что писать подлинную «русскую

интеллектуальную историю» должны не советские, а западные ученые¹.

Но разве можно назвать образцами объективного подхода фальсификацию, искусственную подгонку историко-философских фактов под антикоммунистические схемы? Возьмем, например, одну из тенденций «советологии», выражающуюся в противопоставлении культур России и Запада, утверждении о «непохожести» русского культурно-философского процесса и развития западных стран. Эта тенденция принадлежит к числу наиболее устойчивых в «культурологическом антикоммунизме», поскольку коренится не только в чувстве классовой ненависти буржуазии ко всему, что связано с родиной Ленина и Октября, но и в давно бытующих на Западе шовинистических русофобских настроениях.

Ее основой явилась точка зрения западоцентризма на развитие мировой культуры и философии, резкий культурно-философский изоляционизм, в конечном счете попытки доказать истинность «западного» (то есть капиталистического) пути развития. Для этого распространяются черно-белые противопоставления культур России и Запада, измышления о якобы неискоренимой враждебности России по отношению к Западу, извечном доминировании в ее культуре мессианистских, экстремистских и агрессивных тенденций. Все это смешивается с лестью и заискиванием перед буржуазным обывателем, считающим «свою» культуру высшей по сравнению с культурой всего остального мира.

Вторую тенденцию историко-философского антикоммунизма можно определить как клерикально-антикоммунистическую или религиозно-детерминистскую. Она более активно, чем первая тенденция, использует методологические приемы, выработанные религиозными модернистами российского империализма и самодержавия начала века, как и более современные, неотомистские варианты клерикального антикоммунизма. Конфессиональные различия при этом не играют существенной роли, главное — навязать западной интеллигенции мысль об

¹ The Windows in the Russian Past. Columbus, Ohio, 1977, p. 751.

«актуальности» или даже «революционности» религиозно-реформаторских идей, сформулированных в свое время идеологами эксплуататорских классов России в качестве альтернативы революционной борьбе пролетариата с царизмом. В качестве «оригинальной» модели «духовной революции», способной, по замыслу современных «советологов», произвести впечатление на западных интеллектуалов, предлагается набор религиозно-утопических проектов, выдвигавшихся идеологами российского буржуазного либерализма до Октябрьской революции. Таков, вкратце, замысел книги Дж. Ф. Патнэма «Русские альтернативы марксизму»¹. «Христианский социализм» и «идеалистический либерализм» в России начала XX века представлены здесь в виде «реальной альтернативы» научному социализму, а русское богоискательство начала XX века представлено в качестве защитника «политической свободы, социальной справедливости, экономического изобилия, совершенствования личности»². Приведенные образцы антикоммунистических измышлений по поводу истории русской философии вполне соответствуют демагогии буржуазных идеологов, о которой В. И. Ленин писал: «Лги, шуми, кричи, повторяй ложь — «что-нибудь останется»³.

Идейная беспринципность, ярко выраженная эклектика проявляется в стремлении «советологов» «поместить под одну крышу» разнородные традиции критики марксизма, идущие, с одной стороны, от западных социологов, пытавшихся наряду с «разоблачением» марксизма усвоить его отдельные элементы, а с другой стороны, от русских богоискателей, начисто его отвергавших. Так, уже упоминавшийся Д. Тредгоулд пропускает антимарксистские аргументы М. Вебера, содержащиеся в его работах о влиянии этики протестантизма на «дух капитализма», сквозь призму фальсификации «коммунизм — лжерелигия», изобретенной Н. Бердяевым.

¹ Putnam G. F. Russian Alternatives to Marxism. Christian Socialism and Idealistic liberalism in Twentieth Century Russia. Knoxville, University of Tennessee Press, 1978.

² Ibid., p. 158.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 217.

Выступая против марксистских исследований, он утверждает, что анализ социально-экономических условий, в которых протекало развитие русской культуры на протяжении столетий, не может объяснить «того, что происходило» в сфере культуры. Главным фактором, определявшим от века развитие русской культуры, Тредгоулд объявляет православную религию, а целью своего «культурологического» исследования истории России — отыскание связи между «сущностью советского коммунизма... и византийско-русской традицией православной христианской этики»¹.

Наиболее значительными и оригинальными представителями русской культуры, по Тредгоулду, были те, которые синтезировали «западные культурные достижения» с «восточноправославными традициями» (таковых он называет «синкретистами»). Высшим же проявлением «синкретизма» Тредгоулд считает деятельность представителей «религиозного ренессанса» в буржуазно-помещичьей культуре России начала XX века. Одновременно Тредгоулд откровенно принижает представителей демократической культуры. Так, он без всяких оснований заявляет, что Радищев не оказал «существенного влияния» на русскую культуру, поскольку был «забыт» вплоть до Пушкина. Совсем иное дело — «пиетизм, протестантский схоластицизм, масонство», оказавшиеся, напротив, «очень влиятельными» и продуктивными. Буквально по-веховски интерпретирует Тредгоулд представителей демократической, социалистической традиции в русской культуре, особенно русских марксистов, будто бы «безразличных к ценностям русского народа».

Книги, выполненные в духе клерикально-антикоммунистической тенденции, задумываются чаще всего как научные работы, хотя их содержание не обязательно соответствует этой вывеске. Возьмем, например, последнее произведение известного «советолога», ведущего сотрудника «Кеннановского института усовершенствованных русских исследований» Дж. Биллингтона «Огонь в умах людей. Ис-

¹ Treadgold D. The West in Russia and China. Vol. I, Russia. 1472—1917. Cambridge University Press, 1973, p. 344.

токи революционной веры»¹. В этом псевдонаучном трактате по истории европейской социалистической мысли на все лады перепевается фальсификаторская идея о том, что революционеры всех времен и народов являлись религиозными фанатиками, проповедниками религии особого рода. (Сравните это с определением понятия «революционер», данным веховцем С. Франком: «Воинствующий монах нигилистической религии земного благополучия».) «Автор настоящей книги,— пишет Дж. Биллингтон,— склонен верить, что политической религии (то есть социализму.— М. М.), которая видит в революции начало справедливого общества, может наступить конец». Как именно наступит конец ненавистного ему социализма, Биллингтон сказать затрудняется, но тем не менее хочет, чтобы читатели разделили его собственную веру в некую «религиозную эволюцию», которая покончит с социализмом в XXI веке.

Больше всего глубокомысленных нелепостей содержат страницы книги, посвященные истории социализма в России. Революционное движение, развивавшееся здесь, заявляет Биллингтон, обязано было бы исключительно бурному развитию химии и открытию новых взрывчатых веществ (60—70-е го-

СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ

С момента прихода к власти администрации Рейгана правые организации внесли в свой «черный список» до шестисот наименований книг, свидетельствует профессор Иллинойского университета Ч. Харрис. По сведениям комитета против цензуры, образованного национальной ассоциацией учителей английского языка, в 1982 году в 58 процентах американских школ под давлением правых была проведена «чистка» библиотек.

Из американской печати

¹ Billington J. H. Fire in the Minds of Men. Origins of the Revolutionary Faith. N. Y., 1980.

ды XIX века), которые сразу же стали использоваться революционерами как средство «террора» и «насилия». Вот почему, делает «открытие» Биллингтон, в среде русских революционеров самым популярным ученым был Д. И. Менделеев, а наиболее известным деятелем искусства — химик и музыкант А. П. Бородин. И наконец, к «химическим метафорам» обращался будто бы и Чернышевский для «обоснования нового революционного аскетизма». Конечно, обнаружить что-либо «научное» в подобных книгах весьма трудно. Поистине, лишь посредством какой-то особой «советологической» логики можно обнаружить прямую, непосредственную связь между религией, химией и революцией.

И вот в руки тех, кто действительно хотел бы познакомиться с неисчерпаемыми богатствами русской классической культуры, неизбежно попадают «научные» монографии, подобные книге Биллингтона. И таких книг выходит немало, в чем легко можно убедиться, просмотрев любой номер журнала «Нью-Йорк ревью оф букс», печатающего книжные обзоры. Два-три «исследования» подобного типа обязательно попадутся на глаза.

Поскольку такие книги претендуют на научность, то стандарты массового, буржуазно-обывательского антикоммунизма тут все же мало годятся. Больше идут в ход «интеллектуализированные» формы антикоммунизма, облеченные в концептуальную форму, выраженные как «доктрины» или «теории».

Среди антикоммунистических доктрин, оказавших наибольшее влияние на американские исследования в области истории русской культуры, особо выделяется концепция модернизации, или «вестернизации» (от слова «Вест» — Запад). Сторонники данной концепции, применяющие ее к истории русской культуры, формируют третью тенденцию культурологического антикоммунизма, рассматриваемого здесь.

Не следует заблуждаться относительно слова «модернизация», создающего лишь видимость признания реальных социальных изменений. В действительности эта теория, направленная против марксистского понимания роли и значения классовой

борьбы, революции, развития национально-освободительного движения, является апологетикой капитализма. Она «снимает» вопрос о революционных изменениях и их закономерном характере, целиком переводя его в плоскость культурной и технологической эволюции, которая будто бы всегда осуществлялась и осуществляется по западному образцу. Общесоциологическая аргументация этой концепции была уже подвергнута критическому анализу в партийной и философской печати, поэтому нет необходимости останавливаться на этом вопросе подробно. Менее известно, что эта теория интенсивно «обкатывается» также и на эмпирическом материале истории русской философии, в частности такими «советологами», как Р. Пайс, В. Гэйвин, Т. Блэйкли и другими.

Введение ее в научный обиход потребовало, правда, некоторой перестройки традиционных западоцентрических установок американской русистики. «Советологические» концепции, обосновавшие социальную, культурную и вытекающую отсюда «философскую отсталость» России, все чаще сменяются концепциями, признающими относительную историко-культурную и теоретическую ценность русской общественной мысли. Сторонники такого подхода утверждают, что Россия не так уж далека от Запада, поскольку она в XVIII—XIX веках проходила в своем развитии ту же, что и Запад, но видоизмененную фазу модернизации, ориентируясь на «западную модель», трактуемую предельно широко, с включением не только социально-экономических признаков, но и культурных, философских и даже эмоционально-психологических характеристик. Отсюда делается, в частности, вывод о правомерности сравнения общественной мысли России, Европы, Америки. Наиболее характерным исследованием в духе этой тенденции является книга В. Гэйвина и Т. Блэйкли «Россия и Америка: философское сравнение»¹.

Указанные изменения привели также к более широкому исследованию различных течений революционной мысли и некоторому ограничению

¹ Gavin W. J. Blakely T. G. Russia and America: A Philosophical Comparison. Dordrecht. 1976.

огоульно-отрицательных оценок русской материалистической философии, которые были свойственны предшествующим поколениям буржуазных авторов. Тем не менее фальсификаторская логика «теории модернизации» ведет к намеренному размыванию социально-классового содержания философских идей, обосновывает особую форму извращения реального содержания прежде всего революционно-демократической мысли. В соответствии с ее установками «легко» превратить либеральные идеи в революционные, и наоборот. А. Вусинич, например, в книге «Общественная мысль в царской России» рассматривает социологические учения революционных демократов Н. Г. Чернышевского и Д. И. Писарева, революционных народников П. Л. Лаврова и М. А. Бакунина, либеральных социологов М. М. Ковалевского и Б. А. Кистяковского, махиста А. А. Богданова как однопорядковые построения внутри единого течения модернизации, охватившего Россию в пореформенный период¹.

В рамках этого подхода не отрицается прогрессивное значение для России ряда философско-теоретических положений, высказанных Писаревым, Лавровым, Чернышевским и другими революционными мыслителями. Но делается весьма существенная оговорка: эта революционность определялась не непосредственным содержанием данных идей, а теми специфическими условиями, в которых они высказывались. Иначе говоря, в самодержавной России наблюдалось будто бы нечто вроде «ревалюации» либерализма до уровня революционности, происходило превращение либеральных идей в революционные (утилитаризм становился основой революционной этики, позитивизм превращался в философский фундамент революционных идеологий и т. д.). Борьба передовых мыслителей за революционные преобразования в русском обществе представляется, таким образом, частным случаем осуществления процесса «культурной вестернизации», а пропаганда передовых научных знаний — разновидностью абстрактного «сциентизма».

¹ Vucinich A. Social Thought in Tsarist Russia. The Quest For a General Science of Society, 1861—1917. Chicago and London, 1976.

Намеренное стирание граней, отделяющих разнородные философские и политические течения русской общественной мысли, не является, однако, новостью для буржуазной историографии. Этот прием широко использовали идеологи контрреволюционной эмиграции для возрождения «неоконсерватизма» и критики коммунистической идеологии. С.-Л. Франк, например, настаивал на устранении понятий «правое» и «левое» из политического и философского лексикона и утверждал, что их надо употреблять в «чисто формально-общем», «универсально-социологическом смысле», поскольку «сами понятия «правого» и «левого» начали становиться все более случайными, шаткими... становились призрачными и неактуальными»¹.

К идейному союзу контрреволюционно-эмигрантской и «советологической» историографии русской культуры в последнее время все чаще примыкают ревизионисты. В кругах антикоммунистов, в частности, усиленно пропагандируются книги польского эмигранта-антимарксиста, одного из «теоретиков» польской контрреволюции Л. Колаковского. Дж. Биллингтон, например, рекламирует его работу «Главные течения в марксизме» как «блестящую, богатую в философском отношении историю марксизма»². Между тем книга Колаковского не отличается какими-либо методологическими новациями. Так, в своей интерпретации формирования ленинизма автор повторяет реакционную идею о его чисто «русской природе», используя аргументацию меньшевиков, троцкистов, буржуазных «советологов» (правда, без ссылок на источники, необходимых в таких случаях). Если и есть какие-то особые отличия в подходе Колаковского к истории русской культуры, то они видятся в необычно враждебном (даже по антикоммунистическим стандартам) тоне по отношению ко всей культуре России, нескрываемом презрении к революционной интеллигенции и

¹ Франк С.-Л. По ту сторону правого и левого. Париж, 1972, с. 42.

² Billington J. H. Fire in the Minds of Men: Origins of Revolutionary Faith. N. Y., 1980, p. 12.

русифобии. Колаковский вообще не видит ничего продуктивного в русской истории и культуре, целиком сводит ее к торжеству «восточного деспотизма», «азиатской сатрапии», рассуждает об «исконной слабости русской интеллектуальной культуры», в том числе философии, клеветнически заявляет, что русские мыслители были «неспособны к систематизации своих мыслей, тщательному анализу понятий или к оценке логической ценности аргументов»¹.

Популярна среди «советологов» и книга польского философа А. Валицкого (ныне работающего за границей), вышедшая в США под названием «История русской мысли от Просвещения до марксизма». Валицкий поддерживает ревизионистскую идею о существовании в России двух линий интерпретации Маркса — детерминистской и волюнтаристской (первая линия — плехановская, вторая — ленинская, идущая якобы от народничества). В его объемистой книге (это самое обширное исследование по истории русской философии, вышедшее на английском языке после книги эмигранта Н. О. Лосского «История русской философии») нет ни одной ссылки на работы советских авторов, зато она пестрит цитатами из книг американских «советологов». Более того, он прямо заявляет, что исследования американских «специалистов по интеллектуальной истории России», с которыми познакомился Валицкий, обучаясь в США на стипендию фонда Форда, оказали на него решающее влияние. Многие представления Валицкого о специфике русской философии прямо перекликаются с идеями Колаковского. Оригинальность русской философии, по Валицкому, заключается не в ее теоретических достижениях, а в «привилегии отсталости», которая позволяла ей смотреть на собственные проблемы с точки зрения «более развитых стран»².

Центральной темой ревизионистских и «советоло-

¹ Kolakowsky L. Main Currents of Marxism, vol. 2. Oxford University Press, 1979, p. 308.

² Walicky A. A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism. Stanford University Press, 1979, p. XVI.

логических» исследований истории русской философии давно стало отыскивание прямой связи ленинизма с различными течениями домарксистской общественной мысли России. В бесчисленных статьях, книгах и диссертациях о «русских корнях ленинизма» проводится клеветническая мысль о «национальной ограниченности» теоретического содержания ленинизма, его «долге» различным течениям домарксистской мысли. Для сторонников этой ложной концепции, в сущности, не важно, кто же именно будет выступать в качестве «русского источника» ленинизма, поскольку в качестве такового называются Бакунин, Ткачев, Чернышевский, Огарев, Нечаев и даже представители различных мессианистских религиозно-экстремистских мировоззренческих направлений. Важно другое — любыми средствами подкрепить тезис об отсутствии преемственности и единства марксизма и ленинизма, использовать любую возможность для того, чтобы представить ленинизм не международным, а сугубо региональным, «восточным», «русским» явлением. В последнее время «советологи» пытаются усовершенствовать лжетеорию об «узконациональной природе ленинизма». Д. Харди, автор последней американской монографии о революционном народнике заговорщического направления П. Н. Ткачеве, считает

СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ

«При беспримерном материальном прогрессе общество в Штатах искалечено, развращено, полно грубых суеверий и гнило. Таковы политики, таковы и частные лица. Во всех наших начинаниях совершенно отсутствует или недоразвит и серьезно ослаблен важнейший элемент всякой личности и всякого государства — совесть. Я полагаю, что настала пора взглянуть на нашу страну и на нашу эпоху испытующим взглядом, как смотрит врач, определяя глубоко скрытую болезнь».

Уолт Уитмен

«преувеличением» попытки ее предшественников вывести ленинизм напрямую из «ткачевизма». Вместе с тем, заявляет она, существует «реальная связь» Ленина с заговорщическим направлением революционного народничества, вследствие чего можно говорить, что социалистическая революция в России была совершена «не только по Марксу, но и по Ткачеву»¹.

Обширный эмпирический материал, собранный Харди, никак не согласуется с приведенными выше выводами о «реальной связи» между Лениным и Ткачевым, напротив, он противоречит им. Это отнюдь не единичный пример, когда антиленинские предубеждения настолько глубоко укоренились в сознании буржуазного исследователя, что он следует за ними, не желая замечать, насколько это не увязывается с реальной картиной истории идей. В этих случаях полуправда или частичная правда так или иначе соединяется с «большой ложью» антикоммунизма.

Без сомнения, ленинизм не является продуктом каких-либо «специфических русских» философских и культурных традиций, и марксисты призваны разоблачать всевозможные измышления на этот счет. Однако ленинизм не отбросил прогрессивные завоевания демократической культуры прошлого, а явился их логическим продолжением и развитием. «Почва для восприятия и применения марксизма в России,— указывается в Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина,— была подготовлена ее социально-экономическим развитием, остротой классовых противоречий, революционными традициями, которые восходят к крестьянским восстаниям, к деятельности А. Н. Радищева и декабристов, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и других демократов-шестидесятников, революционных народников 70-х годов XIX века»². Тщетность попыток буржуазных «советологов» опровергнуть

¹ Hardy D. Peter Tkachev, the Critic as Jacobin. Seattle, University of Washington Press, 1977, p. 314.

² К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина, Тезисы ЦК КПСС. М., Политиздат, 1970, с. 9.

интернациональный характер ленинизма доказана всем ходом современного исторического развития, практикой международного коммунистического движения.

* * *

С чисто внешней стороны, в силу своей «научности», «советология» может показаться малоискушенному западному наблюдателю в чем-то даже привлекательной. Быстрое расширение, специализация, интенсификация «советологических» исследований, их щедрое финансирование, высокая техническая оснащенность, координация на различных уровнях, другие моменты действительно привлекают ученых, ищущих надежный источник средств к существованию (что особенно важно для американских интеллигентов гуманитарных специальностей, испытывающих трудности с устройством на работу). В то же время «советологию» питают в кадровом отношении многочисленные любители легкой наживы, политики, карьеристы, слывающие «учеными», «специалистами по России» лишь благодаря широко известному дремучему невежеству американского общества в отношении всего «неамериканского». Засилье псевдоученых в американской русистике периодически вызывало, особенно в период разрядки, нескрываемое раздражение со стороны квалифицированных специалистов. Так, А. Даллин, историк из Стэнфордского университета, еще в 1973 году призывал покончить с бесконтрольным вмешательством в науку примитивных «русских клише», то есть набивших оскомину идеологических штампов, всех этих «балалаек, бород, бомб и Бердяева»¹. Сейчас, когда прошло десять лет после критических высказываний Даллина в адрес «советологов», можно констатировать, что никакого преодоления штампов и предубеждений в американской славистике не произошло. Напротив, в силу известных политических и идеологических процессов начала 80-х годов как внутри США, так и на международной арене наблюдается значитель-

¹ Dalling A. Bias and Blunders in American Studies on the USSR. — Slavic Review, 1973, vol. 32, № 3, p. 569.

ная активизация антикоммунизма в исследованиях по истории и культуре России, а значит, и новая активность псевдоученых.

Профессионализм «советологии» — явление глубоко противоречивое, неоднозначное. С одной стороны, «советологи» могут выступать как квалифицированные специалисты в частных областях (некоторых жанрах исторического знания, языка, литературы и т. п.). В этом плане отметим, что изучение нашей страны на профессиональном уровне само по себе не является чем-то фатально негативным. Ведь именно квалифицированные американские ученые немало предприняли, особенно в период разрядки, для популяризации общечеловеческих ценностей русской культуры, сделали, например, творчество Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова достоянием более широких масс на Западе.

Но, с другой стороны, рост профессионального уровня буржуазных исследователей в специальных областях отнюдь не свидетельствует об изменении характера концептуальных построений «советологии», отличающихся все тем же ярко выраженным антикоммунизмом и антисоветизмом. «Специальная советология» в действительности играет служебную роль по отношению к «общей советологии»; ее функция состоит, в конечном счете, в накоплении конкретного материала для последующих антимарксистских и антикоммунистических обобщений.

Таким образом, «специальная» и «общая» «советологии» тесно связаны между собой. Каких-либо резких границ между ними не существует, тем более что многие «советологи», в чем мы имели возможность убедиться, выступают одновременно и в качестве «эмпириков», и в роли «теоретиков».

История русской культуры и философии представляет собой лишь одну, но крайне важную, область стыковки «специальной» и «общей» «советологии». Она явилась главной сферой приложения антикоммунистической активности первого поколения антисоветчиков — представителей контрреволюционной эмиграции и продолжает оставаться в центре внимания последнего поколения антикоммунистов — «советологов».

Современная западная «советология» — прежде всего в ее американском варианте — это замаскированная в «научные» и «академические» одежды идеологическая диверсия буржуазной идеологии против теории и практики реального социализма. Глубокий интерес всего зарубежного мира к Стране Советов, ее духовному прошлому и настоящему «советология» пытается отравить ядом исторической лжи и прямой фальсификации.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии подчеркивается, что очевидным фактом является заметное обострение идеологической борьбы. «Империалисты и их пособники систематически проводят враждебные кампании против социалистических стран. Они чернят и извращают все, что происходит в этих странах. Для них самое главное — отвратить людей от социализма»¹. Организаторы подобных кампаний постоянно стремятся расширить арсенал своих средств, в число которых неизменно входит и «советология». Но ни «новейшие» идейные изыски «советологов», ни их попытки «подключить» к антикоммунистической пропаганде историю русской культуры не могут долго противостоять исторической правде, достижениям марксистско-ленинской науки, реальному подъему духовной культуры социалистического общества.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., Политиздат, 1981, с. 9.

Пути и перепутья
американской буржуазной
культуры

НА ПУТЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Оздоровление международного климата — долг и обязанность всех честных художников Земли. Два подхода к обмену духовными ценностями. Кому и зачем понадобилось в США раздувать кампанию о «правах человека» в других странах? Встречи советских и американских писателей показывают: международные связи и общение необходимы сегодня больше, чем когда-либо раньше.

С незапамятных времен шел неостановимый процесс общения и взаимодействия литератур народов, населявших различные земли Востока и Запада. И потому огромный мир литературы, пожалуй, лишь условно можно делить на континенты, ареалы и страны, подобно тому как это принято в географической науке. В известном смысле мир искусства слова — это цельный и всеохватный мир, хотя в нем нередко возникают и увядают различные по своей природе, по своему происхождению и ориентации школы, направления, течения. Мир этот един, как едина история человечества. И достижения его представляются решениями одного великого уравнения, создаваемого всем развитием литературного творчества. «Мир разделен на страны и континенты: в нем немало преград — социальных, политических, идеологических, языковых, культурных и других. Но в то же время мир неделим: это дом человечества. Мир в этом доме — залог счастья его обитателей», — отмечается в Воззвании к писателям Европы, США и Канады, к писателям всего мира, подписанном в Софии известными советскими и зарубежными литераторами. Мир не расторгим с культурой. Война и культура несовме-

стимы. Таков главный вывод международной Софийской встречи 1977 года, ставшей теперь традиционной.

Вне всякого сомнения, давно уже настал час объединения духовных ценностей и культурных ресурсов Запада и Востока во имя великой цели — служения человечеству на путях революционных преобразований. Народами различных стран накоплены огромные богатства мудрости и знаний, которые содержатся в народных традициях, древних культурах и учениях. Когда читаем мы у Пушкина: «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...» — разве не вызывают у нас вдохновенные эти строки стремления к пониманию вечных духовных ценностей? Высокие образцы материального и духовного творчества, созданные восточными народами в период феодализма, продолжают сохранять для человечества свое значение,

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

Решение Вашингтона выйти из ЮНЕСКО вызвало возмущение мирового сообщества.

«Франция не может согласиться с политической позицией США в отношении ЮНЕСКО, которая ведет к неприятию движения неприсоединения и отражает одновременно изоляционистские и имперские устремления, противоречащие деятельности международного сообщества».

Жан-Пьер Кот, постоянный представитель Франции при ЮНЕСКО

«Поскольку администрация Рейгана считает, что развивающиеся страны настроены антиамерикански, то и любая организация, помогающая этим странам, рассматривается в Вашингтоне как антиамериканская».

Шон Макбрайд, общественный деятель Шотландии

НА ПУТЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Оздоровление международного климата — долг и обязанность всех честных художников Земли. Два подхода к обмену духовными ценностями. Кому и зачем понадобилось в США раздувать кампанию о «правах человека» в других странах? Встречи советских и американских писателей показывают: международные связи и общение необходимы сегодня больше, чем когда-либо раньше.

С незапамятных времен шел неостановимый процесс общения и взаимодействия литератур народов, населявших различные земли Востока и Запада. И потому огромный мир литературы, пожалуй, лишь условно можно делить на континенты, ареалы и страны, подобно тому как это принято в географической науке. В известном смысле мир искусства слова — это цельный и всеохватный мир, хотя в нем нередко возникают и увядают различные по своей природе, по своему происхождению и ориентации школы, направления, течения. Мир этот един, как едина история человечества. И достижения его представляются решениями одного великого уравнения, создаваемого всем развитием литературного творчества. «Мир разделен на страны и континенты: в нем немало преград — социальных, политических, идеологических, языковых, культурных и других. Но в то же время мир неделим: это дом человечества. Мир в этом доме — залог счастья его обитателей», — отмечается в Воззвании к писателям Европы, США и Канады, к писателям всего мира, подписанном в Софии известными советскими и зарубежными литераторами. Мир не расторгим с культурой. Война и культура несовме-

стимы. Таков главный вывод международной Софийской встречи 1977 года, ставшей теперь традиционной.

Вне всякого сомнения, давно уже настал час объединения духовных ценностей и культурных ресурсов Запада и Востока во имя великой цели — служения человечеству на путях революционных преобразований. Народами различных стран накоплены огромные богатства мудрости и знаний, которые содержатся в народных традициях, древних культурах и учениях. Когда читаем мы у Пушкина: «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...» — разве не вызывают у нас вдохновенные эти строки стремления к пониманию вечных духовных ценностей? Высокие образцы материального и духовного творчества, созданные восточными народами в период феодализма, продолжают сохранять для человечества свое значение,

СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ

Решение Вашингтона выйти из ЮНЕСКО вызвало возмущение мирового сообщества.

«Франция не может согласиться с политической позицией США в отношении ЮНЕСКО, которая ведет к неприятию движения неприсоединения и отражает одновременно изоляционистские и имперские устремления, противоречащие деятельности международного сообщества».

Жан-Пьер Кот, постоянный представитель Франции при ЮНЕСКО

«Поскольку администрация Рейгана считает, что развивающиеся страны настроены антиамерикански, то и любая организация, помогающая этим странам, рассматривается в Вашингтоне как антиамериканская».

Шон Макбрайд, общественный деятель Шотландии

неповторимую историко-эстетическую ценность. Разве те произведения, что сохранились в виде монументов архитектуры и памятников литературы и искусства, не восхищают нас до сих пор как воплощение могучего созидательного духа человечества?

В общемировом литературном процессе с древнейших времен возникало множество коммуникативных связей — путей ознакомления и обмена, взаимопроникновения различных литератур, их влияния и обогащения. И это не в малой степени способствовало, помимо прочего, преодолению национальной односторонности и ограниченности. Результаты и масштабы воздействия процесса международного литературного общения многомерны. Они едва ли поддаются арифметическому подсчету. Но существует иная форма исчисления — моральная, духовная. Живой интерес к литературному творчеству любого народа — это всегда интерес и к самому творцу и к людям, их устремлениям, идеалам, их неповторимой национальной самобытности. Ибо в лучших произведениях художественного творчества словно заключен синтез времени, нечто общезначимое, присущее современной эпохе, нечто целостное, единое с историческими судьбами народа. В немалой мере в творениях этих содержится и своеобразное, и типичное, обладающее для нас уникальной этической и эстетической ценностью. «Плоды духовной деятельности отдельных наций,— подчеркивали еще в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс,— становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература»¹.

Несомненно, однако, что речь здесь идет не о стирании граней между литературами, которым всегда присущи свои социальные, национальные, этнографические черты и особенности, но о гармоническом сочетании всех ценностей, о сокращении духовных «расстояний» между народами, сближении всех литератур мира.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 428.

Процесс общения и взаимопроникновения литератур сопровождал человечество на протяжении всего исторического развития. И в этом нельзя не видеть воплощения живой связи веков и народов, непрерывающейся связи поколений. В наше время трудно себе представить, чтобы какая-либо литература могла существовать и творчески развиваться изолированно, обособленно от других литератур. Художественные успехи, достижения искусства слова любого народа в современных условиях неизбежно становятся достоянием всех других наций и стран. И процесс литературного общения между народами приобретает все новые общезначимые формы, которые возникают в ходе движения самой жизни. Нередко здесь сливаются завтра и вчера, пересекаются пути прошлого и будущего. Прошлого — в виде неувядающих художественных ценностей минувших веков. И будущего, возникающего из нынешней поросли литературного творчества, которому предстоит щедрая плодоносная пора.

Важнейшая задача нашей литературы, занимающей передовые позиции в общемировом художественном процессе, состоит именно в том, чтобы средствами искусства слова выражать истинную природу нашего государственного устройства, глубоко гуманистический его характер, миролюбивые устремления советского народа, проистекающие из социальной сущности нашего общества высоких коммунистических идеалов. С этим органично связана действенность наших писательских начинаний, обращенных на то, чтобы будить сознание и ответственность людей за сохранение жизни и цивилизации на Земле. Думается, что писателями мира, в первую очередь советскими художниками, все еще не в полной мере реализуются огромные литературные ресурсы, таящиеся в искусстве слова, в творческих его потенциалах, особенно в свете широчайших взаимосвязей Союза писателей СССР, который поддерживает отношения дружеских контактов и сотрудничества со ста писательскими организациями всех континентов мира. Нет нужды доказывать, что творческие эти связи — явление взаимной заинтересованности, идейной обусловленности.

В наше время стремительно развивающихся коммуникативных связей все большее значение приобретают проблемы международного обмена духовными ценностями в целях лучшего понимания многообразия жизни и творчества в различных странах Запада и Востока. Едва ли, пожалуй, найдется такой край Земли, который не был бы вовлечен в этот непрестанно развивающийся процесс и люди которого в той или иной степени не соприкасались бы с этим всеохватным явлением.

Эффективность и широта международного культурного обмена, вне всякого сомнения, находятся в прямой зависимости от углубления процесса разрядки напряженности, оздоровления политического климата, нормализации межгосударственных отношений, обуздания гонки вооружений, сохранения безопасности, устранения угрозы военного конфликта. Разве каждый из жителей нашей планеты не озабочен судьбами мира, собственной судьбой: неужто человечество идет навстречу катастрофе, гибели цивилизации? В Декларации международной встречи писателей в Ташкенте (1978 г.), посвященной двадцатилетию первой конференции писателей стран Азии и Африки, подчеркивается, что писатели двух континентов, как и все прогрессивное человечество, не могут оставаться равнодушными, «пока льется кровь невинных людей, пока томятся в тюрьмах борцы за свободу, пока на нашей древней земле продолжают свирепствовать голод и болезни, нищета и невежество... Мы отождествляем себя со справедливым делом борьбы человечества за мир, за полное и всеобщее разоружение, за безопасность и процветание народов».

Истинные мастера слова не могут творить изолированно от всех социальных и общечеловеческих связей. Они всегда историчны, социальны и ответственны за судьбы человека и человечества. Великие художественные творения, что создавались человечеством веками и что создаются ныне, выходят на самые передние рубежи духовной битвы, развернувшейся в тревожном нашем мире. И книги нашего духовного наследия, как и произведения зару-

бежных писателей, мы читаем так, как велит нам время. На мыслителей и художников всех эпох ложится отсвет прозрения наших дней. Горе и радости мы разделяем в полной мере. Ибо подлинные творения искусства словесности связаны с судьбой человека, его испытаниями и счастьем.

В условиях борьбы за смягчение международного политического климата многообразные формы общения между народами стали наполняться значительным и емким содержанием. Процесс расширения этих взаимосвязей, безусловно, способствует лучшему и углубленному пониманию общественных, мировоззренческих и культурных позиций различных стран. Процесс этот, разумеется, оказывается продуктивным, если он носит взаимный характер, является обоюдным, а не сводится лишь к односторонним действиям, не используется какой-либо стороной в ущерб другой. В современных условиях обнаруживаются два главных подхода в развитии литературного общения между народами, во взаимосвязях культур Запада и Востока.

Культурный обмен, с нашей, советской точки зрения, представляет собой важное звено в объективном процессе взаимодействия различных социально-политических систем на принципах равноправного и плодотворного диалога в целях развития взаимопонимания и сотрудничества. В основе всего здесь должны быть интересы оздоровления международного климата и упрочения мирного сосуществования. Проблема оздоровления международного климата — высокий долг и обязанность всех художников мира, всех честных писателей, посвятивших свое творчество служению народу.

Другой подход к культурному общению между народами характерен для некоторых наших западных партнеров. Так, Роберт Ф. Барнес (Индианский университет, США) в статье «Культурный обмен и соревнование между общественными формами. Точка зрения американца» занимает особую позицию: «В долгосрочной перспективе роль экономических и духовных отношений будет приобретать все большую значимость, и не только в реальной международной политике, но и в понимании общественности. Борьба идей в дальнейшем может

оказаться решающим фактором в соревновании двух могучих систем». Р.-Ф. Барнес фактически призывает к тому, чтобы использовать открытые Советским Союзом в Хельсинки возможности культурного обмена для «мирного изменения» советской политической системы, выдавая дутую «проблему прав человека в государствах с коммунистическим режимом» за «драматический символ» и «центральную проблему для всякого человека и любого общества».

Наши оппоненты прибегают к различного рода приемам и уловкам, тщась представить свои действия в виде общей «озабоченности» «нарушением» в социалистических странах «прав человека», «свободы» творчества и личности, «угрозой» вечным ценностям, которые, по их утверждению, присущи всякому общественному строю, имеют универсальную природу и определяют развитие любой культуры, всей духовной жизни. В действительности, однако, все это не что иное, как попытка навязать социалистическим странам чуждые им порядки и стандарты буржуазного общества с его классово-антагонистическими противоречиями, с его потребительским отношением к культуре, духовной опустошенностью, безверием и утилитаризмом.

Бряд ли подобного рода подход способен привести к углублению доверия и взаимопонимания между народами различных стран, не говоря уже об оздоровлении международного климата. На деле он приводит к разобщению культур и народов, недопустимому вмешательству во внутренние дела социалистических стран, к попыткам расшатать их государственные устои, дискредитировать социалистический образ жизни и унижить национальное достоинство народов. Приверженцы западного образа жизни с фанатическим упрямством ведут широкую пропаганду, вколачивая в головы людей, что социально-экономические, правовые порядки и духовная жизнь в буржуазном обществе — «эталон» справедливости и демократии. Но все ли с этим согласны? Какова реальная действительность?

Буржуазная пропаганда, как известно, использует контролируемые ею средства массовой информации для распространения идей, которые закрепляют

в человеческом сознании вполне определенные взгляды и представления. Основная ее цель — дезориентация и дезинформация людей, формирование конформистского сознания, которым можно манипулировать в направлении, угодном власти имущим. По характерному признанию, главная задача буржуазной пропаганды — «создавать человека, совершенно лишенного всяких способностей разобраться в положении вещей, критически и разумно мыслить, человека, низведенного до самого низшего эмоционального состояния, когда он может действовать под влиянием только внешних, а потому искусственных возбудителей и направляющих сил»¹.

Разве для кого-нибудь секрет, что дискредитация человека, стремление утвердить его беспомощность перед неотвратимым ходом событий, попытки представить жестокость, агрессивность в качестве якобы извечных его свойств — все это разительным образом деформирует современную духовную жизнь, художественное творчество в буржуазном обществе. Необузданное стремление к материальному богатству, ненасытному потребительству, жалкому накопительству привело западный мир к утрате духовности, к созданию общества нищих духом, сытых, пресыщенных благами чужого труда, но ожиревших душой, общества духовного и нравственного истощения. Духовный нудизм, оскорбляющий достоинство человека и общественную нравственность, страшная эпидемия порнографии и зротики как заменителя, суррогата любви — все это приводит к тому, что настоящая любовь становится явлением отмирающим. Человек ощущает пустоту, которая, в свою очередь, порождает насилие, гангстеризм среди молодежи. Безраздельно господствует «массовая культура» с ее конвейерной штамповкой скоропортящегося литературного чтива. Повсюду одно ощущение: люди чудовищно разобщены, одиноки, изолированы. Философия безнравственности, бесстыдной вседозволенности, недуг отчужденности и фатализма сказываются крайне разрушительно на всей духовной жизни современного западного мира, в котором всемогущую власть приобретает культ

¹ Психологическая война. Сборник статей. М., Прогресс, 1972, с. 16—17.

безотчетного, бессознательного, иррационального. Это мир, где все становится шатким и недостоверным, сомнительным и обесцененным. Отсюда — преступность, не поддающаяся обузданию, разрушительная ярость или бессмысленные иллюзии, ожидание чуда, в которое в глубине души никто не верит. Сама атмосфера общественной жизни проникнута предчувствием неминуемой катастрофы.

Мы знаем, что в странах Запада царит эскалация безумия ядерной одержимости, порождающей ситуацию непредсказуемых последствий. Но тот, кто танцует на подмостках, гласит мудрость, всегда может упасть. Будь эти подмостки даже ядерные...

«Самое серьезное препятствие к проведению эффективной политики США состоит, как мне кажется, в том, что она носит интеллектуальный характер», — изрекла недавно Джин Киркпатрик, входящая в число ближайших советников президента Р. Рейгана, подразумевая при этом, что приближающаяся к грани безумия политика США все же слишком «рациональна» и «разумна». И пояснила: остаточный «рационализм» проистекает из стремления к миру и окончанию гонки вооружений. Под стать посылке и вывод — Киркпатрик требует опираться на иррационально «жесткие» факты: эффективность насилия «как орудия политических перемен, уязвимость развивающихся стран, беспомощность ООН и ограниченную надежность некоторых союзников» Соединенных Штатов. Главное — сила и никакой «сентиментальности».

На негативный характер буржуазной культуры указывал Маркс, писавший, что «капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например, искусству и поэзии»¹. Отмечая тот факт, что в прямом соответствии с ростом стоимости мира вещей растет обесценение человеческого мира, Маркс неопровержимо доказал, что основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения — порождает не только кризисы экономические, но и кризис духовный. В результате извращения характера труда

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I, с. 280.

и выдвигения капитализмом на первый план стоимостного выражения его плодов — денег — человек и его человеческие качества оцениваются не по творческим способностям, а по количеству принадлежащего ему наличного капитала. Маркс при этом выразительно показывает, как денежно-рыночный подход извращает человеческие отношения: «Сколь велика сила денег, столь велика и моя сила... Я *уродлив*, но я могу купить себе *красивейшую* женщину. Значит, я не *уродлив*, ибо действие *уродства*, его отпугивающая сила, сводится на нет деньгами. Пусть я — по своей индивидуальности — *хромой*, но деньги добывают мне 24 ноги; значит, я не хромой. Я плохой, нечестный, бессовестный, скудоумный человек, но деньги в почете, а значит в почете и их владелец»¹.

Такова беспощадная констатация Марксом истинного положения в условиях капиталистических отношений в его эпоху. Каково же положение вещей в наше время? Факты свидетельствуют о том, что не все хотят иметь больше, но все хотят жить иначе. Достаточно привести пример: студентка Анжелика Веддеген из западногерманского города Кобленца, по сведениям прессы, покончила жизнь самоубийством. Поступок девушки был охарактеризован ее сокурсником, двадцатилетним Бернгардом: «Если хотите, Анжелика — это в чистом виде... психологическая драма немецкой молодежи. Разрушенная страна была восстановлена. Каждый здесь работает, зарабатывает деньги... Все имеют свой холодильник, телевизор... Но мы больше ни во

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

«...Многие выпускники американских школ вообще не умеют ни читать, ни писать, и общий уровень их знаний не поднимается выше третьего класса... США, похоже, теряют один из своих важнейших ресурсов — образованную молодежь».

*У. Кронкайт, американский
телекомментатор*

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 148.

что не верим. Вот в чем трагедия. Мы живем, как тени, в мире, который нам не принадлежит. И ни прекрасный автомобиль, ни бейсбольные матчи, ни виски, ни твист нас не удовлетворяют... Мы завидуем своим ровесникам на Востоке... Они живут, а мы не живем».

Это ли не откровенное признание западногерманской молодежью типичных черт нынешней капиталистической реальности? Не менее показательны прогнозы буржуазных социологов о будущем западного общества. Известный американский исследователь Эрих Фромм, считающий характерной тенденцией современной эпохи «смерть личности», утверждает, что общество вступает в ту фазу своей эволюции, когда все желания людей удовлетворены, а желаний, которых нельзя удовлетворить, не возникает. Это автоматы, ими можно руководить без вождей: они создают машины, действующие подобно людям, и людей, действующих как машины. Отчуждение и автоматизация ведут ко все возрастающему безумию. Жизнь не имеет смысла, нет ни радости, ни веры, ни реальности. Каждый «счастлив», если не считать того, что он не участвует, не рассуждает, не любит.

Вывод один — человеческая личность атрофируется за ненужностью. Она становится ненужной в обществе обезличенности, отчужденности, бездуховности. Разве в признаниях этих не обнаруживается глубокий кризис науки и культуры, духовной жизни в западном обществе? Разве не симптоматично, что отчуждение человека, его судьба в век кибернетики и космических полетов, возможность сохранить свою индивидуальность в условиях «массового общества», вопрос о том, не отжил ли человек свой век, — одна из самых острых проблем современной общественной мысли в странах капитала? Судьба личности, человеческий удел в условиях государственно-монополистического капитализма вызывают глубокую и всеобщую озабоченность. На страницах многочисленных социально-критических работ западных авторов нарисована зловещая картина — трагедия личности в современном буржуазном обществе, разорванность сознания, необратимость болезни отчужденности,

утрата веры и убеждений человеком, живущим в условиях бездуховности и нравственной опустошенности, которые создаются самим же образом и характером жизни в странах Запада, особенно в современной Америке.

Каким же образом соотносится нынешняя западная литература с этой мрачной реальностью буржуазного общества? Как сказываются на литературном творчестве трансформации духовного производства, порождающие новые внутренние противоречия буржуазной культуры, в частности между культурным «авангардом» и «массовым искусством»? «Неустойчивость бытия — вот лейтмотив наших дней, звучащий везде и во всем, включая искусство», — с горечью признает Филип Эвергуд в статье «Искусство не хлопושка». В сегодняшней Америке, продолжает он, «где можно купить и продать все что угодно, художник-трюкач, воинствующий недоросль, битник, «жук» (битл) покорили воображение крупнейших коллекционеров, крупнейших музеев, крупнейших маклеров с Уолл-стрит и крупнейших зазывал с ярмарки искусств». Главная причина всего этого, добавляет Ф. Эвергуд, «в достаточной степени устрашающая и мрачная. Всею виной стремление делать как можно больше денег, и как можно быстрее». Не это ли свидетельство кризиса совести, кризиса нравственности?

В свете фактов, неумолимо свидетельствующих о «потере личности», об «утрате индивидуальности», о дегуманизации, о «смерти человека» в абсурдном и жестоком мире современного капитализма, естественно возникает вопрос: как все это соотносится с раздутой властями и пропагандой США всесветной кампанией о «правах человека» в других странах? Не ради ли отвлечения внимания от внутренней трагедийной ситуации понадобилось американским господствующим силам превратить «права человека» в проблему государственной и международной политики? Разве не возникает вопрос: кто, собственно, и по какому праву «тычет пальцами в чужие глаза»? Что это? Голый практицизм или политический цинизм? Характерно при этом, что одержимость новоявленных жрецов «справедливости» и «правозащиты» цинично

демонстрируется нередко и во время международных литературных симпозиумов и писательских встреч (в частности, во время «круглого стола» советских и американских писателей в Москве в 1977 г.; на второй их встрече в Нью-Йорке в 1978 г. и др.). Нельзя в этой связи не вспомнить ленинских слов: «...Господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной»¹.

Упомянутый писательский «круглый стол» положил начало творческим связям литераторов СССР и США, как отмечалось во время дискуссии и в печати, он сдвинул дело с нулевой точки, открыв новые горизонты в свете Заключительного акта общеевропейского Сопещения в Хельсинки. Справедливости ради необходимо отметить, что заседания «круглого стола» проходили отнюдь не гладко и мирно, некоторые проблемы вызвали острый и нелицеприятный спор. И это лишь свидетельствовало о важности писательского диалога. Было бы опрометчиво, однако, утверждать, что Московский писательский форум проходил в наиболее благоприятной международной обстановке. Весьма прискорбно, что противниками разрядки предпринимались непрекращающиеся попытки любыми средствами отравить отношения между СССР и США, вернуть их к временам «холодной войны». Хельсинкские договоренности некоторые оракулы западных средств массовой информации стремились представить «промахом» Вашингтона, поскольку «заключенное тридцатую пятью странами соглашение... знаменовало собой важный успех дипломатии Кремля».

Манипулирование общественным мнением, попытка представить реальность в искаженном виде — слишком хорошо и давно известные приемы западной пропаганды, от которой, как говорят американцы, «у всех улыбка холодеет на зубах». В столь

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 103.

важном соглашении, как Заключительный акт Хельсинки, не может быть выигравших и пострадавших, победивших и потерявших. Разве от разрядки международной напряженности, как и от мира и безопасности, выигрывают не все народы, в том числе и американский, хотя Советский Союз — и это дело великой чести — действительно взял на себя ответственнейшую роль в подготовке и завершении хельсинкских договоренностей? Между тем жрецы «холодной войны» из «Нью-Йорк таймс» цинично вещали: «То, что было сделано росчерком Форда, вполне может быть зачеркнуто росчерком Картера». И уж тем более Рейгана.

Вторая встреча советских и американских писателей, состоявшаяся в Нью-Йорке в 1978 году, явилась продолжением усилий в соответствии с принятыми Хельсинкским совещанием договоренностями — «поощрять... дальнейшее развитие интереса к культурному достоянию других государств-участников, сознавая, что каждая культура имеет достоинства и ценность».

Участники встречи затрагивали широкий круг вопросов, касающихся положения и творческой практики писателя в современном мире. Не обошлось, правда, без некоторых экстравагантных выходов. Присоединившийся «под занавес» к дискуссии Артур Миллер, американский драматург, одно время популярный, в том числе и в нашей стране, не нашел ничего лучшего, как обрушиться на «круглый стол» и его участников, которых он, собственно, не знает, сочинений их не читал и потому не видит смысла в подобного рода встречах. Другое дело, продолжал он, если бы за «круглым столом» были его друзья и единомыслители, которые, как можно было понять, замыкают собой эстетический и идеологический горизонт...

В соответствии с достигнутым пониманием в августе 1980 года в Лос-Анджелесе сопредседатели «круглого стола» обсудили вопросы, относящиеся к четвертой встрече советских и американских писателей. Сожаления достойно, что именно в это время пропагандистский «блицкриг» в США приобрел поистине истерический характер. Средства массовой информации, утратившие всякий здравый смысл и

элементарное человеческое достоинство, вели себя подобно обезумевшему животному, сорвавшемуся с цепи. Здесь сказались и паранойя, вызванная падением шахиншахской династии, находившейся в услужении американского милитаризма, и крушение гегемонистских планов панамериканизма, и горькие разочарования в связи с революционным развитием событий в Афганистане. В обстановке крайнего ожесточения Белый дом стал поспешно провозглашать целые районы, находящиеся за тысячи миль от американских берегов, «сферой жизненных интересов» США. Более того, в ход были пущены угрозы использовать все необходимые средства, включая военную силу, в случае, как было сказано, попыток какой-то силы извне заполучить контроль над районом Персидского залива.

Смрадный чад и авантюристические доктрины «действовать, опираясь на силу, с позиции силы», возведение «арахисового занавеса» и объявление крестового похода против культурного обмена, взятые на вооружение в связи с выходом на старт президентских «гонок», — это аукцион политических страстей. Заговорила заповедь: ты со мной не согласен, — значит, ты злодей. Однако всякого рода амбициозность и попытки диктата в международных отношениях никогда ни к чему положительному не приводили. Напротив, они часто оказывались причиной исчезновения с политической арены претендентов на вселенское господство. От века известно, что горячность — опасное состояние для принятия решений межгосударственного значения.

Поворот администрации Картера к агрессивной, милитаристской политике, курсу на возрождение «холодной войны» означал очередную попытку Вашингтона решать свои внешнеполитические задачи преимущественно силовыми методами. В арсенале таких методов — вмешательство во внутренние дела других государств, разжигание международных конфликтов и другие действия, обостряющие обстановку в мире. Главной была и остается ставка на военную силу во всем многообразии форм ее применения — от угроз и милитаристских демонстраций до прямых агрессивных акций. Еще боль-

шего «успеха» на этом пути безумия достигла администрация Р. Рейгана.

Но по какому праву США присваивают себе роль верховного арбитра в вопросах, как народам строить свою жизнь, в соответствии с какими принципами и ценностями устанавливать свои внутренние порядки? На это дается отчет: по праву сильного, которому должны подчиняться все остальные. Таков «гуманизм империализма»...

И все же, несмотря, мягко говоря, на возражения администрации Белого дома, состоялась четвертая (1980 г.) встреча писателей СССР и США, проходившая в Лос-Анджелесе, в стенах университета Южной Калифорнии. За «круглым столом» обсуждалась тема «Общечеловеческие духовные ценности и литература». Дискуссия привлекла известных художников слова и публицистов: Р. Брэдли, Э. Олби, Э. Доктороу, Э. Хардуик, Г. Солсбери, Ф. Грэй и других. Сопредседателями встречи были Норман Казенс, президент совета редакторов журнала «Сатердей ревью», и автор этих строк.

Участники встречи отмечали тот немаловажный факт, что литераторам СССР и США удалось собраться за «круглым столом», несмотря на дуновение между Востоком и Западом ветра «холодной войны».

Следует напомнить, что сам факт проведения писательского «круглого стола» вызвал в США отнюдь не однозначную реакцию. Официальные власти, лично государственный секретарь, как сообщил в своем выступлении Норман Казенс, были против встречи, тщетно пытаясь сорвать ее по тем же мотивам, по каким американская администрация в одностороннем порядке прекратила с Советским Союзом межправительственные, научные и культурные связи и обмены. Быть может, такое отношение было рассчитано на аплодисменты со стороны противников сотрудничества с Советским Союзом, противников разрядки и мира. Но вряд ли от этого индекс популярности Белого дома не станет снижаться.

На фоне негативного отношения американской администрации тем более знаменательной была атмосфера заинтересованности и доброжелательности

к писательскому форуму со стороны ректората университета Южной Калифорнии, выступавшего организатором встречи, и американских литераторов, неизменно проявлявших свою лояльность и гостеприимство. Вспоминается приветственная речь ректора университета, в которой он подчеркнул важность и актуальность американско-советского писательского диалога в нынешней обстановке. Эта речь показала, что трезвомыслящие американцы ратуют не за курс конфронтации, а за разрядку и взаимопонимание.

При различной трактовке многих проблем современности участники «круглого стола» находили точки соприкосновения и общий язык, как только речь заходила о необходимости смягчения международной напряженности и возвращения к сотрудничеству в соответствии с духом хельсинкских соглашений. Во многих выступлениях говорилось о высокой ответственности писателей в современном мире и о необходимости продолжать борьбу за сохранение мира на земле.

II

Советский Союз неизменно стоит за полное выполнение Хельсинкских договоренностей как в сфере политики и экономики, так и в сфере гуманитарной, за одинаково ответственный и внимательный подход ко всем трем звеньям этой единой цепи. Мы руководствуемся также положениями Заключительного акта, призывающего распространять «все более широкое знание и понимание различных аспектов жизни других государств», расширять в этих целях взаимную информацию, развивать и изыскивать новые формы культурного общения. Наше общество открыто для ознакомления со всем лучшим, что рождено художественным творчеством зарубежных стран и народов. Мы никогда не исповедовали великодержавной замкнутости и шовинизма, не отгораживались от зарубежных литератур, в отличие, скажем, от Америки, где всегда были сильны традиции изоляционизма и одновременно неудержимого экспансионизма.

Обмен культурными ценностями между народами рассматривается нами как органическая часть укрепления атмосферы мира и взаимопонимания между государствами. И потому наша политика в области литературы и искусства в целом отражает этот процесс, служит его упрочению. Советская страна — самая читающая держава мира. Советские люди с небывалой в истории активностью стремятся познать прогрессивные культурные ценности, как отечественные, так и зарубежные. Законодательство нашей страны закрепляет за гражданами право на приобщение к художественным и эстетическим достижениям мировой культуры. В этой связи обратимся к статье 46-й нашей Конституции: «Граждане СССР имеют право на пользование достижениями культуры. Это право обеспечивается общедоступностью ценностей отечественной и мировой культуры, находящихся в государственных и общественных фондах; развитием и равномерным размещением культурно-просветительных учреждений на территории страны; развитием телевидения и радио, книгоиздательского дела и периодической печати, сети бесплатных библиотек, расширением культурного обмена с зарубежными государствами». Впервые в истории человечества государство приняло на себя ответственность за обеспечение народа необходимой литературой, создав условия для творческого развития миллионов масс.

Залогом реализации этого положения Основного закона является издание в СССР произведений мировой художественной литературы. Лишь в период 1971—1974 годов у нас было опубликовано 3109 названий книг зарубежных писателей на семидесяти шести языках народов СССР общим тиражом 212 334 тысячи экземпляров. Нередко книги классиков и современных писателей капиталистических стран издаются в СССР значительно более широко, чем на их родине — в США, Англии, Франции, ФРГ и других странах. Миллионные тиражи книг буквально исчезают с прилавков магазинов. Постоянными спутниками советского читателя стали произведения Данте и Шекспира, Гете и Гюго,

Бальзака, Диккенса, Драйзера, Лу Синя, Кавабата, Хемингуэя.

В серии «Литературные памятники», выходящей в издательстве «Наука», публикуются с научным комментарием наиболее выдающиеся произведения мирового искусства слова. Издательством «Художественная литература» выпущено двести томов «Библиотеки всемирной литературы» тиражом в триста тысяч экземпляров. Это — единственное, не имеющее себе равных в мировом опыте, всеобъемлющее собрание шедевров отечественной и мировой классики, нетленных художественных ценностей, созданных писателями стран Запада и Востока.

Сбылась мечта Ленина, который считал жизненно важным приобщить народ к великому наследию мировой классики. Именно народ, а не ограниченный круг избранных. С естественным чувством гордости можно утверждать, что именно у нас художественный перевод и издание высших достижений мировой литературы приобрели такую масштабность, равной которой нет ни в одной другой стране. Именно благодаря государственной политике в этой области столь широким и полным стало знакомство советских людей с творчеством зарубежных писателей.

Именно социализм стал связующим мостом между гуманистическим наследием прошлого и реальным миром настоящего, сберегая для человечества духовную преемственность времен и всемерно обогащая наследие, привнося новые традиции в развитие культуры, неустанно развивая ее интернационалистическое содержание.

Выход в свет «Библиотеки всемирной литературы» — лишь один, но не единственный пример масштабных изданий зарубежной литературы в СССР. Помимо государственного издательства «Прогресс», созданного для публикации работ иностранных авторов и выпускающего ежегодно огромную массу книг, переводимых на русский язык, и издательства «Радуга», специализирующегося на выпуске переводной художественной литературы, в Советском Союзе существуют многочисленные книжные издательства в центре и во всех республиках,

которые выпускают произведения зарубежных писателей на семидесяти шести языках народов СССР. В нашей стране издаются массовым тиражом два солидных журнала: «Иностранная литература» (на русском языке) и «Всесвіт» (на украинском языке), полностью посвященные литературам стран Запада и Востока. Насколько известно, эти журналы являются единственными в своем роде и не имеют аналогов ни в одном западном государстве, включая Соединенные Штаты Америки. «Иностранная литература», например, ежемесячно выходит в свет уже свыше четверти века объемом около трехсот страниц, тиражом около полумиллиона экземпляров. Журнал помещает на своих страницах все наиболее существенное и заслуживающее внимания в мировом литературном процессе. Перечислить все, что было опубликовано им за прошедшие годы, просто невозможно. «Иностранная литература»

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

Всемирно известное произведение Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна» признано американскими реакционерами «неприемлемым» для детей и рекомендовано к изъятию из школьных библиотек. Под предлогом «борьбы с коммунизмом» и «антиамериканизмом» уже занесены в разряд «подрывных» многие произведения, вошедшие в сокровищницу мировой литературы. В «черный список» попали «Приключения Тома Сойера» М. Твена, «Гроздь гнева» Дж. Стейнбека, «Убить пересмешника» Х. Ли и сотни других книг. Под давлением консервативных сил издатели отказываются переиздавать «Баллады о Робин Гуде», поскольку считается, что они проповедуют «беззаконие, насилие, коммунизм».

Из американской печати

издала библиографический указатель, содержащий полную информацию об опубликованных в ней материалах за 1955—1974 годы.

Позиция наша исчерпывающе ясна: мы открыты для всего правдивого и честного и готовы умножать контакты, используя благоприятные условия, которые создает разрядка. Но наши двери закрыты для изданий, пропагандирующих войну, насилие, расизм, человеконенавистничество, аморализм.

Известно, что некоторые влиятельные круги в развитых капиталистических странах менее всего обнаруживают желание выполнять обязательства по предусмотренному Хельсинкским соглашением содействию «дальнейшему расширению распространения книг и художественных произведений», подразумевающему обширные программы культурных обменов в области печати, издательского дела и литературы. Они «забетонировали» свои позиции и игнорируют достигнутые договоренности в области культурного обмена, ориентируясь в ряде случаев на стратегию «психологической войны» против Советского Союза. В самом деле, может ли, например, массовый читатель ФРГ составить объективное представление о литературном процессе в нашей стране, если главную часть публикуемых здесь переводов с русского и изданий на русском языке составляют писания жалкой кучки «диссидентствующих» отщепенцев, в большинстве своем уже подвизающихся на Западе в роли махровых антисоветчиков: например, судя по сообщениям местной печати, в 1974 году в ФРГ вышло восемь наименований книг, опубликованных в СССР, и одиннадцать наименований книг «диссидентов», в 1975-м — соответственно десять и двенадцать; в 1976 году — четыре и одиннадцать наименований. При этом книги советских литераторов, коль скоро они вообще появляются, нередко выходят мизерными тиражами.

Нетрудно, однако, понять, что за всем злобным вздором и грубыми фальшивками западной пропаганды кроется главное — враждебное отношение к нашему философскому и эстетическому мировосприятию, к гуманистической сущности нашего художественного метода. Речь идет о том, чтобы лишить западного читателя непосредственного досту-

па к произведениям советских авторов, к литературе социалистического реализма, сердцевиной которой является марксистско-ленинское понимание мира и человека. Буржуазные идеологи и средства массовой информации не прекращают инсинуаций в адрес советских писателей, ибо литература социалистического реализма проникнута всепобеждающим гуманистическим пафосом переустройства мира на началах истины, добра и красоты. Существо социалистического гуманизма — гармоническое развитие трудящихся, наиболее плодотворное проявление их творческих, моральных и эстетических потенций. Утверждение подвига, героического деяния и самоотверженности во имя общественных интересов, во имя народа было и остается важнейшей социальной и нравственной целью советского искусства. Общественная роль нашей литературы выросла и обновилась, обогащая новыми красками советский образ жизни.

III

Последние годы характеризуются развитием всех жанров современного искусства слова в нашей стране. Если внимательно присмотреться к движению жанров, то перед нами — естественно, не прямо, а в сложных опосредствованиях — откроется ключевая особенность нашей сегодняшней духовной жизни: стремление к полноте и многосторонности восприятия мира, глубоко осознанному историзму. Главное направление движения советской литературы — сближение с реальными процессами общественной практики, глубинное исследование многосложной проблематики нынешней реальности. Исследование, проводимое с той ясностью и последовательностью мысли, которую дают нам социально-исторический опыт и чувство высокой художественной ответственности.

Социалистический реализм оказался способным конденсировать опыт художественного мышления, накопленный человечеством за всю его историю, дав при этом новое качество, которое столь отчетливо, столь своеобразно сказалось именно в наше

время, в обществе зрелого социализма, где нет разобщенности народа и литературы. Литература социалистического реализма давно уже стала явлением международным, общемировым, ибо этот художественный метод, знаменующий собой новую эпоху в эстетическом развитии человечества, интернационален по своей природе и сущности. Но, будучи интернационалистической по своему духу, советская многонациональная литература отнюдь не утрачивает неповторимого национального своеобразия и самобытности поэтического обаяния.

Что же привлекает к себе в советской литературе зарубежных писателей, известных художников слова? Революционная окрыленность, народность, гуманистическое содержание, которые органически взаимосвязаны с эстетическим обновлением самого художественного реалистического метода. «Очевидно,— пишет известный немецкий критик из ГДР Хейнц Плавиус,— реализм как художественный метод среди всех существовавших методов оказался наиболее способным к изменениям и усвоению предшествующего опыта. Этой способностью обладает и социалистический реализм. Может быть, современный этап его развития стоит определить так: на фоне своей возросшей эстетической суверенности он вбирает в себя опыт всей мировой культуры. И это, на мой взгляд, залог его дальнейшего подъема». К этому, пожалуй, следует еще добавить, что социалистический реализм, вбирая в себя наиболее ценное из опыта мирового искусства слова, привносит и свой собственный творческий опыт, художественный вклад в сокровищницу общечеловеческих ценностей. И наша литература сильна тем, что синтезирует в себе наиболее ценные черты и традиции литератур и быта каждого из народов многонационального Советского государства. Она также черпает из духовного богатства других народов и культур, в свою очередь оказывая на них благотворное влияние, обогащая их.

Весьма примечательно, что, за десятилетия и годы пройдя путь, исчисляемый веками, советская литература не просто повторила его в предельно сжатые сроки. Нет, конечно. Суть дела в том, что она прошла этот путь по-новому, что она развива-

лась на творческой основе нового метода, в новых условиях — исторических, социальных, эстетических. В этих необычайных условиях быстрота, интенсивность, динамизм роста стали общей, определяющей закономерностью многонационального литературного процесса в целом. Историческое творчество советского народа определило новаторство советской литературы. Сегодня она уже не одинока — более трех десятилетий рядом с нашей литературой существуют литературы других социалистических стран, идущих по тому же пути и в условиях, по-своему отражающих сложные процессы социалистического строительства. Однако долгое время советская литература была в этом смысле единственной, так сказать, уникальной. Революционная новизна литературской деятельности, как говорил Маяковский, «в нашей буче, боевой, кипучей», обусловила идущий от тесной связи с жизнью передовой характер советской литературы. Именно этим определялись прежде всего бурные идейные столкновения вокруг нее. Причем на всех этапах ее развития.

Все это помогает понять, почему наши идеологические противники стараются замолчать, а если нельзя замолчать, то извратить советскую литературу, ибо она свидетельствует об огромной жизненной силе социализма. Знаменательны в этой связи слова Михаила Шолохова о том, что боевая роль советской литературы и искусства в мировом процессе развития художественной культуры определяется прежде всего зарядом коммунистической идейности и партийности, который присущ лучшим произведениям наших художников. Если говорить прямо, то именно это и вызывает яростную злобу у наших идеологических противников, у их пособников — ревизионистов. Они хотели бы уговорить нас сойти с четких позиций убежденных борцов за социализм и коммунизм, отказаться от партийности и народности как основополагающих принципов художественного творчества.

За более чем шестьдесят лет своего существования, отражая процесс социалистического строительства и активно участвуя в нем, советская литература из разнонациональной стала единой многона-

циональной. Этот процесс шел вовсе не за счет утраты национальной специфики, голого устремления к «общему» в ущерб специфическому, но как движение к взаимообогащению и через него — к синтезу. Достижения советской культуры одной нации, творческие открытия писателя того или иного народа легко и естественно становились достоянием всех. Общность, единство социальных процессов во всех регионах страны способствуют этому. Еще на Первом съезде советских писателей Максим Горький говорил: «Я считаю необходимым указать, что советская литература не является только литературой русского языка, это — всесоюзная литература». Великому Горькому это ясно было уже в то время, когда «дороги дружбы», которыми советские писатели приходят к культуре братских народов, еще только начали наноситься на карту советской литературы.

Развитие единой многнациональной литературы обусловлено сложным и во многом противоречивым, но неуклонно идущим процессом расширения связей, переплетением национально-самобытных традиций и общесоциалистического характера советской литературы. Проблема национального развития и сохранения национальной самобытности стоит сегодня перед многими народами, и в условиях буржуазного общества для культур «малых» народов она нередко оборачивается вопросом жизни или смерти.

Знаменательна все возрастающая роль реалистического направления в национальных литературах, в творческой практике передовых писателей и поэтов стран Азии и Африки. Особое значение в этой связи приобретают для них художественный опыт советской многнациональной литературы, идейные и эстетические завоевания социалистического искусства. Окрыляет сознание, отмечает известный южноафриканский прозаик Алекс Ла Гума, «что советские писатели и деятели искусства руководствуются в своих произведениях методом социалистического реализма и вдохновляются одной главенствующей идеей — идеей служения интересам трудового народа в борьбе за создание нового чело-

века, за мир и за сохранение бессмертных творений цивилизации».

Характерно и то, что предметом пристально-го интереса писателей стран Азии и Африки ныне стал прогресс развития национальных литератур восточных народов Советского Союза, совершивших за прошедшее шестидесятилетие гигантский скачок в развитии художественной культуры. Расцвет национальных литератур и искусства Советского Востока представляет собой еще одно весьма весомое доказательство несостоятельности европоцентристской доктрины противопоставления культур.

Едва ли нужно здесь подробно доказывать, что Советскому Союзу, его литературе принадлежит необычная роль. Речь идет о чрезвычайно важном явлении в истории словесного искусства — о проблемах и путях художественного новаторства, ибо в новых условиях, в наш революционный век социалистический реализм обрел значение и позиции ведущего творческого метода в общемировом литературном процессе, утверждая себя как наиболее плодотворный путь развития литературы. Именно социалистический реализм в идейном и художественном отношении есть качественно высшее достижение общечеловеческой духовной культуры.

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

«Все, что нам дорого, сегодня висит на волоске. Мы не можем, как прежде, оставаться аполитичными индивидуалистами, отчужденными друг от друга писателями, склонившимися над своими машинками и с отвращением взирающими на мир. Многие в этом мире... предстоит изменить. Если мы хотим создавать литературу, мы должны покончить с гонкой вооружений, мы должны способствовать переменам в мире».

Марта Тейт, американская писательница

В нем находит свое воплощение веление времени — искусство огромного исторического и художественного синтеза.

Все изложенное свидетельствует, что важнейшим принципом международных литературных взаимосвязей должно быть всемерное повышение ответственности за сохранение подлинных духовных ценностей, осознание всей жизненной важности мирного сосуществования стран с различным общественным строем, понимание сущности, законов развития и высокого гуманистического призвания литературы и искусства. Без этого всякие рассуждения о художественных ценностях превращаются в беспредметные риторические упражнения. Для нас сохранение художественных ценностей — это осознанный долг перед историей и человечеством, перед нынешней и будущей цивилизацией.

Положение с международным культурным обменом сегодня отнюдь не располагает к благодущию. Сожаления достойно, что господствующие силы западных стран, в первую голову Соединенных Штатов Америки, ослепленные классовой ненавистью и предубежденностью, с фанатическим упрямством препятствуют доступу читателей к литературному творчеству, открывающему огромный и неведомый им молодой мир духовных и художественных ценностей. Это все те же силы, которые, мягко выражаясь, испытывают головную боль от позитивного развития отношений между Западом и Востоком и которые не склонны отрешиться от своих зловещих замыслов. Преследуемая ими цель ясна: отравлять международную атмосферу ядами подозрений и враждебности, осложнять всеми возможными способами процесс разрядки, развязать себе руки для дальнейшего взвинчивания гонки ракетно-ядерных вооружений, захлестывающей планету. Но люди устали жить под тенью ядерной тучи, они стремятся к стабильному существованию, требуют разоружения, а не войны. И никто ныне не вправе, особенно литература и искусство, оставаться в стороне от всеобщих усилий во

имя упрочения международной безопасности, сохранения мира и создания благоприятных условий для расширения обмена духовными ценностями между Западом и Востоком.

Вместо опасной и бессмысленной конфронтации разрядка предполагает решение существующих проблем и задач на пути переговоров при строгом соблюдении принципа равенства и одинаковой безопасности. За такой разумный подход выступают все литераторы доброй воли, он завоевывает все больше сторонников и среди государственных деятелей стран Запада и стран — участниц движения неприсоединения.

Из глубины тысячелетий дошел до нас один из универсальных принципов человеческого общежития: договоры должны соблюдаться. В этом правиле международных отношений, сохранившем свою незыблемость с древнейших времен, отразилось извечное стремление людей выполнять взаимопользные договоренности, несмотря на превратности и испытания истории.

Трудно себе представить, что какая-либо литература может сегодня существовать и творчески развиваться обособленно. Художественные достижения литературы и искусства быстро становятся в современных условиях достоянием всех наций и стран. Процесс сближения различных национальных литератур обретает все новые аспекты, которые возникают в движении самой жизни.

Следует подчеркнуть, что литература в современном мире становится все в большей мере той сферой, где тоже ведется борьба за сохранение и упрочение мира, социальный прогресс. Здесь главное направление наших усилий — это борьба за уменьшение международной напряженности, за создание атмосферы взаимного понимания и сотрудничества, защита интересов Советского государства и социалистического содружества. Исходим мы из того, что слово писателя, выступающего с активных жизненных позиций, должно служить реальной цели — помогать взаимопознанию народов и возведению духовных мостов между людьми, ибо от неосведомленности о действительном положении в Советском Союзе проистекают мно-

гие превратные представления и ошибочные выводы.

Можно, однако, с полной уверенностью сказать, что международные литературные взаимосвязи возникают и развиваются по законам объективного движения истории и произведения искусства слова своими путями находили и находят доступ к сердцам читателей всюду, где бы они ни находились. Искусственно возводимые «книжные шлагбаумы» и «китайские стены» изоляционизма и отчуждения никогда не спасали отжившие свой век мировоззрения, антинародные режимы, господство реакционных сил. Ничто не помогало: ни политические табу и цензурные барьеры, ни полицейские репрессии, ни костры штурмовиков, хунвэйбинов и полпотовцев, в которых сгорали шедевры мирового искусства и человеческой мысли. Все оказывалось бессильным перед неостановимым движением передового, жизнеутверждающего, революционного. Так было в прошлом, иначе не могло быть. История со всей неумолимостью указывает на то, что именно так будет и впредь.

В наше время, когда над миром нависла злоеющая угроза ядерной катастрофы, международные связи и общение, в том числе посредством обмена духовными ценностями, приобретают особенно важное значение и актуальность. Суровость международной обстановки требует от нас не сжигать мосты, не закупоривать каналы связей между народами, но всемерно расширять пути общения и взаимного понимания.

ЭКРАННАЯ АГРЕССИЯ В ЭПИЦЕНТРЕ ИДЕЙНОГО ПРОТИБОБОРСТВА

«Полтергейст» — старый фильм ужасов или новое слово в американском кино? Аудиовизуальная агрессия: культ насилия, жестокости и эротики. Кинематограф — поле протибоборства идей и мировоззрений.

Небольшой городок. Обычная американская семья — муж, служащий строительной фирмы, жена, трое детей — взрослая дочь, двенадцатилетний сын, шестилетняя дочка Керолл Анна, которая и станет «героиней» странных событий, составляющих содержание фильма «Полтергейст». Этот фильм с немалым кассовым успехом прошел и в США, и в странах Западной Европы. Фильм носит несколько необычное название: полтергейст — это термин из древнегерманской мифологии, обозначающий нечто вроде духа мертвых или вообще злого духа. Картину выпустила крупнейшая голливудская компания «Метро-Голдвин-Майер», поставил молодой режиссер Тоуб Хупер под руководством знаменитого ныне постановщика фильмов-катастроф и фильмов ужасов новой модификации Стивена Спилберга, выступавшего на этот раз в качестве продюсера и сценариста. Фильм Спилберга «Челюсти» о фантастической акуле-людоеде, наводящей страх на Калифорнийском побережье, прогремел по всему западному миру и создал на целое десятилетие своеобразную модель кинозрелища, призванного поражать или оглушать, пугать или предостерегать, развлекать или отвлекать многомиллионные зрительские аудитории. Другой известный фильм режиссера «И. Т. Инопланетянин» имеет относительно гуманистическое содержание — маленький, чудной, трогательный инопланетянин случайно попадает на землю, и его спасают дети от взрослых, желающих захватить его для своих экспериментов.

Но в «Полтергейсте» — иной смысл.

Итак — маленький городок с ровными стандартными домиками. Дом, где живет эта семья, комфортабелен, просторен. Здесь есть все — и телевизор, который включен с утра до вечера, и удобная мебель, и всевозможные бытовые машины, а у детей множество механических игрушек. Не хватает, правда, бассейна в саду, но и его начинают копать — он скоро будет сделан, и тогда наступит полный достаток в этой преуспевающей американской семье. Но вдруг, внезапно, вечером вместе с грозой в этот благополучный дом врывается странная и страшная сила. Что-то или кто-то влечет девочку с мелькающего экрана телевизора, который забыли выключить и где уже окончилась программа. Керолл Анна слышит голоса «людей телевизора», а на следующий день родители начинают чувствовать, что девочка стала обладать какой-то неведомой силой — в комнате, где она находится, двигаются стулья, посуда на столе вращается. И наконец, Керолл Анна внезапно исчезает. Однако мать чувствует, что девочка где-то здесь, в доме, она слышит ее голос через телевизор, девочка зовет маму. Ужас овладевает семейством. И когда отец обращается к некоей специалистке по парапсихологии и та вместе с двумя ассистентами, вооруженными съемочной и записывающей аппаратурой, приходит в дом, здесь происходят уже совсем неопишуемые чудеса и кошмары. Световые вихри врываются в дом, захватывая мебель, вещи, игрушки, и из пролома в потолке на пол сыплются какие-то старые предметы — карманные часы, брелоки, фотографии. Профессор в смятении, но она понимает, что здесь затронуты какие-то силы, выходящие за рамки парапсихологии. По ее приглашению в дом приходит маленькая, очень полная женщина в очках на широком детском лице — это медиум, она умеет обращаться с потусторонними силами. И, сосредоточившись, медиум объясняет, что девочку унесли духи мертвых (отсюда название фильма), которые чем-то встревожены, обеспокоены, но девочка здесь, в доме, и ее можно вернуть силой любви и родительской веры в добро. И после целого каскада страшных событий — в дом, проламы-

вая стены, врываются огненные смерчи, из вырытой для бассейна ямы вылезают скелеты, хлещет кровь из ванны — матери, бесстрашно стремящейся к дочери, удается вырвать ее из объятий «духов смерти».

Оказывается, у этих удивительных происшествий есть свое объяснение. Отец узнает у хозяина фирмы, где он служит, что весь поселок и его дом тоже построены на бывшем кладбище, — покой мертвых нарушен. Да, нарушены и другие «истинные» ценности — люди живут только бытовыми удобствами, телевизором, сплетнями, не думая о боге, о традициях. И семья спаслась от страшного испытания, наваждения, смерти только потому, что она дружна, что все здесь любят друг друга и почитают «добро». И когда в последний раз души мертвых пытаются унести детей в тартарары, то мать, отец, мальчик, крошка Керолл, крепко схватив друг друга за руки, противостоят этой грозной силе.

Фильм кончается символической сценой: семья уезжает из проклятого дома, из поселка, сооруженного на «нечистом» месте, и из комнаты мотеля, где они временно поселились, отец выносит в коридор телевизор — этот символ зла.

Итак, по внешним признакам, как видим, это обычный фильм ужасов, но, может быть, более усложненной технологии и более совершенной модификации.

Но по существу этот традиционный для Голливуда фильм (сколько сделано таких лент еще со времен первых картин Альфреда Хичкока!) — в общем-то явление новое.

Картина аккумулирует определенные тенденции в современной общественной жизни. Не случайно в начале фильма звучит американский гимн. Не случайно муж и жена перед сном читают книгу о жизни президента. Не случайно, готовясь к решающему шагу и мобилизуя себя для спасения дочери, жена говорит мужу: «Надо вспомнить нашу молодость, то время, когда мы верили в идеалы, будем и сейчас такими». Не случайно и профессор парапсихологии и медиум говорят вдохновенные слова о вере и сплоченности.

Как видим, все это созвучно общему настрою американского пропагандистского аппарата, новому идеологическому курсу правящих кругов США.

Любопытно в связи с этим вспомнить, как эволюционировал американский фильм, ориентированный на массовую, многомиллионную аудиторию, за последнее десятилетие.

Начало 70-х годов. Стали стихать студенческие волнения и негритянские бунты и уходить с экрана остросоциальные ленты, аккумулирующие эти явления, — их немало было в конце 60-х годов, и они остались в истории прогрессивного крыла американского искусства. Но на рубеже десятилетий появились фильмы о катастрофах — земных и космических. Собственно, кинокартины о кораблекрушениях, землетрясениях, грандиозных пожарах и нашествиях на землю невиданных чудовищ Голливуд делал и раньше — эти модели кинозрелищ были разработаны еще в 30-е годы, в период «великой депрессии». И вот они возникли снова. Почему? Во многом потому, что экономическая и духовная обстановка в обществе тоже пронизана разочарованием, тревогой, страхом перед будущим. Это явные приметы экономического и идейно-политического кризиса, охватившего страну. И когда на экране горит небоскреб или новый Кинг-Конг — гигантская обезьяна — приходит в Нью-Йорк, когда землетрясение сотрясает Лос-Анджелес и рушатся дома и мосты, когда в воздухе загорается лайнер с пассажирами, то всегда находятся бесстрашные, ловкие и обаятельные американцы — их играют Грегори Пек, Стив Маккуин, Дастин Хоффман, Чарлтон Хестон, Клинт Иствуд и другие видные актеры, — и эти герои находят выход из самого отчаянного положения и оказываются победителями перед лицом катастрофы. И людям, сидящим в зале, впечатляющими средствами экрана внушается мысль: ничего, будьте спокойны, потерпите, все уладится: Америка всегда найдет нужный выход.

Несколько позже возникли фильмы о космических приключениях. Причем их делали режиссеры,

которые в конце 60-х годов были связаны с движением «контестаии», протеста и в ту пору создавали ленты о протестующей молодежи и молодежи разочаровавшейся. Теперь вчерашний бунтарь Джордж Лукас поставил «Звездные войны» — о космических сражениях с применением ядерных бомб и лазерных устройств. А упомянутый в связи с фильмом «Полтергейст» Стивен Спилберг создал целую серию кинолент, сделанных по старому голливудскому рецепту, как когда-то в период «великой депрессии» — «развлекая, отвлекая, отвлекая, развлекая».

В начале 70-х годов Стивен Спилберг поставил два фильма прогрессивной ориентации: «Дуэль» и «Шугерлэндский экспресс» — о тотальном насилии, охватившем страну. Но уже с середины минувшего десятилетия «сменил вехи».

Вот перечень этих картин. «Челюсти» — это фильм из жанра «катастроф», «Контакты третьей степени» — о встрече землян с неземными цивилизациями. «В поисках ковчега» — немыслимые приключения, связанные с соперничеством английского археолога и его фашиствующего конкурента из нацистской Германии, — дело происходит в 30-е годы — события переносятся из Южной Америки в Гималаи, из Гималаев — на Ближний Восток. «Герои» сражаются и с дьявольской силой, и с сонмищем змей, и друг с другом. «1941 год» — это уже фантазмагория другого рода. Здесь дело происходит в декабре сорок первого года в Голливуде, куда приплывает японская подводная лодка. Она обстреливает «фабрику грез», вызывая немыслимую панику не только среди обитателей Лос-Анджелеса и Голливуда, но и среди военных, которые оказываются совершенно неподготовленными к этому «нападению», которого, разумеется, никогда не было. Пьяные летчики летают между небоскребами, орудия береговой обороны стреляют не в ту сторону, куда следует. Танки въезжают в витрины магазинов. А генерал, который должен руководить боевыми действиями, безмятежно смотрит в пустом кинотеатре мультипликации Диснея. Бедлам, неразбериха. Но внутренний смысл этой комедийной фантазмагории, приуроченной по причудливой воле

авторов к временам Пирл-Харбора, прочитывается со всей отчетливостью. Фильм как бы говорит: вот так же, как тогда, мы сегодня не готовы к нападению «врага». А кто враг? Ну, разумеется, не японцы. Значит, надо не благодушеествовать, а вооружаться, готовиться.

Не совсем безобидны и многочисленные боевики о космических войнах, в создании которых участвовал и Спилберг. Перед зрителями возникают апокалипсические картины сражений в иных мирах и на иных планетах, исподволь внушается мысль о неизбежности войны — на Земле и в космосе, войны в защиту «цивилизации» против тех, кто на нее покушается.

Фильм «И. Т. Инопланетянин», как мы сказали выше, несколько иной, гуманистической и либеральной ориентации.

Кинобизнес на Западе в последние два десятилетия развивался как бы зигзагообразно. Давно ли кинопродюсеров и кинопрокатчиков пугало телевидение — в 50-е, начале 60-х годов голубой экран сильно потеснил кинематограф, резко понизилось посещение кинотеатров. И не только в Европе, но и в США, где кино всегда предпочиталось зрителями всем другим видам зрелищ, было буквально религией американского общества, существенной частью «американского образа жизни». Но к концу 60-х годов кинопромышленности удалось в основном преодолеть кризис, вызванный наступлением телевидения. И хотя число посещений

СОБЫТИЯ ФАКТЫ СУЖДЕНИЯ

За один лишь час на телеэкранах США можно увидеть в среднем до десяти различных видов насилия и убийств. Обследования социологов показали, что в среднем американец с пяти до четырнадцати лет видит на экране телевизора тринадцать тысяч убийств и что к восемнадцати годам он проводит перед телевизором двадцать тысяч часов.

Из американской печати

кинотеатров на душу населения, доходившее в 40-е годы до двадцати, понизилось вдвое, но выдвижение новых моделей кинозрелищ — постановочные супербоевики, с одной стороны, и аккумуляция на экране молодежных и остросоциальных проблем — с другой, — повысили интерес к кинематографу. «Молодежный бунт» и негритянские волнения конца 60-х — начала 70-х годов, разочарование в «американском образе жизни» и американской демократии, особенно остро проявившиеся во время агрессии во Вьетнаме, способствовали этому. Состав киноаудитории изменился — в кинотеатрах стала преобладать молодежь, а люди старшего возраста остались у голубых экранов.

Но чуткий к настроениям в правящих кругах и зрительских аудиториях большой кинобизнес, киномонополии постепенно интегрировали так называемых «независимых» режиссеров и продюсеров, используя выдвинутую ими политическую и молодежную проблематику в своих интересах. Разумеется, при этом была во многом выхолощена социальность и антибуржуазность их лент, которые по внешним признакам остались политическими, острыми и даже «горячими». Словом, в старую оболочку вложили иное содержание. Одновременно кинобизнес — девять гигантских киномонополий и интегрированные ими «независимые» продюсеры и прокатчики — выдвинули модели кинозрелищ, созданных по старым, довоенным голливудским рецептам. На экране появились горящие небоскребы, инопланетные чудовища и «золушки», находящие свое счастье под американским небом. Многие вчерашние протестанты и бунтари стали делать фильмы, охватывающие уже не только молодежную, но и всю киноаудиторию: помимо названных выше фильмов-катастроф появились и другие модели: «Экзорцист» — о потусторонней силе, вселившейся в ребенка; «Лихорадка субботнего вечера» и «Смазка» — о кумире дискотеки; «Рокки» — о неудачнике-боксере, вдруг поймавшем фортуна — приз и прекрасную девушку в придачу, и прочие — им несть числа. К такого рода фильмам присоединились ленты, где талантливые актеры разыгрывали простые, мелодраматичес-

кие истории из семейной жизни обыкновенных людей.

И кинокартины социальные, правдивые, честные, ставящие реальные жизненные проблемы, кинокартины, развивающие славные традиции американского критического реализма в литературе и кино, — стали узеньким ручейком рядом с мощным потоком кинозрелищ совсем иного рода и иной направленности. Нельзя, впрочем, не сказать, что их нет совсем, они есть, но их мало.

Большой кинобизнес, как уже отмечалось, справился со своим сильным конкурентом — телевидением, отдав, правда, ему значительную часть своих доходов и во многом перестроив свою систему — сегодня значительная часть киностудий Голливуда работает на телевидение. Но доходы от кино с начала 70-х годов стали расти, и не только по причинам, указанным выше, но и из-за повышения стоимости билетов в кинотеатрах. Американским киномонополиям удалось захватить львиную долю европейского экрана, закабалить латиноамериканский экран, во многом подчинить своему влиянию кинодело в других районах мира.

Создалась ситуация, когда национальные кинематографии, имеющие давние традиции, оказались в трагическом положении. Так случилось с английской кинематографией, обладавшей славной историей и талантливыми кадрами режиссеров и актеров, но сегодня, по существу, интегрированной американским кинобизнесом. Причем правящие круги Англии не только не сопротивляются этой агрессии Голливуда, но идут ей навстречу — в 1981 году была снижена квота, то есть минимум экрановремени, отводимого в национальном кинопрокате для демонстрации английских фильмов, с 30 до 15 процентов. В связи с этим Ассоциация независимых продюсеров заявила протест: «Мы всегда рассматривали квоту как активное средство для защиты английского кинерынка от засилия американских фильмов». Трагическое положение складывается в итальянской кинематографии — одной из величайших кинематографий мира, обладающей кадрами выдающихся, талантливейших кинорежиссе-

ров, актеров, сценаристов, которые в первые послевоенные десятилетия буквально преобразили европейский экран.

По данным американского журнала «Голливуд рипортер», в 1981 году произведено итальянских фильмов на пятьдесят меньше, чем в 1980 году, при этом резко сократились капиталовложения в кинопроизводство. В 1982 и 1983 годах этот процесс продолжался. Многие выдающиеся мастера итальянского кино с горечью говорят о невозможности, из-за недостатка средств, осуществить свои творческие замыслы.

В связи с уменьшением в Италии количества национальных фильмов, изменением под прямым и косвенным воздействием американских киномонополий их тематики и проблематики наблюдается понижение интереса людей к кинематографу — за последние пять лет, по данным печати, закрылось более двух тысяч кинотеатров.

В Испании, несмотря на то что здесь существует закон, предусматривающий равные условия для проката испанских и иностранных фильмов, все же тон в киносети задают американские монополии. Заокеанские кинобизнесмены развивают свою деятельность в двух направлениях — дают владельцам крупнейших кинотеатров более высокий процент от дохода при показе своих фильмов и, во-вторых, перекупают кинотеатры у испанских владельцев — так, испанский филиал киномонополии «Братья Уорнер» скупил кинотеатры одной из крупнейших ассоциаций кинопрокатчиков страны. В интересах американских фирм недавно была введена категория «Фильм, представляющий особый интерес», предусматривающая преимущественное положение в кинопрокате и назначение поощрения прежде всего американским фильмам, выпускаемым с гигантским рекламным размахом.

Под давлением общественности и национальных кинофирм в ряде стран принимаются отчаянные меры по спасению национального кинопроизводства. Во Франции, например, где щупальца американского кинобизнеса повлияли на характер и тематику французской кинематографии, после победы на выборах 1981 года левого большинства было

принято, согласно предвыборным заявлениям президента, решение о создании специальной комиссии по исследованию французского кинематографа. Комиссия установила, что «основную угрозу» развитию французского кино представляют прежде всего кинокомпании США, а также конкуренция телевидения и новые средства видеотехники — видеокассеты.

Комиссия предложила создание государственного фонда для поощрения национального кинопроизводства и кинопроката, а также ряд других мер. Этот носящий антимонополистический характер проект вызвал широкий отклик в кинематографических кругах и негативную реакцию со стороны кинокомпаний-гигантов, связанных с американскими киномонополиями. Правда, фильмов, продолжающих гуманистические традиции французского кино, все же мало. На экране и сегодня преобладают коммерческие боевики, сделанные по американскому покрою, но с талантливыми французскими актерами.

Широкая кампания в защиту национального кинопроизводства идет в ФРГ, где в последнее время был создан ряд интересных, социально значительных фильмов.

Печать сообщает об активизации движения, направленного на защиту и развитие национальной кинематографии, в Бразилии, Аргентине, Мексике, имеющих давние кинематографические традиции.

Западная печать в последнее время много пишет о «наступлении» видеобизнеса, видеокассетных магнитофонов. Сегодня Япония выпускает видеоманитофонов больше, чем телевизоров, — более миллиона в месяц.

Некоторые критики называют эту тенденцию «технической революцией в сфере видеобизнеса». В специальных изданиях много пишется о «пиратстве» при изготовлении видеокассет — то есть записей фильмов, не приобретенных у кинофирм для этих целей.

Крупные киномонополии, испуганные этим «наступлением», стали искать способы упорядочить свои отношения с видеобизнесом.

Создаются разного рода пулы и картели, объединения и тресты. Ежегодно в Лас-Вегасе стала

проводиться выставка «Электроника для потребителя».

Одна из компаний видеозаписи заплатила киномонополии «Юнайтед артисте» шестьдесят миллионов долларов, приобретя пятьсот названий фильмов, созданных этой киномонополией за многие годы. «Юнайтед артисте» поспешила вложить в этот список двенадцать фильмов о Джеймсе Бонде. Так что суперагент 007 с правом применять оружие может совершать свои невиданные «подвиги» в каждой квартире. Порнографические видеокассеты принесли гигантские барыши фирмам, их выпускающим.

В середине 70-х годов перед кинобизнесом снова возник призрак старого и, казалось бы, уже поверженного конкурента — телевидения. На этот раз в облике кабельного телевидения и частных передатчиков, программа которых состоит из кинофильмов, часто добытых контрабандным, «пиратским» способом.

Недавно в Женеве была образована Международная ассоциация по коллективному управлению передачей прав для демонстрации телефильмов по кабельному телевидению, во главе которой стал видный итальянский продюсер Франко Кристалди. Цель ассоциации — упорядочить коммерческие связи кино с кабельным и частным телевидением, которые получили очень большое распространение в Европе, особенно в Италии: здесь в эфир выходят многие сотни частных телестанций, показывающих с утра до поздней ночи самые различные фильмы — от детских мультипликационных и приключенческих до эротических лент.

Но беспокоят эти новые телезрелища по большей части европейских продюсеров, и так зажатых американскими кинокомпаниями. Сами заокеанские киномагнаты не столь уж взволнованы — они надеются преодолеть и эту опасность.

Итак, кинобизнес изворачивается, ищет новые способы выживания и преуспеяния. Лишь одним только не занят он — поддержкой тех произведений для большого белого и малого голубого экранов, которые служат гуманизму, прогрессу, служат высоким целям искусства.

Еще в начале века А. М. Горький в очерке «Город Мамоны» с гневом писал об американском театре, попавшем в руки трестов, беспардонно диктующих характер репертуара: «Превращение искусства в средства наживы — серьезный проступок при всех обстоятельствах, но в данном случае это положительное преступление, поскольку оно насилует личность автора и фальсифицирует искусство. И если закон предусматривает наказание за подделку пищевых продуктов, он должен безжалостно поступать с теми, кто фальсифицирует духовную пищу народа»¹.

Горький писал эти слова о театре тогда, когда кинематограф делал свои первые шаги. Но и самое молодое искусство оказалось в еще большей зависимости от денежного мешка и фальсификации искусства, подделка духовной пищи стала системой кинопредпринимательства. Сегодня речь идет уже не просто о подделке духовных ценностей могучими средствами экрана, а о подлинной *аудиовизуальной агрессии*.

В капиталистическом мире ежегодно выходит на экраны более трех тысяч картин — цифра немалая, однако лишь несколько десятков фильмов можно отнести к прогрессивному крылу мирового кино. Это — факт, которого не отрицает и буржуазная критика.

Кино может служить и служит прогрессу, человеку и человечеству, служит делу мира. Но кинематограф, взявший установку на разрушение личности, поддерживая идеи неверия в социальный прогресс, насаждая агрессивность, жестокость, ведя фронтальную пропаганду против дела мира, по существу ополчается против главных гуманистических ценностей.

Экранное искусство в капиталистических странах с предельной наглядностью, и не только своими негативными явлениями, но и явлениями позитивными, связанными с традициями критического реализма, отражает тотальный идейно-политический и духовный кризис, охвативший буржуазный мир в последние годы. В концентрированной форме ки-

¹ Горький М. Полн. собр. соч., т. 6, с. 435—436.

но как чуткий барометр общества выражает самые существенные, бросающиеся в глаза, и потаенные черты этого кризиса, поразившего, по существу, не только все механизмы буржуазной экономики и правопорядка, но и всю общественную, социальную, личную жизнь людей.

Кризис, охвативший все стороны общественной и духовной жизни при капитализме, искажил и подорвал гуманистические ценности, которыми так гордилась буржуазия в период своего подъема. Буржуазная идеология, как раковая опухоль, поразила все стороны общественной жизни, в том числе и искусство.

Происходит процесс дальнейшего разложения буржуазной идеологии и всей буржуазной культуры и искусства, всех идейно-духовных основ капиталистической формации.

Кинематограф, являющийся массовым и действенным видом современного искусства, уже в силу этих причин занимает особое и чрезвычайно важное место в системе идеологического противоборства социализма и капитализма.

Современный кинематограф капиталистического Запада — явление в высшей степени сложное и противоречивое. Здесь сталкиваются и борются разные идеологические и художественные тенденции и направления, от самых реакционных и антикоммунистических до демократических, прогрессивных.

Особенно наглядно это видно на примере крупнейшей кинематографии Запада — кинематографа США. На протяжении всей своей истории голливудские кинокомпании немало потрудились, чтобы найти, по определению французского критика Ж.-А. Астри, «тип фильмов, который в данный момент, данном социальном и культурном контексте будет привлекать наибольшее количество зрителей; найти нечто вроде тематического и стилистического «общего знаменателя», чтобы по возможности исключить проникновение в фильмы всякой сомнительной отсебятины; привести этот общий знаменатель в соответствие со стандартами доброкачественного «американизма» (годного даже для экспорта) или, что предпочтительнее, унифицировать интересы разнородной публики, руководству-

ясь интересами правящих классов, которые относительно однородны».

В дело здесь идет все — фильмы о бедных «золушках», вдруг находящих своего «принца» в обществе «равных возможностей», псевдоисторические боевики и музыкальные комедии, всевозможные фильмы-катастрофы. Заключив союз с церковью, Голливуд претендует на то, чтобы создаваемые в его студиях фильмы рассматривались как верные хранители «национальной нравственной традиции». Согласуя свои действия с интересами большого бизнеса и правительственных кругов, кинокомпании делают ставку на то, чтобы фильмы в конечном счете укрепляли существующий правопорядок и внушали доверие и уважение к «американскому образу жизни» не только в стране, но и за рубежом.

Экспансия американского кинематографа и прежде всего того его крыла, которое мифологизирует и деформирует сознание масс, принявшая в последние годы особо широкий характер, вызывает тревогу не только у деятелей кино, но и у всей прогрессивной общественности мира.

Американскому монополистическому капиталу удалось, как уже говорилось выше, утвердиться на европейских кинорынках и повлиять на развитие европейских кинематографий, имеющих гуманистические и реалистические традиции.

Монополистический капитал и его пропагандистский аппарат широко используют кинематограф в своих целях, пытаясь привить массовым аудиториям мифы, приукрашивающие капиталистическую систему, рисуящие ее «разумные» перспективы или же при помощи сложного, а иногда и не очень сложного камуфляжа пытающиеся отвлечь массовое сознание от реальных процессов, происходящих в современном обществе.

На противоречивой палитре западного экрана нередко уживаются — подчас в причудливом, немыслимом симбиозе — идеи, почерпнутые из самых различных и, казалось бы, несовместимых источников. Здесь и элементы традиционных и новомодных буржуазно-апологетических конструкций, и по сути своей сходные с ними мотивы, заимствованные у «радикальных» критиков буржуазного миро-

порядка. Так, например, авторы ряда европейских и американских фильмов стали настойчиво проводить мысль о возникновении у капиталистов и рабочих сознания, исключаящего какую-либо оппозицию друг другу, о возможности совпадения их личных потребностей и стремлений. Чувствуя кризисную ситуацию, в которой находится буржуазный мир, и в то же время стараясь его спасти, киномонополии и зависимые от них так называемые «независимые» продюсеры и режиссеры в последнее время стали выпускать многочисленные фильмы-мифы, имитирующие разного рода злободневные политические события. Появились фильмы о мафии, о коррупции в высших эшелонах власти, об Уотергейтском скандале, американской агрессии во Вьетнаме. Уклоняться от такого рода тем кинобизнесмены уже не могут — они вынуждены допускать известную долю критики, ибо язвы общественной жизни столь очевидны каждому, что не замечать их уже нельзя. Поэтому, применяя сложный камуфляж, бизнесмены от кино и нанятые ими режиссеры и сценаристы пытаются интерпретировать эти реальные ситуации, вызванные кризисом буржуазного правопорядка и бытия, в соответствии со стратегическими целями буржуазной идеологии и буржуазной пропагандистской деятельности.

Именно в контексте этих реальных процессов, обусловленных мировым кинематографическим развитием, должно прочитываться и такое характерное заявление итальянского актера, сыгравшего много ролей в прогрессивных фильмах, Джана Марии Волонте: «Я знаю, что такое политика в области кино, но я определенно не верю в термин «политическое кино», вскормленный буржуазной критикой». Более того, Волонте считает, что весь кинематограф на Западе — и «массовый» и «элитарный» — находится сегодня в сфере политики. И конечно, в значительной мере он прав.

В структуру классических киносюжетов вкладываются и такие мотивы, которые уводят сознание зрителей от реальности. Отсюда и фильмы-катастрофы, и всякого рода «бесовщина». Западный кинематограф дает немало и других примеров идеологической стратегии «срачивания» в искусстве тра-

диционных буржуазных мифов и «новых» концепций. Одна из главных целей такой стратегии — скрыть истинную социальную роль буржуазного искусства, осознание которой приводит все большее число западных художников к разрыву с господствующей культурой.

Для всех этих фильмов характерна относительная достоверность деталей и аккумуляция модных философских и социальных теорий. Таким образом, большинство фильмов, рассчитанных на все зрительские аудитории, несет на себе печать диффузии, взаимопроникновения явлений, ранее присущих так называемым элитарным фильмам и традиционной «коммерческой» продукции.

Стратегия монополистического капитала и его пропагандистского аппарата в области кино как бы двойка: с одной стороны — стремление к созданию «псевдокультуры», открыто ориентированной на деформацию сознания миллионов людей, с другой — поддержка тех явлений искусства, которые имеют все внешние приметы истинно художественных ценностей — проблемность, политическую актуальность, изыски в области формы, но по существу также связаны с задачей деформации духовного

СОБЫТИЯ ФАКТЫ СУЖДЕНИЯ

«Экран в нашей стране оккупирован киномонополиями Соединенных Штатов. Достаточно сказать, что с кубинским кино мы познакомились всего лишь три года назад. Мы почти не знаем кинематографа Венесуэлы, Мексики, Бразилии... 85 процентов лент, показываемых по телевидению, — американского производства, до 10 процентов — латиноамериканского и только 5 — национального, причем по преимуществу это антикоммунистическая страпня».

Серхио Лопес (Сальвадорский фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти), 1983

климата жизни людей. Обеим этим линиям противостоит демократическая культура, в различных, разумеется, ипостасях.

Семидесятые, начало восьмидесятых годов, как известно, проходили в западном кино под знаком углубления явлений, связанных с общим экономическим и идейно-политическим кризисом буржуазного общества. Это проявилось, в частности, в прямой поддержке монополистическим капиталом и буржуазным государственным аппаратом реакционных и консервативных произведений кинематографии. В борьбе с этими явлениями, в свою очередь, развивались демократические, прогрессивные тенденции.

Каковы причины развернутой новой американской администрацией «психологической войны» против нашей страны, против мира социализма? Это — дальнейшее развитие экономического, идейно-политического и духовного кризиса капиталистической системы. Это — крупнейшие внешнеполитические поражения США в различных районах мира и расширение фронта антиимпериалистической и антикапиталистической борьбы. Это — рост противоречий между США и странами Западной Европы и Латинской Америки. И наконец, это — осознание не только широкими массами трудящихся, но и интеллигенцией своего положения, социальной и нравственной стагнации, что ведет в искусстве к созданию произведений антибуржуазной ориентации. И такие произведения возникают не только в Италии, где имеются давние и исключительно перспективные традиции критического реализма и гуманизма, но и в ФРГ, где антибуржуазные тенденции развивались в последнее двадцатилетие и были связаны с именами Клюге, Фассбиндера, Шлөндорфа, Вендерса, фон Тротты и других режиссеров, ведущих сложный, порой противоречивый поиск альтернативы буржуазному искусству. Они возникают в «малых» странах Европы. Они с особой наглядностью видны в кинематографиях ряда стран Азии, Африки и Латинской Америки, о чем ярко свидетельствует последний Международный кинофестиваль в Ташкенте. Эти тенденции возникают и в американском кино, когда художни-

ки, используя противоречивый характер голливудского кинопроизводства, преодолевая трудности и преграды, создают фильмы гуманистической и реалистической ориентации. И это тоже надо видеть.

Утрата буржуазной идеологией своего влияния на массы, неспособность выдвинуть какую-то новую альтернативу по глобальным проблемам человечества, кроме той, которую дает марксистско-ленинское учение, реальный социализм и осознание массами (в том числе и интеллигенцией) в капиталистических странах кризисной ситуации, в которой оказался буржуазный мир, вызвали у идеологов империализма и реакции замешательство. Антикоммунистическая кампания, развернутая в последнее время монополистическим капиталом и его пропагандистским и чиновничьим аппаратом с привлечением интеллигенции — не что иное, как истерическая попытка противодействовать осознанию массами бесперспективности капиталистической системы.

Буржуазные идеологи постоянно твердят о правах человека, о гуманизме. Но это лишь пустые словосочетания. Подобно тому как их хозяева — империалистические круги, транснациональные корпорации, финансовый капитал грубо попирают элементарные человеческие права, в различных районах мира проводят агрессивные акции, проливая кровь людей, кровь женщин и детей, так и оплачиваемые этими кругами режиссеры и сценаристы ведут наступление на реализм и гуманизм.

В документах июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС подчеркивается, что «на международной арене происходит резкое, небывалое за весь послевоенный период обострение борьбы двух общественных систем, двух полярно противоположных мировоззрений»¹.

Потому так важно определить место и роль кинематографа в идеологическом противоборстве, и не только определить, но и показать различные грани, оттенки, внешние и внутренние черты мирового кинематографического процесса.

¹ Об идеологической работе КПСС. Сб. документов. М., 1983, с. 125.

В идеологической стратегии современного империализма в области экранного искусства с предельной четкостью обозначились, по крайней мере, две тенденции, две линии. Первая — в поиске все более тонких, дифференцированных приемов воздействия на сознание людей, новых форм идеологического проникновения в систему социализма, попыток маскировать свои классовые цели тогами беспристрастности и объективности. И вторая — открыто агрессивная линия, характеризующаяся возвратом приемов «холодной войны», архаичными формами антикоммунизма и антисоветизма. Именно эта, вторая линия стала в последнее время выдвигаться на первый план, и маскировочные одежды, респектабельные и либеральные тоги сдаются в архив. Но и «диффузионные» формы, то есть взаимопроникновение признаков «элитарной» и «массовой» культуры, на которое советское искусствоведение указало в начале 70-х годов, все же остаются в силе и появляются на экране не столь уж редко.

Взаимосвязь и взаимообусловленность кино и идеологии, кино и политики ныне настолько очевидны, что отрицать это явление вряд ли отважатся даже буржуазные киноведы и кинокритики. Можно с полным основанием утверждать, что кинематограф, благодаря своему исключительному положению в системе массовых коммуникаций, более чем другие виды искусства, подвержен влиянию идеологических и политических процессов. Особенно отчетливо эта тенденция проявилась в 70-х — начале 80-х годов. Кинематограф в буквальном смысле стал полем борьбы, на котором происходит противоборство идеологий и мировоззрений. Поэтому литературно-художественная критика сегодня не может развиваться, не учитывая этого принципиально важного фактора.

В каких направлениях развивалась экранная агрессия? Это прежде всего попытка американских киномонополий, владеющих кинопроизводством и кинопрокатом в США и многих других районах мира, привести к «общему знаменателю» зрителей, аккумулировать самые различные тенденции: и консервативные, связанные с так называемой «американской мечтой», и тенденции, возникшие в период

протеста в конце 60-х годов, приспособив их на свой лад — через создание эскапистских зрелищ, фильмов-катастроф, политических боевиков, спекулятивно эксплуатирующих интересы масс, особенно молодежи, к проблемам научно-технической революции, экологии, космоса, защиты мира и демократических свобод и т. д.

Это — политизация и «респектабилизация» порнографии, которой придан «серьезный», «научный», «философский» характер, с привлечением постулатов теорий «сексуальной революции», — явление, принявшее в кинематографе Запада глобальный характер, в конкретной форме воплощающее общую тенденцию взаимопроникновения «массового» и «элитарного» искусства на основе антигуманизма и пытающееся под научным прикрытием провести в сознание зрителей догмы буржуазной идеологии.

Это — мода «ретро» — обращение к прошлому, прежде всего к периоду 20-х и 30-х годов, — идеологический смысл которой приукрасить историю империалистических государств, деформировать понятие фашизма, переведя его из категории политической и идеологической в категорию психопатологическую (с применением «фрейд-марксистских» теорий). И идущая рядом с этой тенденцией деформация и искажение гуманистических ценностей, выработанных человечеством, — фильмы, фальсифицирующие историю, а также картины о великих деятелях культуры прошлого, деформация в экранизациях классики.

Ставится задача — привить многомиллионным аудиториям кино и ТВ культ насилия, жестокости, изощренной эротики. Стратегическая установка этого направления экранной агрессии — в стремлении внушить массовому сознанию безответственность за судьбы человечества или чувство апатии перед лицом империалистических кругов. Издатели, литераторы, деятели кино и телевидения, используя самые различные, часто маскировочные средства, навязывают читателям и зрителям культ силы, поэтизацию жестокости, извращенный аморализм,

Особенно агрессивен буржуазный экран. Военственный антигуманизм стал сердцевиной подавляющего большинства фильмов, создаваемых капиталистами.

талистическими кино- и телемонополиями США и ряда европейских стран. Этого сегодня не может скрыть даже буржуазная пресса.

С этим сочетается поэтизация через кино- и телефильмы международного терроризма, нарушение законности и международного права. Это фильмы из серии о «подвигах» секретного агента 007 Джеймса Бонда (недавно вышел 13-й по счету фильм «бондианы», названный несколько странно «Октопусси» и носящий откровенно антисоциалистический характер), а также его многочисленные модификации, сделанные в Японии, Гонконге; моральное развенчание человека, социальный пессимизм, глобальный подрыв гуманистических ценностей.

Это — стремление привить многомиллионным зрительским аудиториям легкомысленное отношение к характеру будущей войны, которая подается, как неизбежный итог человеческой цивилизации — через развлекательные фильмы о космических приключениях и фантастические ленты с «философским» содержанием, детские мультипликационные серии о боях в космосе с применением лазерных устройств и атомных бомб и т. д.

В конце 70-х — начале 80-х годов в кинематографе сказывается влияние так называемого «неоконсерватизма». «Термин «неоконсерватизм», — пишет американский критик Деннис Вронг, — это новейшее журналистское изобретение. Каким бы он ни был, термин обозначает вполне определенную группу политических интеллектуалов, которые контролируют некоторые влиятельные журналы, имеют тесные связи с рядом издательств, фондов и некоторыми профессиональными политиками».

Таким образом, речь идет об идеях самого реакционного толка, которые охватывают в США прежде всего сферы политические. При этом следует иметь в виду, что некоторые буржуазные искусствоведы, стоящие на позициях антикоммунизма, но называющие себя либералами, сегодня тоже обрушиваются на «неоконсерватизм», но вкладывают в это понятие совсем другой смысл, они просто-напросто отрицают любые исторические или национальные ценности, противостоящие модернизму, «контркуль-

туре», и т. д. Ясно, что критика «неоконсерватизма» с позиций элитарного модернизма — это та же вывернутая наизнанку буржуазность. «Контркультура» в любых вариантах — и «старых», и «новых» — не может быть альтернативой консерватизму и «неоконсерватизму».

Не так давно в Париже вышла книга Бернара-Анри Леви «Французская идеология». Один из «основателей» так называемой «новой философии» развернул изобретенную им концепцию исторического процесса. Вчерашний «новый левый», сегодняшний махровый антикоммунист и антисоветчик Леви пытается по-своему истолковать историю Европы, и в частности — историю возникновения фашизма. Но фашизм под его пером — это совсем не разбойничий германский и итальянский фашизм, сокрушенный Советской Армией, антифашистскими силами мира, это нечто всеобъемлющее и эфемерное. Он толкует это понятие как всеобъемлющее. Леви договорился до того, что сам фашизм, его идеология зародились на французской почве. А спрашивается: где гитлеровская Германия, фашистская Италия? Он оплевывает французскую культуру, ее гуманистические традиции. Фашистскую идеологию он находит даже среди коммунистов и вообще всех левых, демократических сил. Гнусно клеветца на движение Сопротивления, на французский народ, «новый философ», по существу, снимает с фашистской Германии ответственность за преступления против человечества. И разумеется, что вполне логично для авторов такого рода, идеалом объявляется Америка, «американская демократия», «американский образ жизни», страна, по мнению Леви, которую могут не любить лишь фашисты.

В синхронной связи с такого рода «теоретическими» писаниями и практикой транснациональных корпораций, за спиной которых стоит монополистический капитал США, находится кинопродукция многих буржуазных кинокомпаний.

Не внове для кино Запада и искажение истории второй мировой войны и фашизма.

В 70-е годы в кинематографической прессе прошли дискуссии по поводу фильмов «Лакомб

Люсьен» французского режиссера Луи Маля и «Ночной портье» итальянского режиссера Лилианы Кавани, — в этих фильмах делался далеко идущий вывод — природа фашизма, оказывается, заключена в самой личности человека: он готов либо творить насилие, либо подчиняться насилию. В фильмах такого рода, а их вышло немало, фашизм из категории политической и социальной превращался в некий садо-мазохистский комплекс, якобы присущий каждому человеку, но проявляющийся в зависимости от обстоятельств.

Совсем европейскими эти фильмы назвать нельзя — сейчас почти нет более или менее солидных кинопредприятий и фирм, которые в той или иной степени не были бы связаны с американским капиталом.

В подлинно антифашистских фильмах, а их немало создало мировое кино, нет двусмысленности. Реакция и фашизм — это реакция и фашизм, а не что-то другое. И их происхождение отчетливо связано с расстановкой классовых сил, а не с психикой человека, не с массовым сознанием, закрепощенным сексуальным «табу». Равно и трактовка фашизма с позиций транснациональных монополий, всяческое приукрашивание американского империализма, действий финансового капитала, поиски «зародыша» фашизма в демократических, освободительных и социальных движениях.

Фильм «Ночной портье» создан сравнительно давно. Позже Лилиана Кавани поставила фильм «По ту сторону добра и зла» — из жизни Ницше. На Каннском фестивале 1981 года был показан фильм Лилианы Кавани «Кожа». Он идет и сейчас на экранах Запада, вызывая дискуссию в прессе. Поставленный по роману известного итальянского писателя Курцио Малапарте, фильм повествует о первых месяцах наступления американских войск в Италии. Режиссер взяла лишь ряд мотивов этого многопланового романа, впрочем не лишенного декадентских черт. По внешним признакам, в фильме немало критических стрел, направленных против американских военнослужащих. Придя в Италию, они увлечены не ведением боевых действий против гитлеровцев, а разного рода спекулятивными махи-

нациями да развлечениями с проститутками, в обилии появившимися в Неаполе. И генерал — его играет знаменитый американский актер Берт Ланкастер — закрывает глаза на то, что исправный танк «Шерман» распродают на детали спекулянты. Некий проходимец, выдающий себя за бойца Сопротивления, предлагает генералу казнить спрятанных у него немецких солдат и выдать их за захваченных в бою. Разгул, спекуляция, разврат. Да, все это показано в фильме. Но... Дело в том, что антиамериканизм фильма — лишь нехитрый камуфляж. Американцы представлены как грубая, но здоровая сила, с легкостью преодолевающая трудности, как люди, способные на благородные поступки, — они спасают людей во время землетрясения, юноша-лейтенант влюбляется в девушку, которой торгует отец... Что же, и здесь как будто бы нет ничего особенного — разве мало в среде американского народа людей достойных и смелых? Но дело в том, что итальянцы — все, без различия социального положения, — представлены как гниющая, разлагающаяся, деградирующая толпа. Они не способны к какому-либо созиданию: их удел — спекулировать, проституировать, морально разлагаться. Поэтому в фильме такое большое место занимает изображение оргии гомосексуалистов, куда приводит главный герой фильма, писатель (его играет Марчелло Маджорани), жену американского сенатора. Поэтому становится центральным мотив «некрофилии» — культ смерти и самых мерзких извращений. Антифашистов, борцов Сопротивления здесь нет и быть не может, а если они показаны — то это приспособленцы, жулики, извращенцы.

Мы помним замечательные фильмы итальянского неореализма, показавшего мир простых людей, пафос ненависти к фашизму, протест против социального зла.

Фильм Лилианы Кавани как бы воинственно направлен против неореализма и гуманистического искусства вообще. Да, собственно, она и не скрывает этого. «Я сознательно не хотела черпать вдохновение из неореализма, который возник сразу же после событий, о которых идет речь в фильме, — писала Лилиана Кавани. — Мы вместе со сцена-

ристом Данте Феррети пошли по пути «гиперреализма», то есть стремления восстанавливать события через изображение вещей». И далее она отмечает, что в книге Курцио Малапарте, по которой поставлен фильм, больше всего ее привлекли «отрешенность и цинизм».

Что ж, это правда. Цинизма в этой картине более чем достаточно, как, впрочем, и во многих сотнях других лент, созданных в последние годы на Западе.

В 70-е годы американской кинокомпанией с участием ФРГ был создан фильм «Железный крест» (режиссер Сэм Пекинпа), прославляющий гитлеровский вермахт,— в центре сюжета обаятельный, «гуманный» и бесстрашный гитлеровский унтер-офицер. Недавно на экранах США и Европы появился новый фильм о подвигах бесстрашного Штейнера — его в обеих лентах играет известный американский актер Джеймс Кобурн, специализировавшийся в прошлом на ролях ковбоев, то есть персонажей априори положительных.

Таким образом, лучшие антифашистские фильмы социалистического реализма, а также фильмы на эту тему прогрессивных художников-реалистов капиталистических стран вступают в бескомпромиссный идеологический спор с теми кинокартинами, которые либо преднамеренно искажают историю второй мировой войны, либо при помощи современных буржуазных философских теорий деформируют само понятие фашизма, либо, как это делают «новые философы» и их поклонники в сфере кино, под видом критики фашизма оплеывают демократические движения, коммунизм, великие гуманистические ценности.

В такого рода фильмах проявляется стремление американских киномонополий не только захватить в свои руки или поставить под свой контроль кинопроизводство и кинопрокат в странах Западной Европы, где имеются большие традиции национального реалистического и гуманистического киноискусства, но и полностью ликвидировать национальные кинематографии либо привести их «к общему знаменателю», то есть подчинить голливудским идейно-эстетическим установкам.

К. Маркс и Ф. Энгельс называли буржуазную идеологию извращенным сознанием, затемняющим правильное понимание объективной реальности¹. Это извращенное сознание пронизывает подавляющее большинство фильмов, выпускаемых капиталистическими кинофирмами.

Гуманистические проблемы стали центром и ставкой идеологической борьбы на экране. Кинематограф, взявший установку на разрушение личности, поддерживающий идеи неверия в социальный прогресс, покушается на главные гуманистические ценности, выработанные человечеством.

Можно привести огромное количество примеров изощренного коварства наших идейных противников, пытающихся использовать самое могучее средство воздействия на массы — кино- и телеэкран, а также киноведение и кинокритику в своих классовых целях.

В борьбе против коммунистической идеологии и реального социализма сегодня гораздо масштабнее применяются средства литературы и искусства — в антисоветскую кампанию пытаются втянуть писателей, кинорежиссеров, театральных деятелей, критиков, искусствоведов. И разумеется, такое могущественное оружие воздействия на общественное сознание, каким является кино, здесь используется в полной мере. При этом, с одной стороны, упор делается на «обработку» творческой интеллигенции, — ей впрыскивают антикоммунистические бактерии и стремятся использовать ее в борьбе с реальным социализмом, его наукой и культурой. И с другой — зрителю с помощью средств киноискусства прививается социальная пассивность, сочетаемая с антикоммунистической мифологией.

Антикоммунизм на экране — это лихорадочная, истерическая и бесперспективная попытка затормозить неуклонный процесс развития революционных сил, противодействовать осознанию массами (в том числе интеллигенцией) бесперспективности капиталистической системы; привлечение к созданию такого рода фильмов известных режиссеров и сценаристов, в том числе и тех, кто в прошлом был

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 167—168.

связан с так называемым «элитарным», декадентским искусством.

Известен целый ряд кино- и телефильмов, искажающих историю нашей страны, призванных «опровергнуть» историческую необходимость Октября, кровную связь большевистской партии с массами («Николай и Александра» и др.).

Клинт Иствуд — один из самых популярных американских актеров, специализировавшийся на амплуа ковбоев, гангстеров, шерифов. Он начал в 60-е годы в Европе с участия в так называемых «макарон-вестернах», приключенческих фильмах из жизни Дикого Запада, изготовленных не в Голливуде, а в Риме. Он играл в таких известных картинах, как «За пригоршню долларов», «Хороший, плохой, злой», квалифицированно поставленных Серджио Леоне. Позже Иствуд работал в Америке, и его фильм «Грязный Гарри» — о полицейском — имел большой кассовый успех. Перешагнув свое пятидесятилетие, Клинт Иствуд решил испытать себя в режиссуре. Один из последних его фильмов — «Огненный лис» — имеет открыто политический, агрессивный, антисоветский характер. Клинт Иствуд играет американского летчика, имевшего вьетнамский опыт, но теперь отдыхающего на покое. И штаб НАТО решает поручить этому летчику секретную миссию — тайно пробраться в Советский Союз и похитить секрет нового самолета с кодовым наименованием «Огненный лис», который может сбивать любые ракеты и подчиняется лишь командам, отданным мысленно. И вот летчик Митчел в Москве — здесь и происходят самые невероятные похождения с участием «красных агентов», «диссидентов» и т. д. и т. п., а в конце концов Клинт Иствуд — Митчел, несколько раз меняя свою внешность, как полагается в вестерне, оказывается победителем и угоняет «Огненного лиса».

Что это — еще один «Джеймс Бонд», добавление к десятку супербоевиков о приключениях секретного агента 007 с правом применять оружие? Но бесстрашный защитник западной цивилизации совершал свои подвиги по большей части в фантастических ситуациях — в космосе, под водой. Он тоже

боролся с «красными», но изображенными (за исключением последних фильмов серии) в абстрактно-фантастической оболочке.

Здесь — стремление к конкретности. Такой же характер носит и другой шумно рекламируемый фильм — «Энигма» режиссера Ж. Шварца, известного постановкой второй серии фильма «Челюсти». В главной роли здесь занят американский актер Мартин Шин, ставший известным после фильма Ф. Копполы «Апокалипсис». Энигма — это полатини загадка, — и все в этом фильме построено на загадочных хитросплетениях сюжета, развернувшегося в Берлине, куда проникает агент ЦРУ, чтобы похитить шифровальную машину в Советском посольстве.

Одновременно на экранах появился фильм «С попутным ветром на Запад» известного американского режиссера Дельберта Манна, направленный против Германской Демократической Республики. А рядом еще один клеветнический фильм — «Человек из Праги», авторы которого пытаются «проиллюстрировать» известный тезис американской администрации о «терроризме», якобы исходящем из социалистических стран.

Привлечение крупных, высокооплачиваемых актерских и режиссерских сил к киноизделиям такого рода — новое в стратегии Голливуда, развернувшего невиданную по масштабности экранную агрессию, направленную против стран социалистического содружества, против мира и гуманизма.

Все это выдвигает новые задачи перед всем фронтом искусствознания. В частности, следует не только разоблачать все формы экранной агрессии империализма, направленной на искажение сознания миллионов людей в угоду реакции, но и глубже разрабатывать проблемы партийности и народности искусства, а также вопрос массовости культуры, где, кстати сказать, до сих пор можно наблюдать теоретический разнобой, когда явления буржуазной «массовой культуры» критикуются с позиций «элитарности», с использованием терминологии и аргументации так называемой франкфуртской школы, которая, как известно, видела

альтернативу «массовой культуре» лишь в элитарных, эзотерических формах искусства.

Нельзя не сделать вывода, что кино и телевидению в капиталистических странах, и прежде всего в США, удалось фронтально повлиять на массовое сознание и во многом извратить элементарные нравственные нормы, извечные представления о добре и зле.

Критический анализ основных закономерностей новейших тенденций и явлений в развитии современного западного кинематографа в условиях углубления духовного кризиса капиталистического общества является весьма актуальной и важной задачей.

Представляется по-прежнему важной дальнейшая разработка проблем, связанных с уяснением понятий и критикой «массовой культуры», уточнение терминологии. Дело в том, что массовость в смысле количественного распространения экранного искусства отнюдь не является свидетельством его прогрессивности или реакционности. Необходимы иные методологические критерии анализа, главный из которых — идейно-художественная сущность конкретного произведения, взятого в широком социально-культурном контексте, ленинская теория двух культур в каждой национальной культуре буржуазного государства.

Современный ревизионизм проповедует необходимость уступок буржуазной идеологии и культуре, выступает за ослабление мирового социалистического содружества и культурных связей стран социализма.

Сегодня отчетливо видно стремление наших идейных противников через разного рода квазитеоретические построения, почерпнутые главным образом из арсенала ревизионистской критики, разобщить явления искусства в социалистических странах, обозначив одни из них как «конформистские» и «ангажированные», другие — как «нонконформистские» и «неангажированные», а также через оплачиваемые монополиями издания дать искаженные представления об истории, генезисе, сущности социалистического искусства, навязать литературе

и искусству стран социалистического содружества буржуазную или ревизионистскую ценностную ориентацию, интегрировать в свою систему оценок наиболее значительные явления социалистической культуры.

Такого рода тенденции в той или иной степени рассматривались в ряде книг и статей искусствоведов социалистических стран, но многое здесь еще предстоит сделать.

Не только исследователи, стоящие на позициях марксизма-ленинизма, но и буржуазные философы, политологи, искусствоведы, деятели литературы и искусства констатировали кризис буржуазной культуры и буржуазной цивилизации в целом, правда давая разное толкование причин этого кризиса. Одни объясняли это явление в традиционном для буржуазного сознания духе, как кризис человеческой природы и существования. Другие стали настойчиво искать альтернативу буржуазной культуре. На рубеже 60—70-х годов в Западной Европе и США возникло и активно проявило себя движение «контркультуры» в различных модификациях, опирающееся на философские постулаты франкфуртской школы и ее последователей. Адепты «контркультуры» отрицали буржуазную культуру, но они отрицали и культуру реального социализма, а нередко и прогрессивную, гуманистическую культуру в целом. Поэтому этот антибуржуазный по внешним проявлениям бунт остался в пределах все той же буржуазности. Развернутая сторонниками франкфуртской школы критика «массовой культуры» также оказалась несостоятельной, так как в качестве ее альтернативы выдвигалась культура «элитарная» или все та же «контркультура». Такого рода теоретические построения ведут к тому, что любое произведение искусства, адресованное массовым аудиториям, объявляется ангиискусством, «китчем» и т. д.

В настоящее время многие сторонники «контркультуры» на Западе поняли ошибочность и тупиковость этого пути. Они ищут выход — и находят этот выход те, кто встает на путь гуманизма и реализма, на путь социального анализа действительности, кто видит в социалистическом искусстве, в

организации дела культурного строительства на социалистических началах, в ленинской концепции культурной революции единственно разумную и перспективную альтернативу культуре буржуазной.

Известно, что в конце 70-х — начале 80-х годов явно проявился кризис идеологии «новых левых», игравших большую роль в культурной ситуации 60-х годов. Часть из представителей этого течения пошла в фарватере марксистско-ленинских партий. Другая — связала себя с «экологическими» течениями («зеленые» и др.) и нередко включается в борьбу за мир. И наконец, третья, немалочисленная группа вернулась в лоно буржуазной культуры, правда пытаясь одеть ее в новые одежды. Именно к этим последним принадлежат так называемые «новые философы», громогласно заявившие о себе во Франции и оказывающие ныне немалое влияние на буржуазную интеллигенцию в Европе.

Деятели леворадикального движения отрицали реальный социализм и его культуру, пытаясь создать «небуржуазную культуру», «контркультуру» на основе «культурной революции» в рамках буржуазного общества. Но создание «небуржуазной» культуры, не связанной с культурой реального социализма, оказалось делом бесперспективным и эфемерным. Адепты «новой философии» (Леви и др.) отбросили всякую антибуржуазную фразеологию «новых левых», заняли еще более активную, агрессивную антисоветскую, антисоциалистическую позицию. Но, не ограничившись этим, они взяли курс, направленный против всякой национальной культуры, объявляя ее зародышем образования фашистской идеологии и призывая при этом равняться на космополитическую культуру США.

Нельзя не отметить, что взгляды «новых философов» получили довольно широкое распространение в интеллектуальных кругах Западной Европы и проявились не только в философских и искусствоведческих трудах, но и в произведениях литературы и кино. С этими тенденциями связаны имеющие место в ряде произведений попытки извратить историю европейских стран, второй миро-

вой войны, представить фашизм неким «садо-мазохистским» комплексом и т. д.

«Культура капитализма — не что иное, как система приемов физического и морального расширения и укрепления власти буржуазии над миром, над людьми, сокровищами земли, энергиями природы. Смысл процесса развития культуры никогда не понимался буржуазией как необходимость роста всей массы человечества»¹.

Эти слова Максима Горького, сказанные давно, не потеряли своего значения и сегодня: они с предельной глубиной и прозорливостью раскрывают саму сущность стратегии капитализма в области культурной политики — здесь и стремление к созданию «псевдокультуры», открыто ориентированной на деформацию сознания миллионов людей, и вместе с тем поддержка тех явлений искусства, которые при внешней видимости истинно художественных ценностей по существу таковыми не являются и способны лишь тормозить духовное развитие «всей массы человечества», притуплять волю людей, прививать им социальную пассивность.

Говоря об антисоциалистических тенденциях в буржуазном литературоведении и искусствознании, нельзя не сказать об одном широко применяемом тактическом маневре. Это попытка интеграции новаторских явлений современного социалистического искусства в систему буржуазных или ревизионистских схем и ценностных представлений. Речь идет в первую очередь о таких явлениях, которые связаны с художественным исследованием сущности характера человека нового мира, его образа жизни. Вырванные из контекста развития социалистического искусства, эти произведения нередко рассматриваются не как новые яркие грани нашего искусства, а как нечто ему противостоящее. Между тем именно эти произведения убедительно показали силу и действенность социалистического искусства в разработке проблем истории и современности.

Пропагандистские центры, оплачиваемые силами империализма и реакции, сегодня ополчаются

¹ Горький М. Собр. соч., т. 27. М., Гослитиздат, 1953, с. 303.

не только на великие культурные ценности социализма, но и на всю гуманистическую культуру. Экспансия американских киномонополий в различных регионах мира, а особенно — в Западной Европе, причем прежде всего того крыла американского кино, которое мифологизирует сознание масс, приняла такой опасный характер, что стали исчезать с кинематографической карты целые национальные кинематографии.

В связи с этим следует особенно подчеркнуть научную важность и политическое значение марксистско-ленинской критики, направленной против идеологической экспансии капитализма в области искусства, экспансии, прикрываемой разного рода маскировочными нарядами, среди которых и кампания в защиту «прав человека», гуманизма и т. п.

При анализе всех сторон нынешнего идейного противоборства противоположных социальных систем важно учитывать, что оно разворачивается в условиях прогрессирующего духовного кризиса капиталистического общества, с наибольшей силой проявляющегося как раз в постановке и осмыслении тех общечеловеческих, гуманистических проблем, которые в настоящее время оказались на переднем фланге идейно-политической борьбы двух кардинально различных типов человеческих цивилизаций — социализма и капитализма.

Именно в защите гуманистических ценностей, в борьбе за мир мы можем установить более действенные контакты с художниками капиталистических стран, хотя и не стоящими на позициях научного коммунизма, но стремящимися своим творчеством отстаивать идеалы гуманизма и не связавшими свое творчество с антикоммунизмом.

Ведь поддержка гуманизма в искусстве Запада — одна из коренных традиций социалистической культуры. И в последние десятилетия общественность СССР и других социалистических стран находила и находит общий язык по глобальным гуманистическим проблемам со многими западными художниками, в том числе и теми, чей творческий путь был сложен, противоречив и испытывал сильное влияние идеалистической философии. На писательских встречах, на творческих дискуссиях, на

международных кинофестивалях в Москве, Карловых Варах, Лейпциге, Кракове есть возможность вести плодотворный диалог с художниками капиталистических стран, стоящими на позициях гуманизма.

Сегодня, в условиях невиданного обострения идеологической борьбы вплоть до ее перевода в плоскость «психологической войны» и политических диверсий, предпринимаемых наиболее агрессивными кругами империализма, которые в настоящее время задают тон за океаном и в ряде европейских столиц, защита гуманизма, гуманистических завоеваний мировой культуры еще в большей степени выдвигается в число тех важных задач, которые решаются социалистической культурой совместно с передовыми направлениями культуры Запада и развивающихся стран. Говоря об этом, как представляется, важно учитывать две неразрывные стороны этой задачи. С одной стороны, в условиях разгула антигуманистических, антидемократических тенденций, открыто ополчающихся не только против социализма, социалистической культуры, но и сознательно подрывающих лучшие, наиболее ценные традиции мировой культуры, поддержка наследия гуманизма и современных гуманистических и демократических тенденций сохраняет и способствует преемственности мирового культурного развития в его лучших формах и проявлениях, обеспечивает единство традиции гуманизма мировой культуры в ее противостоянии тем силам, которые грозят поставить всю человеческую цивилизацию на порог самоуничтожения. С другой стороны, последовательно выступая на стороне гуманизма и демократии, социалистическая культура открывает перспективу для дальнейшего прогрессивного, восходящего развития мировой культуры и цивилизации в направлении более полного и совершенного претворения в жизнь ее непреходящих ценностей и идеалов.

В контексте современной идеологической борьбы весьма важно глубже разрабатывать проблему гуманизма в искусстве, памятуя, что сегодня эта проблема — центр и ставка противоборства двух систем — социализма и капитализма. Империалистические круги, американская администрация

громогласно объявили себя единственными защитниками гуманизма. Но что может быть большей ложью!

Социализм и его культура, его цивилизация — подлинные защитники гуманистических ценностей, на основы которых с такой беззастенчивостью, с такой злобой ополчается буржуазный мир.

Принципиальной особенностью социалистической культуры и лучших демократических и гуманистических явлений культуры Запада и развивающихся стран является их органическая связь с историей, участие в социально-историческом процессе, во всех свершениях, определяющих идейно-политическую жизнь современного мира. Социалистическая культура запечатлевает рождение и все, подчас нелегкие, этапы развития и укрепления социалистического общества, становления нового человека. По этим произведениям, вошедшим в классику не только национальной, но и мировой культуры, можно в полном смысле изучать историю мирового социализма. Единство и непрерывность художественного процесса — одна из важнейших истин истории социалистической культуры. Истина эта не утрачивает своего идеологического значения.

БУРЖУАЗНАЯ КУЛЬТУРА НА ВОЛНЕ НЕОКОНСЕРВАТИЗМА

Реакционеры в позе защитников бога, «добродетельно и «нравственности». Чьи интересы защищают неоконсерваторы? Теория и практика «контркультуры».

На XXVI съезде КПСС отмечалось, что обострение международной напряженности, вызванное силами империализма и реакции, явилось в известной мере следствием все больших трудностей, переживаемых капитализмом на современном этапе. Идеино-политический, духовный кризис буржуазного общества находит свое выражение в усилении идеологической борьбы, в том числе и в самых развитых капиталистических странах. Повороту вправо в сфере политики сопутствует развернутая идеологическая кампания, имеющая своей целью дискредитировать прогрессивные силы, расколоть антиимпериалистическое движение.

Относительно новым фактором углубления духовного кризиса капитализма явилось обострение противоречий в среде западной интеллигенции, все большая часть которой выступает в оппозиции по отношению к господствующему классу, политике реакционных кругов. И хотя эта оппозиция далеко не всегда носит последовательный характер, она представляет собой ощутимую угрозу власти монополий, коль скоро затрагивает слои общества, способные оказывать весьма существенное влияние на убеждения миллионов людей. Это с особой отчетливостью показали массовые антиимпериалистические движения 60-х — начала 70-х годов, в которых немаловажную роль сыграли представители студенчества и интеллигенции, деятели литературы и искусства.

Вместе с тем возрастает воздействие и буржуазных идеологов, противопоставляющих идеям

социального прогресса разного рода реакционно-утопические «теории», направленные, в частности, на «нравственное обоснование» капитализма. Это перенесение акцентов буржуазной пропаганды с экономики и политики на религию и мораль далеко не случайно.

Политике империализма противостоят реальности современного мира: укрепление социалистического содружества, рост национально-освободительных движений, обострение классовой борьбы в странах капитала. В этих условиях точкой опоры идеологии империализма становятся отходящие в прошлое религиозно-этические взгляды. Поставив цель вернуть себе роль вершителей судеб народов, реакционные круги, прежде всего в США, стремятся изобразить себя защитниками «добродетели», на которую якобы посягают враждебные силы, в первую очередь, конечно, коммунисты. Первенство «моральной риторики» перед реалистической оценкой соотношения сил на международной арене сказалось в антисоциалистических кампаниях по защите «прав человека» и по «международному терроризму». Весьма четкую формулировку идеологической подосновы очередного витка гонки вооружений дал на одной из своих первых пресс-конференций президент США Р. Рейган, особо подчеркнув, что русские «не верят в бога, у них нет религии», а потому для них «нравственно только то, что содействует успеху социализма». Из этого с неумолимой логикой следовал вывод, что американцы и их союзники должны быть готовы к войне во имя защиты бога и нравственности. Возрожденный дух «холодной войны» потребовал нового «крестового похода» против прогрессивных сил.

Немаловажную роль в идеологическом контрнаступлении реакции играют неоконсерваторы, выдвигающие в качестве основной причины кризиса, переживаемого буржуазной цивилизацией, «культурные противоречия капитализма» (так называлась изданная в 1976 г. книга одного из лидеров этого направления, американского социолога Д. Белла).

Кто такие неоконсерваторы и за что (точнее, против чего) они борются?

Неоконсерватизм, или «новый» консерватизм,

как его нередко называют, — это реакционное буржуазное идейно-политическое течение, сформировавшееся в 70-е годы в развитых капиталистических странах, в первую очередь в США и ФРГ, в качестве реакции на расширение антиимпериалистических движений и как результат кризиса буржуазно-либеральных и леворадикальных концепций. Неоконсерватизм, выражающий интересы крупной буржуазии, характеризуется программным антикоммунизмом, в ряде случаев, например в ФРГ и Италии, он смыкается с неофашизмом. Во Франции к неоконсервативным позициям близки так называемые «новые философы». Пытаясь противодействовать распространению антибуржуазных социальных движений, взглядов и настроений, многие неоконсерваторы ратуют за установление жесткого репрессивного режима, выступают против демократии, за «обуздание» широких народных масс. Особое внимание они уделяют проблемам культуры, которые и рассматриваются в настоящей статье.

Если верить на слово самим неоконсерваторам, то их главными врагами являются «новый класс» и «контркультура». Под «новым классом» понимается интеллигенция в целом — все работники умственного труда, деятели науки и культуры. Их оппозиционные настроения, наиболее ярко воплотившиеся, с точки зрения неоконсерваторов, в «контркультуре», и объявляются главными, если не единственными, причинами кризиса, переживаемого буржуазной цивилизацией.

«Контркультура» трактуется ее правыми критиками чрезвычайно широко. К ней причисляются без всякого разбора политические демонстрации и произведения прогрессивного социалистического искусства, акции «левого» терроризма, наркотические действия, «сексуальная революция», течения религиозного обновленчества и т. д. Действительно, в последние десятилетия на Западе борьба пролетариата и студенческие волнения, массовые антивоенные выступления и движение за эмансипацию женщин, мелкобуржуазное бунтарство и расовые беспорядки нередко сливались в один бурный поток, потрясавший до основания все здание государственно-

монополистического капитализма. Одно воспоминание о «бурных 60-х» вызывает у апологетов буржуазии поистине священный ужас. Это ощущение у неоконсерваторов как бы сфокусировалось в ослепляющей ненависти к «контркультуре», которая совершенно неправомерно объявляется господствующим мироощущением и мировоззрением 60-х годов в целом — периода, на самом деле отмеченного активизацией всех антиимпериалистических сил.

Такая тенденциозная перестановка акцентов объясняется определенными объективными и субъективными причинами. Как представители буржуазной интеллигенции, неоконсерваторы наиболее остро переживали тот факт, что «зерно измены» дало столь богатые всходы в их же собственном «интеллектуальном» кругу. Хотя неоконсерваторы и были склонны преувеличивать масштабы «катастрофы», у их апокалипсических видений были и некоторые реальные основания. Для многих участников движения протеста, особенно в США, «контркультура» была и остается одним из самых ярких проявлений духа 60-х. Ведь в общественной практике (далеко не адекватно отраженной «левой» и правой социологической теорией) она включала множество разнородных социальных движений и умонастроений, форм поведения и художественного творчества, которые объединяло лишь неприятие буржуазных образа жизни, бюрократической организации, «массовой культуры». Как лозунг идея «контркультуры» была выдвинута определенными кругами студенчества и интеллигенции, но при этом она оказала существенное влияние и на других участников движения протеста, ибо отражала духовный голод и оскудение, испытываемые разными слоями общества в условиях господства реакционной буржуазной культуры. В качестве комплексного социокультурного явления «контркультура» предполагала:

«— формирование новых отношений между людьми,

— формирование и принятие новых ценностей, выработку новых социальных норм, принципов, идеалов, эстетических и этических критериев,

— воспитание нового типа личности с новыми формами ее сознания и действия»¹.

Эти достаточно абстрактные принципы выражали устремления самых разных течений движения протеста, что и обусловило противоречивость теории и практики «контркультуры», представители которой, как правило, превратно истолковывали причины, характер и цели своего протеста, подменяли классовую борьбу конфликтом поколений, а социальные преобразования — «культурным противостоянием». В результате к «контркультуре» относились явления, не только глубоко различные, но зачастую и полярные в социально-политическом и идейно-художественном планах. Не без участия буржуазных средств массовой информации среди «контркультурных» тенденций предпочтение стало отдаваться идеологам, враждебно относящимся к коммунистическим партиям и рабочему классу, опыту реального социализма, и феноменам, весьма далеким от какой бы то ни было подлинной революционности, — в особенности порнографии и наркомании, общественным явлениям, уводящим движение протеста в тупики мистицизма, «левого» сектантства и терроризма. В глазах целого ряда буржуазных теоретиков и, пожалуй, что особенно важно, в сознании западного обывателя «контркультура» предстала исключительно как наркотически-мистическое, полностью асоциальное явление.

СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ

«Контркультура... потерпела поражение по очень простой причине: она не была направлена против культуры правящего класса... Контркультура сделала ей спасительное переливание крови в тот самый момент, когда официальная культура переживала глубокий кризис».

Филип Боноски, американский писатель

¹ Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М., 1972, с. 298.

Указанное идейно-политическое «измерение» безусловно присутствует в «контркультуре». Более того, в ее идеологическом обосновании оно является преобладающим. Исследователи-марксисты справедливо указывали на мелкобуржуазный характер теорий Г. Маркузе, Т. Розака и других поборников «нерепрессивной цивилизации», которые «не заметили» демократического начала в протесте западной молодежи.

Однако современные неоконсерваторы это начало как раз заметили. Не случайно одним из их важнейших общеполитических постулатов стала критика «эксцессов демократии», якобы присущих современному буржуазному обществу, и как следствие — требование более жесткого ограничения «растущих притязаний», а точнее, и без того урезанных капитализмом прав и свобод человека. Настойчивость нападок неоконсерваторов на «контркультуру» свидетельствует и о том, что в самих ее недрах вызревали определенные, порой противоречивые элементы демократической, антибуржуазной культуры, не замечать которые значило бы преуменьшить значение и роль прогрессивных тенденций в культуре современного Запада. Рассматривая «контркультуру» в связи с конкретным опытом истории, в данном случае в контексте неуклонного расширения антиимпериалистической борьбы, нельзя не признать ее явлением сложным и многоплановым, требующим дифференцированного анализа. Реальное содержание «контркультуры» отнюдь не исчерпывается акциями мелкобуржуазного бунтарства, как не исчерпывается оно и концепциями ее наиболее влиятельных идеологов. Культурная, художественная практика всегда оказывается неизмеримо богаче умозрительных схем. Созданные в рамках «контркультуры» антивоенные фильмы и спектакли, боевая публицистика, политические песни и многие другие явления современного западного искусства по своей направленности значительно ближе к критическому реализму, в отдельных случаях даже к социалистической культуре, нежели к экстравагантности «хиппи» и стихии всеобщего разрушения — этим метаморфозам господствующей буржуазной культуры.

Таким образом, с точки зрения ленинской теории двух культур «контркультура» представляется не одномерным монолитом, а ареной борьбы неразвитых, подавляемых и извращаемых изнутри демократических и социалистических элементов против реакционной буржуазной культуры, и здесь сохранившей свое господствующее положение благодаря капиталистической собственности на средства духовного производства. И если для марксистов особое значение имеет именно прогрессивная сторона культуры протеста, ибо, как подчеркивал В. И. Ленин, «мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре»¹, то буржуазия, естественно, стремится к противоположной трактовке. Она заинтересована в выпячивании мистического «озарения», «эстетического нигилизма» и апологии «левого» терроризма как тупиков движения протеста, его анархического самоотрицания, сдобренного изрядной долей антикоммунизма.

Заостряя внимание на самоочевидных противоречиях движения протеста 60-х — начала 70-х годов, неоконсерваторы осуществляют сознательную мистификацию, сводя, во-первых, все антиимпериалистические движения к «контркультуре» и, во-вторых, саму «контркультуру» — к ее крайним, негативным, агрессивно иррационалистическим проявлениям. Тем самым широкий антимонополистический фронт подменяется одним «новым классом», который — в обход острейших экономических и социально-политических проблем — можно обвинить в «моральном разложении» чуть ли не всех слоев буржуазного общества.

Вернуть капиталистическому миру былую стабильность, подрвав влияние «нового класса» и восстановив в своих правах исконные устои буржуазного общества — его религию и мораль, — такова главная идеологическая цель неоконсерваторов. За нею скрывается и вторая, сугубо практическая цель: захватить ключевые посты в правительстве, администрации, учебных заведениях, чтобы диктовать

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 121.

свою волю нации (о реальных последствиях этого объединения науки и политики в интересах монополий свидетельствовала, в частности, деятельность З. Бжезинского на посту помощника президента США по вопросам национальной безопасности).

Формирование новой «лояльной интеллектуальной элиты» — результат сближения монополий и готовых к сотрудничеству с ними деятелей культуры. Подобно тому как в рабочем классе постепенно складывалась рабочая аристократия, предающая интересы класса ради собственного благополучия, ряд влиятельных представителей общественных наук был прямо или косвенно подкуплен буржуазией в интересах корпораций. Именно эта часть буржуазной интеллигенции и составила ядро современного неоконсервативного движения, призванного придать идеологии монополистической буржуазии интеллектуальную респектабельность и по возможности широкий общественный резонанс. С этой целью были мобилизованы ресурсы университетской науки, художественного творчества, средств массовой информации.

Подкуп интеллектуалов зачастую носил прямой и неприкрытый характер. Так, американский политолог И. Кристол, известный своими связями с ЦРУ, советовал руководству фонда Форда не давать денег для поддержки той деятельности «нового класса», которая угрожает существованию корпораций, и, напротив, поддерживать тех, кто верит в сохранение сильного частного сектора. Главный редактор журнала «Комментари» — полуофициальной трибуны неоконсерватизма — Н. Подгорец в автобиографии под примечательным названием «Добиться своего», изданной еще в 1967 году, задолго до того, как представляемое им движение стало одним из ведущих в буржуазной социокультурной мысли, не без цинизма признавался, что «лучше быть богатым, чем бедным», «лучше давать указания, чем выполнять их», а «честолюбие как будто заменило эротическое вожделение в качестве главной постыдной тайны благовоспитанного американца».

Добившись места под солнцем на арене идеологической и политической жизни, неоконсерваторы в

качестве своего главного оппонента не случайно избрали антибуржуазно настроенную интеллигенцию, обвинив ее в попытках подорвать устои буржуазного общества. Американский историк П. Стейнфелс замечает в этой связи: «В отличие от левых диагностиков тех же болезней (современного буржуазного общества.— *К. Р.*), неоконсерваторы отказываются придавать особое значение роли капиталистических организаций в создании кризисной ситуации... Кризис, с которым мы столкнулись, носит в первую очередь культурный характер: наши убеждения расслабились, наша мораль расшаталась, наши представления о приличиях извратились».

Идеологический смысл такой весьма своеобразной позиции более чем ясен: любой ценой «оправдать» капитализм, антинародную политику правящих кругов и возложить всю ответственность за «язвы капитализма» на оппозиционно настроенных деятелей культуры. Эта позиция, вызывающая в памяти гонения на «красных» и «розовых» интеллектуалов, организованные Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности в мрачные годы маккартизма, получает в системе взглядов неоконсерваторов и свое теоретическое обоснование. Отрицая определяющую роль экономического базиса по отношению к элементам надстройки, неоконсервативные теоретики, в первую очередь Д. Белл, вводят в оборот антинаучный тезис о принципиальной «разобщенности» сфер экономики, политики и культуры при капитализме. Эта разобщенность, по Беллу, и порождает нестабильность современного буржуазного общества, причем основные тлетворные импульсы исходят не от экономики и политики, а именно от культуры.

Характерно, что ведущие неоконсерваторы довольно точно подмечают многие существенные черты кризиса буржуазной культуры. Если оставить на время в стороне вопрос о направленности этих оценок, то не без оснований неоконсерваторы сетуют на духовное оскудение антагонистического общества, утрату им гуманистических ценностей и идеалов. Более того, стремясь обострить полемику, они даже неправомерно преувеличивают их значение. С их точки зрения, культура современного капитализма

целиком и полностью, без остатка противостоит традиционным ценностям буржуазии, перечень которых еще в середине XVIII века был дан американскими пуританами: умеренность, молчаливость, соблюдение порядка, решимость, бережливость, прилежание, искренность, справедливость, сдержанность, чистоплотность, спокойствие, целомудрие и смирение. По отношению к этому «катехизису» оппозиционными оказываются и буржуазная «массовая культура», коль скоро идеалу бережливости и целомудрия она противопоставляет беззастенчивую коммерциализацию всех и всяческих наслаждений, и декадентские течения, радикально отгораживающие себя и от «потребительства», и от какой бы то ни было широкой аудитории. Далее остается только объявить «контркультуру» и движение протеста в целом результатом «демократизации модернистского импульса», следствием перенесения эстетского бунтарства из замкнутой сферы искусства в общественную практику, и фальсификаторская схема кризиса культуры, как его понимают неоконсерваторы, приобретает иллюзию завершенности.

В то время как критики-марксисты исследуют борьбу сил прогресса и реакции, деградацию буржуазной культуры («массовой» и «элитарной») и пусть противоречивое, неоднозначное, но с каждым годом все более и более осязаемое укрепление позиций передовой демократической культуры, неоконсерваторы предпочитают говорить о тотальном «закате цивилизации», вызванном якобы категорическим разрывом между культурой и буржуазным обществом.

Однако сила антибуржуазной культуры на Западе не в том, что она якобы оторвана от социальной структуры. Формы творчества, чуждые широким массам, в том числе и в рамках «контркультуры», как раз и не представляют собой существенной угрозы для стабильности буржуазного строя; поэтому они, как правило, не запрещаются, а поощряются господствующим классом. Произведения же, выражающие коренные интересы народа, его подлинные заботы и чаяния, обретают силу именно в тесной связи с общественной практикой, что и позволяет прогрессивной культуре содействовать

сплочению антиимпериалистических сил, формированию революционного сознания.

Тесное сплетение противоположных тенденций в духовной жизни антагонистического общества, в частности причудливое сочетание в «контркультуре» антибуржуазных устремлений с «левым» экстремизмом, нигилизмом и дешевым эпатажем, подменяется неоконсерваторами одномерной схемой, в которой фокусируются наиболее слабые и уязвимые стороны протеста левой интеллигенции. Динамика культуры предстает в линзах неоконсерватизма как результат безудержной тяги к наслаждениям и вседозволенности. Подчас весьма прозорливо критикуя подлинные признаки углубляющегося духовного кризиса буржуазного общества, неоконсерваторы стремятся оторвать его от материальной базы и политической борьбы, выдать за некий «интеллигентский синдром», требующий глобального разрушения. Сексуальные извращения, наркомания, культ жестокости и насилия из симптомов бездуховности, какими они являются на самом деле, в их кривом зеркале превращаются в краугольные камни всякой оппозиции буржуазному государству. Обличать такой препарированный образ движения протеста, конечно, особого труда не составляет. Но еще более «выигрышная» тема, прямо выводящая апологетов империализма в центр идейно-политической борьбы, — терроризм, ответственность за который возлагалась сначала на «контркультуру», а затем, уже в международной сфере, на мифическую «руку Москвы».

Весьма характерно, что незадолго до начала антисоветской кампании по вопросу о так называемом «международном терроризме», а именно в 1978 году, консервативные круги во Франции и Италии прямо обвинили в «поощрении терроризма» группу прогрессивных деятелей итальянской культуры, в частности писателя Леонардо Шаши, кинорежиссеров Франческо Рози, Элио Петри, Дамиано Дамнани, сценариста Уго Пирро. Любопытна была сама логика рассуждений правых: распространению терроризма якобы способствовала содержащаяся в их произведениях (кстати говоря, получивших широкое признание во всем мире, в том числе и в нашей стране)

критика класса буржуазии, полиции и властей, всесилия мафии, подорвавшая «веру» в разумность и вечность капиталистического строя.

Так лозунги «нравственного возрождения», невозможности и восстановления патриархальных связей «отца с сыном и индивида с племенем», провозглашаемые как база «новой общественной философии», на деле оборачиваются воинствующим антикоммунизмом и проповедью консервативных идеалов, призванных спасти государственно-монополистический капитализм от неминуемого краха в безнадежной попытке противостоять росту антиимпериалистических настроений различных слоев буржуазного общества. Именно поэтому расширение и укрепление демократических тенденций и направлений в духовной культуре истолковываются неоконсерваторами как потеря в известной мере защитной изоляции элиты от массы, как кризис традиционных буржуазных авторитетов, делающий элиту подверженной «капризам масс».

Пытаясь вдохнуть новую жизнь в «протестантскую этику», якобы единственно способную обуздать «чрезмерные притязания» молодежи и интеллигенции, в идеале, видимо, и граждан социалистических и развивающихся стран, неоконсерваторы не могут предложить ничего иного, кроме возврата к религиозному ханжеству и лицемерию, а то и черносотенному клерикализму, издавна шедшим рука об руку с самыми реакционными силами. Очень многое в их идейно-политических лозунгах напоминает печально известные времена «охоты за ведьмами». Не случайно в волне мистических драм, захлестнувших книжный рынок и экраны Запада, социальные беспорядки часто впрямую объявляются результатом «происков Сатаны», а «новый Мессия», кровавый убийца Чарльз Мэнсон, становится под пером неоконсерваторов чуть ли не идеологом протестующей молодежи. Такая беззастенчивая эксплуатация религии в интересах реакционной политики вызывает протест даже среди людей, далеких от атеистического мировоззрения. «Далеко отстоя от человеческого и разумного понимания духовного, неоконсерватизм цинично использует религию для достижения авантюристических целей,—

пишет, к примеру, американский социолог И. Горовиц. — Теоретически он утверждает, что религия — основа общества. Практически он считает религию прагматическим средством для сохранения в неприкосновенности общества, базирующегося на частной собственности, порядке и долге. Тем самым он пытается придать космический масштаб своим гегемонистским устремлениям».

В проклятиях, адресованных левым интеллектуалам, якобы монополизировавшим воздействие на общественное мнение в годы молодежных бунтов и краха вьетнамской авантюры, явственно слышится опасение по поводу того, что реальное развитие духовной культуры, как и прежде, будет идти вразрез с апологетически-охранительными устремлениями крупной буржуазии. В результате неоконсерватизм, эта влиятельная «партия интеллектуалов», как ни парадоксально, характеризуется последовательным антиинтеллектуализмом, что позволяет его представителям порой выдавать себя за оппозиционеров, подвергающихся гонениям «за слишком открытую правду». Однако, как справедливо заметил П. Стейнфелс, «защищать капитализм в самом могущественном капиталистическом государстве отнюдь не то же самое, что выступать за отмену рабства на рабовладельческом Юге». Поэтому-то к услугам неоконсерваторов, якобы гонимых «за правду», имеются средства художественного производства и массовой информации, дающие возможность этой мнимой оппозиции обрести реальную власть над аудиторией.

В критике «нового класса» и «контркультуры» неоконсерваторы, как мы видели, возлагают главную ответственность за «моральное разложение масс» на творческую интеллигенцию. В центре полемики оказалась сфера искусства, специфика которого позволяла придавать нравственным и религиозным постулатам эмоциональную убедительность, широко распространять их. При этом тактические приемы, используемые для пропаганды неоконсервативных взглядов в социокультурной теории и художественной практике, вновь отличаются своеобразной «подстановкой оппонента», искусным камуфляжем, открытым политическим кликушеством, в результате которых создается иллюзия

интеллектуальной и эмоциональной убедительности, присваиваемой сомнительным аргументам. По словам того же Стейнфелса, неоконсерваторам часто удавалось добиваться победы лишь благодаря тому, что они объявляли критикуемую тенденцию «логически связанной с различными формами экстремизма или недостаточно устойчивой против них». Так, меры против загрязнения окружающей среды ведут якобы к тоталитаризму, эмансипация женщин — к упадку семьи, гражданское неповиновение — к Уотергейту, терпимость по отношению к контркультуре — к Джонстауну¹, а роман Э.-Л. Доктороу «Рэгтайм» — к терроризму.

Не избежали обвинений и средства массовой информации. В дискуссии по вопросам культуры, проведенной журналом «Комментари» в 1974 году, М. Новак отмечал: «Всего несколько лет тому назад, в высшей точке контркультурного исступления, именно восхваление контркультуры национальными средствами массовой коммуникации особо затруднило защиту стандартов и дисциплины. На самом деле в репортажах отражались настроения меньшей части студентов в меньшей части организаций, а показано это было как массовое культурное движение, которым оно впоследствии и стало. Внимание средств информации изменило его образ». Тем самым ответственность за движение протеста, выражающего, по мнению автора, интересы ничтожного меньшинства населения, перекладывалась на средства массовой информации, контроль господствующего класса над которыми вряд ли подлежит сомнению. Реальная ситуация здесь была гораздо сложнее и противоречивее, нежели утверждают неоконсерваторы. Приспосабливаясь к новым общественным настроениям (поскольку игнорировать их

¹ Джонстаун — религиозная община, созданная в Гайане группой американцев, эмигрировавших из США, под предводительством проповедника Джонса в знак протеста против пороков буржуазной цивилизации. Коллективное самоубийство сотен членов общины осенью 1978 года, организованное не без участия ЦРУ, вызвало глубокое возмущение общественности США и других стран. Чтобы использовать волну протеста в своих классовых интересах, буржуазная пропаганда объявила трагическую судьбу обитателей Джонстауна результатом происков коммунистов. — *Примеч. ред.*

было уже невозможно), буржуазная пресса, радио, телевидение вынуждены были уделять в 60-е годы значительное внимание демонстрациям протеста и студенческим бунтам. Если они и изменили (скорее, даже извратили) их образ, то весьма тенденциозно, в угоду власти имущим, намеренно акцентируя поверхностные, наиболее сенсационные, яркие, зрелищные элементы «контркультуры». Такая маскировка подлинных социально-политических причин движения протеста облегчалась тем, что леворадикальные программы сами по себе, как уже отмечалось, мистифицировали значение понятия культурной революции, как ее понимают марксисты.

Когда же стало ясно, что энергия антибуржуазного взрыва вышла из-под контроля, что попытка обезвредить враждебные тенденции, ограничив сферу их влияния только «стилем жизни», потерпела неудачу, средства массовой информации резко изменили тактику. Они превратились в могучий усилитель голосов, обличающих бунтующую молодежь за проповедь «терроризма» и «разврат». Могучая сила контрпропаганды апологетически охранительных представлений охватила и стихию рекламы, и массовую беллетристику, и кино.

Процесс выхода идей неоконсерваторов в массы и правящую элиту можно проиллюстрировать на следующих примерах, приводимых в одном американском исследовании.

А. Бикель, профессор Йельской юридической школы, публикует в 1970 году в журнале «Нью рипаблик» статью, посвященную неудаче расовой интеграции школьного образования на севере страны, и один из советников Белого дома быстро переносит выводы автора в справку президенту Ник-

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

«...Правительство и шоу-бизнес не могут существовать отдельно друг от друга. Одно основывается на власти, другое — на сексе. Они символизируют два рода вещей, которые всегда стремятся сблизиться друг с другом».

*Латиция Болдридж, помощница
президента Дж. Кеннеди*

сону, сообщая, что «корабль интеграции тонет... и нам бы не следовало находиться на его борту».

Д. Белл пишет изданную небольшим тиражом книгу об отсутствии дисциплины в капиталистическом обществе, и обозреватель Джордж Ф. Уилл 1 июля 1976 года в газете «Вашингтон пост», которую читают миллионы, приспосабливает его тезисы к собственным размышлениям по поводу двухсотлетия США.

И. Кристал в «Уолл-стрит джорнэл» изобличает «новый класс» либеральных интеллектуалов в снобистском отношении к цивилизации бизнеса, и «Мобил» — одна из могущественнейших нефтяных корпораций — катапультирует эту идею в национальной рекламной кампании.

Парадокс состоит в том, что современные неоконсерваторы — приверженцы идей греховности человека, прирожденного неравенства, воинствующего антидемократизма и апологии «элитизма» — для достижения поставленных целей вынуждены опираться отнюдь не на «элитарные» формы творчества, не на рафинированное эстетство, а на суррогаты, наиболее просто способные служить широкому распространению консервативных настроений.

Правда, стремясь выставить себя защитниками гуманизма, неоконсерваторы паразитируют на подлинных культурных ценностях. Признаками неизбежной «консервативной реставрации» под их пером выступают и интерес к классической музыке, опере и балету, и возрождение канонических драматургических жанров, в первую очередь мелодрамы, и даже, по словам художественного критика Х. Креймера, «вкус к ясности и согласованности, к красоте и определенности, к повествовательности, мелодичности, патетичности, романтическому очарованию... словом, вкус к искусству, которое доставляло бы удовольствие и не ставило бы моральных проблем». Последнее замечание особенно значимо. В этом обширном перечне, ставящем чуть ли не все достижения мировой культуры на службу узкоконъюнктурным тактическим целям, любопытно отречение от «моральных проблем», казалось бы весьма парадоксальное в контексте морализаторской риторики неоконсерватизма. Однако противоречие тут только

внешнее. На самом деле отрицается лишь такая постановка «моральных проблем», которая противоречит устоям буржуазной морали.

Что же касается попыток укрепить эти пошатнувшиеся устои, то здесь искусству, проповедующему консервативные идеалы, предоставлены самые широкие возможности. В борьбе за реставрацию буржуазной пуританской нравственности неоконсерваторы спекулятивно используют и общественное значение идеалов гуманизма, и естественное стремление людей к добру и красоте. Даже записанное в Декларации независимости США в числе основных прав человека «стремление к счастью» беззастенчиво направляется против политических противников.

Атака на демократическую общественность может носить на Западе как прямой, так и глубоко завуалированный характер. Например, удостоенная множества премий Американской киноакадемии картина «Крамер против Крамера» (1979 г.) на первый взгляд далека от политики и вполне благородна по замыслу. История героя, от которого уходит жена, тем самым вынуждая его взвалить на свои плечи все заботы о малолетнем сыне, трогательна до слез. Поиски установления общего языка с мальчиком, попытки готовить завтрак на двоих, необходимость вовремя забрать мальчугана из школы, решимость во имя сына пожертвовать успешной карьерой — все это не может не вызвать симпатии зрителей.

Но в этом перевертыше традиционного сюжета «соблазненной и покинутой» матери-одиночки есть и второй, гораздо более сомнительный мотив. В роли мелодраматического «алюдея» здесь выступает жена, бросившая семью ради того, чтобы пойти работать и научиться жить самостоятельно. Таков неизбежный результат тлетворных идей женской эмансипации, утверждают авторы. Удел женщины — дети, кухня и церковь, продолжают они, а стремление вырваться за эти освященные пуританской традицией пределы может привести только к распаду семьи и к всеобщему несчастью. Так наглядно и эмоционально убедительно «разоблачается» движение женщин за гражданское равноправие в США, где оно далеко еще не достигнуто.

Разительным контрастом провозглашаемым «высоким идеалам» неоконсерватизма служит скудность реальных художественных ресурсов «реставрации». В обширном словаре, опубликованном в посвященном неоконсерватизму специальном номере буржуазно-либерального журнала «Эсквайр», среди десятков имен людей, так или иначе связанных с этим течением, фигурируют только один писатель — Сол Беллоу, один поэт — англичанин Филип Ларкин, один искусствовед — Хилтон Креймер и один эссеист — Том Вульф. Среди «великих моментов» истории неоконсерватизма мы не найдем здесь практически ни одного собственно литературного факта. Но зато специально упомянут «грандиозный успех» фильмов «Грязный Гарри» (1971 г.) и «Жажда смерти» (1974 г.), проповедовавших идею индивидуального насилия как единственно возможного средства борьбы с преступностью. К ним вполне можно добавить и демонстрировавшуюся у нас ленту «Новые центурионы» (1972 г.). В этой экранизации нашумевшего романа бывшего полицейского Джозефа Вэмбо обличение «джунглей Лос-Анджелеса» приводит к восхвалению «сил закона и порядка», той самой полиции, которая, по словам Ленина, «неизбежно остается, при господстве буржуазии, ее вернейшим орудием, оплотом, защитой»¹.

В отличие от присущей прогрессивному искусству тенденции к выявлению социальных корней правонарушений как порождения общественного устройства, неоконсерватизм культивирует оценку преступления как аномалии, как результата ущербности отдельных личностей либо человеческой природы вообще. Единственной причиной распространения преступности объявляется попустительство и бездействие властей, а главным методом борьбы с нею — полицейский террор или индивидуальное насилие, то есть, по сути, нарушение закона.

Таким образом, обличая действительное зло — рост преступности, моральное разложение, коррупцию, — подобного рода произведения приводят читателя или зрителя к выводу о необходимости более

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 25.

жестких репрессивных мер, а то и неизбежности и оправданности самосуда. В отдаленной перспективе возникает хорошо известный в истории идеал «сильной личности», «сильной власти», «сильного государства». При этом ответственность за преступления возлагается на «распущенную молодежь», «негров», «интеллигентов», «коммунистов». Однако подлинные формы социального протеста сознательно оставляются в тени, уступая место смакованию уголовных преступлений.

Нетрудно заметить, что в охранительной расстановке акцентов, в критике пороков капитализма «справа» средства массовой информации и массовые виды искусства оказались значительно более активными, чем в пропаганде идеалов «контркультуры». «Эстетика насилия» над аудиторией, получившая в последнее время весьма широкое распространение, усилила эмоциональное воздействие и способствовала внушению представлений, которым разум мог и противиться. Что бы ни говорили неоконсерваторы, возлагая на искусство ответственность за «развращение» общества, в условиях господства буржуазии средства массовой информации остаются ее верными слугами.

В конечном итоге и «контркультура» и неоконсерватизм — это различные стороны кризиса буржуазной культуры. Неумолимо отходят в прошлое и разоблачают свою реакционную сущность анархическое мелкобуржуазное бунтарство, другие реакционные компоненты «контркультуры» — объективные союзники буржуазной идеологии. Именно их реанимируют неоконсерваторы самим фактом своей тенденциозной полемики с искусственно созданным оппонентом, именно их всячески поддерживают реакционные круги, доходя до прямого финансирования террористических акций. Основной пафос неоконсерваторов не случайно носит не созидательный, а критически-переоценочный характер. Претендуя на роль глашатаев «высших» истин и единственных хранителей духовности, они вынуждены жить «за счет» «контркультуры», выдавая адресованные ей разоблачения за некое позитивное содержание. Идеологи монополистического капитала спешат похоронить движение протеста, выдвинув тезис

о том, что якобы циклическое развитие мировой политической и культурно-идеологической жизни, вызвавшее «левый крен» в предшествующее десятилетие, привело во второй половине 70-х — 80-е годы к соответствующей правой корректировке — «десятилетию реакции», эпохе всевластия неоконсерватизма.

Однако неоконсерватизму и буржуазной культуре в целом противостоит культура демократическая и социалистическая, ибо все, что было в движении протеста 60-х — начала 70-х годов на Западе подлинно антибуржуазного, художественно ценного и плодотворного, отнюдь не исчезло на рубеже десятилетий, а продолжает жить и сегодня. Более того, отказавшись от экстремистских лозунгов, передовая интеллигенция Запада укрепляет свои позиции в союзе с другими отрядами антиимпериалистических сил. Именно этот факт и объясняет столь упорное и бескомпромиссное разоблачение неоконсерваторами «нового класса» в тот период, когда, по их же собственным утверждениям, «контркультура» давно уже отошла в прошлое. Ведь подлинное искусство и реалистически мыслящие представители интеллигенции сохраняют приверженность идеалам социализма, мира и реального гуманизма, интересам духовного роста человека и прогресса человечества.

Объективный политический смысл реакционной и утопической программы неоконсерваторов, выходящий далеко за пределы полемики между различными группировками буржуазной интеллигенции, особенно отчетливо проявляется в их позициях по вопросам внешней политики. Эти защитники частной собственности, религии и морали считают, что победа «добродетели» может быть гарантирована только растущей военной мощью США. Они выступают против разрядки напряженности и защищают ЦРУ. «Морализм и «культ силы» в США — это два полюса неоконсервативного внешнеполитического мышления. Они напоминают два сообщающихся сосуда, начиненные одним и тем же составом — гегемонистскими амбициями»¹.

¹ Мельвилль А. Ю. Социальная философия современного американского консерватизма. М., 1980, с. 132.

Как мы видели, прямая связь между интересами монополистического капитала и теоретическими взглядами неоконсерваторов очевидна. Примечательно, что уже упоминавшийся специальный номер журнала «Эсквайр», редакцию которого трудно заподозрить в каких бы то ни было прокоммунистических симпатиях, открывался эпиграфом из «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями»¹. И тот факт, что неоконсервативная идеология, выражающая интересы правящей элиты, сегодня оказывается вынужденной защищаться, отвоевывать утраченные позиции даже в цитадели империализма — в США, по-своему свидетельствует об углублении духовного кризиса капитализма и неуклонном росте влияния идей мира и социализма на умы и сердца миллионов людей.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 45.

СВОБОДА И НАСИЛИЕ В «ГОРОДЕ НА ХОЛМЕ»

История США в свете научной истины и в восприятии буржуазного массового сознания. Идея «единого потока» американской истории как средство пропаганды американского образа жизни. Не бесконфликтный «консенсус» породил американскую революцию 1776 года, но столкновение сил прогресса и колониальной реакции. Об этом слишком часто «забывают» власть имущие в США сегодня.

Анализ социально-политической и идейной истории США неизменно вызывал в прошлом и вызывает ныне ожесточенную полемику, отражающую, по сути, конфронтацию в корне противоположных мировоззрений — пролетарского и буржуазного, в частности по коренным проблемам войны и мира, революционного процесса, свободы и демократии.

Высокий накал политических споров вокруг исторического пути Соединенных Штатов объясняется не только тем, что история США есть история крупнейшей державы современного западного мира, но и тем, что ни в какой другой капиталистической стране ее прошлое, окутанное искусно созданными мифами и теориями, не приближено столь непосредственно к нынешним задачам буржуазной пропаганды. Одной из областей истории американского общества и американской культуры, привлекающей все большее и большее внимание буржуазных исследователей, становится период первоначального освоения Нового Света, создание на его землях системы английских колоний и обретение ими независимости.

Рассмотрение так называемой ранней истории США, то есть процесса становления и формирования американской нации в XVII — XVIII веках, является той весьма плодотворной темой, которая наводит на размышления и сопоставления, выходящие за пределы узко понимаемой исторической

американистики. Это объясняется далеко не в последнюю очередь и тем, что нередко ранняя американская история открыто или косвенно окружается ореолом мессианства, библейского провиденциализма, особым символическим смыслом.

Буржуазная идеология не была и не могла быть явлением однородным. Пестрота и противоречивость различных направлений буржуазной мысли в конечном счете коренится в социальной неоднородности буржуазии и тех «промежуточных классов» (В. И. Ленин), которые входят в ее орбиту. Американская буржуазная историография, выдвинувшая в свое время ряд крупных имен, вызывающих и поныне критический интерес современных американистов, представляется в виде разветвленной системы различных школ и направлений, которые, при всей своей концептуальной несхожести, противоречивости, а подчас и прямой взаимной враждебности, неизменно находят основу для солидаризации, когда речь идет об апологии исконных интересов буржуазного мировоззрения. В идейном многообразии интерпретаций американской истории на передний план выступает известная теория «консенсуса» (согласия), обретающая «второе дыхание» на гребне неоконсервативной политической и социально-философской волны, поднимающейся в США на рубеже 70—80-х годов.

К псевдонаучным мифам, создаваемым вокруг более чем двухсотлетнего исторического пути США, относятся тесно связанные между собой теории «американской исключительности», «великого эксперимента», «провиденциальной миссии США» и уже упомянутого «консенсуса».

Суть этих теорий, в общем, сводится к тому, что основу американской истории составляет-де вневременной и внеклассовый эксперимент не отягощенного грузом многовекового прошлого «боговдохновенного» творчества, создавшего целую систему государственных и общественных институтов, умиротворяющих конфликты социальных групп. Анализируя взгляды сторонников теории «консенсуса», советский историк Н. Болховитинов отмечает, что, согласно, скажем, Дж. Бэнкрофту, «дух» первых американских колонистов-переселенцев XVII века с

самого начала требовал свободы и по воле всевышнего американцам выпала особая миссия распространять свободу по всему миру. Спустя сто с лишним лет после Дж. Бэнкрофта, историка XIX века, эти идеи обрели своего проповедника в лице известного историка Р. Хофстедтера, неоднократно писавшего о существовании в США общего для всей страны идеологического климата: «Как ни велики были разногласия по конкретным... вопросам, главные политические традиции основывались на вере в право собственности, философии экономического индивидуализма, ценности конкуренции». За всеми «временными и местными конфликтами», утверждал Р. Хофстедтер, скрывались общая основа, единство культурной и политической традиции, на которой якобы зиждется американская цивилизация, цивилизация главным образом «индивидуалистическая и капиталистическая»¹. Ведущие представители теории «консенсуса» — Р. Хофстедтер, Р. Браун, К. Росситер, Д. Бурстин, Л. Харц и их многочисленные последователи всемерно подчеркивают единство и стабильность американского общества, преуменьшая и даже отрицая при этом роль классовых и социальных различий и утверждая, что в Америке никогда не было «классовой борьбы в европейском смысле этого слова».

Одна из существенных особенностей подобного рода исторических и философских теорий состоит в том, что они с очевидностью перерастают рамки академических дискуссий, ибо такие концепции в конечном счете рассчитаны на их усвоение массовым сознанием. Это придает как самой истории США, так и ее теоретическим интерпретациям весьма важное идейно-пропагандистское «изменение».

Идеологи «консенсуальных» трактовок истории США основывают свои теоретические построения на совершенно неправомерном гипертрофировании нескольких хотя и важных, но не меняющих сущности американского капитализма черт исторического пути этой страны.

¹ Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980, с. 10.

Наиболее часто «бесконфликтность» истории США объяснялась в прошлом и объясняется ныне тем, что с самого начала американскому обществу не преграждали путь, по выражению И.-В. Гете, «базальтовые развалины феодальных замков». Феодализм, породивший в Европе жестокие классовые столкновения, никогда не был в США господствующим социально-экономическим укладом. По этому поводу К. Маркс писал, что американское буржуазное общество «выступает не как переживший старое общество результат некоторого стародавнего движения, а как исходный пункт некоторого нового движения»¹. Но эта неоспоримая «новизна» рождавшейся в XVII—XVIII веках американской нации произвольно абсолютизировалась буржуазными историографами и провозглашалась главной особенностью всего американского строя, якобы по сути своей лишенного классовых антагонизмов, коренившихся-де исключительно в традициях европейской феодальной сословности.

К числу столь же неправомерно абсолютизируемых факторов американской истории, уничтоживших, согласно «консенсуалистам», основы классовых конфликтов в этой стране, принадлежала роль государственного фонда, свободных западных земель (так называемая «подвижная граница»), которая, хотя она и в самом деле несколько гасила остроту социальных столкновений, не могла, однако, ни в коей мере их уничтожить. Достаточно сказать, что уже в 60-х годах XIX века (то есть в разгар освоения «свободных земель») в США разразилась Гражданская война между промышленно-фермерским Севером и рабовладельческим Югом — самый кровопролитный и продолжительный военный конфликт прошлого столетия. Война эта имела явно выраженный классовый характер — на должном основании она рассматривается как вторая американская буржуазная революция.

Анализируя пути развития капитализма в США, Ф. Энгельс отмечал два фактора, долго препятствовавших полному проявлению в Америке всех следствий развития капиталистической системы: «Это —

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 4.

возможность легко и дешево приобретать в собственность землю и прилив иммигрантов. Это позволяло в течение многих лет основной массе коренного американского населения еще в расцвете физических сил «отказываться» от занятия наемным трудом и становиться фермерами, торговцами или предпринимателями, между тем как тяжелая работа по найму, положение пожизненного пролетария большей частью выпадало на долю иммигрантов»¹. Однако по мере дальнейшего развития капитализма «вглубь» и «вширь» большой предохранительный клапан, который тормозил образование постоянного класса пролетариев, фактически перестал действовать. «Тенденция капиталистической системы к окончательному расколу общества на два класса — горстку миллионеров, с одной стороны, и огромную массу наемных рабочих, с другой, — эта тенденция, несмотря на то что с ней постоянно сталкиваются и ей противодействуют другие социальные факторы, нигде не проявляется с большей силой, чем в Америке...»²

В противовес подлинной научной объективности современное буржуазное массовое сознание воспринимает порой американскую историю чуть ли не как величественную эпопею открытия и освоения на Североамериканском континенте земли обетованной — библейского Ханаана — и построения «города на холме» — нового Сиона. Исторический путь США в связи с этим переосмысливается и переписывается с позиций некоего единого потока развития всей нации, якобы обладающей изначальной «согласованностью интересов» и несущей на себе печать богоизбранности. Не обходят стороной раннюю историю США и современные политические идеологи, активно использующие тезис о первоначальной «пророческой» богоизбранности Америки. Предвыборные речи президента США Р. Рейгана пестрели ссылками на проповеди Джона Уинтропа, религиозного философа середины XVII века, увлекавшего переселенцев на Американский континент предсказанием появления «сияющего города на верху горы».

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 263—264.

² Там же, с. 264.

Подобные обоснования движущих сил американской истории могут показаться любому трезвомыслящему наблюдателю весьма далекими не только от научной истинности, но и от убедительности с точки зрения логики здравого смысла. Разумеется, библейский провиденциализм и мессианство присутствуют в массовом сознании американцев далеко не в том обнаженном виде, в каком они проповедовались американскими религиозными фанатиками XVII—XVIII веков — этими, по выражению Маркса, «виртуозами трезвого протестантизма»¹. И все же идеи некоей глубинной «инаковости» Америки, ее непохожести на Европу — в сфере культуры, социальных обычаев и нравах, расстановке общественных сил — составляют убеждение многих, в том числе весьма «просвещенных», по нынешним понятиям, американцев и получают свое теоретическое оформление в трудах маститых историков и философов.

Идея «единого потока» американской истории (включая и новейшую историю США) стала излюбленным средством американской пропаганды — с помощью ли многосерийных телефильмов, исторических романов «в мягкой обложке» или предвыборных речей политических деятелей. Игнорируя научные трактовки истории США, буржуазные идеологи пытаются отождествить современную эпоху с эпохой американской революции XVIII века и тем самым поставить себя под знамя идеалов свободы и демократии, выдвинутых американским Просвещением и прошедших суровую, порой трагическую проверку в ходе войны за независимость США — американской буржуазной революции.

Празднование двухсотлетия США превратилось в шумную кампанию, имевшую целью, по замыслу ее организаторов, продемонстрировать неподвластное векам единство американской нации. В том же идеологическом ключе нередко строил свои выступления и президент Дж. Картер, постоянно апеллировавший к изначальной христианской моральности исторических основ американской нации, которой

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 763.

сейчас следовало бы, по его мнению, лишь более пристально всмотреться в свой символический богоначертанный путь, чтобы очиститься от вредоносной скверны прогрессирующего аморализма, под которым он понимал и проявления радикальных тенденций.

Историческая мифология, рожденная вполне конкретными «земными» потребностями американской буржуазии, создающей идейное обрамление своей власти, никак не согласуется с неоспоримыми фактами. Одним из таких фактов является то, что американское общество, возникшее и сформировавшееся в XVII—XVIII веках, представляло собой антагонистический, классовый строй с присущими ему глубокими противоречиями.

Увы, уже первые шаги нарождавшейся американской нации отнюдь не свидетельствовали о том, что на дальних берегах Нового Света возобладал или мог возобладать столь желанный социальный консенсус.

Трансатлантический рейс небольшого парусного судна «Мэйфлауэр», доставившего поздней осенью 1620 года к берегам Америки сто три переселенца, в силу устойчивой традиции, имеющей глубокие корни в американском национальном сознании, рассматривается чуть ли не как прообраз «великого переселения», приведшего через полтора столетия к созданию независимого государства — Соединенных Штатов Америки. Но отметим, что ни на борту окруженного легендами «Мэйфлауэра», ни позднее, когда колонисты обустроились на новом месте и уже в ранге хозяев встречали многочисленные партии переселенцев, в рядах отцов пилигримов и их окружения не было и в помине единства взглядов и устремлений. В каком-то смысле «Мэйфлауэр» можно уподобить Ноеву ковчегу «старой», европейской цивилизации, передававшей в наследство «новой», американской если и не полный, то, по крайней мере, довольно внушительный набор всякого рода противоречий — социальных, политических, идейных... До согласия было очень далеко.

Уильям Брэдфорд — один из первых американских интеллектуалов, историк и писатель, а также скрупулезный летописец эпопеи с «Мэйфлауэ-

ром» — писал двадцать лет спустя: «Удивительно видеть и наблюдать, как развиваются и прорываются здесь (в североамериканских колониях.— Н. П.) злые силы — в стране, где, казалось бы, все противостоит этому, где за ними тщательно следят и где, когда их распознают, сурово наказывают — суровее, чем где бы то ни было... Однако все это не смогло помешать появлению многих грехов...»¹ Что касается суровых наказаний и общего надзора за общественной нравственностью, то местные власти Новой Англии, ослепленные идеей построения в Америке библейского «города на холме», нового Сиона, творили прямо-таки чудеса, преследуя инакомыслящих, вольнодумцев и просто тех, кому была не по нутру приторная и лицемерная демагогия пуритан. Здесь открытое насилие шло нога в ногу с формированием общественного устройства и государственного строя североамериканских колоний. Стоит ли удивляться этому, ведь сам канон пуританской общественной морали подразумевал незыблемость классовых различий. Так, один из основателей колонии Массачусетс, ее первый губернатор и крупнейший идеолог пуританской теократии Джон Уинтроп со всей определенностью высказался по этому поводу. В своей программной проповеди «Основы христианского милосердия», прочитанной на борту быстроходной «Арабеллы», пересекавшей в 1630 году Атлантический океан, Уинтроп указал: «Всемогущий бог в своей святости и мудрости так определил условия человеческого существования, что во все времена кто-то был беден, а кто-то богат, кто-то стоял выше и обладал властью, а кто-то находился в подчинении»². И это, отметим, не была просто констатация, это было указующее предназначение на будущее.

К концу XVII века пуританская ортодоксия уже улавливала веяния грядущего падения основ своего вероучения. И, как это нередко случается в истории, предчувствие краха порождает взлет особо

¹ Цит. по: Слезкин Л. Ю. Легенда, утопия, быль в ранней американской истории. М., 1981, с. 103.

² The Puritans. Ed. by P. Miller and T. H. Johnson, vol. I. N. Y., 1963, p. 197.

оголтелого фанатизма. Стремясь вселить страх в стремительно растущие ряды инакомыслящих прихожан, церковные власти Новой Англии организовали долговременную кампанию «охоты за ведьмами», продолжавшуюся целых четыре года, с 1688 по 1692 год. Наиболее печальную известность приобрел процесс «селемских ведьм».

Пуританская идеология предписывала всем «истинным христианам» строгое воздержание от всяких «развлечений» духа, под которые подпали и поэзия, и музыка, и танцы.

«Заряд» первоначального пуританского ригоризма был столь велик, что на протяжении многих и многих десятилетий Северо-Восток США продолжал оставаться местом, где духовная культура была фактически поставлена вне закона. Посетив в 40-х годах XIX века Новую Англию, Чарльз Диккенс с удивлением и возмущением обнаружил, что «Новая Англия, казавшаяся сплошной церковной епархией, является... сущим рассадником гонений против всех невинных и разумных развлечений. Церковь, молитвенный дом и лекционный зал — вот и все дозволенные места увеселений...»¹

Чему же удивляться, что порой лишь предания и народные легенды сохранили для нас духовную реальность ранних времен американской истории. Это касается и печально известной «охоты за ведьмами».

«Грейс Шервуд — ведьма! Так считали многие, кто жил в приморском графстве Принсис-Энн, штат Вирджиния,— этими словами начинает свое трагическое повествование безвестный автор предания.— Грейс Шервуд была мужественная женщина, не ведавшая страха. Она ходила всегда с высоко поднятой головой и за словом в карман не лезла. Когда Джейн Гинсберн попробовала было обвинить Грейс в том, что она-де навела порчу на ее урожай и скотину, Грейс в ответ заявила, что честный упорный труд спасет от всякой порчи и урожай, и скотину, и все такое прочее...»²

¹ Диккенс Ч. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 9. М., 1958, с. 74.

² Голоса Америки. Из народного творчества США (Баллады, легенды, сказки, притчи, песни, стихи). М., 1976, с. 99.

Что ж, это и составило главное «преступление» Грейс Шервуд и десятков ее соотечественниц, официально обвиненных в ведовстве и предсказании будущего. Многие из них после публичных поруганий были сожжены на костре. Так церковные — а для Новой Англии тех дней это означало и гражданские — власти подтверждали незыблемость пуританской теологической доктрины, начисто отрицавшей саму возможность человека задумываться о своей судьбе и тем более творить ее своими руками.

В колониальный период американской истории на Североамериканском континенте происходило отнюдь не мирное столкновение отживавших, но не сдававшихся без боя элементов феодализма, привнесенных британским колониальным правлением, с развивавшимся капитализмом. Столкновение это, обострявшее классовые коллизии до точки самовозгорания, вряд ли можно назвать «социальной гармонией». В американском колониальном обществе классовое, гражданское и экономическое неравенство (хотя и не такое острое, как в Европе) не только не сглаживалось, а, напротив, постепенно углублялось. Это дает основание для важного методологического вывода, обозначающего принципиальный водораздел между марксистской и буржуазной историографией: «Становление капиталистических отношений в Северной Америке, как в колониальный

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

«Мы больше не являемся творческим народом: все наши основные политические институты были созданы до 1800 года, и ни один — после. Мы больше не открываем дверей для бедняков и угнетенных всего мира. Мы больше не думаем о нашей миссии как об освобождении людей от любого гнета, а если мы боремся за распространение нашего образа жизни, то пользуемся при этом силой, а не моральным примером».

Г. Коммаджер, американский историк

период, так и позднее, происходило в тесной связи с развитием капитализма в странах Западной Европы, и в первую очередь в Великобритании. Генезис капитализма в США не был изолированным американским явлением, а составлял часть общего европейско-американского, а в конечном итоге мирового процесса»¹.

Таким образом, уже исходный «материал» исторического развития США заключал в себе взрывоопасную силу острых социальных противоречий, решительно заявивших о себе позднее, в эпоху американской буржуазной революции.

Исторический путь формировавшейся в XVII — XVIII веках американской нации был отмечен не бесконфликтным «консенсусом» социальных групп, как о том постоянно пишут буржуазные исследователи, а взрывами насилия и открытого террора, направляемых против освободительного движения народных масс североамериканских колоний. Вопрос о мирных или насильственных формах и методах политической борьбы в ранней американской истории раскрывает противоречивую диалектику общественного развития США, взятую в одном, но весьма важном аспекте.

Америка до 1776 года была переселенческой английской колонией в «классическом» смысле этого понятия со всеми вытекающими отсюда экономическими и социальными последствиями. Большая часть населения североамериканских колоний, состоявшего в основном из мелких и средних фермеров, находилась под двойным гнетом: английской метрополии и местных американских магнатов — настоящих лендлордов, концентрировавших в своих владениях огромные земельные и прочие богатства, не только сопоставимые с владениями самых состоятельных аристократов Великобритании того времени, но и порой превосходившие их. Стоит ли говорить, что социальная ситуация, сложившаяся в колониальной Америке, была весьма далека от идиллического согласия.

Так, в колонии Нью-Йорк, где семейства Ван

¹ Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография, с. 48.

Ренсселеров, Ливингстонов и другие владели многими сотнями тысяч акров земли, аграрные конфликты стали чем-то обыденным, если только подобное явление, сопровождавшееся жертвами и террором властей, могло стать обыденностью. С особой силой разгорелось фермерское восстание 1766 года в долине реки Гудзон. Фермеры и мелкие арендаторы требовали уничтожить ренту, передать землю в руки тех, кто ее обрабатывал, положить конец безраздельному произволу магнатов. Фермерский бунт, как и следовало ожидать, был подавлен совместными усилиями английских колониальных войск и местных лендлордов, а руководитель восстания У. Прендергаст осужден на смертную казнь. Правда, опасаясь еще больших народных волнений, власти в последний момент помиловали его.

Борьба американских фермеров против богатых и влиятельных землевладельцев никогда не была «секционной» или «региональной», то есть продиктованной сугубо местными, ограниченными интересами. Напротив, она представляла собой широкое массовое движение социального протеста, вызванного в конечном счете усиливавшимся процессом первоначального накопления капитала в североамериканских колониях.

Насилие масс (например, в ходе восстания «регуляторов» конца 60-х — начала 70-х годов XVIII века в Северной Каролине фермеры освобождали должников из тюрем, нападали на суды, изгоняли шерифов, громили владения особенно ненавистных лендлордов и т. д.) не было актом анархического произвола, а всегда оказывалось лишь крайней и вынужденной мерой, направленной против скрытого и открытого экономического и политического давления со стороны правящего класса, неизменно опиравшегося на силу оружия во имя сохранения «порядка».

Все это лишний раз доказывает ту, в сущности, простую историческую истину, что народ любой страны в любую эпоху чужд насилию ради насилия, или «терроризму», как его окрестили буржуазные идеологи, пытаясь тем самым приписать национально-освободительному, революционному

протесту черты безрассудства и авантюризма. Лишь под давлением жестокой и горькой необходимости народные массы берут в руки оружие, отвечая тем самым на террор власть имущих. Истина эта с еще большей силой обнаружила себя в бурные годы войны за независимость североамериканских колоний.

Необходимо исходить из важнейшего марксистско-ленинского методологического тезиса о том, что война за независимость носила революционный характер. В «Письме к американским рабочим» В. И. Ленин писал о борьбе восставших колоний как об «одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн»¹. Он называл войну за независимость также «великой освободительной войной».

Американская революция конца XVIII века была направлена на достижение двух важнейших целей: уничтожение колониальной зависимости от Англии и преобразование общественного устройства провинций в буржуазно-демократическом духе. Накануне исторического 1776 года и в ходе дальнейшего развития революции в американском обществе сложилось два основных политических лагеря — лагерь «лоялистов», стремившихся любой ценой сохранить социально-экономические и особенно политические связи с Англией, и лагерь революционной буржуазии, выражавшей в период нарастания национально-освободительной борьбы глубинную антиколониальную настроенность масс, видевших в «разбойниках-англичанах» своих главных врагов.

Именно в эти предреволюционные и революционные годы политический радикализм патриотически настроенной антиколониальной буржуазии достиг своего пика, что нашло яркое проявление в идеологии лидеров революционного движения Дж. Отиса, П. Генри, С. Адамса и выдающихся американских просветителей и демократов Б. Франклина, Т. Пейна, Т. Джефферсона. Образным лейтмотивом антиколониальной борьбы американского

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 48.

народа стали слова П. Генри: «У нас нет выбора... Отступать теперь слишком поздно... Война фактически началась!.. Неужели жизнь так дорога, а мир так сладок, что их надо покупать ценой кандалов и рабства? Всемогущий боже! Я не знаю, какой путь могут выбрать другие, но что касается меня, то дай мне свободу или дай мне смерть!»¹

Одним из первых осознал всю тщетность дальнейшего увещивания британского парламента и короля Георга III С. Адамс, открыто призвавший своих сограждан к физическому сопротивлению колониальным властям. Этот призыв нашел живой отклик среди широких слоев мелких фермеров, арендаторов, ремесленников, городского люда Массачусетса. Инициатором вооруженной борьбы колонистов за свои гражданские права стал Бостон. Здесь в 1770 году состоялось первое кровавое столкновение с английскими войсками, здесь, в Бостонской гавани, в 1773 году произошло знаменитое «бостонское чаепитие» (вооруженное нападение на английские суда), явившееся важнейшей вехой на пути к революции.

Характерно, что революционный радикализм лидеров американской патриотической буржуазии опирался на идею народного суверенитета и демократизма. С. Адамс, например, писал, что «силой, которая под божеским провидением должна в конце концов спасти нас», может быть только «простой люд континента»². И хотя конечные цели лидеров левого крыла патриотического лагеря всегда оставались чисто буржуазными, достижение их они не мыслили без привлечения широких народных масс к вооруженной борьбе за независимость колоний и к дальнейшему управлению новым американским государством.

В этой связи Маркс писал о том, что в американской революции впервые возникла «идея единой великой демократической республики», «была провозглашена первая декларация прав человека и был

¹ The Spirit of „Seventy Six“, Bicentennial edition, p. 107—109.

² См.: Согрин В. В. Идейные течения в американской революции XVIII века. М., 1980, с. 93.

дан первый толчок европейской революции XVIII века»¹. Разумеется, демократическая революционность американской радикальной буржуазии касалась прежде всего сферы «идей» и «деклараций», а не практической политики, особенно в период спада революционного процесса. Но, как известно, идеи наряду с другими факторами исторического развития обладают большой и разрушительной и созидательной силой.

Центральной фигурой, ведущим идеологом и политическим лидером левого крыла патриотического лагеря стал Т. Джефферсон, выдающийся американский философ-просветитель, впоследствии дипломат и государственный деятель молодой республики. При всех его многочисленных заслугах перед наукой и культурой, все же главный вклад в историю мировой политической теории и революционной практики он сделал как автор Декларации независимости.

Исходные социально-политические принципы Декларации заключают в себе утверждение права каждого народа на самоопределение и независимость, которых можно добиваться всеми доступными способами, включая насильственный. Квинтэссенция политического и философского радикализма Декларации заключена в признании права на революцию: «Мы считаем самоочевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они наделены создателем определенными неотчуждаемыми правами, к которым принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью... Всякий раз, когда какая-либо форма правления ведет к нарушению этих принципов, народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких началах, какие, по мнению народа, более всего способствуют его безопасности и счастью»².

Таким образом, Джефферсон решительно объединял в написанном им программном документе антиколониальную борьбу с задачей последующего

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 17.

² The Papers of Thomas Jefferson. Princeton, 1950—[1983], vol. I, p. 429.

демократического переустройства общества, включая право народа с оружием в руках свергать правительство, вышедшее из-под народного контроля. Само право народа на вооруженное восстание рассматривалось им (и другими идеологами левого крыла патриотического лагеря, например Т. Пейном) как важнейшее гражданское право американского народа. Конечно, политическая революционность Джефферсона была ограничена интересами трудового фермерства и мелкой буржуазии. Но даже при всей своей абстрактности Декларация независимости представляла идеологическую опасность для победившей буржуазии, которой в новых условиях требовались не призывы к неповиновению и борьбе, содержащиеся в Декларации, а утверждение любыми средствами своего господства над массами. Поэтому вскоре после 1776 года Декларация независимости стала «неудобным» документом, от которого, с одной стороны, нельзя было прямо отказаться, ибо он фактически провозглашал образование США, а с другой — углубление в его философский и политический смысл ставило и ставит ныне слишком много «деликатных» вопросов перед официальной Америкой.

Развернутая в США кампания борьбы с «международным терроризмом», то есть кампания очернения международного национально-освободительного движения, едва ли может быть согласована с историей самих США, появившихся на свет в результате вооруженной борьбы американского народа против колониального господства. Об этом, в частности, говорилось и в заявлении ТАСС по поводу пропагандистской шумихи о «терроризме»: «Насколько не сходятся концы с концами у новоявленных «теоретиков терроризма», видно хотя бы из того, что если следовать их логике, то к террористам они должны были бы отнести и Джорджа Вашингтона и других «отцов основателей» Соединенных Штатов Америки, руководивших борьбой американских колоний за независимость»¹.

Противопоставляя современный консерватизм американской монополистической буржуазии демо-

¹ Правда, 1981, 3 февраля.

кратизму левого крыла патриотической революционной буржуазии 1776 года, следует помнить, что эта революционность и демократичность, несомненно, были весьма противоречивы и ограничены. Провозглашая, например, равенство всех людей, Декларация независимости имела в виду только «свободных» белых мужчин, а отнюдь не негров, «кабальных слуг» и женщин, отмечает историк-марксист Г. Аптекер. (Для сравнения можно сказать, что в те годы в стране было 650 тысяч рабов, 300 тысяч индейцев и 250 тысяч «кабальных слуг».) Таким образом, 40 процентов одного лишь мужского населения страны, не говоря уже о женском, не подпадало под действие принципов Декларации независимости¹.

Перечень различного рода противоречий революционной просветительской идеологии XVIII века и практики ее осуществления можно продолжить. При этом, однако, ограниченный по современным меркам демократизм Джефферсона, помещенный в контекст конкретно-исторической борьбы идей, сопутствовавшей формированию США, не только не проигрывает, но, напротив, может показаться одной из вершин буржуазного гуманизма эпохи Просвещения. Особенно если сравнивать его со взглядами родоначальника другой политической и философской традиции в Соединенных Штатах, вдохновителя партии «федералистов» А. Гамильтона.

По своей прирожденной блистательной одаренности, глубине теоретических, особенно экономических, и практических знаний, способности организовывать политические движения Гамильтон вряд ли уступал Джефферсону. В период активной антиколониальной борьбы Гамильтон, тогда еще совсем молодой человек, решительно, как и Джефферсон, присоединился к патриотическим силам. Он вступил в действующую армию колонистов, был любимым адъютантом Вашингтона. Но все эти качества своей натуры, научные способности молодой честолюбивый министр финансов направлял к достижению целей, отличных от целей Джефферсона.

¹ Аптекер Г. О природе демократии, свободы и революции. М., 1970, с. 23.

Будущее США Гамильтон и возглавляемая им партия «федералистов» безраздельно отдавали на откуп крупной земельной и финансовой буржуазии, которая, по мысли «федералистов», сплотившись вокруг жестко централизованного и иерархического государства, должна была отбросить все предрассудки демократизма и железной рукой управлять американской нацией. «Если Гамильтон цинично полагал, что «народ — это огромный зверь», а другой лидер умеренных, Дж. Адамс, призывал передоверить всю полноту власти в стране просвещенной политической элите, то лидер демократов Джефферсон неизменно исходил из того принципа, что... республиканские свободы США могут быть сохранены, лишь «будучи вверенными под стражу самого народа»¹.

Конституция США 1787 года была составлена по преимуществу «федералистами», а потому и сейчас являет собой прекрасный пример их идеологии. И лишь первые десять поправок к конституции (так называемый билль о правах), принятые в результате ожесточенной борьбы группировок Джефферсона и Гамильтона, санкционировали правовое соблюдение элементарных буржуазно-демократических свобод. Преклонение перед английской конституционной монархией (даже в США ее сторонники пытались учредить пожизненную власть президента) сочеталось у «федералистов» с почти животной ненавистью к Великой французской буржуазной революции. Характерно для взглядов крупной американской буржуазии того — да, видимо, и не только того — времени звучит тирада, обрушенная Гамильтоном на оратора, осмелившегося заявить о своих демократических убеждениях: «Ваш народ, милостивый государь, ваш народ — просто скотина!»² И столь же характерны, но уже для Джефферсона, прямого противника Гамильтона, слова: «Я не отношусь к числу тех, кто боится народа. Он, а не богатые — наша опора в постоянной

¹ См.: Согрин В. В. Идеиные течения в американской революции XVIII века, с. 158—159.

² П а д о в е р С. Томас Джефферсон. Жизнь и идеи великого американца. Нью-Йорк, 1960, с. 198.

борьбе за свободу»¹. В лучших традициях Просвещения Джефферсон уже на склоне своих лет писал о всеобщем распространении светоча науки, который открыл массам, что «они не созданы порабощенными, не рождены с седлами на спинах с тем, чтобы немногие привилегированные, прищипывая, правили ими с помощью закона и милостью божьей»².

Опираясь на традиционную для XVIII века теорию «естественного права», Джефферсон не исключал из будущего развития США возможность вооруженного выступления народных масс, считая его столь же закономерным в политическом климате США, «как бури в мире физических явлений», по собственному выражению американского просветителя. Под воздействием фермерского восстания 1786—1787 годов, руководимого Д. Шейсом, Джефферсон еще больше укрепился в своем решительном и наиболее последовательном для того времени демократизме. Философ обосновывает концепцию народных восстаний, согласно которой защита американским народом своих прав должна служить показателем силы и жизнеспособности хранящегося в массах духа демократии, возвращенного революционной борьбой против английского колониального господства.

Небезынтересно знать, что эти весьма важные для социально-философской теории и политической практики выводы Джефферсон сделал, находясь во Франции в качестве посла американской республики при дворе короля Людовика XVI. Причем политические симпатии американского дипломата не представляли особой тайны: в доме Джефферсона собирались деятели революционной оппозиции, при его участии составлялись и обсуждались многие программные документы этого движения, включая историческую Декларацию прав человека и гражданина. В знаменитом 1789 году Джефферсон стал восторженным свидетелем революционных событий, потрясших Париж и всю Францию.

¹ Jefferson Profile. N. Y., 1956, p. 344.

² Jefferson Thomas. A Biography in His Own Words. N. Y., 1974, p. 406—407.

Следует, однако, видеть и утопичность идей Джефферсона, полагавшего, что просвещенная аграрная буржуазно-демократическая республика, опирающаяся на класс мелких фермеров, есть наилучшая форма правления. При этом народные восстания, по мысли Джефферсона, должны были служить лишь тому, чтобы фиксировать и исправлять отклонения этой формы правления от своего идеального состояния.

Однако для мыслителей-демократов масштаба Джефферсона философская и политическая теория не была самодовлеющим фактором общественного развития. Стремление установить конкретную связь сферы «идей» со сферой социально-политической и экономической практики пронизывало всю деятельность Джефферсона. Наряду с примерами открытого социального, экономического и политического насилия, которые давала послереволюционная общественная жизнь США и которые столь разительно контрастировали с первоначальными лозунгами революционной буржуазии, философа бесконечно заботили многочисленные проявления насилия скрытого, идейного, порабощавшего сознание американцев. Показывая явную диспропорцию между «физическими» возможностями, раскрывавшимися перед молодой нацией, осваивавшей огромный континент, и ее отсталостью и даже косностью в области общественного просвещения в широком смысле слова, Джефферсон писал: «Эта страна, давшая миру пример физической свободы, остается в долгу у него в отношении духовного раскрепощения, потому что оно у нас лишь номинальное. Инквизиция над общественным мнением на практике преобладает над свободой, теоретически обеспеченной законами»¹.

Следует, однако, помнить, что внеисторический и вневременной взгляд на форму политической власти и общественное сознание, апеллировавший к «вечному разуму», свойственный и Джефферсону, был в целом типичен не только для американского, но и для европейского Просвещения. «Мы знаем теперь,— указывал Энгельс,— что это царство

¹ Jefferson Profile, p. 301.

разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии... Великие мыслители XVIII века, так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха»¹. Но и весьма жесткие «рамки эпохи» позволяли наиболее дальновидным и прогрессивно мыслящим умам того времени хотя и приблизительно, порой противоречиво, но все же внутренне убежденно обозначить генеральную перспективу: путь к свободе и демократии через народную революцию.

Возглавляемая «федералистами» консервативная американская буржуазия неизменно проливали ханжеские слезы по поводу насилия и человеческих жертв, сопутствовавших американской революции и якобы составлявших ее сущность, что должно было служить доказательством тезиса о тождестве насилия и революционного преобразования общества. Столетием позже, отвечая подобным радетелям умиротворенности, Марк Твен писал, ссылаясь на историю Великой французской буржуазной революции: «Казалось, будто я читаю о Франции и о французах до их навеки памятной и благословенной революции, которая одной кровавой волной смыла тысячелетие подобных мерзостей и взыскала древний долг — полкапли крови за каждую бочку ее, выжатую медленными пытками из народа в течение тысячелетия неправды, позора и мук, каких не сыскать и в аду. Нужно помнить и не забывать, что было два «царства террора»; во время одного — убийства совершались в горячке страстей, во время другого — хладнокровно и обдуманно; одно длилось несколько месяцев, другое — тысячу лет; одно стоило жизни десятку тысяч человек, другое — сотне миллионов»².

Власть имущие эксплуататоры, любыми средствами поддерживающие политический и социальный статус-кво, неизменно пытаются объявить революционные выступления масс проявлением будто бы присущего народу — «черни» — необузданного и

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 17.

² Твен Марк. Соч. в 12-ти томах, т. 6. М., 1959, с. 384—385.

кроважного «терроризма». Так, еще английский король Георг III обвинил североамериканских колонистов, протестовавших против гнета метрополии, в «открытом мятеже» и заочно приговорил автора антиколониального памфлета «Общий обзор прав Британской Америки» Т. Джефферсона к смертной казни. А четвертью столетия позже, после победы буржуазной революции и образования США, возглавляемые Гамильтоном «федералисты» провели через конгресс законы о чужестранцах и подстрекательстве к мятежу, содержавшие обвинения в терроризме, направленные против партии Джефферсона и французских эмигрантов, якобы разносивших бациллы радикализма по США.

Говоря о зарождении и формировании долговременных национальных политических традиций в США, по всей видимости, следует выделять револю-

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

«Экстремизм, возведенный в ранг закона, имеет в США давнюю историю... Реакционная паранойя и власть предрезающие постоянно осуществляли давление на оппозицию. Правительственные учреждения, такие, как Пентагон, например, использовали целый арсенал репрессий в ходе длительных забастовок. Всегда существовала возможность методично преследовать какие-то группы людей и подавлять их деятельность, не давая им передышки. Что касается всего народа, то делалось то же самое, но с интервалами между репрессивными кампаниями. Сторонникам движения за гражданские права следует помнить, что интрелюдии между вспышками репрессий являлись всегда лишь паузами, во время которых правительство вело подготовку к еще более агрессивному натиску в будущем».

У. Престон, американский публицист

ционную, демократическую и эгалитаристскую линию Джефферсона, выражавшую, в общем, демократическую идеологию мелкого трудового фермерства второй половины XVIII века, и линию Гамильтона, ориентированную на социальный элитаризм крупных собственников, постоянно тяготевшую к тоталитаризму и отражавшую страх американской буржуазии перед народом.

Противостоянием и борьбой этих традиций (в их, бесспорно, видоизмененном в соответствии с новыми социально-экономическими условиями звучании) характеризуется двухсотлетняя история США. Именно в этом смысле следует понимать и записанное в уставе Компартии США, принятом на ее XVI национальном съезде, положение: «В борьбе за демократию, мир и социальный прогресс Коммунистическая партия стремится развивать далее демократические традиции Джефферсона, Пейна, Линкольна и Фредерика Дугласа...»¹

Насилие власть имущих — открытое и беззащитное либо «тихое» и изощренное — стало с ранних дней американской национальной истории неизменным атрибутом всего уклада заокеанской жизни. Но сколь бы давно, «от века», ни существовало оно на Североамериканском континенте, срок давности не делает его менее мучительным и трагичным для тех, кто испытывает его на себе. И потому, быть может, чувство протеста и рожденные им акты протеста всегда обнаруживали себя даже в периоды относительной «умиротворенности» народных масс.

Впрочем, та эпоха в истории США, когда в одном из провинциальных городков Массачусетса жил выдающийся американский писатель Генри Дэвид Торо, едва ли может быть названа даже наиболее апологетически мыслящими авторами эпохой «консенсуса». Война 1846—1848 годов с Мексикой, закончившаяся аннексией огромных территорий южного соседа, ужесточение плантационных порядков и преследование негров, экономический кризис с его вопиющими социальными гримасами —

¹ XVI Национальный съезд Коммунистической партии США. М., 1958, с. 133.

все это и определяло в значительной степени лицо времени, предшествовавшего началу гражданской войны между Севером и Югом, второй американской буржуазной революции.

Генри Торо был человеком тревожным и мятущимся. Любые факты несправедливости, самоуправства властей, косного догматизма церкви вызвали у него стихийное неприятие, сквозившее и в его художественных произведениях, и в его гражданской позиции. Печально взирая на устрашающие масштабы государственной машины насилия и видя вокруг себя либо исполненных отчаяния разорившихся фермеров, либо самодовольных обывателей, Торо уверовал в то, что справедливый нравственный строй невозможно установить силой массовой организации и массового вооруженного сопротивления. Так что же делать? В ответ на этот роковой вопрос у Торо родилась программа мирной ненасильственной революции, изложенная в его знаменитом эссе «О долге гражданского неповиновения», впоследствии, кстати сказать, чрезвычайно высоко оцененном Л. Н. Толстым.

В ответе, данном Торо на животрепещущий вопрос его времени, была своя историческая логика. Состояла она в том, что одинокий романтический наблюдатель (а Торо принадлежал к романтическому направлению в литературе) с неизбежностью отдается во власть анархическим и непротивленческим настроениям, оказавшись между молотом государственной машины насилия, которую он искренне ненавидит, и наковальней массовых народных революционных течений, которые он либо не может различить, либо не в силах оценить и понять. И тогда на свет появляется утопичная программа непротивления злу насилием, «апелляция к духу» (В. И. Ленин), неверие в силу организованного политического протеста. Таковы были и вехи идейных исканий Торо. Но их итог явно выпадал из ожидаемого ряда. «Роковым» для Торо оказалось знакомство с легендарным капитаном Джоном Брауном, возглавившим вооруженную борьбу за освобождение негров в США. Писатель в нарушение своей философии решительно встал на сторону повстанцев. В своем родном городке Конкорде Торо создал

митинг в защиту капитана Брауна, невзирая на протесты членов республиканской партии, посчитавших эту акцию «несвоевременной». И когда городской звонарь отказался ударить в колокол на ратуше, Торо, взобравшись на звонницу, сам сделал это, а затем обратился к собравшимся со страстным посланием, позднее опубликованным под названием «Речь в защиту капитана Джона Брауна». Апология лидера вооруженного восстания, созданная активным проповедником непротивленчества, не может не говорить об его отходе от прежних идей индивидуализма и самоусовершенствования. Прекрасно понимая, что вооруженное выступление Брауна было в широком смысле слова апелляцией не только к духу человека, но и к физическим средствам вооруженной борьбы, революционного насилия, Торо признал за Джоном Брауном право на бунт, ибо руководитель повстанцев выполнял, по мнению Торо, тройственную задачу: будил людей от летаргической спячки, демонстрировал презрение к правительству и осуществлял это на личном примере высокого героизма.

Одно из коренных убеждений Торо состояло в том, что даже один человек может всколыхнуть огромную страну. В лице Джона Брауна писатель увидел выдающегося героя, которому оказалась по плечу эта задача. Дж. Браун, по словам Торо, «имел мужество встать на пути страны, когда она пошла по неверному пути»¹. «Единственное правительство, которое я признаю... — добавлял писатель, — это сила, устанавливающая справедливость»². Не будем оспаривать тех или иных оценок дела Джона Брауна, данных Торо, — это предмет особого научного разбора. Отметим лишь, что соприкосновения с решительной, пламенной борьбой за справедливость, с логикой революции, пусть и не в ее зрелых формах, удивительно расширили горизонт политической идеологии писателя.

Когда-то Торо с горечью заметил о трагической утрате веры в социальную справедливость: «Я жил весь последний месяц... охваченный чувством неиз-

¹ Thoreau H. D. The Writings, vol. 4. Boston, 1906, p. 411.

² Ibid., p. 430.

меримой утраты. Сперва я не мог понять, что со мной. Наконец понял: я потерял свою страну»¹. Теперь же он как бы заново оценивал окружающий социальный макрокосмос, находил в нем новые пути и новые жизненные силы. И этим Торо в немалой степени был обязан Джону Брауну, взгляды которого во многом импонировали писателю. «...Это была,— подчеркивал Торо,— его (Брауна.— Н. П.) собственная концепция, что человек, желая освободить раба, имеет полное право силой вмешаться в дела рабовладельца... Я согласен с ним»².

В записке, переданной друзьям перед казнью, повстанец писал: «Я, Джон Браун, теперь вполне убедился, что только кровь смоет великое преступление этой греховной страны. Я думаю, что напрасно тешить себя мыслью, что этого можно достичь без кровопролития»³. Быть может, эти слова адресовались и Торо.

Противники демократии и социального прогресса всегда пытались и пытаются ныне отождествлять революцию и насилие. Бесспорно, острые социальные коллизии, сопутствующие революционному процессу, исключают приемлемость для революционера-марксиста пацифистской идеологии, но это ни в коей мере не означает, что необходимо пропагандировать и применять насилие в качестве единственно возможного средства борьбы за новое. Резко критикуя партию эсеров, опиравшуюся на идею террора, Ленин прямо указывал на то, что террористические акты обезоруживают народ и вместо борьбы за свободу ведут к «пассивному ожиданию следующего поединка»⁴. Причину порой неизбежного вооруженного насилия масс всегда следует искать в ожесточенном сопротивлении реакционных сил, которые перед лицом своего поражения пытаются всеми способами, включая «белый террор», отсрочить развязку. Именно реакция — будь то силы

¹ Thoreau H. D. The Writings, vol. 4, p. 405.

² Ibid., p. 433.

³ Д ю б у а У.-Э.-Б. Джон Браун. М., 1960, с. 458.

⁴ Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 384.

отживающего феодального общества или победившая, но боящаяся грядущего буржуазия — под видом охраны закона и порядка стимулирует насилие, отнюдь не страшась того, что будущее страны будет залито кровью. Чтобы очернить революционеров, классовые противники нередко обвиняют их в «терроризме», пытаясь тем самым уравнять на весах истории, с одной стороны, справедливую борьбу прогрессивных сил за социальную справедливость и, с другой — бездумное, граничащее с авантюризмом, а порой и просто провокационное «вспышкопускательство» «леваков», не имеющее ничего общего с подлинно революционной теорией и практикой.

Свобода и насилие тесно переплелись в истории «города на холме». Диалектика идейной и политической борьбы тех далеких от нас времен отнюдь не канула в Лету. Она с очевидностью просматривается и в современных реалиях американской жизни.

ИСКУССТВО ТРИВИАЛИЗАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ «МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

Феномен «массовой культуры» и его интерпретация в работах зарубежных социологов и теоретиков. Культура массы или культура, ориентированная на массы? Ж. Ланг: экспорт американской «массовой культуры» — это «интервенция в сознание граждан других стран».

В нашей эстетической литературе «массовая культура» не была обойдена вниманием. Этой теме посвящены монографии и сборники, статьи и памфлеты. Следует отметить, что в этих работах преобладал публицистический тон, тогда как теоретические проблемы отодвигались, как правило, на задний план. В результате многое из области теории «массовой культуры» оказалось неисследованным; более того, в некоторых аспектах этого исследования наша критика, как нам представляется, зашла в тупик, до сих пор не выяснены некоторые методологические принципы анализа «массовой культуры», отсутствует общезначимое и адекватное определение этой культуры, довольно часто в нашей литературе некритически используются некоторые положения западной эстетики и социологии.

Все это требует вновь обратиться к проблеме «массовой культуры», обсудить некоторые методологические проблемы ее интерпретации и критики.

Буржуазная «массовая культура» в ее развитом виде впервые сформировалась в США. Здесь феномен «массовой культуры» появился еще в прошлом веке, о чем свидетельствуют исследования многих историков культуры. Возникновению этого феномена способствовало развитие средств массовой коммуникации — газет, массовых журналов, популярных «десятицентовых» романов, радио, грамзаписи, кинематографа, а позднее телевидения, магнитофон-

ной и видеомангнитофонной записи. С одной стороны, все это демократизировало сферу культуры, открыло к ней доступ широкой, массовой аудитории, укрепило и популяризировало традиции народной демократической культуры, которые существовали в Америке. С другой стороны, революция в сфере массовых коммуникаций в условиях капиталистического общества сопровождалась проникновением в культуру коммерческих интересов, погоней за прибылью. Иными словами, «массовая культура» с самого своего возникновения была связана с интересами бизнеса и уже с этого времени приобрела манипулятивные функции, стала орудием пропаганды буржуазной идеологии и буржуазного образа жизни.

В своих исследованиях американской культуры известный историк Д. Бурстин убедительно показывает, что в Америке сфера «массовой культуры» с самого начала подвергалась централизации и контролю, причем главным инструментом этой политики стала реклама. «Реклама в США явилась сердцем народной культуры. И не случайно она содержит много черт, свойственных народной культуре: повторение и простоту, гиперболичность и преувеличение, народную поэзию и музыку»¹. С помощью рекламы народная традиция, содержащаяся в американской культуре, подверглась регламентации и контролю. Как и реклама, «массовая культура» превратилась в наиболее удобный механизм для пропаганды идеалов американского образа жизни.

Некоторые исследователи считают, что «массовая», или «популярная», культура представляет собой типично американский путь развития, противостоящий истории культурного развития других стран. «Многие современные авторы, художники и музыканты, — пишет Д. Ковелти, — больше не думают о себе как о последователях европейской традиции или даже традиции авангарда XX века. Напротив, различия между высокой и массовой культурой все более затемняются и самое высокое художественное творчество вырастает из синтеза народного и популярного искусства с традициями

¹ Boorstin D. Democracy and its Discontents. N. Y., 1974, p. 26.

высокой культуры. В результате этого американцы, вдохновленные такими новыми успехами, как популярная музыка, новая волна в кино и театре, занимаются пересмотром и переоценкой культурных традиций, пытаются найти лучшее понимание тех новых форм культуры, которые до сих пор отрицаются учеными»¹.

Действительно, за последние годы в системе американского образования изучение «популярной культуры» доминирует над изучением классической системы гуманитарных дисциплин. По данным американской прессы, 56 % курсов посвящены изучению «популярных» видов культуры (курсы по телевидению, кино, рекламе, журналистике), 26 % используют средства «популярной культуры» для преподавания истории, английского языка, музыки и только 18% вообще не включают изучения истории и технологии «популярной культуры». Причем рост интереса к изучению видов этой культуры весьма значительный. В 1969 году здесь преподавалось 1 233 курса по кино в 219 высших учебных заведениях. По сравнению только с 1964 годом количество курсов увеличилось на 84 %. В Англии в систему университетского образования также включаются курсы по «популярной культуре», содержащие материалы по кино, музыке, научной фантастике и даже футболу².

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

«Средства массовой коммуникации обнаруживают такую обескураживающую способность распространения тирании в царстве культуры, что нам остается только содрогнуться при мысли о том, как могут использовать их недобросовестные политики».

Б. Розенберг, американский культуролог

¹ Popular Culture and Curricula. N. Y., 1972, p. 26.

² Popular Culture. Past and Present. A Reader. Ed. by B. Waites. London, 1982.

Развитие «массовой культуры» в общественной практике сопровождается ростом попыток ее теоретической и эстетической интерпретации. О влиянии средств массовой информации на культуру много писал канадский социолог Маршал Маклюэн. Он провозгласил конец «галактики Гутенберга» и начало новой эры, в которой господствующее значение приобретут средства массовой информации, создающие совершенно новый тип культуры. Маклюэн абсолютизировал значение технических средств информации, утверждая, что «средство есть сообщение» (*media is a message*). Причем Маклюэн признавал, по сути дела, эскапистскую функцию искусства. «Искусство, — говорит он, — это все то, что уводит нас от реального мира»¹.

Определенный вклад в развитие теории «массовой культуры» внесла теоретик леворадикального толка С. Сонтаг. Выступая с нападками на старую, буржуазную культуру, она связывала новую культуру, или контркультуру, с новым типом чувственности, который свободен от вербальной и интеллектуальной интерпретации. Произведение искусства должно быть частью потока чувственности, которая совершенно очищена от интеллекта, понимания. «Когда-то давным-давно, когда высокое искусство было еще скудным, вкладывать понимание в произведение искусства было революционным и творческим. Теперь это не так. Теперь мы совершенно не нуждаемся в том, чтобы ассимилировать искусство с мыслью или, что еще хуже, с культурой»².

Обосновывая эстетику контркультуры, Сонтаг, по сути дела, отождествляла ее с «массовой культурой», в которой растворяется противоположность «популярной» и «элитарной» культур. По ее мнению, увлечение художников популярным искусством вовсе не является формой антиинтеллектуализма или «отречением от культуры». «Это вовсе не означает разрушения всех норм. Скорее всего, это значит появление новых норм красоты, стиля и вкуса. Новая чувственность демонстративно плюралистична, она предается одновременно мучительной серьезности и

¹ Mac l u h a n M. Culture is our business. N. Y., 1971.

² S o n t a g S. Against Interpretation. N. Y., 1969, p. 23.

IMAGE
image Pop art

image

POP
ART

IMAGE

IMAGE

image

развлечению, остроумию и ностальгии. С точки зрения новой чувственности, одинаково приемлемы красота машины и решения математических проблем, живопись Ясперса Джонса и фильмы Годара, личности и музыка битлзов»¹.

Следует, правда, отметить, что отношение западных социологов и теоретиков к феномену «массовой культуры» не было однородным. Здесь были и свои критики, и свои апологеты. Но в целом в отношении к этому вопросу можно проследить весьма интересную эволюцию.

В 50-х — 60-х годах довлело критическое, настроенное отношение к «массовой культуре». Такие теоретики, как Д. Макдональд, Дж. Селдес, Б. Розенберг, анализируя феномен «массовой культуры», обнаруживают новые социальные и эстетические функции этой культуры. Д. Макдональд достаточно убедительно показал, что в основе этого типа культуры лежит тенденция к гомогенизации, то есть придание всем элементам и явлениям определенной системы однородности, абсолютной сходности. Анализируя с этой точки зрения журнал «Лайф», он показал, что на его страницах изображаются несопоставимые по своему значению и содержанию явления. Например, изображение обнаженной манекенщицы соседствует с фотографиями жертв нацизма, а фотография голодающего крестьянина, жующего листья деревьев, чередуется с изображениями породистого рысака. Такой прием, по мнению Макдональда, нивелирует информацию, все эти различные по содержанию явления предстают перед читателями только как факт рекламы. Таким образом, Макдональд указал на склонность «массовой культуры» к стереотипизации, к сглаживанию качественных различий между разнородными явлениями культуры.

Дж. Селдес в своей книге «Большая аудитория» доказывал, что «массовая культура» ориентируется на самые низкие, примитивные вкусы и оценки. «Тенденция массового искусства,— писал он,— заключается в том, чтоб достичь нижнего порога в шкале ценностей. В результате популярное искус-

¹ S o n t a g S. Against Interpretation, p. 304.

ство не только дает плоскую и ограниченную картину жизни, но и поощряет людей к сужению эмоций и интересов. С помощью массового искусства мы приспособляемся к нормам жизни несовершеннолетних».

Конечно, в 50-х — 60-х годах существовали и апологетические точки зрения на «массовую культуру», однако господствующим было критическое отношение. Следует отметить, что в 70-х годах это отношение резко меняется, теперь превалирующим становится терпимость, а иногда и прямая апологетика «массовой культуры».

Небезызвестный американский социолог и политический деятель З. Бжезинский следующим образом выражает эту точку зрения: «Если Рим дал миру право, Англия — парламентскую деятельность, а Франция — культуру и республиканский национализм, то современные Соединенные Штаты Америки дали миру научно-технический прогресс и массовую культуру»¹.

Показательна в этом отношении и дискуссия на тему «Культура и современный момент», организованная журналом «Комментари» в 1974 году. В частности, выступая на ней, главный редактор журнала, теоретик консервативного направления Н. Подгорец высказался против чисто негативного отношения к телевидению как культурному феномену. «Апокалипсический ужас перед пагубным влиянием телевидения представляется мне слишком преувеличенным. Что, однако, удалось достичь телевидению — это впервые превратить нас в единую страну с единой культурой. Этого не смогли сделать ни радио, ни кинематограф»².

Аналогичную мысль высказывают и многие теоретики культуры. В своей книге «Популярная и высокая культура» Герберт Гэнс пишет: «Я прихожу к выводу, что критика популярной культуры абсолютно беспочвенна и что популярная культура не наносит ущерба ни высокой культуре, ни людям, которые ее предпочитают, ни обществу в целом»³.

¹ Brzezinski Z. Between two Ages. America's Role in the Technotronic Era. N. Y., p. 27.

² Commentary, 1974, December, p. 49.

³ Gans H. Popular Culture and High Culture. N. Y., p. X.

Критическое отношение к «массовой культуре» подавляется «апологетикой»¹.

Такова, в общем, эволюция взглядов на «массовую культуру». Какова же система понятий, с помощью которой современная западная социология пытается описать и интерпретировать этот феномен?

Чаще всего в этой литературе можно встретить четыре основные понятия, которые соответствуют определенной области культуры: «массовая культура» (mass culture), «популярная культура» (popular culture), «народная культура» (folk culture) и «элитарная культура» (elit culture). Иногда к этим понятиям добавляются «низкая» (low) и «высокая» (high) культура, но они выступают как синонимы «массовой» и «элитарной» культуры.

Каково же содержание этих понятий?

Следует отметить, что первые три понятия — «массовая», «популярная» и «народная» культура — употребляются часто для обозначения явлений одного порядка, как понятия пересекающиеся и отличающиеся друг от друга только по способу функционирования.

Понятие «массовая культура» происходит от смежных понятий, прежде всего от понятий «массовое общество», «массовый человек», «массовые средства коммуникации». В этом понятии акцент делается на способе производства, на связи этого типа культуры со средствами массовой информации.

Нужно сказать, что в последние годы термин «массовая культура» стал употребляться гораздо реже, чем прежде. Он все более и более уступает место термину «популярная культура». Это понятие сближается с понятием «массовая культура», но чаще всего исследователи делают акцент на том, что «популярная культура» ориентирована на развлечение и отдых. Д. Ковелти определяет «популяр-

¹ К немногочисленным критическим работам относится книга английского социолога А. Свиджвуда «Миф о массовой культуре», в которой доказывается, что концепция «массовой культуры» так же мифологична, как концепция «массового общества», и что она элитарна, «статична и неисторична» (Swinwood. The Myth of Mass Culture. London, 1977, p. 119).

ную культуру» как систему художественных форм, которые «характеризуются широкой популярностью и которые связаны с ценностями отдыха и развлечения»¹.

Кроме того, понятие «популярная культура» часто связывается с фольклором, будь то наследие устного народного творчества прошлого века или же «фольклор индустриальной эры» — фольклорные песни, танцы, легенды, предания, собранные в XX веке. Тем самым делается попытка связать «популярную культуру» с народной традицией и таким образом сблизить «народную» и «популярную» культуры.

Понятие «народная культура» фиксирует ее традиционность, связь с народными корнями. Но чаще всего ее трактуют довольно узко, как определенный тип музыки (folk-music, country-music), и включают иногда в «популярную культуру» в качестве ее составной части.

Наконец, выделяется и «элитарная», или «высокая», культура, которая противостоит «массовой» и «популярной» культуре, как якобы недоступная пониманию и восприятию масс. Чаще всего под этим понятием имеется в виду авангардистское искусство или художественные эксперименты в области формы.

Связь всех этих понятий осуществляется через противопоставление «элитарной» и «массовой» культуры, это связь через отношения антагонизма.

Ввиду того что в последнее время популярными становятся идеи конвергенции, диффузии «массовой» и «элитарной» культуры, выдвигаются попытки использовать и ряд новых понятий. Таково, например, понятие «вкусовой культуры» (taste culture), которое употребляется в названной выше работе Г. Гэнса. «Вкусовая культура», как ее истолковывает Гэнс, это такой тип культуры, который определяется вкусом потребителя. С помощью понятия «вкусовой культуры» Гэнс пытается снять конфликт двух популярных культур и обосновать плюрализм американской культуры. «В действительно-

¹ Сауелти J. Popular Culture Programs. — Popular Culture and Curricula. N. Y., 1972, p. 29.

сти,— пишет Гэнс,— существует определенное число и популярных, и высоких культур, которые являются также и «вкусовой культурой». Ее цель — развлекать, информировать и украшать жизнь. Помимо всего прочего, эти культуры выражают различные нормы вкуса и эстетики»¹.

В соответствии с этим Гэнс выдвигает пять типов «вкусовой культуры»: «высокая культура» (High culture), «высокая средняя культура» (Upper-middle culture), «низкая средняя культура» (Lower-middle culture), «низкая культура» (Low culture), «народная низкая культура» (Folk low culture). Все они соответствуют вкусам определенных социальных групп.

Такова довольно пестрая система понятий, которая сегодня широко используется в социологии и теории культуры.

Как бы ни дифференцировались эти понятия и термины, все они служат для выражения сложного и противоречивого феномена «массовой культуры».

Следует отметить, что понятие «массовая культура» обладает обманчивым смыслом. По своему буквальному значению оно претендует на то, чтобы быть культурой масс. Буржуазная социология охотно использует это понятие, потому что оно объясняет пороки буржуазной культуры неспособностью масс к пониманию «истинного искусства», хотя на самом деле «массовая культура» — это создание не народа, а коммерческой индустрии культуры. Обрушивая на потребителя потоки эрзац-искусства, буржуазная индустрия развлечений сама создает рынок для потребителей этой культуры, закрепляет тот тип продукции, на который создается постоянный спрос, а затем утверждает, что именно этого требуют массы. Так создается ложный миф о том, что «массовая культура» — это культура масс или даже народа. На самом деле это понятие оскорбительно для широких масс трудящихся, ибо в нем заложено представление о том, что широкие народные массы не способны к восприятию серьезного искусства.

¹ G a n s H. Popular Culture and High Culture, p. 10.

«Массовая», или «популярная», культура — это сложный феномен, который трудно определить с помощью какого-либо одного критерия или одной формулы. Очевидно, здесь нужно выделить систему признаков, учитывающих как характер производства, так и характер потребления, художественный уровень предметов массовой культуры, ее идейные и эстетические функции и т. д. Только система этих признаков позволит раскрыть различные уровни «массовой культуры», ее идеологический смысл.

1. Прежде всего, необходимо объяснить «массовую культуру» с точки зрения ее производства. Действительно, «массовая культура» создается с помощью средств массовой информации. В этом один из важных, но далеко не достаточных признаков «массовой культуры».

2. С точки зрения потребления «массовая культура» ориентируется на массового потребителя. Аудитория, которая воспринимает эту культуру, — это массовая аудитория, это аудитория больших залов, стадионов, многотысячные зрители телевизионных и кино-экранов.

3. «Массовая культура» имеет и определенные психологические функции, связанные с развитием потребительского сознания. В своей книге «Потребители культуры» американский футуролог Э. Тофф-

СОБЫТИЯ ФАКТЫ СУЖДЕНИЯ

«Можно простить человеку, который никогда не видел американского телевидения, если, познакомившись с этим телевидением, он решит, что попал в страну сплошных неврастеников, ипохондриков и жертв постоянного запора. Потому что от восьми до шестнадцати минут каждого телевизионного часа его глаза и уши подвергаются атаке коммерческой рекламы, цинично и откровенно эксплуатирующей малейшую уязвимость в его плоти и психике».

Р. Харгривс, английский журналист

флер доказывает, что именно благодаря широкому развитию консюмеризма, потребительской психологии был предопределен разрыв между культурой и потребителем, в результате чего США из «культурной провинции», какой они были в XIX веке, превратились в страну с широко развитой культурой. Это верно в том смысле, что потребительская массовая культура создает особый тип пассивного, некритического восприятия, для которого процесс потребления культуры аналогичен выкуриванию сигареты. Еще Д. Макдональд отмечал, что «популярное искусство уже в самом себе включает реакцию зрителя, вместо того чтобы требовать реакции от него самого». Поэтому «массовая культура», с одной стороны, создается потребителем сознанием, а с другой, — сама воспитывает потребительский тип сознания.

4. «Массовая культура» имеет специфические средства выражения. Она ориентируется не на реалистические образы, а на те выразительные средства, которые включаются в мифологическую структуру сознания. В качестве изобразительных средств она использует имиджи, стереотипы и другие неадекватные действительности формы выражения¹. На это обстоятельство указывают Д. Бурстин в своей книге «Имидж», Д. Ковелти в своих работах о «популярной литературе». «В массовом искусстве формула — это все, это скорее способ бегства от оригинальности, чем средство ее достижения. Оно использует стереотипы и формулы для того, чтобы упростить опыт, мобилизовать поток чувств и дать ему развитие»².

5. «Массовая культура» имеет и свои эстетические функции. Нельзя согласиться с теми отечественными авторами, которые, критикуя «массовую культуру», упрощают дело до такой степени, что сводят ее к низким и примитивным вкусам, а то и заявляют о полном их отсутствии, отождествляя «массовую культуру» с простым китчем, с искусством второго сорта.

¹ См. об этом: Ш е с т а к о в В. П. Американская культура 70-х годов: имиджи и стереотипы.— Вопросы литературы, 1981, № 7.

² Hell S. and Whannel R. The Popular Arts. N. Y., 1964.

6. Наконец, «массовая культура» имеет и свои идеологические функции. Она стремится с помощью тщательно разработанных средств воздействия массового сознания пропагандировать нормы буржуазного сознания.

Нам представляется, что одна из главных функций «массовой культуры» — это тривиализация искусства, сведение всего разнообразия художественного опыта к одной-единственной норме — тривиальному.

Именно поэтому, если уж говорить об эстетике «массовой культуры», то следует признать, что ее главной эстетической категорией является тривиальное. Нам представляется, что эта категория отражает одну из существенных черт «массовой культуры».

Что же такое «тривиальное», какой смысл оно содержит в себе? В известной степени ответ на этот вопрос дает сама история термина. Это понятие происходит от латинского слова «trivium», в буквальном смысле слова означает «три пути». В средние века в Западной Европе этим термином обозначали начальную стадию образования, в которую включались три дисциплины: грамматика, риторика и логика. «Тривиум» составлял основу схоластического образования, со временем термин «тривиальное» стал обозначать элементарное, банальное, общедоступное. В этом смысле «тривиальное» становится необходимым элементом «массовой культуры». Ведь по своей эстетической функции «массовая культура» сводит все многообразие художественного и эстетического опыта к одной норме, и эта норма — «тривиальное», то есть обыденное, общедоступное, элементарное.

Впрочем, с мнением о том, что «массовая культура» тривиализует эстетические ценности, согласны и многие западные исследователи, в том числе и те, кто положительно истолковывает этот феномен. «В понятие популярной культуры,— пишет Артур Бергер,— я включаю такие явления, как артефакт, объекты общего пользования, тривиальное»¹. Л. Рос-тен говорит, что «массовая культура» выдвигает

¹ Popular Culture and Curricula, p. 76.

«эскапизм» против реальности, фривольность против трагического, тривиальное против серьезного. Публицист У. Гесс вообще считает, что эстетический эффект этой культуры равен нулю. «Предметы популярной культуры имеют столько же эстетических свойств, сколько булыжник, валяющийся на мостовой. Хотя они и стремятся манипулировать сознанием, в них отсутствует всякое эстетическое содержание — индивидуальность, сложность, разумность, глубина»¹.

Следует отметить, тривиальность, которая присутствует в произведениях «массовой культуры», является не случайной, а заранее и сознательно встроеной, запланированной. Это не проявление недостатка мастерства или вкуса, а результат усилий огромного числа художников свести все содержание культуры к одному-единственному стандарту — тривиальному. Такая тенденция «массовой культуры» широко известна, об этом часто пишут исследователи. Однако стандартизация бывает разной, она может служить и установлению высоких норм и критериев. Стандарты «массовой культуры» — это обыденное, рассчитанное на все вкусы.

«Массовая культура» — это не только произведения явного китча, поделок, искусства второго сорта, как об этом пишут некоторые авторы. Как уже указывалось, она обладает довольно часто самой утонченной и изощренной техникой. Именно это обеспечивает невероятный успех таким произведениям «массовой культуры», как «Война звезд» Джорджа Лукаса, оказавшаяся самым кассовым фильмом за всю историю американского кинематографа, как книги Роберта Ладлама, как музыка в стиле «диско». «Массовая культура» не имеет какого-нибудь определенного предмета или объекта. Главное ее условие — создание такого культурного контекста, в котором любая художественная идея, любое содержание стереотипизируются, оказываются тривиальными и по способу потребления, и по своему содержанию. Поэтому «массовая куль-

¹ Gass W. Even if by all the Oxen in the World. — Frontier of American Culture, ed. by R. Browne. Purduc University, 1968.

тура» — это не просто китч, это искусство, но искусство тривиализации культуры.

Характерной особенностью массовой культуры является эскапизм, уход от реальной действительности в область фантазии, мифологии, наркотического наслаждения и нарциссического самолюбования. Эту особенность американской массовой культуры отметил известный американский публицист Кристофер Лэш в своей книге «Культура нарциссизма». Анализируя все аспекты культуры США последнего десятилетия — искусство, литературу, политику, спорт, рекламу, образование, — Лэш приходит к выводу, что для всех них характерны общие черты, которые он определяет термином «нарциссизм».

Отмечая рост нарциссизма в американской культуре последнего десятилетия, Лэш говорит прежде всего о появлении нового типа нарциссической личности, для которой мир представляет собой зеркало, в котором отражается только она сама; при этом она не интересуется никакими другими объектами, кроме своего собственного образа. Для нарциссизма характерны псевдосамооценка, нервный, самоуспокаивающий юмор, боязнь пожилого возраста, страх смерти, восхищение знаменитостью. «Иными словами, — это тот тип личности, для которого нарциссизм — символ эгоизма и метафора того состояния ума, для которого мир является только зеркалом самого себя»¹.

Особый интерес в книге Лэша представляет глава «Банальность самопознания: театрализация политики и повседневной жизни». Здесь Лэш дает оценку американской рекламы, пропаганды, политического радикализма, отношения к героям. По его словам, в 70-х годах политика в США превращается в театр, социальный радикализм становится уличным спектаклем. Даже политические убийства приобретают форму театральных зрелищ, их с удовольствием транслируют по телевидению. В публицистической литературе приобретает популярность автобиографический роман, который становится чем-то средним между саморекламой и самоанализом. В искусстве господствующим становится интерес

¹ Lash Ch. The Culture of Narcissism. N. Y., 1979, p. 75.

к тривиальному, в кинематографе — к специальным эффектам. Вся культура 70-х годов пронизана ностальгией, тоской по прошлому, которая обнаруживает себя в модном стиле «ретро», проявившемся в литературе и кинематографе. Лэш считает, что современный американец живет в мире образов, которые создаются фотокамерой, телевидением и кинематографом. Он не доверяет чувству реальности, пока камера не воссоздает ее образы. Он приводит высказывание С. Сонтаг, которая пишет: «Реальность становится все более и более похожей на то, что нам показывает фотокамера». Иными словами, фотографический образ дает нам веру в наше существование, удовлетворяя нашу нарциссическую потребность в любовании самими собой. Все это, по мнению Лэша, наиболее полно отражается в современной массовой культуре США.

Таковы, в самом общем виде, признаки «массовой культуры», которые в своей совокупности дают представление об этом феномене.

«Массовая культура» развивается и функционирует на основе популярных жанров, таких, как комикс, вестерн, мюзикл, детектив, шпионский роман и др. Одной из задач критического исследования «массовой культуры» является анализ этих жанров, их содержания, эволюции, структуры. Без этого критика остается формальной и не доходит до содержательной структуры «массовой культуры».

Следует отметить, что границы между «массовой» и так называемой «высокой» культурой не являются неизменными. Напротив, происходит постоянный процесс конвергенции всех видов культур, «массовая культура» постоянно впитывает и тривиализирует элементы противостоящих ей культур. В этом отношении показательным отношением «массовой культуры» и контркультуры, которая широко развивалась в США в 60-х — 70-х годах¹. Первоначально контркультура возникла как протест против господствующей «массовой культуры», как ее отрицание и бунт против традиционных норм буржуазной морали и эстетики. Однако довольно скоро

¹ Мельвиль А., Разлогов К. Контркультура и новый консерватизм. М., 1981.

протест этот стал предметом моды и сопутствующей рекламы, и формы контркультуры, будучи поставлены на конвейер, стали широко тиражироваться и выбрасываться на рынок. Так контркультура постепенно ассимилировалась в буржуазную коммерческую культуру, растворилась в ней и, сохраняя лишь внешнюю видимость антибуржуазности, по сути дела, слилась с «массовой культурой».

Впрочем, это слияние контркультуры и «массовой культуры» предсказывали многие теоретики. Так, например, в книге «Досуг и популярная культура» Т. Кэндо писал: «Наша концепция досуга заимствована, с одной стороны, от аристотелевской грации, а с другой — от контркультуры. В идеале будущее общество будет обеспечивать свободу и творчество. Различие между трудом и досугом будет исчезать, а следовательно, будут исчезать и различия между пассивными зрителями и активными участниками. Музыка, игра, развлечения превратятся в хэппенинг, доступный каждому. Искусство станет публичным... Со временем все мы станем хиппи»¹.

В этом высказывании, резюмирующем книгу, все странным образом смешано: аристотелевская эстетика (кстати сказать, Аристотель не пользовался термином «грация»), идеи «новых левых» об уничтожении границ между искусством и аудиторией и довольно мрачное предсказание о превращении всех в хиппи. Но главное здесь — идея о трансформации контркультуры в «массовую культуру».

* * *

Нам приходится настаивать на комплексном определении «массовой культуры», поскольку в нашей литературе это понятие употребляется далеко не однозначно и не всегда корректно. Одни связывают «массовую культуру» с низкими и примитивными художественными вкусами, другие считают, что она носит потребительский характер, третьи видят в ней китч и т. д. Но самое главное заключа-

¹ K a n d o T. Leisure and Popular Culture in Transition. Saint Louis, 1975, p. 267—277.

ется в том, что в нашей литературе появляется заимствованное у западных авторов традиционное противопоставление «массовой» и «элитарной» культуры.

Однако дилемма «массовой» и «элитарной» культуры не может, как нам представляется, раскрыть действительные противоречия, скрывающиеся в современной западной культуре. Прежде всего, в эту схему не попадают многие важные явления культуры. Например, к какому типу культуры следует отнести фильмы Чаплина? К «элитарной» культуре они, очевидно, не могут принадлежать, так как ориентированы на самую массовую аудиторию. Но, естественно, нельзя отнести Чаплина и к «массовой культуре», которая ориентируется на произведения «черного юмора» и легковесной комедии ситуаций. Очевидно, что в традиционной схеме «высокой» и «низкой» культуры Чаплину, да и многим другим явлениям такого рода нет места.

Кроме того, дилемма «массовой» и «элитарной» культуры приводит к идеализации художественного авангарда как единственной формы культуры, противостоящей буржуазному массовому искусству, законам коммерции и господства рекламы. Нам представляется, что эта дилемма не дает реальной альтернативы развития буржуазной коммерческой культуры и в известной мере она оказывается ложной, вымышленной.

Для того чтобы избавиться от противоречий и неясностей в истолковании соотношения «массовой» и «элитарной» культуры, следует отказаться от их противопоставления, которое ничего, кроме идеализации авангардистского искусства, не дает. Вместо этого необходимо найти иной методологический ключ к исследованию современной культуры.

Таким ключом является известная ленинская концепция двух культур в каждой национальной культуре в условиях буржуазного общества. «В каждой национальной культуре,— писал В. И. Ленин,— есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социали-

стическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде *господствующей культуры*¹.

Эта концепция позволяет, как нам кажется, раскрыть сложную структуру современной культуры. Очевидно, можно говорить прежде всего о буржуазной «массовой культуре», с одной стороны, а с другой, и о демократической массовой культуре. Если вновь обратиться к американской культуре последнего десятилетия, то здесь очевидно существование господствующей буржуазной массовой культуры, которая проявляется в стандартной голливудской продукции, в тривиальных формах культуры, создаваемых коммерческим телевидением, в комиксах и детективах, создающих фантастический мир героев «массовой культуры» — дракул, суперменов и др. Однако, с другой стороны, очевидно и существование демократических элементов в массовой культуре, таких, как песни протеста, как негритянское искусство, ставшее формой самосознания и самоутверждения негритянского населения Америки.

Точно так же и «высокое» искусство может быть как буржуазным, так и демократическим, если иметь в виду их социальный смысл. Многие художественные эксперименты в области абстрактного искусства, поп или поп-арт, носили, несомненно, характер буржуазного элитарного искусства, недоступного восприятию масс. Однако несомненно демократический характер носили, например, эксперименты американского «подпольного» кино, которое выступало с явным протестом против одурманивающего влияния голливудской массовой продукции.

Таким образом, следует говорить не о противоположности культур «массовой», или «популярной», и «высокой», или «элитарной», а о противоположности *буржуазной и демократической массовой культуры* или *буржуазной и демократической «высокой» культуры*. Ленинская концепция двух культур позволяет развивать дифференцированный

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 120—121.

подход к отдельным явлениям культуры, учитывая их социальный смысл и место в системе данной национальной культуры.

Интересно отметить, что американские социологи и теоретики неоднократно отмечали неоднородность американской культуры и довольно часто высказывали идею о существовании внутри национальной культуры двух культур. Правда, эти идеи не имели ничего общего с ленинской концепцией двух культур, но они представляют интерес как выражение противоречивости национального характера и национальной культуры.

Представление о двойственном характере американской культуры высказал еще известный философ Джордж Сантаяна. В своих очерках об Америке Сантаяна показал, что существует не одна, а две Америки: одна Америка — практическая, механистическая, прогрессивная, другая — регрессивная, упадочная, традиционалистская. Одна выражает веру и надежду отцов, другая — инстинкты, практику и открытия нового поколения.

Антагонизм этих двух культур проявляется в Америке повсюду: в архитектуре, в философии, в способе мышления, в самом американском характере. «Истина заключается в том, — пишет Сантаяна, — что американский ум, который не занят практическими заботами, остается, я не хочу сказать — пустым, но отдыхающим, в то время как другая его часть, занятая открытиями, производством и социальной организацией, напоминает Ниагарский водопад. Это деление символически выражается в американской архитектуре: небольшие здания в колониальном стиле стоят рядом с небоскребами. Американская воля воплощается в небоскребе, американский интеллект — в колониальных постройках. Одна сфера принадлежит американскому мужчине, другая — американской женщине. Одна выражает агрессивный опыт, другая — благородные традиции».

В 50-х годах английский писатель Ч.-А. Сноу также высказал концепцию о существовании двух культур, которая омонимична ленинской, но по сути дела не имеет с ней ничего общего. По мнению Сноу, в современном обществе существуют две про-

тивоположные культуры: «научная» и «гуманистическая», иными словами, культура ученых-естественников и культура художественной интеллигенции. Эти две культуры противостоят друг другу и в условиях научно-технической революции, по мнению Сноу, приходят к полному разобщению¹.

Фактически, утверждая противоположность «научной» и «гуманистической» культуры, Сноу лишь констатировал разобщенность науки и искусства в буржуазном обществе. По сути дела, под термином «культура» он понимал не культуру в собственном смысле слова, а отдельные микрокультуры. Концепция Сноу, несмотря на то что она вызвала полемику в Западной Европе и Америке, оказалась чрезвычайно спорной и условной.

Другой вариант концепции двух культур выдвинул американский социолог леворадикального толка Ф. Слейтер в своей книге «Поиски одиночества. Американская культура на переломе» (1975). Как и Сноу, Слейтер отказывается от социального и классового рассмотрения конфликтов культуры. Для него идея двух культур означает противоположность, антагонизм старой, традиционной культуры и новой, радикальной, или контркультуры. «Когда я говорю о существовании двух отдельных культур в Америке,— пишет Слейтер,— я имею в виду не культуру богатых и бедных, черных и белых, научную и гуманистическую культуру, но скорее всего противоположность между нашей старой, скудно ориентированной технологической культурой, которая все еще доминирует, и аморфной контркультурой, которая бурно развивается и бросает вызов старой»².

По мнению Слейтера, между этими двумя культурами существуют бесконечные антагонизмы, между ними невозможны никакие контакты, никакие связи. «Я говорю о двух культурах, потому что мы не имеем больше единой культуры. Смещение этих двух культур не может ничего прибавить

¹ См.: Snow Ch. The Two Cultures and the Scientific Revolution. Cambridge, 1969.

² Slayter Ph. The Pursuit of Loneliness. American Culture at Breaking Point. London, 1975, p. 111.

к американскому образу жизни. Из двух противоположных систем, каждая из которых строго детерминирована, не может получиться ничего, кроме столкновения и взаимных потерь»¹.

Другой американский исследователь, Б. Уланов, анализируя американское искусство последних десятилетий, видит в нем два мира, две культуры: «популярную» и частную, личностную².

Таким образом, идея двух культур неоднократно высказывалась в американской социологии и критике, но линия разделения проходила по несущественным признакам, не затрагивая коренного социального разделения между культурой господствующей, буржуазной, и противостоящей ей демократической культурой.

И тем не менее в современных США существуют богатые традиции демократической культуры. Они проявляются в передовой, насыщенной духом критического реализма, литературе, в демократическом кинематографе, критически отразившем американскую действительность 60—70-х годов, в народной музыке, традициях песенного искусства, демократическом театре. Эта культура массовая, но прежде всего демократическая, заботящаяся не об оглушении, а о просвещении масс. Эти традиции вносят свой вклад в развитие демократического искусства всего мира, в них отражается национальный склад американского народа, его мечты и надежды.

Однако большой бизнес, заинтересованный в прибылях, государственная администрация США в своей культурной политике ориентируются не на демократическое, а на буржуазное массовое искусство, поскольку оно обладает манипулятивными функциями и поскольку с его помощью можно оказывать воздействие на сознание широких масс. Поэтому политика в области культуры, которая наметилась в период администрации Картера и продолжается при Рейгане, связана с ограничениями и бойкотами в области культурного обмена, усиле-

¹ Slayter Ph. The Pursuit of Loneliness. American Culture at Breaking Point, p. 112.

² См.: Уланов В. The Two Worlds of American Arts, the Private and the Popular. N. Y., 1965.

нием «культурного империализма», экспансией коммерческой, массовой культуры, которая выбрасывается на мировой рынок. Эта тенденция довольно определенно выражена в статье «Американская культура штурмует мир», опубликованной в журнале «ЮС ньюс энд уорлд рипорт», где обосновываются принципы экспансии культуры¹.

В особенной мере эту экспансию ощущают некоторые развивающиеся страны, но также и развитые страны Западной Европы, такие, как Англия, Франция, Италия. Буржуазная «массовая культура» стремится захватить рынки, заполнить своей продукцией телевизионный и кинематографический экраны, оказать воздействие на моды, на приготовление пищи, на американизацию языка и т. д. Обеспокоенность деятелей европейской культуры засильем в духовной жизни продукции, поставляемой и широко рекламируемой из-за океана, остро ощущается в книге «Суперкультура. Американская популярная культура и Европа», авторы которой исследуют проникновение «массовой культуры» на Европейский континент. Авторы приходят к выводу о «культурном империализме» США, который угрожает самобытности национальных культур Европы. В известной степени все эти опасения имеют под собой реальное основание².

Действительно, в послевоенное время в европейские страны из США хлынул поток произведений «массовой культуры», который, помимо чисто ком-

СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ

«Телевидение нельзя изменить до тех пор, пока оно остается в руках бизнесменов... Если мы сегодня как нация менее счастливы, уверены в себе и умны, чем 30 лет назад, во многом это связано с тем, что мы стали поколением телезрителей».

У. Шэннон, американский публицист, 1975

¹ US News and World Report, 1977, 27 June, p. 54.

² Superculture. American Popular Culture and Europe. Ed. by C. W. E. Bigsby. London, 1975.

мерческих целей, имел и откровенно политические цели — пропаганду американизма, «американского образа жизни». Этот поток не только не ослабевал, но постоянно усиливался. Одним из главных каналов экспансии массовой культуры было телевидение. Если в 1957 году американские фильмы занимали на французском телеэкране всего 4 %, то в 1979 году они составили уже около 30 %. В 1978 году французские телезрители посмотрели 524 фильма, причем половина из них — американские картины, и прежде всего многосерийные фильмы — полицейские детективы, вестерны.

В 1982 году чемпионом коммерческого успеха на европейском телевидении оказался американский сериал «Даллас», рассказывающий о семье американских миллионеров. Этот фильм был показан в пятидесяти семи странах, и его посмотрело триста пятьдесят миллионов телезрителей. В фильме использована и экзотика Дальнего Запада, и группа привлекательных актрис, в том числе Мэри Кросби, дочь известного американского певца. Но в целом этот сериал — типичный продукт «массовой культуры», не выходящий за пределы мелодрамы, рекламирующий американский «образ жизни», предприимчивость и богатство.

Особенно остро экспансия «массовой культуры» осуществляется с помощью кинематографа. Так, во Франции прокат американских фильмов сегодня достигает около 40 % общего оборота, а в Англии эта цифра достигает 80 %. Голливуд контролирует и систему проката во многих странах Западной Европы и развивающихся странах. И опять-таки на мировой рынок выбрасываются не лучшие американские фильмы, а те, что относятся к «массовой культуре», — космические оперы, религиозные траллеры, шпионские фильмы с традиционной антисоветской начинкой. И это понятно. Администрация США, стремящаяся к повсеместному распространению «американизма», к экономическому, военному и идеологическому господству в мире, ориентируется не на демократическое, а на буржуазное «массовое искусство», поскольку оно обладает манипулятивными функциями и может оказывать большое психологическое воздействие на сознание масс не толь-

ко у себя в стране, но и за ее пределами. Поэтому политика в области культуры, проводимая администрацией Рейгана, связана, с одной стороны, с ограничением культурного обмена с социалистическими странами, а с другой — с усилением «культурного империализма», экспансией коммерческой, массовой культуры, которая выбрасывается на мировой рынок.

Эта политика культурной экспансии вызывает серьезное опасение у многих деятелей культуры во всем мире. Она стала предметом острой критики на организованной ЮНЕСКО в июле — августе 1982 года конференции по политике в области культуры. Как отмечали многие ее участники, «культурный империализм является более опасным и губительным, чем империализм экономический, поскольку он подрывает корни человека и народа, делая их уязвимыми и незащитными перед лицом любого испытания»¹.

Выступая на этой конференции, министр культуры Франции Жак Ланг показал опасность той идеологической культурной экспансии, которая осуществляется администрацией США. «Культура и творчество,— сказал он,— в наши дни стали жертвами системы финансового засилья транснациональных корпораций, против которых настало время объединиться... Речь идет, по существу, о своеобразной форме вмешательства во внутренние дела государств или, точнее говоря, о наиболее опасной форме вмешательства: об интервенции в сознание граждан других стран. Мы хотим, чтобы данная конференция позволила народам мира в лице их правительств обратиться с призывом оказать подлинное «культурное сопротивление», объявить крестовый поход против этого финансового и интеллектуального империализма».

Сегодня многие страны ощущают трагические последствия воздействия на их национальную культуру буржуазной массовой культуры, экспортируемой из США,— не американской культуры, как таковой, а именно буржуазной «массовой культуры».

¹ Всемирная конференция по политике в области культуры. ЮНЕСКО. Париж, 1982, с. 18.

Следует отметить, что сегодня во всех странах мира, в том числе и в социалистических странах, массовая культура становится реальной действительностью, получает все более широкое развитие. Быстрый рост средств массовой информации, их воздействие на культуру и искусство порождают различные формы культуры, ориентирующиеся на массовое восприятие и имеющие порой откровенно развлекательный характер. Не случайно в изданиях ЮНЕСКО появляются работы о массовой культуре в Венгрии и других социалистических странах. Очевидно, будущее развитие средств массовой коммуникации усилит и умножит формы массовой культуры, сделает их популярными и широко распространенными. Следует только заботиться, чтобы путь развития этой культуры был демократическим, чтобы он отражал богатство различных национальных культур и служил просвещению народных масс. Эта культура противостоит буржуазной «массовой культуре», которая служит орудием воздействия империализма на сознание масс.

В современных условиях в капиталистическом обществе происходит острейшая борьба двух культур — демократической и социалистической, с одной стороны, и реакционной, буржуазной, империалистической культуры, с другой. В условиях социалистического общества, напротив, культура лишена классовых антагонизмов, здесь формируется общенародная демократическая культура, ориентирующаяся на высокие художественные критерии и вместе с тем обращенная к широким народным массам.

НА ЛИТЕРАТУРНОЙ ОБОЧИНЕ

(Современная «массовая беллетристика» США)

«Удешевленный вариант подлинной литературы. Культ секса потеснен антикоммунизмом. Этапы развития «массовой беллетристики» в США 70-х — начала 80-х годов.

Хотя есть основания утверждать в соответствии с недавними статистическими данными, что лишь четверть взрослых американцев прочитывает в год свыше десяти книг, а две пятых не читает ничего, кроме газет и журналов, книгоиздательское дело в США характеризовалось в последнее время заметным количественным ростом. «Общее число названий, включая и бестселлеры с многомиллионными тиражами, средняя стоимость книги, авторские гонорары — все это росло, как на дрожжах, принимая подчас почти гротескные пропорции»¹, — отмечал по истечении минувшего десятилетия авторитетный еженедельник «Паблишерс уикли». Согласно тому же источнику, за период с 1972 по 1978 год оборот издательских фирм увеличился почти вдвое и даже последовавший затем экономический спад ощущался в полиграфии намного слабее, чем в других отраслях производства в Соединенных Штатах. Однако никакие громкие цифры не в силах изменить того неопровержимого факта, что подавляющее большинство новых произведений, появившихся в эти годы в жанре прозы, — это ремесленные поделки, представляющие собой различные варианты того многоликого чтива, что получило в США наименование «массовой беллетристики».

На протяжении 70-х — начала 80-х годов этот литературный пласт, наряду с другими, находился в процессе постоянного движения, видоизменения, подчиняясь в целом той же, хотя и в специфиче-

© Вопросы литературы, 1982, № 11.

¹ Publisher's Weekly, 1980, 22 February, p. 46.

ском преломлении, логике воздействия внешних обстоятельств, что и другие, несравненно более респектабельные слагаемые духовной жизни Соединенных Штатов. Можно даже сказать, что творцы «массовой беллетристики» особенно чутко откликаются на всякую моду и злобу дня, конкурируя с «большой» литературой и спеша предложить потребителю свой «удешевленный» вариант отражения того или иного аспекта современной действительности.

Взятая в целом, эта книжная продукция извращает, перетолковывает на тенденциозный лад реальные явления в общественном и духовном развитии страны. Авторы подобных сочинений то стремятся усладить душу читателя мечтой, пробуждая у него успокоительное ощущение, будто мир устроен именно так, как ему непрерывно внушают всеми доступными средствами, то, напротив, громоздят горы ужасов, потрясая описанием всевозможных катастроф и преступлений, психических и физиологических пороков, эпатируя традиционный пуританизм и естественную стыдливость и все дальше отодвигая границы дозволенного в литературе, и без того давно уже утратившие всякую определенность.

Если же обратиться к собственно эстетической стороне, то нередко складывается впечатление, что в густонаселенном мире «массовой беллетристики» каждому крупному, серьезному прозаику, каждой теме, наконец, каждому интересному, подлинно новаторскому изобразительному приему соответствуют своего рода двойники, паразитирующие на нелегком писательском труде. Взять, к примеру, одну из центральных книг прошлого десятилетия — роман «Рэгтайм» Э.-Л. Доктору (1975), художественное своеобразие которого в значительной мере было связано с его композиционной структурой — умелым сочетанием вымышленных персонажей и реальных исторических лиц, встречающихся в разного рода фабульных композициях. Проходит несколько лет, и тот же прием всплывает на поверхность в бестселлере «Прокол» («Спайк») А. де Борчгрейва и Р. Мосса (1980), пронизанном духом антисоветизма и являющем собой один из самых яростных выпадов в адрес нашей страны на нынешней стадии идеологической борьбы между двумя соци-

альными системами. Вместе с Бобом Хоукни, сотрудником вымышленной газеты «Нью-Йорк уорлд», на страницах романа действуют вполне конкретные фигуры современной культурной и политической жизни Соединенных Штатов — Н. Мейлер, Дж. Фонда, сенаторы П. Мойнихен, Ю. Маккарти. Появление этих лиц мало что дает для понимания их творческой деятельности или общественной роли, которую они играют сегодня, но подобная задача и не входила в намерения авторов. Присутствие хорошо знакомых имен на периферии произведения нужно им только для одного — дабы придать своему антисоветскому опусу колорит внешнего правдоподобия, а в конечном итоге — добиться оптимального пропагандистского эффекта.

Другим примером может служить так называемое творчество С. Хоуватч. Эта писательница, находящаяся на обочине современной литературы США, по сути, занимается тем, что имитирует излюбленные темы известного прозаика Л. Очинклосса. В своем недавнем романе — «Грехи отцов» (1980) — она пишет о том, что художественно исследует, пожалуй, только один Очинклосс среди других крупных американских прозаиков, — о банкирах с Уолл-стрит, об аристократических семействах Нью-Йорка, о конфликтах и драмах, разыгрывающихся за плотно закрытыми дверьми особняков на Пятой авеню и Риверсайд-драйв. Но там, где у Очинклосса — точное знание, скрупулезное, пространное, хотя подчас и монотонное, описание манер и привычек американских богачей, у Хоуватч преобладает плоский стереотип без намека на глубину и подлинность передаваемых чувств и размышлений. «Очень богатые люди не похожи на нас с вами» — этот давний афоризм Скотта Фицджеральда составляет альфу и омегу всей мудрости Хоуватч. Но расчет на жадный интерес к тому, что происходит в «высшем эшелоне» общества, оказался верным, и «Грехи отцов» нашли дорогу если не к сердцу, то, во всяком случае, к кошелькам американского обывателя.

Ставка на максимальное извлечение прибыли, выражающая суть всякого делового предпринимательства, стала выглядеть еще более откровенной

в обстановке наступившего в начале 80-х годов резкого ухудшения экономической ситуации. Как объявили администраторы крупнейшей книгоиздательской компании «Харпер энд Роу», отныне «устанавливается практика запуска рукописи в производство лишь в том случае, если по показаниям компьютеров можно будет гарантировать не только ее безубыточность, но и существенную доходность». В этих условиях среди американских литераторов вновь обострился идущий десятилетиями спор о том, в какой степени коммерческий аспект влияет на существование и процветание подлинного искусства.

Непосредственным поводом ко вспыхнувшей дискуссии явилась очередная реорганизация системы присуждения существующей уже свыше тридцати лет Национальной книжной премии. Переименованная в Американскую книжную премию (сокращенно ТАБА), она перешла с 1980 года в ведение Ассоциации американских издателей, которая предложила ряд новшеств, сводящихся, как об этом было сказано в специальной декларации, к «переменам в сторону демократизации». Вместо премий по семи тематическим разделам было учреждено семнадцать наград, присуждаемых (помимо уже имевшихся категорий: проза, поэзия, история, литература для детей, научно-популярная литература, книги по искусству и переводы) за «лучшие достижения» в основном в области довольно легковесных жанров. В прямой связи с такого рода расширением находилось и решение распространить благосклонное внимание жюри на так называемые «книги в мягкой обложке», то есть на произведения, выпускаемые (чаще всего повторно) массовым тиражом и предназначенные для самой разнообразной аудитории.

Противники нововведений, включая многих видных писателей, указывали на явную коммерческую подоплеку предлагаемых реформ, устраивавших в первую очередь владельцев крупнейших фирм, а также вознаграждавшихся астрономическими гонорарами авторов немногочисленных «боевиков». Сорок четыре поэта, критика и прозаика, — многие из них были в прошлом лауреатами Национальной книжной премии, — обратились с призывом бойкотировать правила, вступившие в силу с весны

1980 года. Аналогичное решение вскоре принял и американский Пен-клуб. Отказываясь от премии (а следовательно, и от крупной денежной суммы), присужденной ему за книгу «Культура самовлюбленности» по разделу «литературы на современную тематику», публицист К. Лэш вновь повторил звучавшие и прежде доводы против коммерциализации искусства, ложного демократизма, гигантомании и рекламной шумихи.

Ему возразил, однако, другой лауреат ТАБА-1980, прозаик Дж. Ирвинг, автор романов «Мир глазами Гарпа» и «Отель «Нью-Гемпшир», ставших заметными явлениями в литературной жизни страны. «Для серьезного писателя,— заявил Ирвинг,— коммерческий успех его книги означает в первую очередь обретение возможности спокойно, сосредоточенно писать. Как известно, время — деньги, но верна и обратная формула. Деньги — это время для работы, а что может быть более драгоценно для настоящего писателя?»¹ По мнению Ирвинга, у людей, занимающихся в США литературой, есть два неприятеля: чрезмерная коммерциализация, дух наживы, и кастовость, элитарность, склонность к тому, чтобы считаться только с мнением нескольких друзей и пренебрегать возникающей при больших тиражах и хорошо поставленной рекламе связью с широким читателем.

Построенные вокруг гипотетической фигуры «серьезного писателя», рассуждения Ирвинга не лишены известных оснований. Однако нельзя отрицать того, что подавляющее большинство авторов печатаемых во многих миллионах экземпляров «книг в мягких обложках», среди которых встречаются и вполне основательные произведения, подобные «Гарпу», являются не творцами, а ремесленниками, играющими на далеко не самых возвышенных струнах человеческой природы. В своем обзоре «десятилетия бестселлеров», предпринятом в последние дни 1979 года, критик «Нью-Йорк таймс» Р. Уолтерс утверждал, что в истекшие годы американцев в первую очередь привлекали книги развлекательного и эскапистского плана, книги, сулившие

¹ The New York Times Book Review, 1980, 25 May, p. 13.

надежду и спасение через обращение к религии, и, наконец, книги, делающие акцент на «гедонистических импульсах». Разумеется, успех значительного числа произведений подчеркнуто идеологического, программного плана, подобных, например романам таких авторов, как А. Хейли и Дж. Миченер, в какой-то мере противоречит этому выводу. Но даже если и исключить из дальнейшего рассмотрения творчество этих писателей, все-таки стоящих на перепутье между «большой» художественной прозой и низкопробным чтивом, то и тогда придется признать, что картина тенденций в американской сублитературе 70-х — начала 80-х годов не исчерпывается явлениями, которые были обозначены обозревателем буржуазной газеты.

Задавшись целью детальной классификации «массовой беллетристики», количественно превосходящей истинную литературу в соотношении не менее, как семь к одному, можно насчитать свыше дюжины ее тематически-жанровых разновидностей. В последнее время облик этого конгломерата подвергся значительным изменениям. Все дальше на задний план отступали рассчитанные на самые невзыскательные вкусы, наивные по нынешним меркам комиксы, трафаретные детективы, скроенные по примитивной мерке столь популярного вплоть до середины 60-х годов М. Спиллейна. Заметно сдал свои позиции и такой подчеркнуто национальный жанр, как вестерн. Его традиционные герои, лихие ребята, способные достать луну с неба и вместе с тем цитирующие при случае Плутарха и «разбирающие эпитафии», утратили большую часть былого доверия. Нынешний лидер литературного вестерна Л. Ламур, автор свыше восьмидесяти книг, утверждает, что его работы «продолжают традицию устного фольклора, восходящую к ирландским сагам и Чосеру». На самом деле даже не очень требовательный читатель видит в нынешнем вестерне не более как назидательные истории для подростков, обставленные соответствующими декорациями и сделанные по утвердившемуся за многие десятилетия сюжетно-композиционному канону.

За долгие годы изрядно набили оскомину и «сенсационные» романы таких «отцов» современ-

ной бульварщины, как Г. Роббинс и И. Уоллес. Первому из них с давних пор принадлежало звание «короля выгребной ямы» американской беллетристики, хотя в молодые годы, в романах «Бойтесь любить незнакомца» и «Камень для Дэнни Фишера», Роббинс и пытался подражать социально-критическим произведениям известных мастеров американской городской прозы Дж. Фаррела и Н. Олгrena. Но затем потянулась череда книг, написанных, как говорят в Америке, «не пером, а лопатой» и привлекавших, помимо внешнего динамизма, прежде всего пикантными, «смелыми», по тогдашним представлениям, сюжетами. В 70-е годы эта линия была продолжена в «Одинокой леди» (1976), героиню которой автор списал со «звезды» бурлеска Дж. Рэндольф, и в книге «Сначала умирают мечты» (1977), где говорилось об издании порнографического журнала «Мачо», по сравнению с которым широкоизвестный «Плейбой» выглядел бы столь же невинно, как учебник по анатомии для средней школы.

Правда, в самом конце минувшего десятилетия романом «Воспоминания о былых временах» (1979) Г. Роббинс, казалось бы, сделал попытку изменить

СОБЫТИЯ ФАКТЫ СУЖДЕНИЯ

«Сейчас трубадуры правящего класса пытаются одурманить народ и усыпить его сознание культом антигероя, культом человека-зверя... Выходят книги, где доказывается, что жажда собственности и страсть к убийству у человека в крови. На нас буквально обрушился шквал подобных сочинений, которые написаны с явно преступной целью, подрывающей сами основы общества: погасить огонь гуманизма, отнять у человека его идеалы, задушить порыв к свободе именно теперь, когда рука уже написала на стене чертога капиталистических владык приговор судьбы».

Джозеф Норт, американский писатель

свой привычный регистр, подключив к нему рассказ о профсоюзном движении в Америке. Однако выведенная им рабочая среда была лишь антуражем, сопутствовавшим клишированному образу «сильного человека», который всем на свете обязан только самому себе. Что же касается темы взаимоотношений между трудом и капиталом, то она решалась Г. Роббинсом целиком в духе соглашательских теорий о «классовом мире».

Не меньшим схематизмом были отмечены и новые книги И. Уоллеса «Слово» (1972) и «Документ Р» (1976). На содержание последней (она являет собой как бы «взгляд изнутри» на деятельность ФБР) в известной степени повлияло возмущение американской общественности, которое было вызвано злоупотреблениями в правительственном аппарате. Этими же обстоятельствами можно объяснить и появление обширной «уотергейтианы», среди авторов которой значились как ответственные чины никсоновской администрации Дж. Эрлихман и У. Сэфайр, так и непосредственный исполнитель их указаний, глава взломщиков — «водопроводчиков» У. Лидди, несмотря на безграмотность накропавший с помощью «писателей-призраков» несколько книжек в детективном жанре.

Вместе с тем ряд существенных перемен в «массовой беллетристике» США был продиктован причинами более основательного, культурно-исторического и общеидеологического, характера.

В советских работах более чем десятилетней давности не раз высказывалось мнение, что к началу 70-х годов ведущее место в потоке американской «поп-беллетристики» заняли произведения с ярко выраженной сексуальной окраской. «...Современная массовая литература проповедует насилие, убийство и особенно секс во всех его разновидностях,— отмечал А. Николюкин в брошюре «Антикультура: массовая литература США». — Так называемая «сексуальная революция» 60-х годов — дело рук массовой культуры и литературы, наводнивших страну порнографическим и полупорнографическим чтивом и зрелищем»¹. В качестве особенно яркого приме-

¹ Николюкин А. Н. Антикультура: массовая литература США. М., 1972, с. 40.

ра едва ли не каждый из писавших на эту тему ссылался на роман «Обнаженной пришла незнакомка» — центральную сексуальную приманку книжного сезона 1969—1970 годов. Впрочем, книгу, подписанную псевдонимом Пенелопа Эш, вернее было бы назвать не романом, а литературным экзерсисом на тему сексуальных возможностей и нравов человека.

Этой книжке, которая была опубликована почти одновременно с признанным символом «сексуальной революции» в литературе, «Машиной любви» Жаклин Сьюзен, и в работе над которой, по слухам, приняли участие двадцать пять журналистов, нельзя было отказать в известной оригинальности замысла. Тринадцать глав романа — своего рода «донжуанский список», но не героя, а героини по имени Джиллиан Блейн, нимфоманки, перед натиском которой не в силах устоять ни один мужчина. В наиболее рискованных эпизодах жертвами неистовой Джилл становились раввин Рабби Джошуа Тернбулл, сочинитель порнографических книжек Аксель Верт, решившийся наконец сочетать, так сказать, теорию с практикой, и даже гомосексуалист Уиллоби Мартин, подвергшийся под воздействием своей неотразимой партнерши обновлению и вернувшийся в лоно обычной гетеросексуальной любви. Условностью сюжета, легкостью языка и шутливостью тона «Незнакомка» была во многом схожа с «Конфеткой» Т. Сазерна и М. Хоффенбергера (1964), от которой берет начало эра преобладания сексуальных боевиков в американской «массовой беллетристике». Век этот оказался, однако, не столь уж продолжительным, — к середине 70-х годов нарочитая сексуализация все чаще воспринималась как знак дурного тона и, что всегда считается особенно непростительным, старомодности.

«В глазах будущих наблюдателей мы будем выглядеть поколением, охваченным эротическими фантазиями, как правило, извращенными, перемежающимися время от времени порывами к насилью»¹, — писал критик М. Маггеридж в 1971 го-

¹ The New York Review of Books, 1971, 26 May, p. 13.

ду. Однако уже тогда собственно порнографические романы составляли не более пяти процентов от книготоргового оборота, и ни одному из них не удалось пробиться в десятку бестселлеров. Пик «сексуальной революции» в «массовой литературе» был пройден одновременно с наибольшим распространением молодежной «контркультуры», и после того, как жажда запретного плода была удовлетворена, наступило вполне понятное состояние пресыщения. Характерной в этой связи явилась эволюция, которую претерпели ведущие прежде поставщики сексуализированного чтения Ж. Сьюзен и Г. Саттон. Последние романы Сьюзен «Одного раза мало» (1973) и «Долорес» (1976, опубликован посмертно) были лишены легкокрылого оптимизма ее знаменитой «Долины кукол» и повествовали уже не о фривольных похождениях претенденток на роль кино- и теледив, а о драматических судьбах одиноких, непонятых женщин. Успех этим книгам создавала теперь не специфичность колорита воспроизведенной картины, а эксплуатация слегка закамouflированных обстоятельств личной жизни слишком хорошо всем известных знаменитостей — так, сюжетом «Долорес» послужили душевные терзания вдовы убитого президента США, скрепя сердце соглашающейся на брак с крупнейшим судовладельцем.

Еще более радикально изменил курс своего «творчества» Д. Славит, опубликовавший под псевдонимом Г. Саттон два скандально нашумевших романа — «Эксгибиционистка» (1967) и «Соглядатай» (1969). Следующая его книга — «Анаграммы» (1971) — была, однако, посвящена вполне спокойной теме — творческому соперничеству и конфликтам в околосредовой среде. А спустя три года, одновременно с выходом в свет псевдоисторического романа «Убийство короля», Славит публикует своеобразное рекламное объявление о «смерти автора «Эксгибиционистки» в связи с переменами в литературном климате». «По сегодняшним стандартам «Эксгибиционистка» не заставила бы никого шевельнуть и бровью»¹, — так прокомментировала этот примечательный случай американская критика.

¹ The New York Times Book Review, 1974, 18 August, p. 7,

Отмеченное высказывание отразило двоякий смысл сложившейся ситуации. С одной стороны, к середине 70-х годов как в «массовой», так и в серьезной литературе США были преодолены последние бастионы викторианской сдержанности и — более того — разлившиеся одно время бурные потоки начали постепенно входить в устойчивые берега. Но вместе с тем в качестве реакции на авангардистскую вседозволенность обнаружилась и тенденция к романтизации действительности, провозвестниками которой стали два супербестселлера начала десятилетия: «История любви» Э. Сигела (1970) и «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» Р. Баха (1972). В выпретенном рассказе Сигела о взаимоотношениях наследника миллионного состояния Оливера Баррета с «чумазой иностранкой» Дженни Кавильери не было ничего такого, что поднимало бы его над уровнем традиционных бульварных «романов для горничных». Иначе воспринималась одухотворенная притча Баха, емко вобравшая в себя, по точному определению М. Туровской, «некоторые существенные настроения и искания западной молодежи и разочарование ее в буржуазном порядке вещей»¹.

Изгнанная из стаи своими сородичами, которым гораздо ближе была бы философия робких гагар или глупого пингвина, чайка (в книге Баха) ищет в заоблачных далях места для одиноких, но упорительных полетов, стремится открыть новые горизонты для тех, кто когда-нибудь рискнет последовать дерзновенному примеру. Однако весь возвышенный идеализм книги не отменял того факта, что ее популярность во многом объяснялась изменившимся общественным климатом — волна бунтарства в стране пошла на убыль, усилились эскапистские настроения. В сфере «массовой беллетристики» та же тенденция находила выражение в формах несравненно более грубых и примитивных, в произведениях, открыто спекулировавших на предрассудках и невежестве, на темных рудиментах человеческой психики. Эти характеристики полностью применимы к так называемым оккультным романам — «Изгоняющий дьявола» У. Блэтти

¹ Иностранная литература, 1974, № 12, с. 193.

(1971) и «Предзнаменование» Д. Селтцера (1976); гораздо большей степенью литературной отделки отличалась от них диалогия П. Бенчли «Челюсти» (1974) и «Бездна» (1976), составившая сценарную основу для прогремевших на весь мир одноименных «фильмов-катастроф».

Заметное место среди эскапистского чтения занимает, как известно, псевдоисторический, и в частности готический, роман, который на протяжении двух минувших столетий неизменно присутствовал в спектре англо-американской литературы, порой выходя даже на командные позиции и становясь важным фактором историко-литературного процесса. Так было, например, в конце XVIII века в Англии, когда «Удольфские тайны» мадам Радклифф и «Замок Отранто» Г. Уолпола вызвали бесчисленные подражания, в том числе и в Новом Свете, — я имею в виду романы Ч. Брокдена Брауна, одного из основоположников американской романтической прозы. В последующем эта традиция никогда не прерывалась, но, с другой стороны, и не претендовала по большей части на внимание серьезной читательской публики. В конце 30-х годов XX века ярко вспыхнула слава Д. Дюмурье, автора «Ребекки», столь же знаменитой, как некогда «Лавка древностей» Диккенса и «Джейн Эйр» Ш. Бронте, но с этого момента начинается новая полоса в истории современной готики, теперь уже полностью переместившейся в сферу сублитературы.

В 70-е годы в США к переизданиям таких «классических» книг этого жанра, как, скажем, «Дракула» Б. Стокера (1897), прибавились новые произведения. Согласно традиционной схеме, местом действия в них чаще всего служил уютный уголок Корнуолла или какое-нибудь другое английское захолустье, где пытались обрести покой беглецы из ущелий современного Манхэттена. Вскоре, впрочем, оказывалось, что тихая обитель скрывала в себе средоточие сверхъестественных злых сил, и хоррор фантомов, привидений, оборотней сводил с ума несчастное семейство («Другой» Т. Трайона, 1972). Или был возможен другой вариант — богатая и красивая хозяйка замка в Сассексе вдруг переносилась посредством машины времени в сред-

невековую Англию и, подобно янки при дворе короля Артура, начинала играть важную роль в истории давно минувших дней («Зеленая тьма» Э. Сетон, 1972). Кстати, фигуры легендарного Артура и волшебника Мерлина — частые гости в американской готической прозе; им посвящена, например, трилогия М. Стюарт «Полые холмы» (1973), «Не прикасайтесь к кошке» (1976), «Последняя забава» (1979).

В одном из характерных образцов псевдоисторического жанра — романе М. Рэно «Молодой перс» (1972) интерес к истории несколько неожиданным образом сочетался с апологией гомосексуализма, поскольку в качестве главного действующего лица книги выступал Александр Македонский. Спустя некоторое время, впрочем, права гомосексуалистов сделали заметной темой дискуссии по общественным и морально-этическим вопросам, находившей отражение и в содержании литературных произведений. «Бисексуальность была вполне нормальным явлением во времена эллинизма, и именно навязанные впоследствии христианством моральные предписания следует считать отклонением»¹, — утверждал, например, известный прозаик Г. Видал, наглядно подтверждая эту точку зрения рядом положений в романах «Майра Брекинридж» (1968) и «Майрон» (1974).

Проблемы «сексуального раскрепощения», столь остро стоявшие в США в начале 70-х годов (отчасти в связи с активизацией неофеминистского движения), нередко выносились на авансцену «массовой беллетристики» и во второй их половине. Именно последними битвами неофеминизма в уже по сути выигранной войне объяснялась вспышка интереса к написанным еще в начале 40-х годов, но только теперь опубликованным книгам А. Нин «Дельта Венеры» (1977) и «Маленькие пташки» (1979). Несколько иными были причины, породившие «феномен Джудит Кранц» — писательницы, дерзнувшей, не без солидного кассового успеха, возродить в романах «Скруплз» (1968) и «Княжна Дейзи» (1980) формулу к тому времени основатель-

¹ Vidal G. Matters of Fact and Fiction. N. Y., 1978, p. 18.

но позабытых «боевиков» Сьюзен. В этих, по выражению американской критики, «галереях стандартного секса» можно было встретить титулованных эмигрантов и оборотистых дельцов, миллионеров и вышедших в тираж спортсменов. Повороты в судьбах персонажей напоминали прохождение обледеневшей трассы бобслея. Обедневшая княжна Дейзи Валенска вдруг зарабатывала целое состояние на телевидении, а затем теряла его, доверившись коварным советам беспринципных бизнесменов. Она путешествовала по Франции и Англии, отвергала робких воздыхателей, но подчинялась сильной «мужской хватке», меняла любовников, наряды, апартаменты и сохраняла до конца почти пятисотстраничного тома все тот же «товарный вид», которым она отличалась, судя по рисунку на суперобложке, в самом начале повествования.

«Разумеется, написанное Дж. Кранц не причислишь к достопамятным явлениям, но наш читатель изголодался по книгам, которые заменили бы ему волшебные сказки»¹, — отмечала «Нью-Йорк таймс», подчеркивая наличие в США постоянного контингента, автоматически откликающегося на очередную байку из жизни «богатых, красивых и могущественных». Успех Кранц раззадорил и такого «старого профессионала», как Г. Роббинс, поспешившего в «Прощай, Жаннет» (1981) увлечь верную ему аудиторию в мир парижских модисток и их богатых заокеанских покровителей. Однако наиболее характерным видом «массовой беллетристики» США, ради процветания которой усердно трудятся расторопные ремесленники от литературы, во второй половине 70-х годов и вплоть до настоящего времени является политический роман во всех его многообразных ответвлениях.

Многие книги, посвященные политической жизни Соединенных Штатов, событиям недавней и текущей международной истории, по праву принадлежат к лучшим достижениям американской реалистической литературы послевоенного периода. Вместе с тем в противовес ей уже давно существовала и школа апологетической беллетристики, с боль-

¹ The New York Times Book Review, 1980, 30 March, p. 37.

шим или меньшим успехом проповедовавшая идеологию агрессивных империалистических кругов. С середины 70-х годов в потоке шпионских романов, политических детективов, «романов-фантазий» на внешнеполитические темы практически затерялись редкие произведения, авторы которых всерьез озабочены критическим осмыслением тенденций американской политики и роли страны в современном мире.

Круг авторов, подвизающихся в этом отработанном жанре, чрезвычайно широк и иногда включает неожиданные имена. В последнее время сочинение романов, правда в основном на внутрисполитические темы, сделалось занятием весьма модным среди лиц, принадлежащих к верхам вашингтонского истеблишмента. Вслед за журналистом Д. Пирсоном и видным экономистом, бывшим послом в Индии Дж.-К. Гэлбрейтом на лавры популярных беллетристов претендует (после ухода в отставку) вице-президент С. Агню, а совсем недавно — ближайшие родственники президентов Г. Трумэна и Ф.-Д. Рузвельта. Однако в первую очередь активная пропаганда посредством художественной литературы официальных воззрений на роль Америки в современном мире связана с именем Г. Вука, прозаика небольшого дарования, но крепких профессиональных навыков, в своих многочисленных произведениях последовательно отстаивающего взгляды, проникнутые верой в американскую исключительность. Опубликованные соответственно в 1972 и 1978 годах его романы «Ветры войны» и «Война и память» имели вполне определенное назначение — служить тенденциозной интерпретацией истории второй мировой войны для массового и прежде всего молодого читателя.

Действие «Ветров войны» относится к периоду до нападения Японии на Пирл-Харбор, и общая трактовка международных событий на рубеже 30-х — 40-х годов получала у Вука отчетливую антисоветскую окраску, будучи целиком выдержанной в духе буржуазной историографии. В романе «Война и память» фокус изображения перемещался с Западной Европы на Тихий океан. Обосновывая тезис о решающем вкладе США в победу союзников над державами «оси», Вук подробно описывал осво-

бождение территорий, захваченных японскими милитаристами. Крейсер, на котором служит центральный персонаж дилогии — Виктор Генри, получает повреждения и тонет во время боев за остров Гуадалканал. Оправившись после ранения, Генри избирает дипломатическую карьеру, и этот сюжетный ход дает автору возможность обозреть ситуацию, складывавшуюся в странах антигитлеровского союза. Вместе с помощником президента Рузвельта Гарри Гопкинсом герой романа путешествует в Лондон и Москву, участвует в Тегеранской конференции и даже попадает в Ленинград после прорыва девятистодневной блокады. Параллельно развивается и любовная интрига, завершающаяся разводом Генри с неверной женой и его увлечением Памелой Тьюдсбери, дочерью влиятельного английского журналиста.

Нарекая своего героя Виктором Генри, американский прозаик, надо думать, вполне сознательно давал понять читателю, что «Ветры войны» и «Война и память» заслуживают сопоставления с романом Хемингуэя «Прощай, оружие!» и его центральным персонажем лейтенантом («тененте») Генри. На самом деле контраст между двумя офицерами не мог быть более подчеркнут. Герой Хемингуэя ненавидел войну и постепенно, исподволь обращал свою ненависть против тех, кто, внушив ему наивные иллюзии, заставил поверить, что «защита демократии» является единственной целью «крестового похода в Европу». Виктору Генри — человеку совсем иного склада — чужды внутренние противоречия и борения. Зачитывая каждое утро по главе из Библии своему семейству, он как бы вспрыскивает себе необходимую дозу моральной вакцины, которая должна предохранить его от любых колебаний. Выучившись русскому языку у потомков «царистских поселенцев» из Форта-Росса в Калифорнии, герой надеется быстро подняться вверх, тем более что, как гласит полученный им секретный циркуляр, «Россия начинает занимать особое место в национальных интересах Соединенных Штатов».

Пытаясь подражать классикам XIX века, Вук соединяет описания войны и мира, батальные и интимные сцены, вымышленных персонажей и по-

длинные исторические фигуры военачальников и политических деятелей. Творческие возможности прозаика оказались, как и можно было ожидать, много ниже подобного замысла. «Литературные достоинства дилогии отнюдь не пропорциональны ее объему», — не без ехидства писали рецензенты, не замечая, впрочем, главного недостатка книг писателя — полной зависимости их идейно-философского содержания от антисоветских концепций буржуазных историков и политологов. На Западе Вука нередко хвалят за достоверность, но эта «достоверность» сводится, в общем-то, к точности деталей быта и языковых реалий. В обрисовке же фигур известных политических деятелей и примечательных событий истории она уступает место откровенным натяжкам и идеологической предвзятости; историческая подоплека книг Вука покоится на «фальшивых фактах», как сказал бы президент Т. Джефферсон, или на «полуправдах» — по выражению тоже по-своему знаменитого публициста, автора реакционного романа-утопии «1984 год» Дж. Оруэлла.

Консерватизму идейных воззрений Вука были вполне созвучны и откровенно злопахательские устремления авторов книги «Третья мировая война: 1985» (1979) — еще одного «военного бестселлера». В соавторстве с шестью такими же, как и он, генералами-отставниками бывший натовский стратег Дж. Хэккет вознамерился написать нечто вроде «романа-предостережения», обращенного в совсем уже недалекое будущее. Под видом выдержек из фиктивной военной истории в книге представлен очередной вариант «глобального конфликта», реального разве что в масштабах «ящиков с песком» на регулярных штабных учениях НАТО. Начало этого глобального конфликта приурочивалось авторами книги к вступлению в должность президента США вымышленного лидера республиканской партии Томпсона, одерживающего в 1984 году победу над вполне реальным У. Мондейлом, бывшим вице-президентом в правительстве Дж. Картера. За исключением этой и некоторых аналогичных деталей, в остальном сценарий грядущего столкновения в точности повторял тридцатилетней давности но-

мер ныне покойного журнала «Кольерс», обозначивший собой одну из наиболее памятных вех «холодной войны».

Как отмечала даже американская критика, мнимая «агрессивность» Советского Союза обосновывалась генералами с помощью «довольно селективного и фрагментарного использования цитат», иными словами — путем тенденциозной подборки выдержек из буржуазной прессы. Однако последнее слово в разоблачении надуманных обвинений принадлежало самому Хэкету. «Однажды за ленчем мы с одним издателем разговорились на эту тему, — поведал автор некоторые подробности относительно своей книги. — Вначале ее идея показалась мне хотя и любопытной, но абсолютно абсурдной. Но чем чаще мы прикладывались к бутылке, тем сильнее крепла моя вера в успех нашего предприятия»¹. Сама по себе история рожденного под воздействием винных паров пропагандистского опуса не кажется слишком необычной. Однако весьма прискорбно то, что выпущенный в буквальном смысле из бутылки фантом «советской угрозы» оказал на рубеже 70-х — 80-х годов весьма ощутимое воздействие на сознание «среднего американца».

Эффект книги Хэкетта не был бы, пожалуй, столь впечатляющ, если бы ей не предшествовал целый ряд аналогичных сочинений, нацеленных на возрождение в США идейно-психологических стереотипов, характерных для атмосферы «холодной войны». «Данный роман... не является изображением того, что непременно должно произойти. Но в нем содержится предсказание того, что может случиться, если определенные тенденции в мировой политике получают продолжение и без помех будут доведены до своего логического конца», — это зловеще звучащее предупреждение адресовалось читателям романа А. Друри «Вспомни о Ниневи, вспомни о Тире» (1973).

Само название книги Друри должно было напомнить о судьбах древних цивилизаций, ставших жертвой нашествия варваров. Отставной вашингтонский журналист предлагал здесь свой вариант пар-

¹ The New York Times Book Review, 1979, 27 May, p. 21.

титурь будущих международных событий, создавая далекий от действительности образ Советского Союза как «ненадежного партнера», скупаемого жаждой безграничной идеологической и военной экспансии.

Запугивая американских обывателей, Друри рисовал жалкую участь их страны, лишенной ядерного превосходства, зажатой в тиски бесчисленными военными базами «красных», беспомощной перед нацеленными на ее жизненные центры ракетами и космическими аппаратами. Внушив читателю чувство чуть ли не отчаяния по поводу «драматического падения престижа» Америки, автор в то же время спешил предоставить ему и рецепты «возрождения» роли США как жандарма мирового порядка. В своем следующем романе, «Обещание радости» (1975), он набрасывал сценарий усиления геополитической мощи Соединенных Штатов.

То был всего лишь один пример разработки и даже предвосхищения в американской «массовой беллетристике» некоторых тенденций международной жизни, увиденной, разумеется, глазами вашингтонских политиков. В полном соответствии с предпринятым «командой Рейгана» усилением психологической войны против стран социализма Друри построил сюжет и своей последней по времени книги «Вершина лета» (1981), снабженной подзаголовком «роман о советских завоеваниях». «Это не столько роман, сколько современная аллегория, пьеса-моралите, в которой все Зло мира воплощено в советском лидере, а все Добро — в президенте Соединенных Штатов,— не без иронии писала американская пресса.— По правде сказать, Друри позволил своему праведному гневу взять верх над художеством. Его роман, вознамерившийся по тревоге поднять всех на ноги, вместо этого усыпляет читателя»¹.

Не получила сколько-нибудь благожелательного отклика и книжка П. Эрдмана «Последние дни Америки» (1981), также продиктованная щекоющим нервы соблазном предложить свое собственное прочтение ближайшего развития мировых событий. Правда, напечатанному за пять лет до этого роману того же Эрдмана «Крах в 1979 году» нельзя

¹ The New York Times Book Review, 1981, 8 March, p. 10.

было отказать в известной прозорливости. Быстрое наращивание вооружений в монархическом Иране, растущая задолженность США странам Персидского залива, обострение международной ситуации в этом районе... — прикосновение к темам, как бы перенесенным на книжные страницы с газетной полосы, служило тогда зримым знаком дальнейшей политизации развлекательного чтения. Не был забыт автором и традиционный «счастливый конец», столь привлекающий массового читателя, — финансовому гению Биллу Хичкоку чудесным образом удавалось примирить враждующие стороны и ограждать «нацистские интересы» США.

С особой изобретательностью продолжил отмеченную тенденцию Р. Ладлем в романах «Люди Маториза» (1979) и «Личность Бурна» (1980), явившихся своеобразным откликом на обострившуюся в 70-е годы проблему международного терроризма. И вновь фантазия сочинителя-конформиста в чем-то предвосхищала близкую по времени реальность: идейная направленность этих сочинений (в особенности первого) почти полностью соответствовала измышлениям, которые без конца варьируются по адресу национально-освободительной борьбы, развернувшейся в странах третьего мира, а именно эти измышления были повторены в заявлениях новых руководителей внешней политики Белого дома, начиная с 1981 года.

Политическая фантастика, получившая к концу 70-х годов широкое распространение в литературе США, не обязательно была устремлена только в будущее. Немалый интерес вызывало и прошлое. «Что было бы, если...» — исходя из этой предпосылки, авторы ряда книг вновь обращались к истории минувшей мировой войны, как бы заново переписывая некоторые ее страницы. Порой эти условные допущения служили целям чисто фабульным, как, например, в романе К. Фоллета «Игольное ушко» (1978), где шпион фашистского абвера получал задание разведать точное направление предполагаемой высадки англо-американских войск на Европейском континенте. Принявший облик добропорядочного англичанина, агент раскрывает-таки тайну камуфляжа, окутывавшего подлинные воен-

ные приготовления союзников. Он узнает, что центром удара избрано не побережье вблизи Кале в узкой горловине Английского канала, а сравнительно отдаленный берег Нормандии. Если ему удастся убедить в своей версии высших чинов в Берлине, Германия может быть спасена. Но... тут вмешивается рука романиста, который в соответствии с фактами ставит все на свое место и обречает свой персонаж на поражение в напряженной борьбе со служащими английской контрразведки.

Еще один вариант концовки войны в Европе был предложен беллетристом Г. Паттерсоном (выступающим также под псевдонимом Джек Хиггинс) в романе «Обмен во Дворце мертвых» (1977). Книга основывается на циркулировавших одно время слухах о попытке Мартина Бормана в последние дни существования рейха купить собственную свободу ценой немедленной репатриации англо-американских пленных. Несмотря на крайнюю гипотетичность этой версии, Паттерсон стремится создать хотя бы видимость фактической достоверности изображаемых событий. В то же время авторы современного авантюрно-шпионского чтива чаще всего порывают всякую связь с исторической правдой ради досужих вымыслов, эксплуатирующих известные стереотипы антисоветского мышления. Особенно ярким примером такого рода является, без сомнения, вся литературная деятельность Х. Макиннес,— начиная с романа «Вне подозрений» (1941) до «Резидента» (1977) и «Прелюдии к ужасу» (1978) она считается на Западе «королевой политического детектива». Рядом с этими сочинениями можно смело поставить книги публициста крайне правого толка, лишь недавно подключившегося к производству бестселлеров, У. Бакли «Спасти королеву» (1976), «Витраж» (1978) и «Кто первый?» (1980).

Примечательно, что ни Макиннес, ни Бакли не скрывали своих связей с англо-американской разведкой, с которой предпочитают не зваться представители творческой интеллигенции в странах Запада. Правда, что касается Макиннес, то ее контакты относились еще ко временам второй мировой войны. Бакли же прослужил около года

в ЦРУ не так давно, и не исключено, что он опирался на какие-то архивные материалы при разработке сюжетной канвы своих книжек. Но главной целью автора было создание образа «человека действия», рыцаря без страха и упрека, стоящего на страже «нетленных ценностей» буржуазной идеологии.

Одно время, ощущая необходимость хоть какой-то новизны, американские авторы детективов попытались внести изменения в изрядно-таки обветшалую поэтику расхожего криминального романа. Так, Дж. Вэмбо, известный своими книгами о «новых центурионах» американской полиции, поставил в центр романа «Черный мрамор» (1977) сыщика-любителя из Лос-Анджелеса Андрея Михайловича Вальникова, который явно был скопирован с бессмертного Обломова. «Я сыт по горло сверхмужественными героями... Насилие надоело всем хуже горькой редьки...» — заявил вскоре другой ветеран жанра «полицейского романа», Л. Сэндерс. Однако, по мнению Бакли, нынешняя ситуация в мире не позволяет «расслабляться» писателям, ведущим «авангардную борьбу с мировым коммунизмом». «Нашему читателю надоели сыщики непривлекательного, декадентского толка, — говорил он в одном из интервью. — В отличие от Грэма Грина и Ле Карре, я не люблю «героев с червоточиной». Своим Блэкфордом Оутсом я решил создать тип антигероя». И надо сказать, что по сравнению с новым стереотипом «твердокаменного антикоммуниста» даже знаменитый агент 007 Джеймс Бонд, образ которого был недавно «возрожден» в книгах англичанина Дж. Гарднера, кажется слишком наивным и политически малоискушенным. Подобно храброму портняжке из сказки братьев Гримм (да не обидится он на нас за это сравнение), Блэкфорд Оутс «одним махом семерых побивахом» на любой сценической площадке — будь то ситуация «берлинского кризиса» 50-х годов или соперничество великих держав в освоении космоса. Усилия реакционного писателя были по достоинству оценены прессой, представляющей интересы империалистических монополий. «Уильям Бакли... — писала газета «Уолл-стрит джорнел», — остается энергичным, никогда не складывающим ору-

жие поборником подлинной свободы в столкновении с бесчисленными противниками нашего политического, экономического и социального образа жизни»¹.

В последнее время ряды беллетристов-политиков типа Бакли пополняются новыми именами. Обычно книги таких авторов в литературном отношении настолько убоги, что представляют интерес лишь как материал для тенденциозных, выдержанных в антисоветском духе обзоров и рецензий, к сожалению, регулярно появляющихся на страницах американской буржуазной прессы. Так было с основанным на мемуарах О. Ивинской романом Ю. Кроткова «Нобелевская премия» (1980) и с очередным упражнением из области «политической фантастики» «Красные боги» Д. Линдквиста (1981), написанным по рецептам творческой кухни Друри, о которых уже шла речь выше. Гораздо более умелым флюгером умонастроений массового читателя США проявил себя М.-К. Смит в романе «Парк Горького», долгое время значившемся в списке ведущих бестселлеров издательского сезона 1981—1982 годов.

«Мы были уверены в успехе этой книги с первого

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

«Понимаю, что отношусь к ничтожному меньшинству среди писателей. Большинство тратит талант на создание денежных боевиков, которые я лично расцениваю как хлам и халтуру. Сквернословие, насилия, непристойности рисуются не для того, чтобы уяснить происходящее в действительности, а только ради того, чтобы шокировать читателя... Беда в том, что многие молодые люди принимают напечатанное за чистую правду, начинают верить, что это в порядке вещей, и стараются подражать прочитанному».

Патрик Смит, американский писатель

¹ The Wall Street Journal, 1978, 19 November, p. 31.

взгляда на рукопись» — такую аттестацию сочинение М.-К. Смита получило у руководителя издательства «Рэндом хаус», а по совместительству главы общественного Комитета по соблюдению выполнения Хельсинкских соглашений Р. Бернштейна. Однако, как верно писала «Литературная газета», «в этом «оригинальном» романе ничего оригинального и нет. «Парк Горького» — стандартный, едва ли не канонический «вестерн», только пересаженный на «русскую почву»... Пусть концы с концами не сходятся, пусть сюжет шит белыми нитками, важно одно: чтобы каждая глава оглушала читателя неожиданным поворотом событий»¹. Но, следя за соблюдением обязательных правил жанра, Смит не забывает и о другом компоненте книги, не менее для него идеологически важном, — о стремлении поставить под вопрос готовность «этих русских» добиваться мира и разрядки международной напряженности.

«Каждый, кто в состоянии написать почтовую открытку, может сочинить и роман» — вот один из краеугольных постулатов, на которых зиждется здание американской «массовой беллетристики». Произведения, принадлежащие А. Друри, У. Бакли, Г. Вуку и другим упомянутым и не упомянутым на этих страницах литературным поденщикам, легко сбросить со счетов в разговоре о состоянии духовной культуры в Соединенных Штатах. Однако, несмотря на весь свой примитивизм, эти книги далеко не так безобидны и легковесны, как привыкли утверждать многие западные истолкователи современной культурно-идеологической обстановки в мире.

Мы твердо помним, что традиции разоблачения милитаризма и человеконенавистничества не ушли из той части американской литературы, которая руководствуется высокими идеалами гуманизма и общественного служения. Вместе с тем различные жанры «массовой беллетристики» США ведут все более активное наступление на чувства и мысли американцев, возлагая особые надежды на «проникающую силу» пропагандистского заряда, замаскированного столь соблазнительным в своем многоцветии развлекательным камуфляжем.

¹ Литературная газета, 1981, 28 октября.

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

Художник творит для народа. Имеет ли искусство право на изображение классовых конфликтов? СССР: творчество, полное гуманизма и оптимизма.

Мы живем в быстро меняющемся мире — мире, разделенном на две противоположные системы, две непримиримые идеологии. В одной его части культура продолжает служить интересам господствующего класса, эксплуатируется им в целях извлечения прибылей. В другой части мира культура впервые в истории человечества развивается в интересах широких масс, тесно связана с их жизненными путями.

Мне, американскому художнику, повезло в том смысле, что я смог увидеть и ближе узнать жизнь и творчество художников этой другой части земного шара — Советского Союза. Я был там не с короткими визитами, а жил на протяжении двух лет, бывал в творческих студиях в республиках, присутствовал на публичных дискуссиях и дебатах. Много читал о планах и достижениях в деле внедрения культуры в массы. Именно так учился я понимать различие двух миров.

Был у меня и непосредственный опыт. 20 апреля 1974 года я участвовал в Ленинском субботнике, когда миллионы советских людей отдают один день своего труда государству; заработанное идет на строительство больниц, школ и иные общественные нужды. В этот день в центре огромного завода имени Орджоникидзе я работал над большой картиной, посвященной теме мира. Никого это особенно не удивляло, рабочие привыкли видеть художников в

своих цехах — они часто приезжают группами на стройки, заводы, в колхозы. Единственное, пожалуй, что вызывало любопытство, так это то, что я — иностранец, американский художник, работавший вместе с советскими рабочими в этот памятный день.

С громадным удовольствием вспоминаю этот день, мое волнение от работы — не в тихой мастерской, а в шумном цехе, в окружении прессов, токарных станков и другой сложной техники. Ко мне подошла девушка в темном комбинезоне и в цветной косынке и приколола к рубашке красный бант — отличительный знак тех, кто трудился на субботнике. Вспоминаю то чувство гордости, которое я испытал, когда двое рабочих взяли мою законченную картину и осторожно пронесли ее между станками в клуб, где она позже была выставлена на всеобщее обозрение. В этот день я действительно ощутил себя близким этим людям, которых не знал прежде и с которыми меня связывала общая цель, понял, что они приняли меня, почувствовал их уважение к себе.

И невольно в памяти всплывает другой случай. Несколько лет назад вместе с тремя художниками я был послан министерством внутренних дел США запечатлеть на полотне строительство знаменитой плотины Гранд-Кули. Работая среди огромных подъемных кранов, экскаваторов, в окружении рабочих, которые что-то взрывали, сверлили, сваривали, управляли бульдозерами, я испытывал отчаяние от того, что не способен был установить с ними контакт. И в то же время чувствовал их неловкость по отношению к нам. Никто не сказал им, зачем мы сюда приехали. Никто не подготовил их к пониманию того, что мы собираемся отразить их жизнь, их мастерство, плоды их труда.

С завистью вспоминаю беседы с советскими художниками, рассказывавшими мне о том, как они отправляются на стройки, завязывают там тесные связи с рабочими, которые с уважением относятся к их творчеству. Художники ведут с ними открытые разговоры и часто возвращаются из поездок, по сути, с уже готовой выставкой новых произведений. Таким образом, труд художников влива-

ется в труд этих людей, и рабочие гордятся проявляемым к ним вниманием. Я был свидетелем культурного досуга рабочих, колхозников — во Дворцах культуры, в танцевальных и хоровых ансамблях, кружках драматического искусства. Мне говорили о договорах, которые заключаются между заводами и театрами, колхозниками и писателями. Все это части единой широкой программы, цель которой — ликвидировать разрыв между художником и зрителем, превратить каждого советского гражданина в подлинно культурного человека.

Возвращаясь к моей поездке на Гранд-Кули, я вспоминаю еще об одном эпизоде. После завершения работы над картиной, сложившейся из набросков, сделанных на плотине, я приехал в Вашингтон, где в Смитсоновском институте открывалась выставка произведений нашей группы, а также других художников, ранее выполнявших аналогичные заказы. Характерно, что на большинстве демонстрировавшихся картин не было самого рабочего. Только трое или четверо художников изобразили людей и их окружение. Основная же часть картин, отражая модную тогда волну антигуманизма, была либо абстрактной, либо запечатлела виды мостов, плотин, ирригационных проектов, но... без их творцов. Были еще картины природы, лепестки в водном потоке, горные цепи, пейзажи...

Эти два случая всегда приходят мне на ум, поскольку они глубоко символичны для понимания различной роли культуры в мире капитала и в мире социализма.

К этому хотелось бы еще добавить, что проект министерства внутренних дел хотя и давал художникам возможность прикоснуться к сферам, которые обычно они никогда не видят, однако не идет ни в какое сравнение с широкой программой подлинного слияния творчества художника с жизнью народа в Советском Союзе. К сожалению, это был очень скромный проект, который смог вовлечь в свою орбиту лишь крохотную часть огромной армии талантливых американских живописцев. Он был также несопоставимо мал в сравнении с той художественной программой, которая была начата администрацией президента Рузвельта в 30-х

годах, когда весь капиталистический мир, включая и США, был охвачен депрессией. Эта программа ставила своей целью помочь художникам, находившимся на грани голодной смерти. И тогда мы стали создавать искусство, которое не предназначалось ни для музеев, ни для продажи богатым коллекционерам. Наши работы размещали в школах, больницах, мы рисовали на стенах детских площадок, коммунальных центров и даже... тюрем. Я получил заказ на большую настенную живопись (29 панелей) для здания почты в Сан-Франциско. Смысл заказа заключался в том, чтобы изобразить бурную историю города Сан-Франциско: захват белыми переселенцами территории будущего города, подавление индейцев. С другой стороны, деятельность смелых и отважных людей, начавших промышленное и экономическое развитие этого района,— процесс, в результате которого одни непомерно обогатились, другие остались нищими. Однако его выполнение вызвало комплекс вопросов: о целостности взглядов художника, о цензуре, репрессиях, еще раз доказав, что художник не может стоять в стороне от социальных проблем своего времени.

Я получил этот заказ благодаря тому, что стал победителем в национальном конкурсе. Ряд панелей, тогда одобренных, открыто критиковал минувшие события в истории американского государства: преследование индейцев, рост влияния и правление так называемых «бдительных», деятельность тех, кто симпатизировал рабовладельцам во время Гражданской войны; отражал борьбу за восьмичасовой рабочий день, дело Тома Муни¹, забастовочное движение 1934 года. Конкурс проходил в 1941 году, но начать работу я смог только после окончания войны, в 1946-м. Однако к этому моменту климат в Соединенных Штатах изменился,

¹ Том Муни — один из деятелей профсоюзного движения в Сан-Франциско; был арестован в 1916 г. по ложному обвинению в убийстве и приговорен в 1917 г. к смертной казни. Под давлением протестов общественности в США и других странах смертная казнь была заменена пожизненным заключением. Потребовалось 23 года борьбы, прежде чем Том Муни был выпущен на свободу.— *Примеч. ред.*

наступили времена «холодной войны», повсюду царил страх, либеральные организации и прогрессивно мыслящие лица подвергались преследованиям. В этих условиях рисунки, которые ранее были приняты, внезапно превратились в «противоречивые», «неприемлемые» для консервативных и реакционных кругов в США.

На протяжении всех трех лет работы над росписью стен здания почты меня непрерывно атаковали реакционные газеты и организации, такие, как «Американский легион», «Ветераны иностранных войн» и другие «патриотические» организации. В конце концов когда панель о всеобщей забастовке была завершена, правительство под давлением реакционных элементов штата распорядилось задернуть ее занавесом.

В самом начале моей работы, когда я рисовал эпизоды из истории края, относящиеся к прошлым векам, люди, приходившие на почту, проявляли ко всему этому мало интереса. Когда же история вплотную приблизилась к современности, интерес к настенной живописи резко возрос. А когда я приступил к панели о всеобщей забастовке, у здания почты начали постоянно толпиться зрители. Это были в основном рабочие гавани: грузчики, моряки, кладовщики. Решение муниципалитета закрыть панель занавесом вызвало гнев и возмущение среди рабочих города. Неоднократно они срывали занавес со стены. В городе была организована демонстрация протеста, в которой участвовали рабочие, художники, представители либеральных кругов. Они требовали обеспечить художнику право на честное отображение истории. В моей настенной живописи они видели собственную борьбу за полную занятость, равноценную оплату труда, борьбу против локаутов и дискриминации.

Я получал приглашения профсоюзов выступать на рабочих собраниях, меня тепло приветствовали докеры. Художник перестал быть для них неким мистическим существом. Однако нападки реакционных кругов продолжались, не прекращались и требования уничтожить мои работы. И вот в 1953 году в конгрессе произошло позорное событие: крайне правый конгрессмен Сгаддер внес за-

конопроект, потребовав удалить, а вернее, поскольку работа была написана на стене, уничтожить все 29 панелей истории города.

Разумеется, я был очень взволнован и подавлен такой перспективой, ибо считал это произведение самым выдающимся моим достижением. Но был период Маккарти, период, который парализовал страхом американский народ. Обсуждение законопроекта происходило в Капитолии в первую неделю мая 1953 года. Сторонники законопроекта, те, кто требовал разрушения созданной мною настенной живописи, выступали утром, и, надо заметить, это был довольно внушительный парад ораторов, представлявших самые различные организации консервативного и реакционного толка. Как правило, люди весьма невысокого культурного уровня, они осуждали мою работу как антиамериканскую, антипатриотическую, безобразную и, конечно же, коммунистическую (что для них было самое страшное). Все шло вначале по плану реакционных кругов, но затем, после обеда, произошло неожиданное: музейные сотрудники, руководители профсоюзов, хорошо известные в сфере искусства люди и даже некоторые либеральные бизнесмены решительно встали на защиту моей живописи. Их действия были настолько впечатляющи, что законопроект так и не дошел до пленарного заседания конгресса, и моя живопись была временно сохранена. Но тем не менее нападки не утихали. Сейчас возникла новая угроза. Сан-Францисская почта намеревается переселиться в новое, более просторное помещение. Как всегда в подобных случаях, федеральное правительство продает ненужное ему здание какому-нибудь земельному спекулянту, который сносит его, а на этом месте строит коммерческое здание для извлечения прибыли. Чтобы спасти мою настенную живопись, в Калифорнии создан комитет по борьбе за ее сохранение. И опять, как и прежде, я волнуюсь и жду, что же произойдет с моими картинами...

Конечно, если бы я написал эти картины в традиционном академическом духе, если бы первые американцы, которые высадились у берегов Сан-Франциско, выглядели такими элегантными, чисто

выбранными голливудскими типами, если бы я не затронул темы классовых конфликтов, меня и мою живопись никто бы не преследовал. Здесь встает вопрос о праве художника изображать классовые конфликты и борьбу — позиция трудная и весьма непопулярная в мире, где все пронизано духом наживы, духом профита. Духом прибыли, которая часто требует того, чтобы история была переписана в угоду власти имущим, чтобы человек труда вообще не появлялся в произведениях искусства.

Мы живем в период острой идеологической борьбы. В течение многих десятилетий, начиная с 1917 года, американский народ сознательно дезинформировали, внушали ему предубеждение в отношении Советского Союза, и в частности советского искусства. На СССР обрушивались с обвинениями в том, что там якобы полностью отсутствует свобода творчества.

Я видел как раз обратное, и мне хотелось поде-

СОБЫТИЯ ФАКТЫ СУЖДЕНИЯ

«В наши дни с писателями обращаются как с марионетками... К нам относятся пренебрежительно: заигрывают, когда мы угрожаем хозяевам, отбрасывают в сторону, когда они недовольны нами... В наши дни писатели все меньше и меньше занимаются литературой как таковой... Мы утратили непосредственную связь с культурными корнями своей страны... За сногшибательными заголовками рецензий и бестселлеров, за стендами книжных ярмарок скрывается нечто глубоко неблагоприятное. Теперь редакторы отбирают рукописи, руководствуясь принципом прибыльности, а не художественными достоинствами книги или талантом писателя...»

Тони Моррисон, американская писательница

литься тем, чему был свидетелем и что привело меня как художника в восхищение. Я видел творчество, полное гуманизма и оптимизма, творчество многонациональное, отражающее специфическую культуру каждой республики (кстати, само искусство в тех районах, которые раньше подавлялись царизмом, стало развиваться, по сути дела, только после революции). Во время предыдущих поездок я много фотографировал, сделал немало цветных диапозитивов тех работ, которые, на мой взгляд, дают представление об основных направлениях очень широкой в своем многообразии советской живописи. Мне казалось, что это должно понравиться американскому народу. После моего возвращения в Соединенные Штаты Национальный совет американо-советской дружбы организовал для меня лекции в университетах по всей стране. Как правило, начало каждой лекции воспринималось аудиторией с недоверием, а иногда и враждебностью, но после того, как зрители просматривали привезенные мною диапозитивы, это чувство исчезало и сменялось неподдельным интересом, удивлением и истинным уважением к работам советских художников.

Недавно московское издательство «Прогресс» выпустило мою иллюстрированную книгу о путешествии по Советскому Союзу. Работа над нею дала мне еще одну возможность многое осмыслить и понять, многому научиться. Помню, как в Армении я рисовал группу рабочих на заводе. В этой группе меня привлек один туркмен, с высокими скулами и темной кожей, а рядом с ним трудился голубоглазый, светловолосый прибалт. Здесь были люди и других национальностей, работавшие вместе, и их нисколько не волновало различие в физическом облике. Это заставило меня вновь задуматься о проблемах моей страны, где человеку отказывают в работе из-за цвета кожи, где моя картина, на которой черный изображен рядом с белым, не может быть выставлена в музеях некоторых южных штатов.

Значительную часть своего творчества я всегда посвящал социальным событиям. Начало моей социальной деятельности было связано с иллюстри-

рованием брошюры о деле Тома Муни и памфлета по поводу на шумевшего в свое время судебного процесса в Скотсборо¹. Писал картины и делал наброски о социалистическом строительстве в Советском Союзе. Обличал фашистскую диктатуру Франко в Испании. Я не был одинок в этом. Мы, американцы, должны гордиться тем, что подавляющее большинство художников было на стороне прогресса, на стороне испанского народа. Я создал много картин о борьбе негритянского народа под руководством Мартина Лютера Кинга, рисовал плакаты, отражавшие героическую борьбу вьетнамского народа. А раньше, в 1954 году, за несколько месяцев до контрреволюционного переворота в Гватемале, путешествовал по этой стране и собирал материалы о новой жизни, которая успешно развивалась в период, когда у власти стояло правительство Арбенса. Мне хотелось сказать американскому народу: то, что я видел и чему научился в Гватемале, должно касаться и его, народные достижения необходимо защищать и охранять.

В октябре прошлого года я привез в Москву несколько десятков рисунков и пастелей на чилийскую тему. Над этой темой я начал работать три года назад, всем сердцем переживая трагедию Чили, начавшуюся 11 сентября 1973 года, когда произошел фашистский переворот, был убит президент Альенде и развязан жесточайший террор, уничтожены все завоевания, достигнутые правительством Народного единства.

В надежде, что смогу организовать выставку этих работ в Нью-Йорке, я обратился к моему импресарию, но его первой реакцией было: «А что с ними делать? Их ведь никто не купит!» (Он был бизнесменом, и все выставки, которые он устраивал в своей галерее, включая и несколько моих в прошлые годы, предназначались лишь для того, чтобы извлечь прибыль.) Позднее директор одного из музеев, увидев мои работы, заинтересовался ими, но

¹ В 1931 г. к смертной казни по подложному обвинению была приговорена группа негритянских юношей. Широкое движение протеста в стране, которое возглавили коммунисты и другие левые силы, добилось отмены несправедливого приговора.—
Примеч. ред.

даже не предложил мне выставить их на обозрение, видимо опасаясь, что совет опекунов музея не одобрит его жеста.

Поняв, что американская общественность так и не сможет увидеть мои работы, я решил привезти их в Советский Союз. И здесь было проявлено совершенно иное к ним отношение. Спустя несколько дней после моего приезда Союз художников СССР начал подготовку выставки в Москве¹. Конечно,— я в этом глубоко убежден,— американскому народу гораздо важнее было посмотреть эту выставку, чем советскому народу, который прекрасно знает положение в Чили: ведь именно Советское правительство немедленно разорвало отношения с режимом Пиночета, именно в Советском Союзе живут сейчас замечательные чилийские патриоты Луис Корвалан, Володя Тейтельбойм и многие другие.

Положение художника меняется в нашем быстро меняющемся мире. Я знаю: мои советские коллеги — активные участники происходящих в их стране социальных перемен. Конституция СССР впервые в истории человечества гарантирует художнику право на труд, а специальная ее статья, предусматривающая повышение культурного уровня народных масс, обеспечивает ему широкую аудиторию. Художник в Советском Союзе свободен от столь близкой буржуазии лжеконцепции, будто он непременно должен испытывать лишения, чтобы создавать свои творения. Положение, роль художника в обществе зависят от конкретных социальных и политических условий, в которых он работает. Я уже говорил об объективно благоприятной атмосфере, существовавшей в период правления администрации Рузвельта. Художник тогда чувствовал себя ближе к народу, был частью его борьбы, понимал, что в нем нуждаются. В другие времена было иначе...

Никогда еще со времен мексиканского движения настенной живописи в нашей стране не было столь отчетливого понимания высокой ответственности художников. Это выражается ныне в настенной

¹ Выставка работ А. Рефрежье открылась 16 мая 1979 г. в помещении правления Союза художников СССР на Гоголевском бульваре.— *Примеч. ред.*

живописи наших городов, особенно в бедных районах и гетто. Художники посвящают свои картины борьбе против расизма, войны, милитаризма. Движение это развернулось в период наивысшего накала борьбы за гражданские права в Чикаго, когда группа негритянских художников начала расписывать стены заброшенных домов. Это было криком души, призывом к социальной справедливости, требованием права человека на достойное существование, протестом против полицейской жестокости. Их примеру последовали многие. Сейчас в Америке настенная живопись стала обычным явлением. Чаще всего этим делом занимаются группы молодых художников или профессионалы, которые собирают вокруг себя людей с небольшим опытом, горящих желанием помочь осуществлению задуманного плана. Иногда это просто любители. Картины пишутся на стенах старых зданий, и художник использует для этого обычную краску, применяемую при отделке домов. То, что сама по себе работа недолговечна, его не волнует. Цель у него иная: тотчас, немедленно выразить свою позицию, свое отношение к жизненным проблемам города или штата. Настенная живопись — это открытые требования, предъявляемые трудящимися, осуждение ими социальных зол. В Чикаго был интересный случай, когда две враждующие уличные группы молодых людей объединились, чтобы создать настенную картину, направленную против наркомафии, — этого зла, растлевающего молодежь. Большинство картин примитивно по манере изображения, некоторые из них порой неуклюжи, но своей эмоциональной экспрессией они оказывают глубочайшее воздействие на массы. Художники эти — люди, целиком посвятившие себя любимому делу. Они отвергают мир буржуазного искусства, не стремятся создавать картины ради денег и уж тем более не думают о личной карьере. Они живут просто и зачастую бедно. Их деятельность — это позитивная сторона американской культуры. Это вызов моральной деградации общества, сенсационности и субъективизму. Я верю в эту силу, которая сможет создать основу для подлинно здорового искусства.

И наконец, еще одна, заключительная мысль о

Советском Союзе. Я заметил: многое из того, что поразило меня, воспринимается советскими людьми как само собой разумеющееся. И в этом, видимо, тоже одно из величайших достижений Советской страны. Тем не менее хотелось бы, чтобы советский народ лучше ценил то, что составляет предмет зависти на Западе. И может быть, иногда нужен глаз иностранца, приехавшего из другого мира, чтобы увидеть и высоко оценить то, к чему советские люди относятся как к обычному, каждодневному, общепринятому.

Перевод с английского В. Нестерова

ВРАГИ КУЛЬТУРЫ У НАШЕГО ПОРОГА

Кому принадлежит культурное наследие Европы? Худшие образцы американской культуры находят дорогу на Европейский континент. Э. Хаббард: «Единственные враги, угрожающие Америке: ...невежество, предрассудки и некомпетентность».

ЕВРОПА КАК «МАСТЕРСКАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Монтескье, философ, чьи идеи были столь популярны в эпоху Просвещения, писал, что «Европа представляет собой мастерскую человечества». Французский мыслитель верил в географический детерминизм и был заранее предрасположен в пользу Европы, видя в ней источник мудрости и научного прогресса. Он был убежден, что будущее человечества зависит от европейской культуры, поскольку считал, что географическая среда континента идеальна для развития лучших качеств в человеческой природе. Его взгляды были прогрессивны для того времени, но в конце концов европейские экспансионисты приспособили их к своим интересам и начали использовать для оправдания имперских завоеваний, покорения Африки, Индии, Азии. В результате идеи Монтескье о мировом значении Европы были обращены на достижение целей, прямо противоположных тем, о которых помышлял сам философ.

И тем не менее, хотя Европа едва ли может претендовать сегодня на роль единственной «мастерской человечества», она была и остается генератором идей, которые обогащают все человечество, а не только страны, тесной группой расположившиеся в этом небольшом уголке земного шара. В Европе нет ни одной страны, которая не внесла бы своего вклада в культурное наследие всего чело-

вечества. И этот вклад становится все более примечательным, если проследить историю каждой страны и найти в каждом языке, в каждом народе присутствие особой культуры, единственной в своем роде для данного географического места и одновременно неотделимой от достижений континента в целом.

В этом есть своя историческая логика. История Европы — это история тесного переплетения судеб одних народов с судьбами других, одних культур — с другими. Мы всегда жили в объятиях друг у друга, и хотя история Европы была историей войн и национального соперничества, постоянно менявшихся союзов, она торжествовала не благодаря военным завоеваниям, а в результате своих уникальных культурных достижений. Европа сумела выжить за счет своей способности возрождаться из пепла разрушений. Реймский собор, великолепнейший шедевр средних веков, по-прежнему восхищает неподражаемой красотой. Он являет собой тонкий и непреходящий памятник мастерству ремесленников, строителей и инженеров, которые задумали и соорудили его. И почти ничто внешне не напоминает в наши дни о сотнях кровопролитных битв, которые разворачивались в Реймсе и вокруг него еще со времен Цезаря и вплоть до мая 1945 года, когда здесь капитулировал фашистский фельдмаршал Йодль. Культура в тех или иных ее формах всегда господствует над тленом.

И все же в Европе и даже в Англии, которая не знала вторжений с 1066 года, едва ли найдется деревня или город, где не было бы чего-либо будящего воспоминания о конфликтах, вспышках борьбы. Однако мысли об этой борьбе постепенно изглаживаются из нашей памяти потребностями повседневного существования. С Европой сегодня ассоциируется представление о людях, работающих в полях или на задымленных комбинатах, ее имя связано с преодолением разрушительных последствий войны и одновременно с имеющей всемирно-исторический смысл борьбой, которая все еще разделяет страны континента и будет разделять их впредь, пока европейские народы не создадут строй, при котором

удастся навечно избавиться от фундаментальных противоречий.

Нельзя не признать, что границы государств в Европе сложились сейчас, пожалуй, на самой реальной и разумной основе. Но никогда в истории ни одна граница не представляла собой четкой линии, наглухо отделяющей одну страну от другой или один народ от другого. Все мы знаем, как часто население пограничных районов смешивалось с «заграничным», а в случае Англии и Франции, разделенных Ла-Маншем, до сих пор дают знать о себе признаки древней галльской общности между юго-западной оконечностью Англии и приморскими районами Нормандии и Бретани. Разумеется, было бы заблуждением преувеличивать это смешение в культурном плане. Однако нигде в Европе нет такой национальной культуры, на которой не отразилось бы влияние соседей, в том числе и результаты их культурных «вторжений». Дело не в языке, хотя и языки тоже могут смешиваться. Речь скорее должна идти о перекрещивающихся колоссальных социальных движениях, которые ныне вновь нарастают во всех западноевропейских обществах. Несмотря на длительные периоды насилия, соперничества и угнетения, в конечном итоге сложилась общая европейская культура, порожденная социально-экономическими эпохами готики, Реформации, Возрождения, промышленной революции и т. д. Прочность национальных культур временами, хотя и не всегда, была результатом воздействия силы, которая не желала признавать государственных границ и глубоко проникала в различные культурные слои, не уничтожая при этом их национальной самобытности.

Национальная культура никогда не была «чистой». Она представляет собой продукт гораздо более широкого притока идей, нежели узкие пределы, ограниченные линией, которую мы называем государственной границей. Идея «чистой» национальной культуры, кстати сказать, всегда выдвигалась наихудшими и самыми опасными элементами европейских обществ. Понадобился Гитлер, чтобы предпринять попытку создать некую «чистую», арийскую культуру для немецкого наро-

да. А тем временем он столько разрушил, что погибшими оказались не только германские, но и мировые культурные ценности. Лишь благодаря победе советского народа, всех европейских народов над Гитлером удалось спасти и немецкую культуру от многолетнего периода тьмы и загнивания.

Культурный человек в любой европейской стране всегда стремится впитать в себя свою национальную культуру. Но, не довольствуясь этим, он неизменно устремляет свой взор и к лучшему из того, что предлагают ему другие. Шекспир принадлежит всей Европе и всему миру, так же как Бетховен или Толстой. Мы зависим друг от друга. Только неразумный или же безнадежно предубежденный человек может утверждать, что какая-то страна Европы обладает, дескать, более богатой культурой, чем другая.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ЭТА КУЛЬТУРА

В общих чертах я попытался обрисовать сложную взаимосвязь нашей общей культуры в ее местных проявлениях, не стремясь сваливать все в одну грудку. И делаю я это потому, что независимо от государственных границ и ограничений над европейской культурой в целом, прежде всего над культурными сокровищами в Западной Европе, сейчас нагисла новая угроза.

Мы в Англии уже знаем, что где-то в горах Уэльса или Корнуолла прорыта глубокая шахта, в которой, как утверждают, будут укрыты некоторые из наших величайших произведений искусства в случае ядерной войны. Больше того, подобные шахты и подземные укрытия должны, по идее, быть созданы по всей стране якобы для того, чтобы спасти наше культурное наследие от взрывных волн, огня, радиации и «бешенства вышедшей из-под контроля толпы», которая, по мнению оторванных от народа специалистов, сокрушит все и вся в поисках немногих оставшихся форм жизнеобеспечения.

Судя по сообщениям печати, аналогичные планы «спасения» произведений искусства разработаны во Франции, Западной Германии, Голландии,

Швеции и, возможно, Бельгии. Одновременно воздвигаются убежища, которые должны укрыть немногочисленные группы «элиты», якобы способные восстановить «правопорядок» после ядерного крушения и подчинить ему гибнущие остатки населения.

Это не циничные разглагольствования, а серьезный пересказ того, о чем действительно говорится в различных государственных документах, авторы которых озабочены в первую очередь тем, как им «выжить» в случае ядерной войны. Это вывод, вытекающий из официальных планов и документов. Один из аспектов такой пропагандистской подготовки — попытка убедить народы Западной Европы заранее смириться с немыслимым. Противоречия в этой ситуации совершенно очевидны, но они и типичны. Готовясь фактически к разрушению всего здравого в жизни народов, наши филистеры пытаются продемонстрировать свою «любовь» к культурным ценностям европейской цивилизации и роют шахты для «спасения» великих произведений искусства, которые они хотели бы унаследовать в мире, непригодном для жизни человека.

Есть что-то патологическое, самоубийственное в этой идее сохранения произведений искусства, даже если на европейской земле не останется людей, ради которых их только и нужно сохранять. В свое время эпоха Возрождения дала мощный импульс развитию науки и искусства. Ныне же буржуазия, судя по всему, рассуждает гораздо проще: после нас хоть потоп. В своих несбыточных расчетах на «выживание» в ядерной войне она уже готова ставить на карту будущее своего собственного общества, как если бы решила, что раз она не может выжить, то не должно выжить и ничто другое, во всяком случае, ничто живое и полезное.

Но произведения искусства и культурные ценности, которые мы унаследовали от ушедших поколений, принадлежат не буржуазии, и не ей укрывать их под землей или владеть ими. Подлинная суть Возрождения, которое заложило основы современной европейской культуры, никогда не сводилась к личному обладанию. Эпоха Возрождения

стимулировала взлет гуманистической культуры и вдохнула новые силы в великое идейное наследие античной классики. Новые научные открытия позволили мыслителям того времени освободиться от мертвенной теологии феодализма, отбросить пути схоластики. Практически каждый аспект жизни был подвержен изменениям благодаря новому пониманию природных явлений. И сама природа получила научное объяснение, которое открывало перспективы развитию науки, философии и искусства. Наша современная европейская жизнь всеми своими корнями уходит в особые типы рациональности, которые зародились в эпоху Возрождения, а в дальнейшем проявились во всех странах Европы.

«Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством,— писал Ф. Энгельс в «Диалектике природы»,— эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными»¹. Интеллектуальная целостность Возрождения в Европе была продуктом не военных походов, завоевателей или безумцев, а результатом деятельности художников, мыслителей, ученых, мастеровых и крестьян. Именно эта целостность вдохновила не только высокое искусство и широту научных открытий, но и революционные философские идеи, которые рождались в ту эпоху.

Эту целостность европейской мысли, искусства и науки было нелегко сохранить. Приходили времена, когда лучшие из европейских достижений использовались не на благие цели. С появлением капитализма такая судьба постигла и большинство достижений науки. Мы говорим об этом не для того, чтобы бросить тень на интеллектуальные достижения. Подобный ход событий был обусловлен безжалостной борьбой буржуазного строя за сохранение собственных позиций, а с появлением

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 346.

империализма — дракой одних монополистических монстров с другими.

Европейская культура не могла не сопротивляться своему разрушению в непрекращающейся борьбе между прогрессом и реакцией, между социальным сознанием и социальным обманом, между прошлым и неизбежным будущим. При этом выживание культурных ценностей нередко зависело в Западной Европе от того, в какой степени культура становилась достоянием народа и в какой — оставалась изолированной или используемой исключительно на потребу «элиты». Культурная и интеллектуальная жизнь той или иной страны всегда зависела от социальных условий и общего уровня образованности. Чем лучше социальные условия, шире охват населения образованием, тем культурнее данный народ. Войны и экономические кризисы неизменно отрицательно сказывались на социальных условиях в Европе, общий уровень образованности повышался или понижался в зависимости от периодов стабильности или депрессии.

В наши дни, как мне кажется, мы наблюдаем в западных странах тенденцию к становлению некоей формы капитализма, при которой, как полагают его вдохновители, он мог бы успешно и прибыльно функционировать в условиях, когда из сферы продуктивной занятости и образования можно было бы изъять четвертую часть трудящегося населения. Именно так обстоят дела в капиталистических странах сегодня. Капитализм ненавидит полную занятость, отсутствие безработицы. Он их не желает и не добивается. В средние века в некоторые периоды около 40 процентов молодых людей Англии были священниками только потому, что феодальное общество не нуждалось в активном трудовом населении. Им давали возможность существовать в качестве обнищавших паразитов на самой низкой ступени, так как общество только и могло содержать их на этом уровне. Это был период тьмы и невежества для всех народов, кроме «элиты». И именно на такую судьбу сейчас хотели бы обречь миллионы людей в Западной Европе.

Капитализм наших дней планирует избавиться от значительной части своего трудящегося

населения и, изолировав ее, превратить в невежественную, легко управляемую, не поддающуюся организации армию безработных, которые будут разве что не умирать, но в своем отчаянии могут стать материалом для нового фашизма. Такова, например, суть событий в сегодняшней Англии.

А что происходит тем временем с нашим культурным наследием? Мы в Англии имели «Закон о бедных» 1834 года, который относил «бедняков» к категории преступников. На положении «бедняков» оказывались люди, которых промышленная революция не могла или не желала продуктивно использовать. Многие были осуждены как преступники и отправлены для заселения Австралии. Мы не знаем, что произойдет с нашими современными бедняками — тремя миллионами безработных. Но у них в любом случае очень немного шансов духовно обогатиться от общения с великими произведениями искусства и культурой нашего общества.

В книге «Положение рабочего класса в Англии» Энгельс отмечал, что английскому пролетариату удалось добиться возможности самостоятельного образования и что социалисты совершили подлинное чудо, когда перевели для английских трудящихся лучшие произведения французских философов. Их поэтами, писал Энгельс, были Байрон и Шелли. Эта оценка, данная Ф. Энгельсом, относится к 1844 году. В наши дни мы не имеем ничего

СОБЫТИЯ ФАКТЫ СУЖДЕНИЯ

«В США на самом высоком уровне за все времена находятся самоубийства среди подростков, жестокие преступления, наркомания и алкоголизм. Ремонт в результате вандализма в школах, сообщает одна из подкомиссий сената, обходится налогоплательщикам в 600 млн. долларов ежегодно. На учителей совершается каждый год 70 тысяч нападений».

Дж. Джонсон, американский публицист, 1977

похожего на быстрое распространение недорогой и хорошей литературы среди трудящихся, которое в свое время было частью борьбы против наихудших аспектов существовавшей социальной системы. Наш рабочий класс сегодня, наоборот, стремятся отделить от лучших произведений искусства. Его лишают возможности приобщения к высокой литературе, и лишь очень немногие хорошие книги находят путь в дома трудящихся. Наша система библиотек широко используется представителями трудящихся, но экономическая политика правительства консерваторов ведет сейчас и к ее развалу.

Реальная проблема — это низкий уровень народного образования. Ребенок из средней рабочей семьи имеет очень мало возможностей получить хорошее образование или поступить в университет, и поэтому общий уровень образованности в Англии быстро падает. В первые девять месяцев 1981 года в школах Англии и Уэльса было продано на четыре миллиона книг меньше, чем в предыдущем году. Сейчас 40 процентов всех английских школьников бросает учебу в 16-летнем возрасте и не получает больше никакого образования или профессиональной подготовки. В 1981 году потеряло работу три тысячи университетских преподавателей, такая же участь ждет многих других и в наступившем году. Наше общество отнюдь не то, где добиваются сохранения культурного наследия. Невозможность получить образование — лишь одна из форм отлучения от культуры, поскольку очень сомнительно, чтобы миллионы наших полуобразованных безработных молодых людей, полностью отрезанных от участия в культурной жизни, смогли воспользоваться плодами интеллектуальной жизни страны, не говоря уже об участии в ней. Они, по сути дела, приговорены к культурной смерти.

Даже наша система высшей школы подвергнута опустошению сокращением расходов и всевозможными ограничениями, естественно, не для богатых, а для тех, кто не сдается и в конце концов добивается для себя места в университете. От учебы будут вынуждены отказаться десятки тысяч молодых людей. Правительство, стоящее сейчас у власти в Англии, спокойно заявляет, что страна не

может себе позволить дать образование всей своей молодежи. Расходы на образование подменяются огромными и все растущими затратами на вооружение, а это, в свою очередь, ведет к тому, что вместо озабоченности судьбами мира поощряются чуждые подлинной культуре рассуждения на темы войны, поощряется не приобщение к культуре, а скатывание в трясину насилия.

УГРОЗА ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Чем больше простых людей любой западноевропейской страны отстраняют от культуры, тем более серьезной становится угроза ее коммерческой вульгаризации. В свою очередь, это ведет и к обострению угрозы войны. Старые и почти традиционные формы вульгаризации культуры остались, они являются неотъемлемой чертой существующего строя. Превращение культуры в товар было одним из первых проявлений нравственного падения капитализма. Но сейчас это положение возведено, во всяком случае в Англии, в ранг правительственной политики. Правительство консерваторов приняло решение о том, что все национальные памятники страны, начиная со знаменитого лондонского Тауэра и кончая доисторическими колоннами Стоунхенджа, должны быть переданы частным предпринимателям для их использования с целью получения прибыли. Тем самым национальное достояние Англии фактически передается на распродажу дельцам, и они занимаются ею, вполне естественно, без малейших угрызений совести.

Значительная часть величайших произведений западноевропейского искусства, как известно, находится и всегда была в частных руках, их все чаще и чаще продают и покупают, подобно, скажем, мылу. Или, если использовать более современную терминологию, их продают и покупают, подобно акциям и ценным бумагам, потому что произведения искусства представляют собой не только товар, но и выгодное капиталовложение. Если картину Пуссена, например, можно купить сегодня за миллион долларов, нет никакого сомнения, что через не-

сколько лет она будет стоить два миллиона. Произведения искусства для сильных нашего мира — это то же, что вклад в банке.

Но товаром в Западной Европе стало не только наследие высокого искусства. В товар превращен и другой продукт интеллекта, столь важный для выживания западноевропейской культуры. Речь идет о технике, которая стала наиболее доходной составной частью капиталистической системы производства. В результате наши профессора и научные сотрудники учебных заведений вынуждены все больше и больше приспособливаться к опасной системе, нуждающейся для своего выживания в их поддержке. Наши университеты полны слабонервных апологетов того самого строя, который в конечном итоге им же и угрожает. Ученым грозит опасность превратиться в блестящие ничтожества в тот момент, когда их открытия и изобретения начинают использоваться в недостойных целях. Западноевропейских интеллектуалов усиленно убеждают держаться в стороне от политических сфер, которые решают, как использовать плоды научных усилий. Ответственность за подчас опасные для будущего народов открытия ученых на них как бы больше не лежит. «Мы об этом позаботимся сами», — заявляют им люди, которым не следовало бы доверять даже перочинного ножа.

К счастью, многие из наших научных работников и преподавателей, наших философов не занимают ту покорную позицию, к которой их усиленно подталкивают. Содержание научных и философских журналов красноречиво доказывает, что многие из ученых умов верят в нечто большее, нежели примитивная вульгаризация их интеллекта и использование плодов их научной работы во вред человечеству. Беда в том, что буржуазное общество стремится изолировать таких людей, превращая их в беспомощных или покорных индивидуумов. Но это далеко не всегда получается. Люди, во что бы ни пытались их превращать, руководствуются подчас ценностями, нередко возвышающимися над их собственным политическим кредо. Поэтому мы действительно имеем богатейшее культурное наследие в университетах и научных

учреждениях. Угрозу для него создают, однако, не только филистеры, которые хотели бы закопать поглубже в землю культурные сокровища Европы, но и культурное обнищание рядовой человеческой личности, характерное для нынешнего этапа развития капитализма.

Антикультура в наши дни начинается с изоляции, деморализации и коммерциализации личности, то есть процесса, по своим последствиям прямо противоположного тем, которые принесла человечеству эпоха Возрождения. В «Героях дела в раздумье» Луначарский писал об эпохе, пришедшей на смену эпохе Возрождения: «Индивид проявил себя, по крайней мере на вершине общественной лестницы, во всей силе,— и он ценил себя, и чувствовал, что, творя историю, надолго переживет себя». В одном популярном справочнике говорится, что эпоха Возрождения «ознаменовалась подъемом индивидуализма, новой свободой мысли и поведения, влиянием личности на каждый аспект человеческой жизни, начиная от моды в одежде и кончая попытками угадать суть этого и трансцендентального мирсв. Для того времени был характерен острый интерес ко всему, что окружало человека».

В наши дни личность в буржуазном обществе всячески побуждают видеть в себе человека наедине с собственной судьбой, человека в экзистенциалистском понимании, затерявшегося в хаосе окружающей среды, человека, которого убеждают искать собственное спасение лишь в самом себе. Буржуазия превратила личность в прямую противоположность тому, чем человека сделала эпоха Возрождения. И в результате вместо высвобождения своих способностей он превращается в пленника окружающей его среды. Человек уже сомневается в своей собственной ценности (в социальном и историческом плане), он уже оторван от всего остального человечества.

Таковы условия, с которыми в наши дни приходится сталкиваться личности в Западной Европе, которым ей приходится противиться и с которыми она вынуждена бороться, хотя многие часто и не осознают источника своих проблем или их политической подоплеки. В то же время на положении

самых незащищенных жертв оказалась масса населения, с самого начала оторванная от культуры. Насилие, скандалы, пессимизм, цинизм, жестокость, порнография, прямой политический обман ежедневно обрушиваются на них со страниц так называемой «популярной» печати в каждой из стран Западной Европы. И английская пресса с ее массовыми тиражами в этом отношении, несомненно, опустилась особенно низко. На экранах наших телевизоров рядовой англичанин может видеть лишь убийства, картины жестокости, насилие, которое вершит сама полиция, неправдоподобные шпионские истории, грубый секс и идиотские комедии. Если на телевидении показывают программы более высокого сорта, то их откровенно предназначают для тех, кто стоит над широкими массами, обреченными впитывать в себя всевозможный хлам. С тем же основанием это можно сказать и о кинофильмах, книгах, произведениях искусства, музыке и театре. По большей части так называемая «популярная» культура сводится к самому низкому знаменателю. Ее творцы, судя по всему, стремятся внушить людям, что их природе глубоко свойственны насильственные побуждения, что они глупы и недостойны того, чтобы о них проявляли заботу на вершине политической власти. Или, в лучшем случае, что они представляют собой не более чем клоунов в грандиозном цирке, подменяющем реальную жизнь и реальную драму.

Сопrotивление широких масс так называемой «массовой культуре» не так легко выразить или организовать. Общество, которое пичкает широкие народные массы культурными отбросами, жестко контролирует все аспекты распространения культуры и информации. Иными словами, рабочий человек может выключить телевизор и не смотреть программу, которая ему не нравится, или отбросить газету, которая ему не по душе. Однако это очень слабо отразится на могуществе средств массовой информации. Если буржуазия достаточно образована, чтобы пользоваться благами нашего великого европейского культурного наследия, то уровень образования рабочего класса в некоторых западноевропейских странах наглядно демонстрирует

удаленность трудящихся от общекультурных вопросов. Чтобы рабочий человек получил возможность приобщиться к высокой культуре, он не только должен преодолеть ограниченность полученного им образования, но и каким-то образом перешагнуть сложный социальный барьер.

ЧУЖАК У НАШЕГО ПОРОГА

В одной из недавних статей английская «Гардиан» писала, что в наши дни «молодежь впитывает в себя все то, что ассоциируется с Голливудом и Нью-Йорком, так же естественно, как воздух». Дело в том, что значительная часть развлекательных материалов и программ Лондонского телевидения поступает из Соединенных Штатов, и в них скрыты источники немалого идейного влияния, хотя в Великобритании этого подчас не осознают. Конечно же, отнюдь не все проявления американского влияния на европейскую культуру были неблагоприятными. Наоборот, Европа извлекла для себя немало полезного из знакомства с лучшими образцами американской культуры. Но и в самих Соединенных Штатах сейчас существует та же проблема, с которой сталкиваемся мы в Западной Европе. В Америке лучшие представители ее культуры тоже ведут непрерывную и тяжелую борьбу за спасение великого наследия американской культуры, в ней участвуют те же самые силы, что и в европейских капиталистических странах, существуют те же проблемы. Те же люди имеют привилегию пользоваться благами культуры и те же массы, что и у нас, практически изолированы от них.

В статье, которую опубликовала «Гардиан», говорится, что «теплота братских объятий (между Соединенными Штатами и Англией.— Дж. О.) порождает свои собственные иллюзии. Даже культурные люди, судя по всему, попадают на этот крючок». И газета далее пишет, что американские материалы, которые появляются на экранах телевизоров, подобны «голосу с другой планеты... В условиях меняющегося мира это различие имеет решающее значение. У нас может быть общее

наследие, мы говорим на одном языке и имеем схожие черты характера, что помогает правильно судить о нас; мы можем по большей части упиваться этим общим опытом; но если заглянуть в глубь структуры наших обществ, мы далеко не одно и то же».

Почти каждый день Западная Европа, оглядываясь на свое прошлое и видя свое настоящее, убеждается, что она отличается от Соединенных Штатов. Тем не менее культура каждой западноевропейской страны все глубже пропитывается американским влиянием, и это вторжение извне зачастую сказывается на ней отрицательно. Если лучшее из Соединенных Штатов достигает нас в ограниченных количествах, то не следует забывать, что гораздо чаще к нам попадает худшее, и именно это худшее создает реальную проблему. Этот процесс имеет давнюю историю, и тем не менее все еще часто задаются вопросом, почему дешевая американская массовая культура сумела так глубоко проникнуть в западноевропейскую жизнь. Ответ на этот вопрос, вероятно, достаточно прост. Ее производство в Америке поставлено на массовую основу и весьма прибыльно, и Америка в состоянии не только оставить любую западноевропейскую страну далеко позади по объему такого производства, но и сбывать эту макулатуру практически сразу же, как только она появляется на свет. Иными словами, Америка имеет колоссальные финансовые ресурсы для организации производства настоящих гор поделок этой псевдокультуры и наводнения ими любого рынка в Западной Европе.

Часто довольно трудно с определенностью сказать, какие последствия сложившееся положение имеет для нашей национальной культуры, так как импорт американских идей ставит проблемы не только культуры, но и политического влияния и военного присутствия — подчас все эти источники влияния становятся неотделимыми друг от друга. История Западной Европы после второй мировой войны столь существенно определялась американским влиянием, что в дни «холодной войны» она покорно подчинялась малейшим прихотям американской

политики, направленной против Советского Союза, независимо от того, какие правительства стояли у власти.

Вплоть до наступления «холодной войны» традиционный культурный обмен между Америкой и Европой обычно бывал очень плодотворным. Но «холодная война» превратила Америку в могилу культуры, что определенным образом отразилось и на Западной Европе. К тому же американское политическое вмешательство в западноевропейские дела носило абсолютно односторонний характер. Хозяин отдавал приказания лакею. Американский журнал «Рэмпартс» сообщал (и позже это было подтверждено), что американцы регулярно предоставляли денежные суммы английскому Национальному союзу студентов и по меньшей мере одному из наших знаменитых «интеллектуальных» журналов. Подобные «пособия» выплачивались многим другим организациям и печатным изданиям в Западной Европе, а в ответ на это требовали распространить на Европу маккартистскую «охоту на ведьм». В общем, можно сказать, что американцы получали за свои деньги то хотели. Психология «холодной войны» причинила страшный ущерб культурной жизни в Западной Европе, хотя это и приняло иную форму, чем в самой Америке.

Недавняя статья Р. Рауда в «Гардиан» о периоде «холодной войны» в Западной Европе начиналась словами: «Небольшая группа неортодоксальных искусствоведов в Италии и Франции выдвинула теорию, по которой американский культурный империализм одурачил нас в 60-е годы и заставил поверить, будто абстрактное экспрессионистское направление в живописи тех дней представляло собой важное течение в современном искусстве». Эта группа, писал Рауд, дает недвусмысленно понять, что данная операция финансировалась американскими деньгами, в том числе и из бюджета ЦРУ. Рауд не соглашается с этой точкой зрения, но тем не менее пересказывает все более широко распространяющееся убеждение относительно американского влияния на западноевропейскую культуру в период «холодной войны». ЦРУ затратило миллионы долларов на финансирование своих попыток

повлиять на интеллигенцию и деятелей искусства Западной Европы, стремясь убедить европейскую интеллигенцию или настолько запугать ее, чтобы заставить смириться с американскими представлениями о положении дел в мире, сводившимися к го-лой ненависти в отношении Советского Союза.

Сегодня дело обстоит несколько иначе. Американское влияние все еще остается, но оно приняло более тонкие и гораздо более «убедительные» формы, чем в 60-х годах, сохраняя, однако, свою хищническую, торгашескую и вульгарную направленность. В настоящий момент в сфере культурного экспорта в Западную Европу американцы поставляют нам прежде всего собственные образцы жестокости и насилия. Из вечера в вечер на экранах телевизоров нас приобщают к американской преступности, убийствам, наркомании, грубому сексу и лицемерной склонности среднего класса сетовать на свою судьбу. Когда «Гардиан» пишет о влиянии Голливуда и Нью-Йорка на молодежь, речь идет об аморальном и насквозь погрязшем в сексе Голливуде и о разгуле насилия, царстве жестокости в Нью-Йорке. В первые девять месяцев 1981 года в Нью-Йорке было официально зарегистрировано тысяча сто убийств и семьдесят тысяч уличных грабежей, и каждый вечер все это нам показывают по телевидению. Типичным примером может служить американский детективный сериал «Старски и Хатч» — о двух нью-йоркских полицейских, которые расхаживают в джинсах, потрепанных куртках и теннисных туфлях, производя весьма неопрятное и неряшливое впечатление. В каждой передаче программы, которую нам еженедельно показывают уже на протяжении многих лет, Старски и Хатч неизменно прибегают к насилию, выполняя свои полицейские функции, что всегда имеет в Америке один и тот же конец — появляются крупнокалиберные, смертоносные автоматические пистолеты, ибо за океаном таков единственный способ разрешения всех конфликтов.

Есть и английская программа, которая очень похожа на американскую передачу о Старски и Хатче, именуемая «Профессионалы». Вместо полицейских в неряшливой гражданской одежде,

разыскивающих преступников, «герои» нашей программы каждую неделю ловят шпионов, потому что английский истеблишмент одержим шпиономанией. Однако и в этой программе перед нашими глазами предстает все то же безжалостное насилие, подчас даже худшее: угрюмые, мрачные, грубые, порою звереющие образы «наших защитников» производят настолько устрашающее впечатление, что, если бы они действительно существовали в жизни, их следовало бы поскорее посадить под замок, чтобы оградить нас от их насилия.

Если подумать, для чего все это делается, то нужно сделать вывод, что таким путем стремятся убедить людей смириться с поразительной склонностью к насилию и преступности в американском образе жизни, воспринимать их как приемлемую сторону человеческого существования, будь то в американском или западноевропейском капиталистическом обществе. А вслед за этим нам преподносят представление об американской жизни как о высшем совершенстве, якобы достойном всяческого подражания. Американская телевизионная «модель» образа жизни шаг за шагом переключивает

**СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
СУЖДЕНИЯ**

«Один из существенных моментов «массового искусства» состоит в том, что определенные вопросы считается неуместным рассматривать или даже затрагивать. К ним относятся в основном следующие: классовая борьба и рабочее движение, всякая критика существующего порядка или власти, все, что ведет к религиозным сомнениям или оппозиции церкви. Уход от подобных тем означает, очевидно, молчаливое принятие существующих условий. Что касается позитивной пропаганды, то она... не идет дальше слабых заверений о том, что этот мир есть лучший из всех возможных миров».

А. Хаузер, американский культуролог

и в западноевропейскую среду, поскольку нашу молодежь все больше и больше приобщают не только к культуре преступности, но и к своеобразным религиозным культам, зародившимся и финансируемым в Америке, которые предлагают нравственное обоснование подобного разгула насилия. Речь, однако, идет уже не о телевизионном, а о вполне осязаемом, материальном экспорте в виде прибывающих из Соединенных Штатов реальных носителей доморощенного религиозного умопомешательства, характерного ныне для американской мелкобуржуазной среды.

Американские религиозные секты ставят своей целью превратить наших юношей и девушек в подражателей образцам «идеального» американского молодого человека — фанатичной, невежественной, безжалостной, но вполне способной позаботиться о себе одномерной личности, мировоззрение которой покоится на примитивном маккартизме, то есть насквозь проникнуто глубокой ненавистью к Советскому Союзу, коммунизму, социализму, либерализму, науке и даже к обычным великодушным поступкам в нашей повседневной жизни. Эти религиозные организации сказочно богаты, поскольку, как правило, пользуются поддержкой миллионеров. Они уже имеют немалое влияние в американской политической жизни и пытаются ныне распространить его и на Западную Европу. Одна из этих сект была создана южнокорейским предпринимателем Нан Муном, специализирующимся на производстве оружия. Перед своими почитателями он предстает в облике некоего «святого антикоммуниста», которому, однако, в светской жизни принадлежит ежедневная газета в Нью-Йорке. Сегодня Нан Мун имеет несколько миллионов последователей в разных странах, главным образом в Соединенных Штатах. Мы видим его юных американских адептов на наших лондонских улицах — аккуратненьких, идеально одетых американцев, всем своим видом как бы призывающих присоединиться к религиозной кампании против коммунизма, с которым в их представлении отождествляется все, что хотя бы наводит на мысль о «либеральных» убеждениях, гуманизме, терпимом отношении к идеям. Члены

этой секты, как и участники других, ей подобных, — таких сект насчитывается с полдюжины — исповедуют общую «политическую религию» ненависти к Советскому Союзу и всему прогрессивному, не гнушаясь при этом старым оружием церковников, а именно — обвиняя в «подрывной деятельности» каждого, кто осмеливается усомниться в обоснованности ветхозаветной истории сотворения нашего мира из ничего.

В более долгосрочной перспективе сопротивление европейцев этим новым, можно сказать, экзотическим источникам влияния, которые несут с собой отрицание гуманистического наследия европейской культуры, будет зависеть от нашего собственного европейского здравомыслия. Однако и этого нас хотят лишиться. Когда в недалеком будущем появится трансатлантическая система постоянной космической телевизионной связи с использованием спутников Земли, встанет вопрос о начале нового этапа американского вторжения в нашу культуру, ибо американские телевизионные станции получат возможность без ретрансляции передавать любые пропагандистские материалы непосредственно в дом каждого жителя Западной Европы, имеющего телевизионный приемник. Одна из первых задач американского челночного космического корабля, о котором ведется столь много разговоров, как раз и будет заключаться в выводе на орбиту американских телевизионных спутников, принадлежащих частным монополиям, хозяева которых будут транслировать все, что пожелают.

Соединенные Штаты уже готовятся использовать эту систему для распространения своего культурного суррогата и пропаганды в других странах. При этом ставится цель максимально глубоко проникнуть в умы и сознание европейцев. У нас американские планы кое-кого уже по-серьезному беспокоят. «Санди таймс» недавно писала, что «перспектива затопления Европы продукцией транснациональных телевизионных корпораций начинает пугать власти». И тем не менее эта новая потенциальная возможность американского проникновения в Европу основывается на единстве классовых устремлений реакции в Соединенных Штатах и Западной

Европе. Если американский экспорт опасного религиозного умопомешательства и культа насилия пробьет себе новый путь, чтобы окончательно затопить западноевропейский рынок, это произойдет потому, что идеологический «товар» из-за океана будет приветствоваться здешними духовными «братьями» американских воротил, такими же филистерами, как и они, собирающимися поглубже укрыть под землей наше культурное наследие.

ГДЕ СОПРИКАСАЮТСЯ ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА

Политика отлучения западноевропейских стран от культуры, которую при попустительстве монополистической верхушки в западной части нашего континента проводит американский капитализм, сегодня уже не довольствуется сферой социального воздействия. Она идет дальше, угрожая катастрофой ядерной войны. Именно в этом заключается ныне наиболее грозная опасность для европейской культуры. Вера нынешних правителей Соединенных Штатов в возможность одержать верх в «ограниченной» ядерной войне в Европе, создание ими нейтронной бомбы, планы размещения крылатых ракет на европейской земле — все это создает самую большую угрозу не только для европейской культуры, но для самой жизни на континенте.

Цинизм, с которым в Вашингтоне говорят об «ограниченной» войне, которую, дескать, удастся отвести от Соединенных Штатов, воспринимается в Европе прежде всего как свидетельство абсолютного пренебрежения к коренным жизненным интересам западноевропейских народов. В то же время в нем видят яркое проявление полного отсутствия в правящих кругах Америки какого-либо понимания значения многовековой истории европейской цивилизации, всей европейской культуры для мирового развития. Таков логический финал антикультурной политики монополистического капитала.

В самом деле, можно ли считать культурными людей, которые не исключают возможного разрушения Европы ради своей воображаемой безопасности?

Или же они одержимы лишь слепым стремлением навязать всем нам пораженную культом насилия, опасную и подчас безумную социальную систему, независимо от того, скольких бы жизней это ни стоило, каких бы потерь общечеловеческой культуре это ни принесло? И что мы должны думать о тех западноевропейских государственных деятелях, которые проявляют готовность принести миллионы жизней своих граждан в жертву чуждой политике, угрожающей их же уничтожением? Можно ли их называть культурными людьми? Может быть, их было бы правильнее считать ядерными филистерами, которые готовы поставить на карту судьбу целого континента, чтобы помочь опасному союзнику выполнять роль мирового жандарма, даже если это грозит опасностью всеобщего уничтожения?

Западноевропейские народы с каждым днем все лучше осознают выбор, перед которым они поставлены. Грандиозные манифестации сторонников мира в Бонне, Амстердаме, Париже, Риме, Лондоне, Мадриде, Афинах выражают не только решимость все большего числа людей отстоять мир, но и показывают их готовность бороться за сохранение достижений цивилизации, за то, чтобы окончательно избавить человека от невежества, насилия, эксплуатации. Сегодня люди, проходящие по улицам наших городов, протестуя против дальнейшего наращивания ядерных арсеналов, представляют лучшие силы в Западной Европе, и необходимо сказать, что и по ту сторону Атлантики разворачивается аналогичная борьба, хотя американцам это отнюдь не легко делать. Они подвергаются колоссальному и самому грубому нажиму. Им приходится нащупывать путь через густой лес насилия и искусственно раздуваемой ненависти. И прежде всего им нужно подняться над моральным кредо безнравственности, которое отождествляет лояльность с отвержением почти всего того, за что боролся и борется каждый культурный человек как в Западной Европе, так и в США.

В 1901 году известный американский публицист и критик Э. Хаббард после посещения Европы писал в журнале «Филлистайн»: «Единственные вра-

ги, угрожающие Америке,— это ее внутренние враги: невежество, предрассудки и некомпетентность». Сегодня вряд ли можно обвинить Соединенные Штаты в некомпетентности, но невежество и предрассудки остаются врагами Америки. Коль скоро Европа все еще склонна рассматривать себя как «мастерскую человечества», то ей придется помогать ее американским друзьям избавиться от этих опасных недостатков. Если ей суждено спастись от ядерной катастрофы, навлекаемой невежественными и полными предрассудков людьми, то действовать надо незамедлительно.

Лондон

Перевод с английского М. Эндера

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТЫ «ДЕЙЛИ УОРЛД»

Сборник заканчивается публикацией нескольких статей из газеты американских коммунистов «Дейли уорлд».

Они не претендуют на полноту обзора всех тенденций и направлений, существующих в американской культуре, ограничены временем — все они были напечатаны в 1983 году.

Статьи касаются различных сторон американской культуры, но объединены стремлением показать, на примере отдельных книг, телепередач, кинофильмов, каким образом американский правящий класс использует литературу, кино для того, чтобы исказить историю, отвлечь население страны от подлинных проблем, существующих в американском обществе, отравить его антисоветизмом, расизмом.

Лет десять — пятнадцать тому назад, пишет О. Олсон в статье «Клевета под видом литературы», ни одно порядочное издательство не взялось бы издать такую стряпню, как антисоветский роман «Монимбо». Теперь времена меняются. Оголтелый антисоветизм американской администрации требует от издателей отбросить все рамки и условности. В результате — выход в свет клеветнического опуса, сопровождаемого широкой рекламой. «Случайно ли, — спрашивает автор статьи, — что книга вышла тогда, когда американский флот угрожает Никарагуа прямым вторжением?» Когда писалась эта статья, республика Гренада еще жила своей жизнью. Но за это время американские войска вторглись в Гренаду, неся смерть и разрушение. И все под тем же лживым предлогом, который проходит основной нитью в «Монимбо»!

Несколько лет назад на телеэкранах США состоялся показ фильмов цикла «Неизвестная война»¹.

¹ Под этим названием в США демонстрировался фильм «Великая Отечественная».

Американцы впервые открыли для себя героизм советского народа в годы Великой Отечественной войны. Новые вейния в Белом доме направлены к тому, чтобы выветрить это «опасное» воспоминание из памяти народа. И на просторы телеэкрана с шумной рекламой выходит боевик «Ветры войны».

Фильм начинается с того периода, когда фашизм уже захватил Эфиопию, Австрию, Рейнскую область, Чехословакию, Испанию. И хотя герои картины находятся в центре событий, их не волнует драматическая судьба всех этих государств. Вместо этого авторы снова и снова прибегают к клевете против внешней политики Советского Союза в тот период, беззастенчиво искажая или игнорируя исторические факты.

Как пишет А. Риццо, телевизионная серия «Ветры войны» напоминает работу подростка, который хочет втиснуть в сценарий тексты из учебника, независимо от реального хода истории. Учебника, добавим, крайне тенденциозного.

Понимание всего кошмара ядерной катастрофы охватывает все большее число людей. Миллионы демонстрантов выходят на улицы американских, европейских, азиатских, африканских городов, чтобы выразить свой протест против опасного курса наращивания вооружений. Америку потряс фильм «На следующий день», который показал американцам реальность угрозы и для Американского континента. Отрицать угрозу уже не может никто.

И американская пропагандистская машина стремится, так сказать, переложить с больной головы на здоровую ответственность за этот опасный для дела мира курс. Примером служит фильм «Нет — первому использованию». В нем тоже показаны последствия атомных взрывов. Но основная мысль фильма заключена в том, что американцы будто бы хотят применить атомное оружие лишь в случае нападения, вторжения Советского Союза в Западную Европу обычными вооруженными силами. И снова подтасовка цифр, фактов, концепций.

Американские идеологи постоянно твердят о «свободах» и «равенстве» буржуазного общества, обходя стороной такую неотъемлемую его часть; как расизм. В нескольких статьях авторы газеты

показывают, в каких подчас изощренных формах проявляется расистская политика в культуре.

Конечно, можно создать видимость равноправия путем найма в аппарат Белого дома одного-двух представителей национальных меньшинств США либо предоставления им небольшой роли в популярном телевизионном фильме. Однако основная масса кино- и телепродукции не показывает жизнь этой весьма значительной части населения страны, полна насмешек над национальными чертами и традициями.

Что же касается художественного уровня основной американской телепродукции, то его можно охарактеризовать заголовком статьи Р. Тайсона «Оскорбление интеллекта». Статья — о так называемых «фильмах ужасов», но термин можно отнести и к той массе послеобеденных телевизионных сериалов, которые получили название «мыльные оперы».

Эти передачи дешевы, но они приносят миллиарды долларов доходов от рекламы. За всеми перипетиями «житейских» историй, их штампами и стандартами четко проходит основная мысль — надо жить сегодняшним днем, обогащаться и, конечно, ни в коей мере не винить в своих проблемах существующий в Америке строй.

Знакомые интонации, которые еще раз подчеркивают всю несостоятельность широко рекламируемых на Западе концепций об «абсолютной свободе» творчества.

Роуз Рубин Ривера

МИР ПОСЛЕОБЕДЕННЫХ ТЕЛЕСЕРИАЛОВ

Эрика не знает, что ее двоюродная сестра Сильвер сказала Кенту, что Эрика перестала принимать противозачаточные пилюли. Кент знает все, но, вместо того чтобы упрекнуть Эрику, он решает назвать ее именем целый ряд предметов косметики. «Конечно, Эрика,— говорит Кент,— это означает для тебя месяцы напряженной работы. У тебя будут публичные выступления, реклама. Ты этого действительно хочешь?» — «Конечно! — восклицает

Эрика.— Это всегда было моей большой мечтой». Ведь теперь коллекция под именем «Эрика» становится реальностью! Выйдя из конторы Кента, Эрика спешит к доктору, чтобы убедиться, что она не беременна от Кента.

Теперь вам придется завтра подключиться снова к эпизоду из передачи «Все мои дети», чтобы узнать, что же сказал доктор.

Это — одна из многих дилемм, с которыми встречаются персонажи дневного телевидения, которое привлекает годами миллионы верных болельщиков, включая меня.

Когда я начал писать эту статью, то спросил самого себя: «Что же заставляет людей так любить эти сериалы?..»

Некоторые говорили, что они включают телевизор, когда занимаются дома по хозяйству.

Многие мужчины, несколько смущенные из-за признания, что они поклонники этих телесериалов, заявили, что в это время больше смотреть нечего.

Другие прямо говорили, что отождествляют себя с тем или иным персонажем. Несколько работающих женщин признались, что они начали смотреть сериалы в период беременности, а затем втянулись.

Что-то же должно быть в этих передачах, которые удерживают в среднем 5,6 млн. человек около телевизора каждый день с понедельника до пятницы.

Действие происходит обычно в маленьком городе или микрорайоне большого города. В основе его лежат реальные вещи. Люди на экране рождаются, идут в школу, болеют, работают, женятся, рожают детей и умирают.

Но они вовлечены и в мир фантазии. Они так часто падают в обморок, что меня поражает, как это они не забывают своих ролей.

Обычна и история, как бедняк становится богачом. И конечно, каждый поклонник сериала знает, что никогда не надо верить тому, что герой умер, пока на экране не покажут гроб. Иначе мертвый быстро воскресает, и его играет новый актер.

Недавно в моду стали входить сумасшедшие ученые и сверхъестественные существа. Газета

«Уолл-стрит джорнел» объяснила, что телекомпания вводит эти персонажи как средство привлечь взрослых и подростков, которые сидят днем дома, ввиду возросшего уровня безработицы.

Вице-президент компании Эй-би-си Д. Райдер так ответил, почему они хотят привлечь подростков «Дети тоже покупают зубную пасту и шампунь». И кроме того, он заметил, что надо их привлекать к этим передачам, «когда они молоды. Есть надежда, что их приверженность сохранится с годами. Молодые зрители — это хорошее вложение капитала».

Эти передачи дешевы, но рекламные компании тратят огромные средства на рекламу во время их показа, потому что уверены в большой аудитории.

В 1980 году три национальных телекомпании от рекламы в дневное время получили более 1,1 млрд. долларов. Половину доходов фирма Эй-би-си имела от сериалов.

В каждой передаче есть «плохие» и «хорошие». Зрители поддерживают хороших и осуждают плохих, советуют персонажам, что надо делать, болеют за влюбленных, помогая им преодолеть силы, которые хотят их разлучить.

Некоторые даже плачут во время свадьбы.

Чтобы завлечь широкую аудиторию, в сериале есть представители нескольких поколений. Должна быть хотя бы одна пара старше шестидесяти лет, несколько персонажей под сорок, кто-то двадцатилетний и несколько подростков.

Главное в сюжете сериала — это обман. История становится интересной, когда кто-то не знает чего-то, что очень важно для его процветания.

Например, героиня одной из передач не знает, что ее нынешний муж бесплоден, а ее ребенок был зачат во время свидания с ее бывшим мужем. Она называет ребенка по имени нынешней симпатии и не может понять, почему он не проявляет интереса к ней и к ребенку.

Обманывают и хорошие и плохие. Но хорошие пытаются защитить кого-то, не говоря ему правды, а плохие делают это во имя своих собственных целей.

Как вы уже догадались, беременность — это очень важный фактор в жизни персонажей сериала.

Женщине становится дурно — это первый признак. Затем — роковое посещение единственного гинеколога в городе, уже само упоминание имени врача служит ключом для догадки.

Следующий вопрос — кто отец? Для того, чтобы дать ответ, иногда требуются годы.

Для сюжета важна беременность, но не дети. Большое количество детей может провалить передачу, потому что они ограничивают возможности персонажей жениться, разводиться, иметь интрижки, терять память и т. д.

Чтобы избежать этой проблемы, сериалы говорят чаще о выкидышах или мертворожденных. Если же дети все-таки рождаются, то авторы стремятся их убить, как только они перестают быть предметом спора для трех или более взрослых.

Те немногие счастливицы, которым удается дожить до двух лет, начинают расти со сказочной быстротой.

Вы еще с ними не познакомились, а они уже ходят в школу, и взрослые лишь время от времени упоминают о них в разговорах. Затем они уже подростки и снова становятся источником конфликта взрослых. А вскоре они заводят собственные романы.

Чтобы зритель, который не все время смотрит передачи, был в курсе дела, действие разворачивается крайне медленно. Можно смотреть «свою» передачу раз в месяц и все-таки знать, что там происходит. Если произошло что-то интересное, то все это время об этом будут говорить. Авторы покажут вам сцены, в которых второстепенные персонажи перескажут соседям основные события месяца.

Тема незаконного секса тоже составная часть передачи. Но и здесь у «хороших» и «плохих» разные мотивы.

«Хорошие» заводят любовные интриги по следующим причинам: а) они женаты (замужем) на плохом человеке, который обращается с ними плохо, и они влюбляются в других; б) их застигли в минуту слабости или отчаяния; в) снежная буря застигла их в пещере, и им кажется, что смерть неминуема.

Другой фактор, по которому «плохие» отличаются от «хороших», — это чувство вины. У «хороших» оно всегда присутствует.

«Плохие» заводят романы: а) с целью жениться (выйти замуж) на богатой (за богатого); б) разъединить любящих; в) из похоти.

Основные персонажи — белые врачи, юристы, причем люди с достатком, вкраплены в список персонажей в необходимой пропорции. Среди действующих лиц мало рабочих, но много бывших воров и проституток.

В одних случаях богатые показаны эгоистами и эксплуататорами, но только отдельные лица, а не массы. Масс вообще нет в этих передачах. В других есть и плохие богачи и хорошие. Хорошие занимаются благотворительностью и ничего не жалеют для своих друзей, которые обычно небогаты.

Большинство из немногих рабочих, которые действуют в передачах, либо стремятся к другим высотам, либо существуют как искусственное дополнение к главным, более процветающим персонажам.

Афроамериканцы и представители других подавляемых национальностей, судя по этим фильмам, почти не существуют. Хотя во многих передачах есть по одному-двум афро-американским персонажам, обычно им придаются второстепенные функции, часто они верные друзья белых героев — и только, своей жизни на экране у них нет...

Итак, что же хотят сказать сериалы?

Первое — все должны стремиться иметь большие дома, горничных, машины и т. д., то есть не быть рабочим классом.

Второе — они предлагают только индивидуальные решения индивидуальных проблем. Нет классового подхода, нет понимания единства или даже силы в массах. Ответы на жизненные проблемы, учат передачи, надо искать глубоко внутри себя.

Третье — они учат, что намерения не менее, если не более, важны, чем действия. Поэтому, если кто-либо не намерен быть расистом, то его расистские поступки не имеют значения.

Сериалы стремятся также внушить людям мысль о том, что жить надо сегодняшним днем, так как неизвестно, что будет завтра. Персонажи сходятся

и расходятся много раз, и период их сравнительного счастья быстротечен. Прочные семейные отношения редко можно увидеть в мире дневного телевидения.

17 февраля 1983 г.

А. Риццо

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ, ИСКАЖЕННЫЕ ДЛЯ «ВАШЕГО ЗРИТЕЛЬСКОГО УДОВОЛЬСТВИЯ»

В течение целой недели начиная с 6 февраля этого года все основное время Эй-би-си было занято марафонской сагой Германа Вука «Ветры войны», беспрецедентного 18-часового искажения истории и банального романа. 18 часов любого материала несколько утомительны, но, признаться, трудно поверить, что (как об этом заявило телевидение) сто миллионов человек не отрываясь смотрели эту плохую игру, плохой сценарий, медленно развивавшийся сюжет, который не годился бы даже для послеобеденного телевизионного сериала.

Фильм основан на романе Вука, вышедшем в 1971 году, и описывает жизнь семьи Генри, каждый член которой вовлекается в международные дела. Роман кончается периодом вступления США во вторую мировую войну.

Двое неприятных, бестактных героев — Виктор Генри — «Мопс», верноподданнический морской командир, с каменным лицом и его глупая жена Рода, вырастили троих немногим более симпатичных детей: Уоррена — морского военного летчика, Мадлену — работницу радиокompании Си-би-си и Байрона, роман и последующий брак которого с американской еврейкой Натали Ястроу составляет вторую линию фильма.

Есть и другие линии: несостоявшийся роман «Мопса» с молодой Памелой Тадсбэри, безудержный роман Роды с Палмером Кэрби, очень подходящим для этого случая джентльменом, который, помимо любовной связи, оказывается, работает еще и над производством атомной бомбы. Показаны

многочисленные и удивительно теплые отношения между германскими нацистами и американцами, которым потребовалось так много времени, чтобы понять, каковы цели Гитлера.

Если учесть, что телефильм начинается в период, когда нацисты вторглись в Эфиопию, Австрию, Рейнскую область, Чехословакию и Испанию, то трудно поверить в то, что кто-либо и, уж конечно, высший военный эшелон в США не понимал, к чему ведут планы Гитлера.

Действие фильма начинается в Берлине в марте 1939 года словами диктора о том, что Германия, в нарушение Версальского договора, начала перевооружение. Но диктор не поясняет, что в этот период на Западе существовали две разные точки зрения: первая — что нацисты представляют собой главную угрозу миру и безопасности и к ним необходимо немедленно принять твердые меры, и вторая — что коммунисты представляют главную угрозу — по крайней мере коммерческим интересам Запада. В одном ключе с этой второй философией, которая широко разделялась американскими капиталистами, было также и предположение, что нацисты успешно разгромят коммунизм и потому заслуживают сочувствия, если не помощи Запада.

Когда начинается действие картины, испанская война подходит к своему трагическому концу и дает очень веское доказательство сотрудничества Запада с итало-германским блоком. В то время как Италия и Германия посылали в Испанию десятки тысяч солдат, артиллерию, танки и летчиков, заявив одновременно о своей политике невмешательства, Рузвельт объявил запрет на поставку военных товаров странам, вовлеченным в гражданскую войну... прекрасно зная, что войска Франко получали все необходимое для их вооружения.

Но ни один из этих фактов не упомянут в фильме. Испания и другие захватнические акции фашистов в 30-е годы не считаются заслуживающими внимания.

С самого начала мы сталкиваемся с «поверхностной» историей. Легкость, с которой искажаются исторические факты, делает из этого фильма не просто состряпанную «мыльную оперу» на фоне

второй мировой войны, а скорее средство для сознательного извращения истории.

В первых частях телефильма Мопс — Генри находится в центре событий: Франклин Делано Рузвельт в восторге, что Генри был одним из первых исследователей, которые предсказали пакт о ненападении между СССР и Германией.

Распространяя выдумку о том, что русские, подписав этот пакт, «продали Запад со всеми потрохами», фильм и не заикается о многих годах бесплодных попыток Советского Союза составить с Западом союз против нацистов. Интересно, кстати, что хотя в фильме приводится многое из романа, но некоторые его части опущены. Например, Лесли Слот, сотрудник американского МИДа, в романе говорит после подписания пакта: «Мой бог! Как англичане напрашивались на него! Союз с Россией был их единственным шансом остановить Германию. У них были годы для этого. Опасения Сталина относительно Германии и нацистов должны были помочь им. И что же они сделали? Бездельничали, суетились, флиртовали с Гитлером и отдали Чехословакию.

Наконец, они послали к Сталину незначительных политиков на тихоходном корабле...»

Но строчки, которые, бесспорно, добавили бы по крайней мере элемент достоверности к в остальном бессодержательному фильму, так и не появились на экране.

Во многих смыслах телевизионная версия «Ветров войны» напоминает работу честолюбивого подростка, который хочет втиснуть в сценарий тексты из учебника, не заботясь о реальном ходе исторических событий.

Удивительно? Да. Оскорбительно? С первого взгляда нет, пока не убедишься, как мимолетно показаны в фильме те немногие (очень немногие) кадры, которые справедливо показывают нацистов теми хладнокровными убийцами, какими они были на самом деле.

Жесткие убийства невинных людей, потоки беженцев, варварские бомбардировки, пытки, истребление евреев — эти сцены мелькают так быстро и так плохо написаны, что возникает мысль, не

сделано ли это специально, чтобы сказать, что эти ужасы были случайными эксцессами, которые допускали отдельные лица...

Редактура — или ее отсутствие в фильме — на грани абсурда. Режиссер Дан Куртис признал, что он использовал весь отснятый материал. Он мог бы на деле легко, не поступаясь содержанием фильма ни на йоту, сократить его на несколько часов. Но тогда, как справедливо заявила газета «Вашингтон пост», «было бы меньше продажного времени под рекламу (по цене 179 тыс. долларов за 30 секунд)».

В фильме поражает не только слабый сценарий, но и неубедительные персонажи. Есть «хорошие» нацисты, которые имеют мужество спорить с Гитлером о существовании проведенных им кампаний. К ним, по мысли авторов фильма, мы должны питать чувство уважения.

Есть благородные, но наивные американцы, которые хотя и антисемиты, но отказываются выдать нацистскому чиновнику своих еврейских коллег.

И конечно, есть непроницаемые русские, которым нельзя доверять. Непонятно, что они — немножко лучше или немножко хуже нацистов?..

В заключение следует задать один вопрос: почему эта постановка — все ее восемнадцать часов, снятые в течение тринадцати месяцев в шести странах и обошедшиеся в сорок млн. долларов, — была показана в середине февраля, то есть в лучшее телевизионное время года?

Газета «Крисчен сайенс монитор» передала мнение социологов, которые отнесли успех фильма во многом за счет тяги американской публики к какому-то национальному согласию, желанию взглянуть на то время, когда существовало согласие в понимании национальных целей. Может быть, это и правда, но, видимо, более точно сказала об этом газета «Вашингтон пост»: «Этот фильм и не претендует на то, чтобы быть антивоенным фильмом, он скорее взывает к периоду войн в более простые времена, когда плохая погода в английском канале могла стать роковой. В своей лучшей части «Ветры войны» туманно возрождают более регулируемые ритмы доядерного мира».

Итак, мы посмотрели историческую сагу — роман — драму — детектив о второй мировой войне. Но ничего не напомнило зрителям о корнях той ужасной войны и об опасных ветрах ядерной войны, которые дуют вокруг нас с еще большей силой.

25—26 февраля 1983 г.

В. Перло

АНТИСОВЕТИЗМ И МИР

Недавно был показан фильм «Нет — первому использованию»...

Главная тема фильма — опасность ядерной войны, которую нельзя начинать ни при каких обстоятельствах, поскольку она уничтожит США, «Россию» и всю Европу. Показаны драматические кадры ядерных взрывов, жертвы Хиросимы и т. д.

Это положительная сторона фильма. Но его негативная часть столь велика, что общую оценку дать довольно трудно.

Позиция фильма заключается в том, что американская стратегия основана будто бы на использовании атомного оружия в ответ на советскую угрозу вторжения в Западную Европу советских обычных вооруженных сил. То есть утверждается, что США не имеют никаких намерений применять атомное оружие, кроме как в случае нападения извне. Отсюда как бы принимается без оговорок то положение, что Советский Союз хочет вторгнуться в Западную Европу и не делает этого только ввиду угрозы ядерного возмездия.

Такое положение представляет собой нагромождение лжи, отражающей пропаганду Рейгана и Пентагона; лжи, предназначенной для создания у населения психологического примирения с возможностью атомной войны. Нет и намека на возможное нападение стран НАТО на социалистические страны, хотя единственной реальной угрозой вторжения в Европе после второй мировой войны была угроза с Запада. Советских угроз не было, не было советской пропаганды, направленной на развязывание войны с

Западной Европой; вместо этого Советский Союз внес много предложений, направленных на разоружение.

Фильм утверждает, что у Советского Союза огромное преимущество в обычных вооружениях в Европе, хотя военные эксперты и капиталистических и социалистических стран сходятся в признании существующего равенства...

Политическая необъективность фильма состоит и в том, что в нем даже не упоминается ни обязательство Советского Союза не применять первым атомное оружие, ни многие другие инициативы по разоружению.

Фильм лишь походя касается движения за замораживание атомного оружия. Нет ни слова о ядерном или обычном разоружении, о многочисленных резолюциях ООН, поддержанных социалистическими странами и большинством членов этой организации.

Вместо поддержки разоружения и разрядки фильм призывает к увеличению обычных вооружений, чтобы противостоять несуществующей советской угрозе вторжения в Западную Европу. Выступающие в фильме создают бесспорное впечатление, что они полны враждебности к Советскому Союзу.

В фильме приводятся доводы Роберта Макнамары и Джерарда Смита в пользу увеличения направленных против СССР обычных вооружений и вооруженных сил, но не говорится о том, что эти же авторы в журнале «Форен аффейрз» более точно показывают нереальность так называемой советской угрозы.

Защитники грубого антисоветизма говорят, что необходимо объединить правые антисоветские силы и активистов движения за мир в общем движении за неприменение первыми ядерного оружия. Но мир нельзя выиграть стряпней, состоящей из правых предрассудков или попыток впрыснуть в движение защитников мира инъекцию рейгановского антисоветизма, облаченного в «мирный» халат.

Концепция неприменения атомного оружия первыми не изолирована от других проблем, как и движение за замораживание атомного оружия. Она тесно связана с такими неотложными проблемами,

как борьба против «Першингов-2», крылатых ракет, «МХ» и другого оружия первого удара, с борьбой за сокращение военного бюджета и за достижение фундаментальных соглашений с СССР по разоружению.

21 апреля 1983 г.

Р. Тайсон

ОСКОРБЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТА

Прекратится ли производство этих утомительных четвероградных фильмов, называемых «фильмами ужасов»?

Вот несколько последних примеров. «Мертвый дьявол» — о пяти молодых людях, которые не обладают достаточным умом, чтобы убежать из домика, который они сняли и в котором происходят невероятные вещи...

Мое ощущение скуки от этих «фильмов ужасов» и страха началось очень давно. Не помню, сколько мне было лет, когда я увидел в первый раз Бориса Карлова в фильме «Мамми», но я хорошо помню, что большого впечатления он на меня не произвел. Я не мог себе представить, как ему удастся всех поймать. Двигаясь со скоростью примерно мили в час, он никогда не смог бы догнать меня. Вскоре я посмотрел «Франкенштейна», и у меня возник тот же вопрос: если у него такие огромные ноги, то каждый, кто, может быть, и не слышал, как чудовище подходит к нему, должен по крайней мере чувствовать, как колеблется пол. Я опять не мог сообразить, как ему удастся схватить свои жертвы.

Но дело пошло еще хуже, когда вышел «Человек-волк». Конечно, оборотни бегают быстро, и если их челюсти сошлись у вас на горле, то вам конец. Но у них, оказывается, существует привычка выть перед нападением. Так скажите, кто в здравом уме будет ночью в полнолуние бродить по улицам после того, как в центре Лондона раздастся вой волка?

Затем чудовищем стал «Дракула». Бела Лугози не только был очень похож на своего героя, но у него я мог понять, как Дракула или другой вампир

подкрадывается к жертве. Вампиры — трусы. Бывает, что собака подходит к вам, виляя дружелюбно хвостом, а затем прокусывает вам ногу. Я не люблю собак и не позволю ни одному псу проделать со мной такую штуку. Поэтому, зная все о вампирах, о крестном знамении, чесноке, деревянном коле и святой воде, я бы не посоветовал вампиру появляться даже вблизи от меня, если он не хочет попасть в неприятную историю.

Поэтому всерьез можно говорить только о таких огромных чудовищах, как Годзилла. Когда они становятся такими огромными, то тут уж вас может убить под обломками здания, вас может изжарить огонь дракона, как бы быстро вы ни бежали.

В 50-х годах был фильм «Зверь о 20 000 саженей», о динозавре, который пытался разрушить Нью-Йорк. Я никогда не забуду сцену, в которой один из нью-йоркских полицейских шел по улице навстречу динозавру вместо того, чтобы бежать в противоположном направлении. И он не только шел, но и палил в динозавра из своего пистолета. Это напоминало схватку слона с комаром. Динозавры не боятся пистолетов, но полицейскому нужно было лично убедиться в этом.

Эта сцена подводит нас к главной мысли о «фильмах ужасов». Демоны — это не реальные вещи, которых надо бояться. Бояться надо людей, которые бездумно шатаются по соседству от чудовищ. Например, в «Мертвом дьяволе» что-то вселяется в молодую женщину, она поднимается в воздух, меняет окраску и произносит слова вроде: «Мы сейчас тебя убьем». Если после этого кто-то остается на месте, то он заслуживает того, что потом произойдет. Большинство разумных индивидов покинут место действия, увидев, что пули не действуют и что дьявол продолжает двигаться на вас, бормоча, что он собирается убить вас.

Но не так в «фильмах ужасов».

В фильме «Мавзолей» ситуация еще хуже. Муж одержимой женщины находится рядом в то время, как с ней происходят превращения, по сравнению с которыми бледнеет роль Линды Блэр в фильме «Экзорсист». Я верю в любовь, но когда ваша любимая хватает большой нож и идет к вам с го-

рящими глазами, дымящимся ртом и стоящими на голове волосами, то наступает время забыть о клятве, которую вы дали на свадебной церемонии — быть с ней «в болезни и здравье». Ни один судья не осудил бы мужа за то, что он покинул свою жену в беде при таких обстоятельствах. А наш супруг остается на месте и спрашивает жену: «Что с тобой, дорогая?»

Единственный разумный персонаж в фильме — это домовладелец, который собирает пожитки и уезжает, когда в доме начинаются «странности».

Наверное, мы не увидим ни одного так называемого «фильма ужасов», который не наносил бы оскорбления интеллекту среднего американца. Но может быть, чудовища будут продолжать уничтожать всех дураков, которые шляются вокруг них, ожидая своей участи. Тогда уже не будет жертв для чудовищ. А без жертв нет смысла и снимать фильм о чудовищах.

7 июня 1983 г.

Р. Тайсон

ЕЖЕГОДНАЯ ГОНКА ГОЛЛИВУДА ЗА ЛЕТНИМ ДОЛЛАРОМ

Во время ежегодных летних каникул от подростков и детей ожидается, что они положат миллионы долларов в кассы кинотеатров в обмен на билеты. Понимая это, Голливуд ежегодно устраивает большой шум вокруг летних фильмов — то есть выпущенных в мае, июне, июле и августе.

Если картина выходит на экран в июле, а скажем, не в августе, то это зависит от стратегии рынка, а не от ее формы или содержания. Но есть определенные общие моменты. Обычно это фильм действия, осовремененные и полнометражные продолжения старых сериалов. Герои четко делятся на хороших и плохих парней. В большинстве это фильмы для семейного посещения, что обычно и составляет их основную привлекательность.

В этом году ежегодная гонка за долларом началась с выпуска фильма «Синий Гром», главной

звездой которого стал вертолет, предназначенный для американских ВВС.

Снабженный шпионскими камерами, подслушивающими аппаратами, самыми современными суперкомпьютерами и, кроме того, всеми видами вооружения, он похищается и в конце концов уничтожается полицейским из Лос-Анджелеса, который узнает, в каких целях хотят использовать этот вертолет власти.

Типажи из национального агентства безопасности (что-то вроде ЦРУ и ФБР, вместе взятых) в фильме не останавливаются перед тем, чтобы ликвидировать городского чиновника, который узнает об их планах спровоцировать общественные беспорядки, для того чтобы «по-настоящему» испытать вертолет. Хотя «Синий Гром» показывает военных ястребов и безумных сторонников лозунга «право и порядок» в виде неандертальцев, чем они на деле и являются, его основная мысль состоит в том, что существующая система превосходна, но что есть несколько параноиков, которые хотят сделать жизнь ужасной, злоупотребляя данной им властью. Впрочем, ничего другого от Голливуда нельзя и ожидать.

Специальные киноэффекты, которые вознесли «Синий Гром» на вершину экономического успеха, были лишь предисловием к фильму, которого, по словам Голливуда, ждал весь мир: «Возвращение Джеджи». В нем было мало неожиданностей. Специальные эффекты и трюки были поразительными. «Хорошие» парни побеждают, Ганс Соло обручается с принцессой Леа, и почти все после этого живут счастливо. Фильм был сделан с воображением, привлекательно аранжирован и мастерски рекламирован. 29 мая фильм принес больше шести млн. долларов — рекордная сумма доходов за один день.

Но его содержание, однако, породило много вопросов. Беря за основу классические европейские эпические истории, традиционную европейскую литературу и современную американскую фантастику в области литературы, кино и театра, Джордж Лукас создал вселенную, где цветное население служит лишь периферийными типажими. В фильме есть чужестранцы всех цветов кожи, размеров и форм. Но земляне представлены только белой расой.

В наши дни Голливуд иногда скупно подкидывает парочку цветных героев, чтобы избежать критического обвинения в проведении политики сегрегации. Есть небольшая цветная роль (Ландо) и в этом фильме, но в своей основе в нем играют белые.

Одним из лучших летних фильмов был, несомненно, «Военные игры». В фильме школьник неожиданно подсоединяет свой домашний компьютер к американской военной системе атомной тревоги. В результате на экране — комедия по уровню выше среднего, в которой показано, как военных одурачили свои собственные компьютеры, заставив их поверить, что Советы нажали кнопку пуска ракет. Смысл фильма — разоружайтесь, пока не поздно.

«Военные игры» идут в рамках лучших традиций других фильмов, которые, в большей или меньшей степени, призывают к разуму в американской внешней политике.

Поскольку американская кинопромышленность столь же огромна, как, скажем, и автомобильная промышленность, то она требует огромного количества денег и главного кинопрокатчика, чтобы донести фильм до десятков миллионов людей. Элита общества делает фильмы о самих себе. Их продукция окрашена не только идеологической ориентацией, но также и позицией, которую они занимают на иерархической лестнице в обществе. Это также одна из причин, почему образы афроамериканцев в голливудской продукции так искажены. У парней, находящихся у кормила киноиндустрии, нет какого-либо значительного социального общения с афроамериканской частью населения.

И по этой причине фильм «Меняясь местами» вызывает такое отвращение. В нем есть неплохие места, но карикатура на афро-американскую реальность не вызывает смеха, особенно учитывая, что политика администрации Рейгана направлена на то, чтобы обречь миллионы черных — и вообще десятки миллионов рабочих — на постоянную безработицу, неполный рабочий день и нищету. Фильм построен на современной теме Принца и Нищего. В нем показаны все стереотипы черных.

То, что Голливуд считает смешным, на деле при ближайшем рассмотрении выглядит далеко не так.

Выступая по телевидению, известный черный актер Билл Косби сказал: «Дело в том, что афроамериканцы должны играть роли, которые бы не обязательно подчеркивали их цвет кожи. Слишком часто сценаристы, продюсеры и режиссеры заявляют, что «в этом фильме нет роли для черного». Они имеют при этом в виду, что в фильме не участвуют горничная, проводник вагона, либо нищий или одинокая женщина, живущая на пособие, либо насильник. Если же в фильме есть роли врача, или юриста, или просто девочки, идущей в школу, или редактора газеты, или летчика, или коммерсанта, то в картине нет роли для черного».

25 августа 1983 г.

О. Олсон

КЛЕВЕТА ПОД ВИДОМ ЛИТЕРАТУРЫ

Пятнадцать лет назад только ультраправые группы типа общества Д. Берча осмелились бы опубликовать такой роман, как «Монимбо» Р. Мосса и А. Борчгрейва.

Вероятно, лишь усилением влияния крайне правых элементов можно объяснить тот факт, что «солидное» издательство «Саймен и Шустер» (являющееся частью нефтяной фирмы «Галф энд вестерн ойл») взялось за выпуск этого диковинного реакционного опуса. Монимбо — это неприкрытый клеветнический выпад против Советского Союза, Никарагуа, Кубы, национально-освободительного движения, движений за гражданские права и солидарность.

Является ли совпадением тот факт, что выход книги состоялся в то время, когда американский морской флот угрожает Никарагуа прямым вторжением?

Или же то, что книга выходит в то время, когда опросы населения США показывают, что подавляющее большинство американцев не знают, кого США поддерживает в Центральной Америке? И случайно ли то, что книгу сначала хотели выпустить осенью 1982 года, затем перенесли на апрель

1983 года и затем снова перенесли на осень этого года?

Сама по себе книга столь примитивна, что в обычных условиях на нее просто не надо было бы обращать внимания, как на выдумку крайне правых параноиков. Но есть несколько факторов, которые заставляют глубже взглянуть на проблему: время выхода книги, широта, с которой она рекламировалась (целая страница в книжном обзоре газеты «Нью-Йорк таймс»), положительные рецензии в той же газете.

Мосс и Борчгрейв уже обратили на себя внимание два года назад другой книгой в духе Берча — «Прокол». В этой книге они предавались маккартистским вымыслам, включая утверждение, что средства массовой информации США тайно помогали Советскому Союзу.

В 1981 году Борчгрейв продолжил свои инсинуации, обвинив журналы «Прогрессив» и «Мазер Джоунс» вместе с газетами «Виллидж войс» и «Сохо ньюс» в том, что они являются частью советской «сети дезинформации». Эти обвинения были сделаны в интервью Борчгрейва другому одержимому реакционеру — республиканскому сенатору Дентону из Алабамы, председателю сенатской подкомиссии по безопасности и терроризму.

Обвинения получили гневный отпор от журнала «Прогрессив», но пленка с интервью уже была разослана сенатской республиканской конференцией в адрес сотен радиостанций.

И Мосс, и Борчгрейв используют маску respeitability, чтобы распространять свою ложь. Борчгрейв был главным зарубежным корреспондентом журнала «Ньюсуик» и получил много призов за репортерскую работу. Мосс был редактором журнала «Экономист» и писал статьи в периодические издания, включая «Нью-Йорк таймс магазин» и «Нью ри-паблик». Неискушенным читателям книги «Монимбо» легко поверить, что она написана знающими экспертами и, даже несмотря на абсурдность самого сюжета, в реальность хотя бы части того, что написано.

Сюжет книги развивается вокруг «заговора», в котором участвуют советские люди, Фидель Кастро, руководство сандинистов, Организация

Освобождения Палестины, представитель Коста-Риканской коммунистической партии, представитель Гренады, Гаити, Ямайки, Панамы и, конечно, США. Заговорщики встречаются в городе Монимбо, в Никарагуа, по случаю первой годовщины сандинистской революции в июле 1980 года.

Заговор, называемый в книге «план Монимбо», ставит своей целью разжигание расовых противоречий, террористические акты и саботаж в США с тем, чтобы парализовать страну и, как говорит реклама книги, «поставить Америку на колени».

Центральным злодеем заговора является некто Хулио Пароди, кубинский эмигрант-миллионер, имеющий связи с ЦРУ, который выступает на публике как антикоммунист, но на деле руководит операцией по провозу наркотиков, в которую вовлечены правительство Кубы и, хотите верьте, хотите нет, революционное движение М-19 в Колумбии.

Главный герой — бродячий репортер Р. Хоукни, который впервые появился в книге «Прокол». По ходу действия книги жену Хоукни убивают два эмигранта, нью-йоркский торговый центр взлетает на воздух, а городскую систему энергоснабжения выводят из строя.

Фиделя Кастро дважды «убивают» у морской базы в Гуантанамо, улицы Майами полны насилия; американского сенатора, главу возрожденной комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, похищают и убивают кубинцы, выступающие под видом пуэрто-риканских террористов; разочарованный молодой сандинист перебегает через границу с деталями плана Монимбо; «умеренный» лидер движения за гражданские права объединяется с Хоукни после того, как срывается покушение кубинцев на его жизнь.

В ходе борьбы Хоукни против злодейского заговора и за сохранение «американского образа жизни» использованы все возможные реакционные клише и подтасовки. Читателя ведут от одной лжи к другой. Вот несколько примеров.

Кастро использует отъезд эмигрантов-кубинцев, чтобы заслать тысячи кубинских агентов в США.

Националистическое движение «черных» в США связано с насилием, исламом и коммунизмом.

Движением протеста против американской агрессии в Латинской Америке руководят кубинцы.

Восстание в гетто в Майами в 1980 году было организованной кубинцами генеральной репетицией «плана Монимбо».

Движение за независимость Пуэрто-Рико и террористы связаны воедино.

Значительным и не неожиданным аспектом книги является попытка оклеветать афро-американскую борьбу за равноправие и роль в ней коммунистов.

Роман энергично повторяет злобные утверждения, на которых специализировались крайне правые группировки типа общества Джона Берча, ку-клукс-клана за последние двадцать пять — тридцать лет. Коммунисты изображены подогревающими расовую ненависть. Истина же, которую хорошо знают Мосс и Борчгрейв, состоит как раз в том, что именно крайне правым и их капиталистическим хозяевам нужна расовая вражда, чтобы разделять народы. Коммунистическая партия США, как и Коммунистическая партия Южной Африки, как и коммунистические и рабочие партии во всем мире, выступают и борются за многонациональное единство и содружество народов, которое ведет к созданию единого фронта против общего врага — капитализма.

Основная опасность книги состоит в том факте, что очень мало людей в США знают об истинном положении дел в Латинской Америке. До того как начался подъем национально-освободительного движения в Центральной Америке, средства массовой информации вообще ничего не писали об этом районе. В школах не учили историю Латинской Америки.

Правящий класс США опасается, что население страны узнает правду о Латинской Америке и об отрицательной роли, которую играют там США.

Но растущий интерес к этому району заставляет правящий класс снимать завесу молчания.

Теперь они вынуждены полагаться на дезинформацию Мосса и Борчгрейва в книгах типа «Монимбо», чтобы пытаться привлечь американскую общественность на сторону своего проигранного дела.

22 сентября 1983 г.

Перевод с английского В. Нестерова

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства * 5

РЕПОРТАЖ ИЗ ЗОНЫ «АМЕРИКАНИЗМА»

<i>В. Некрасов.</i> Американский «рай», оборачивающийся «преисподней» *	10
<i>С. Кондрашов.</i> В зеркале одной малой войны *	37
<i>А. Толкунов.</i> Боб Хоукни и другие (<i>На книжном прилавке и в реальной жизни</i>) *	86
<i>Г. Васильев.</i> Возвращение Гайаваты *	121
<i>П. Шютт.</i> Америка: маршрутами не для туристов. <i>Перевод с немецкого Э. Венгеровой</i>	160
<i>Т. Колесниченко.</i> Черный «кадиллак»	193
<i>А. Лауринчюкас.</i> Рыцари истерии и гранит мудрости	200
<i>В. Коротич.</i> Шрамы на душе	223
<i>Ю. Рытхэу.</i> Пусть разойдутся тучи	230

«СОВЕТОЛОГИЯ» АТАКУЕТ ИСТИНУ

<i>А. Беляев.</i> Чернильные кули американской «советологии»	238
<i>А. Чаковский.</i> Во всеоружии правды	254
<i>М. Маслин.</i> В мутном зеркале «советологии» *	262

ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ КУЛЬТУРЫ

1

<i>Н. Федоренко.</i> На путях международного литературного общения	290
<i>В. Баскаков.</i> Экранная агрессия в эпицентре идейного противоборства *	319
<i>К. Разлогов.</i> Буржуазная культура на волне неоконсерватизма	355
<i>Н. Покровский.</i> Свобода и насилие в «городе на холме» *	376
<i>В. Шестаков.</i> Искусство тривиализации: некоторые теоретические проблемы «массовой культуры»	403
<i>А. Мулярчик.</i> На литературной обочине (<i>Современная «массовая беллетристика» США</i>)	429

- А. Рефрежье. Художник и время. Перевод с английского В. Нестерова* 453
- Д. Олдридж. Враги культуры у нашего порога. Перевод с английского М. Эндера* 465

- По страницам газеты «Дейли уорлд». Перевод с английского *В. Нестерова* 489

**ЗААТЛАНТИЧЕСКИЕ МИФЫ
И РЕАЛЬНОСТЬ**

**Политика и культура:
свидетельства очевидцев**

Составители *Никита Николаевич Сибиряков и
Никита Евгеньевич Покровский*

Редакторы *А. Коган и А. Старков*
Художественный редактор *А. Максимов*
Технический редактор *М. Плешакова*
Корректор *Г. Асланянц*

ИБ № 3660

Сдано в набор 06.03.84. Подписано к печати А13903.30.07.84. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Усл. печ. л. 26,88. Усл. кр.-отт. 27,51. Уч.-изд. л. 25,99. Тираж 75 000 экз. Изд. № IX-1400. Заказ № 109. Цена 95 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгения Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.

TIME
Feeling Super in Detroit
Iran Frees A Hostage

Newsweek
Neo-Nazi Horror

LIFE

NEWS
D REPORT
No. 2
"Next President"

U.S. NEWS
WORLD REPORT
Via AIR SPEED
Steel Mill to Save on Fuel
Cheating in College Becomes an Epidemic

FORTUNE
HAPPY DAYS AT AMERICAN STANDARD
The 100 Most Powerful Companies in America

TIME
Coping with

